

ISSN 0042—8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

9/95

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

9/95

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Н. А. Проскурякова** — Ипотека в России в конце XIX — начале XX веков 3
- А. Б. Летнев** — Африканцы в боях за освобождение Южной Европы (1943—1945 гг.) 19

ЦИВИЛИЗАЦИИ МИРА

- К. В. Хвостова** — Византийская цивилизация 32

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- В. А. Субботин** — Васко да Гама 49

ВОСПОМИНАНИЯ

- В. К. Иков** — Листопад 69

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

- Дневник Николая Михайловича Дружинина (Вступительная статья **Е. И. Дружининой**) 92

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Генерал А. И. Деникин — Очерки русской смуты 112

ИЗ АРХИВА ИСТОРИКА

В. С. Дякин — Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) 130

СООБЩЕНИЯ

А. Б. Мазуров — Утверждались ли духовные грамоты Ивана Калиты в Орде? 143

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Б. Вайль — Судьба Александра Улановского 154

В. В. Лаптенков — Как сражалась древнегреческая фаланга 159

ИСТОРИОГРАФИЯ

Н. И. Егорова — Коминформ. Протоколы трех конференций 1947/1948/1949 164

В. А. Бердинских — Земство. Архив провинциальной истории России 166

Л. М. Брагина — И. М. Гарскова. Базы и банки данных в исторических исследованиях 167

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

В. Р. Котельников — Данди-Внуково: полвека назад 171

В. А. Бронштэн — Георгий Трапезундский 173

Ипотека в России в конце XIX — начале XX веков

Н. А. Проскуракова

Ипотека (залог недвижимого имущества с целью получения долгосрочной ссуды под низкий процент) переживает в России второе рождение¹. Институт этот представляет собой форму залога, наиболее отвечающую потребностям поземельного кредита. В России первые указы о залогах появились в XVI веке. С установлением залога кредитору передавалось владение заложенным имуществом. Пока еще не осознавалось разницы между владением и собственностью. Залог имел по существу характер отчуждения. Закладная и купчая считались актами близкими между собой. В случае неосуществления должником выкупа закладная превращалась в купчую. Эта система была окончательно отменена банкротским уставом 1800 г., существенная часть постановлений которого, касающаяся залогового права, вошла в состав законодательства XX века².

Еще в дореформенную эпоху в России было создано несколько кредитных учреждений, выдававших ссуды под залог помещичьих населенных имений. Среди этих учреждений главное место занимал Государственный заемный банк, основанный в 1786 году. Кроме него были Дворянский банк (1754—1786 гг.), Петербургская и Московская сохранные казны, Приказы общественного призрения³. В отличие от других стран, где предметом залога была земля, в России закладывались «крепостные души». Из общего их количества (около 11 млн. человек) 65% (7 млн. человек) было заложено на сумму 425 млн. рублей. В 1860 г. государственные дореформенные ипотечные кредитные учреждения были ликвидированы, а долги погашены государством в ходе выкупной операции.

Становление ипотечного кредита после 1861 г. было обусловлено прежде всего потребностям помещичьего хозяйства, столкнувшегося с трудностями пореформенной «перестройки». Дворяне сохранили в ходе отмены крепостного права недвижимость, но не имели больших капиталов. Средств, полученных ими в ходе выкупной операции (264,5 млн. руб. за вычетом долгов дореформенным кредитным учреждениям) было далеко не достаточно, чтобы приспособиться к новой экономической ситуации.

В силу ряда обстоятельств — сравнительной слабости кредитной системы, недостаточности развития правильно организованной внутренней торговли, плохого состояния путей сообщения — помещики, особенно в первые пореформенные десятилетия, не могли широко пользоваться вексельным

Проскуракова Наталья Ардалионовна — доктор исторических наук, профессор Московского педагогического университета.

и подтоварным кредитом. Нужна землевладельцев в средствах в значительной степени была удовлетворена за счет поземельного долгосрочного кредита. Обладая недвижимостью, можно было легко получить большие ссуды на продолжительные сроки. Крестьяне, стремясь приобрести землю, но не имея для этого наличных средств, также обращаются к ипотеке.

Большой спрос на ипотечные ссуды имел место и в городах среди владельцев городской недвижимости (домовладельцев) из мещан и купцов. Оживление предпринимательской деятельности, рост предложения фондовых ценностей в связи с начавшейся уже в 70-е годы XIX в. первой волной акционерного учредительства, особенно в купеческой среде, требовали больших наличных средств. Уже в середине 60-х годов XIX в. в России стали появляться новые ипотечные учреждения, основанные на капиталистических принципах. К концу 80-х годов XIX в. сложилась система ипотечного кредита, состоявшая из сословных и земских, взаимных и акционерных, частных и государственных кредитных учреждений. Она включала Земский банк Херсонской губернии (основан в 1864 г.), Общество взаимного поземельного кредита (основано в 1867 г., а в 1891 г. преобразовано в Особый отдел Дворянского земельного банка), 10 акционерных земельных банков (основаны в 1871—1872 гг.), 36 городских общественных банков, находившихся в ведении городских властей (247 в 1900 г. и 319 в 1914 г.), государственные земельные Крестьянский (с 1882 г.) и Дворянский (с 1885 г.) банки. С 1871 по 1892 г. выдавал ипотечные ссуды Саратовско-Симбирский акционерный земельный банк. Из дореформенных сословных ипотечных учреждений продолжал действовать Нижегородский Александровский банк, а Александринский Тульский был ликвидирован в 1890 году. На окраинах империи продолжали действовать местные ипотечные учреждения дореформенного периода. В Закавказье возникли также Дворянский земельный банк Тифлисской губернии (в 1875 г.), Дворянский Михайловский банк Кутаисской губернии (в 1876 г.).

Ипотечные банки предоставляли долгосрочные (до нескольких десятков лет) ссуды под залог недвижимости: частных земель в сельской местности и домов (строений) в городах. Средства для выдачи ссуд банки накапливали за счет выпуска и реализации главным образом ипотечных облигаций — закладных листов. Эти облигации были обеспечены заложенным в банке имуществом. Они продавались на фондовых биржах по определенному курсу. Прибыль банку давала разница между величиной процента, который выплачивал заемщик за предоставленный кредит, и величиной процента, который банк платил держателям закладных листов.

Главную роль в системе ипотечного кредита играли акционерные и государственные ипотечные банки. С начала 70-х годов XIX в. вплоть до 1917 г. действовали Московский, СПб-Тульский, Виленский, Ярославско-Костромской, Бессарабско-Таврический, Донской, Киевский, Харьковский, Полтавский, Нижегородско-Самарский акционерные земельные банки. Учредителями банка являлись, с одной стороны, крупнейшие банкиры и банкирские дома (из 99 физических и юридических лиц — 11: братья Поляковы, братья Елисеевы, А. К. Алчевский, И. Е. Гинцбург, Л. М. Розенталь, Ефруси и К^о, П. Ф. Родоконали, И. Скараманга и др.). С другой — представители верхов дворянства и бюрократии (дворяне и сановники составляли 67 человек из 99): князя Д. Д. Оболенский, А. П. Трубецкой, А. И. Барятинский, В. А. Черкасский, М. В. Кочубей, А. С. Кудашев, графы Н. В. Левашов, А. С. Платер, Н. Н. Зубов, М. Платов, Н. Орлов-Денисов и др.⁴ Каждый из банков имел свою территориальную сферу деятельности, иногда взаимоперекрывающуюся. В целом они охватывали территорию всей Европейской России, за исключением Прибалтики и Царства Польского, где действовали почти исключительно местные кредитные учреждения.

По Уставам открытие действий банков могло осуществляться лишь после фактической оплаты не менее 25% акционерного капитала. Сумма выпущенных в обращение закладных листов не должна была более чем в 10 раз превышать сумму складочного и запасного капиталов банка. Часть складочного капитала, составляющая 1/12 находившихся

в обращении закладных листов, должна была храниться в государственных процентных бумагах. Запасной капитал (за некоторым исключением по Харьковскому, Киевскому, Московскому земельным банкам) также должен был храниться в Государственном или гарантированных правительством бумагах или в Государственном банке. Акционерные земельные банки выдавали долгосрочные (под залог земель сроком до 66 лет; под залог городской недвижимости сроком до 56 лет) ссуды в размере до 60% их оценки. Краткосрочные ссуды (сроком на 1—3 года) не превышали 10% оценки ⁵.

Акционерные земельные банки в связи с начавшимся бурным городским и промышленным строительством стремились к расширению ипотечного кредита в городах. Однако правительство в интересах землевладельцев законом от 29 апреля 1902 г. ограничило их городские операции $\frac{1}{3}$ общего итога непогашенных ссуд ⁶. За предоставленные ссуды заемщики выплачивали 6,5—5% годовых. По закладным листам банки платили 6%, а затем с понижением до 5% и даже до 4,5%.

Согласно уставам, банки выдавали ссуды закладными листами, а их реализацию могли брать на себя только по просьбе заемщиков. Однако зачастую банки, не спрашивая заемщиков, сами реализовали закладные листы, а затем вручали заемщику сумму денег соответствующую определенному курсу.

Акционерные земельные банки действовали при поддержке и под контролем правительства. Органом, непосредственно осуществлявшим за ними контроль, была Особенная канцелярия по кредитной части Министерства финансов. Правительство утверждало распределение районов действий акционерных земельных банков, устанавливало нормы оценки имений, порядок выдачи ссуд (каждая из ипотечных ссуд должна была утверждаться кредитной канцелярией), контролировало выпуск акций и закладных листов, содействовало их финансовой деятельности, обеспечивало (с 80-х годов XIX в.) взаимодействие акционерных земельных банков с открытыми тогда государственными — Дворянским и Крестьянским банками.

Закладные листы частных банков в случае их банкротства имели солидное обеспечение: ликвидацию их дел и обеспечение держателей их обязательств брало на себя государство. В конце 90-х годов XIX в. правительство взяло на себя помещение закладных листов, передав их в сберегательные и эмеритальные кассы.

Формально акционерные земельные банки имели всесословный характер. Главными заемщиками в конце XIX в. были дворяне, на которых приходилось около $\frac{2}{5}$ от общего числа клиентуры. Однако в ряде банков (Ярославско-Костромском, СПб-Тульском, Нижегородско-Самарском), обслуживавших развитие промышленно-торговые губернии, заметную группу среди заемщиков составляли купцы. Лишь на юге России, где развивалось фермерское крестьянское хозяйство на базе буржуазной земельной собственности, крестьяне активно пользовались ипотечным кредитом (повидимому, прежде всего для покупки земли). Об этом свидетельствуют данные по Донскому и Бессарабско-Таврическому банкам, где на долю крестьянства приходилось соответственно 25,6% и 15,1% кредита. Удельный вес мещан-землевладельцев, как правило мелких, в общей сумме долга повсеместно был незначительным ⁷.

Координация деятельности акционерных, земельных банков и их контакт с правительством осуществлялись съездами и Комитетом съездов представителей земельных банков, постоянно действовавшим в промежутках между съездами (за 45 лет состоялось 13 съездов). Положение о создании Комитета съездов было утверждено царем в 1876 году. Председатель Комитета назначался царем, вице-председатель — министром финансов, пять членов избирались земельными банками. На Комитет было возложено издание материалов съездов, представление министру ходатайств съездов и соображений по общим вопросам, относящимся к учреждениям поземельного кредита. Состав Комитета менялся после каждого съезда ⁸.

Уже с конца XIX в. акционерные земельные банки имели тесные связи

с коммерческими банками. Главными формами этих связей были владение акциями, личная уния, ведение финансовых операций. Среди учредителей, членов правлений, крупных акционеров земельных банков было много представителей важнейших финансовых групп. Председателем правления Полтавского земельного банка был С. С. Хрулев — председателем правления Международного банка, одного из крупнейших банков России. Киевский земельный банк возглавил П. К. Скордели — член Совета Международного банка. Председателем правления Нижегородско-Самарского банка был П. Г. Солодовников — член советов двух крупнейших коммерческих банков — Международного и Азовско-Донского. Московский и Ярославско-Костромской земельные банки возглавлялись представителями семейства Поляковых, одной из крупнейших финансовых группировок. Харьковский земельный банк (в начале XX в.) возглавлял П. П. Рябушинский — глава крупной московской финансово-промышленной группы, руководитель Московского банка бр. Рябушинских. Председатель правления Азовско-Донского банка Б. А. Каменка был крупным акционером Московского земельного банка, директор СПб. Международного коммерческого банка А. И. Вышнеградский — СПб.-Тульского земельного банка и т. д.⁹

Акционерные коммерческие банки вели финансовые дела акционерных земельных банков: расчеты с акционерами, расчеты по ипотечным ссудам, выпуск и реализация акций и закладных листов. Акционерные земельные банки имели вклады и текущие счета в коммерческих банках¹⁰. Накануне первой мировой войны акционерные земельные банки контролировались важнейшими финансовыми группами. Наиболее тесно с ними были связаны группы Международного, Азовско-Донского, банков Поляковых, Рябушинского, Русского для внешней торговли и Учетного и ссудного банков. В предвоенные годы усиливается интерес к ипотечному кредиту групп Русско-Азиатского и Сибирского торговых банков. Иностранный капитал был связан с ипотечным кредитом в России главным образом через посредство российских банковских монополий.

Финансовое положение большинства акционерных земельных банков было прочным на протяжении всего периода их деятельности. (Исключение составляют Саратовско-Симбирский банк, прогоревший в конце 80-х годов XIX в., Харьковский банк, потерпевший в 1901 г. крах и Ярославско-Костромской, неоднократно испытывавший финансовые затруднения.) Первоначальный (уставной) капитал 10 банков в 1873 г. составлял 13,5 млн. рублей. К 1 января 1915 г. складочный капитал вырос почти в 7 раз и равнялся 91,4 млн. руб., запасной капитал при этом был равен 51,1 млн. рублей.

«Плавный» рост складочного (акционерного) капитала земельных банков определялся стабильно высокими размерами их чистой прибыли, которая за два с небольшим десятилетия выросла более чем в 2 раза (с 7,2 млн. руб. до 16,3 млн. руб. в год)¹¹. Характерен состав прибыли акционерных земельных банков. Прибыль от долгосрочных ссуд составляли примерно половину, другую часть прибыли давали краткосрочные ссуды и принадлежавшие банку ценные бумаги. Если в самом начале XX в. последняя статья прибыли равнялась примерно $\frac{2}{3}$ (1901 г. — 40%; 1902 г. — 39%; 1903 г. — 38%), то в 1913—1916 гг. она достигла половины чистой прибыли.

Согласно закону, акционерные земельные банки помещала свои капиталы — акционерный и запасной — в государственные и гарантированные правительством процентные бумаги. Каждое увеличение капиталов означало в обязательном порядке новое приобретение этого вида ценных бумаг. Сумма процентных бумаг, принадлежавших земельным банкам увеличилась с 82,4 млн. руб. в 1904 г., до 118,1 млн. руб. в 1913 году¹². (Это составляло 80% совокупного капитала в 1904 г. и 84% в 1913 году.) Таким образом правительство за 10 лет получило от акционерных земельных банков дополнительный заем в 36 млн. рублей. Обязанность помещать большую часть своих капиталов в государственные банки превращали акционерные земельные банки в кредиторов государства. В то же время акционерные земельные банки получили процент по этим бу-

магам, а главное — право вести операции в размерах, в 10 раз превышающих сумму акционерного и запасного капиталов.

По официальным данным, доля «частных ипотечных учреждений» в общей сумме государственных процентных бумаг, принадлежавших всем финансово-кредитным учреждениям на 1 января 1912 г., составляла по процентным бумагам, выпущенным в рублях, равных $\frac{1}{15}$ империала — 25,2%, а по процентным бумагам, выпущенным в рублях, равных $\frac{1}{10}$ империала и иностранной валюте — 31,7% (в том числе доля акционерных коммерческих банков равнялась соответственно 23,2% и 64,8%)¹³.

Являясь держателями государственных процентных бумаг, акционерные земельные банки одновременно (в числе других негосударственных ипотечных учреждений) выступали конкурентами государства на внутреннем рынке твердопроцентных бумаг, причем эта конкуренция усиливалась. Если в четырехлетие 1901—1904 гг. выпуск частных ипотечных бумаг составил по номинальной стоимости 46,7% по отношению к выпуску облигаций внутренних государственных и гарантированных займов, то в 1909—1912 гг. — 79,8%, при этом 37% всего прироста приходилось на акционерные земельные банки¹⁴.

Им на рынке российских ипотечных бумаг принадлежало первое место. Из общей суммы всех фондовых ценностей (государственных и частных) в 1913 г. (21 млрд. руб.) на ипотечные облигации приходилось 24% (5 млрд. руб.). Из них доля акционерных земельных банков составляла 24,4% и 41% среди частных ипотечных бумаг¹⁵.

Закладные листы и акции акционерных земельных банков пользовались спросом. Статистический сборник «Русские биржевые ценности 1914—1915 гг.» относил акции этих банков к категории «первоклассного помещения капитала». Главным рынком для этих бумаг была Московская биржа. Бумаги тех или иных земельных банков котировались также на Харьковской, Рижской, Одесской биржах. Спрос на эти акции объяснялся прежде всего тем, что они выплачивали высокие дивиденды (13—18%, что превышало дивиденды крупнейших коммерческих банков)¹⁶.

К началу XX века (1905 г.) акционерными земельными банками было выдано 59085 сельских ссуд (26,3% от общего числа сельских ссуд, выданных всеми ипотечными учреждениями) общим объемом 614 млн. руб. (29,7%) под залог 20 768 тыс. десятин земли (37,7%). По площади заложенной земли акционерные земельные банки лидировали среди других ипотечных учреждений (доля Крестьянского банка в 1905 г. составляли 12,6%, Дворянского — 30,1%)¹⁷.

Главными районами деятельности акционерных земельных банков были районы, характеризовавшиеся высоким уровнем развития аграрного капитализма — западные, юго-западные и южные степные губернии, на которые в начале XX в. приходилось около половины заложенных в акционерных банках земель и 68,5% выданных этими банками ипотечных ссуд. В 1905—1915 гг. акционерные земельные банки успешно развивали свои операции. К 1915 г. они выдали 59 тыс. ссуд (11,6%) общим объемом 938 млн. руб. (26,5%) под залог 23 248 тыс. дес., что составляло 22% от общей площади частного землевладения в 1915 году. Они по-прежнему лидировали среди всех ипотечных учреждений по количеству заложенной земли (Крестьянский банк в 1915—25,8%; Дворянский — 22,3%)¹⁸.

Если в 70-х годах XIX в. были созданы частные ипотечные кредитные учреждения, то в 80-е годы оформилась система государственного земельного кредита. В конце 1883 г. Александр III наложил на прошение орловского дворянства «О даровании государственного долгосрочного кредита на льготных условиях» резолюцию: «Действительно пора, наконец, сделать что-нибудь, чтобы помочь дворянству». И к столетию «Жалованной грамоты дворянству» был учрежден Государственный Дворянский земельный банк. Он имел целью «поддержание землевладения потомственных дворян». При подготовке его устава предлагалось оказать льготный кредит дворянам, лично занимающимся хозяйством, однако по уставу было разрешено пользоваться услугами банка всем потомственным дворянам, личные дворяне были лишены такого права¹⁹.

Дворянский банк, как и акционерные земельные банки, выдавал ссуды посредством закладных листов, выпускаемых для того, чтобы на уплату процентов по ним были обращены срочные платежи заемщиков. Удешевление кредита должно было достигаться тем, что авторитет государства поддерживал цену закладных листов на высоком уровне, а также тем, что государственному земельному банку не нужны были средства для уплаты дивидендов. Действия банка распространялись на великорусские губернии, Украину, Поволжье, а с 1890 г. — и на Закавказье. Банк выдавал долгосрочные ссуды (от 11 до 66 лет и 6 мес.)²⁰ в размере 60—75% оценки (т. е. ссуда была больше, чем в акционерных земельных банках). Ссудный процент равнялся 5%, впоследствии снизился до 4%, а одно время даже до 3,5% (1897 г.). До начала XX в. дворяне-заемщики были освобождены от курсовых потерь и реализация закладных листов была возложена на Государственный банк.

В самом начале деятельности Дворянского банка реализовать закладные листы на огромную сумму (первый выпуск 100 млн. руб.) в течение короткого срока без курсовых потерь было невозможно. Поэтому в течение первых четырех лет ссуды выдавались за счет кредитов Госбанка. В 1888 г. долг Дворянского банка Госбанку составлял 74 млн. рублей. Он погашался постепенно по мере реализации закладных листов. Но этим не ограничилась помощь Государственного банка.

С момента учреждения Дворянского банка помещики стремились не только получить новые ссуды, но и перевести свои долги из частных банков в Дворянский. На 1 января 1893 г. из 319 млн. руб. ссуд Дворянского банка только 35% возникли в результате выдачи новых ссуд, а 65% были выданы на долгосрочное погашение долгов акционерным земельным банкам. Долги можно было погашать и деньгами, и закладными листами этих банков. Курс закладных листов в 1885 г. стоял ниже номинала. Поэтому Госбанку было поручено скупать закладные листы земельных банков. Банк сумел приобрести их на 26 млн. руб. за 24,7 млн. руб., пока под влиянием покупок их курс не повысился до 100%. Эти листы по курсу 95% были переданы Дворянскому банку, а последним по тому же курсу — своим заемщикам для расплаты с акционерными земельными банками. Тем самым заемщики «заработали» 1,3 млн. рублей. Полностью долг Госбанку был погашен за счет прибылей от реализации закладных листов выигрышного займа 1889 года. Для поддержания высокого курса закладных листов Госбанк был вынужден приобретать закладные листы с выигрышами. (Об этом косвенно говорит прирост собственного портфеля ценных бумаг за 1889 г. на 28 млн. руб.)

В результате всей этой финансовой операции Дворянский банк получил полностью всю намеченную ему сумму в 170 млн. руб., погасил крупные авансовые кредиты Государственному банку (в 80 млн. руб.) и зачислил в запасной капитал 90 млн. руб.²¹ Последний впредь использовался Дворянским банком для покрытия разницы между номиналом и реализованным курсом закладных листов банка. Запасной капитал был важным элементом в механизме функционирования Дворянского банка, обеспечивающим льготные условия кредита для его заемщиков. За счет запасного капитала Дворянский банк имел возможность снижать ссудный процент ниже уровня, покрывающего выплачиваемые банкам проценты по закладным листам, а также его расходы и другие убыточные для банка льготы помещикам.

Запасной капитал Дворянского банка пополнялся за счет прибыли. Источником ее, как и в акционерных земельных банках, были главным образом срочные и иные платежи заемщиков и прибыль по операциям с ценными бумагами. Величина чистой прибыли была значительно меньше, чем по акционерным банкам вместе взятым, но вполне сопоставима с наиболее «прибыльными» из них (Московским, Харьковским, Виленским)²². Таким образом, имея сильную поддержку Государственного банка в начале своей деятельности, с 90-х годов XIX в. Дворянский банк действовал вполне на коммерческих началах и являлся важным звеном в системе государственного капитализма.

Дворянский банк предоставлял своим заемщикам ряд льгот — преимуществ, которых не имели заемщики акционерных земельных банков: более продолжительные сроки ссуд; более низкий процент роста; более выгодный порядок взимания просроченных платежей, и проч. Все эти льготы, по мнению правительства, должны были сделать для дворян кредит «легким» и оградить дворянское землевладение от дальнейшего сокращения. Из льготного характера кредита вовсе не следует, что Дворянский банк, как это обычно представлялось в нашей литературе, являлся чуть ли не «благотворительным» учреждением. Если в акционерных земельных банках около 80% чистой прибыли шло на уплату дивидендов акционеров, а отчисления в запасной капитал имели фрагментарный характер и были незначительными, в Дворянском банке чистая прибыль была источником пополнения запасного капитала, за счет которого и предоставлялись льготы заемщикам.

Администрация Дворянского банка была чрезвычайно осторожна при оценке имений и определении размера ссуд, педантична и скрупулезна при подсчете недоимочности по платежам заемщиков в пользу банка, последовательна при осуществлении публикаций и торгов имений неисправных заемщиков. Все это, с одной стороны, обеспечивало Дворянскому банку стабильную прибыль, а с другой, — так и не сделало его, вопреки замыслу правительства, эффективным тормозом процесса разорения значительной части потомственного дворянства.

Со временем сословный состав заемщиков Дворянского банка сильно изменился. Недворяне, ставшие заемщиками банка в результате сделок по купле-продаже заложенных земель, в 1900 г. составляли всего 9,6% от общего числа заемщиков, и на них приходилось лишь 5,3% заложенной земли. А в 1915 г. они составляли уже 40,7% от общего числа заемщиков и на них приходилось 16,4% всей заложенной земли²³. Среди клиентов-недворян преобладали крестьяне, затем шли купцы и совсем незначительной была доля мещан²⁴. Таким образом, за 30 лет деятельности Дворянского банка сословный состав его заемщиков «обновился» чуть ли не наполовину, и «чистота» дворянского характера данного ипотечного учреждения стала весьма сомнительной.

Закладные листы Дворянского банка высоко котировались на биржах России и прежде всего на Петербургской, где вводилось в котировку 60% всех ценных бумаг. Высокий курс этих закладных листов (превосходивший курс закладных листов акционерных земельных банков) объяснялся активным участием в биржевой игре Государственного банка, который для поддержания высокого курса приобретал ипотечные облигации Дворянского банка. Цены ипотечных облигаций государственных земельных банков на Петербургской бирже за 1902—1911 гг. были выше, чем по акционерным земельным банкам.

К сожалению, статистика биржевых ценностей не выделяет ценные бумаги Дворянского и Крестьянского банков, представляя их под единой рубрикой — государственные ипотечные бумаги. В 1913 г. из общей суммы биржевых ценностей около 21 млрд. руб. на государственные ипотечные бумаги приходилось 9,6% — 2 млрд. рублей. (Частные ценные ипотечные бумаги — закладные листы акционерных земельных банков — составляли 3 млрд. — 14%.) Государственные ипотечные ценные бумаги в отличие от частных интересовали представителей иностранного капитала. На его долю в 1913 г. приходилось 10% номинальной стоимости всех ипотечных государственных бумаг, находившихся в обращении²⁵.

Линия развития операций Дворянского банка имела ярко выраженный излом. Стремительный рост их на протяжении конца XIX в. (в значительной степени обусловленный массовым перезалогом имений из акционерных земельных банков) сменился почти столь же стремительным сокращением после 1905 года. Если в конце XIX — начале XX в. на долю Дворянского банка приходилось 12—13% от всего числа заложенных в Европейской России земельных имуществ, то в 1915 г. только 5,3%. Скорость сокращения операций Дворянского банка несколько замедлилась после 1908 года.

Общий подъем ипотечного кредита захватил и Дворянский банк. Однако даже в годы экономического подъема им было выдано ссуд меньше, чем в 90-х годах XIX века. Если по площади заложенной земли Дворянский банк постоянно «сдавал позиции» и к 1915 г. намного уступал акционерным банкам (22,3% против 38%), то по сумме выданных ссуд был близок или даже обгонял их (в 1915 г. 23,8% у Дворянского банка и 26,5% — у акционерных)²⁶. Уменьшение площади заложенных в Дворянском банка земель объясняется сословным ограничением его клиентуры при постоянном сокращении дворянского землевладения. Сравнительно высокий удельный вес суммы выданных ссуд связан с тем, что сферой действия банка в основном были центрально-земледельческие губернии с высокими земельными ценами.

Создавая государственные ипотечные учреждения в 80-е годы XIX в., правительство видело их задачу в том, чтобы «поддерживать дворянство и крестьянство в экономической борьбе с чуждыми земле сословиями и содействовать наиболее согласному с государственными интересами распределению земельной собственности». Возникновение в 1882 г. Крестьянского банка было вызвано и другой целью. Учреждая этот банк, «правительство стремилось твердо обозначить, что с отводом крестьянам надела никакие дальнейшие меры по поземельному устройству их за счет фонда, оставленного во владении дворян, не могут иметь места и что расширение крестьянского землевладения за счет этого фонда возможно исключительно путем покупки на общих основаниях»²⁷. Первоначально действия Крестьянского банка распространялись на территорию Европейской России за исключением Царства Польского и прибалтийских губерний²⁸. С 1890 г. в сферу действия банка было включено Царство Польское, с 1906 г. Закавказье и прибалтийские губернии.

Как и Дворянский, Крестьянский поземельный банк был устроен по типу обычных ипотечных учреждений. До 1905 г. ссуды выдавались наличными деньгами, а после ипотечными облигациями. Средства для выдачи ссуд получались путем выпуска государственных свидетельств Крестьянского поземельного банка, приносящих 5,5% годового дохода и погашаемых посредством годовых тиражей на сумму поступивших от заемщиков в течение года погасительных взносов. Реализация свидетельств, а равно и погашение производилась до ноября 1906 г. посредством Государственного банка. Министру финансов при этом предоставлялось право разрешать выпуск свидетельств Крестьянского поземельного банка на сумму не свыше 5 млн. рублей.

Срок ссуды первоначально устанавливался от 24 лет 6 месяцев, до 34 лет 6 месяцев, впоследствии (с 1894 г. — от 13 до 51 года). Получателями ссуд являлись сельские общества, товарищества и отдельные домохозяева²⁹. До 1906 г. предпочтение отдавалось первым двум, а после — единоличным покупателям. Ссуда не должна была превышать 80—90% оценки покупаемой земли. Ссудный процент равнялся 7,5—8,5% годовых. В отличие от других банков, где ссуды были нецелевые, кредит Крестьянского банка имел строго определенное назначение — только на покупку земли.

Круг ссудных операций Крестьянского банка постоянно расширялся. До 1895 г. деятельность банка ограничивалась исключительно выдачей ссуд на покупку земли, приторгованной крестьянами у землевладельцев. С 1896 г. банк начал осуществлять свои задачи тремя различными способами: выдачей ссуд на покупку земли, выдачей ссуд под земли, уже купленные крестьянами, и, наконец, покупкой земли за собственный счет для последующей перепродажи крестьянам³⁰. Крестьянский банк обратил собственный капитал (предельный размер которого был определен манифестом от 14 ноября 1894 г. в 50 млн. руб.) на приобретение таких помещичьих имений, покупка которых непосредственно крестьянами представлялась затруднительной. Поскольку общий курс в аграрной политике правительства в этот период (до 1906 г.) вытекал из стремления сохранить общину, создавались наиболее благоприятные условия для покупки земли обществами и товариществами³¹.

С 1906 г. Крестьянский банк резко изменил свою кредитную политику в духе столыпинской реформы и взял курс на создание прочных единоличных хозяйств. Продажа земли из фонда банка производилась с этого времени исключительно в личную собственность. При посреднических сделках преимущественно предоставлялись также отдельным домохозяевам. Были снижены платежи по ссудам. Кроме того банк получил право выдачи ссуд под залог наделных земель, а также право при производстве операций с землями, ранее заложенными в Дворянском и акционерных земельных банках, принимать на себя долги этих кредитных учреждений. Все это значительно ускорило переход дворянских земель к крестьянам.

В начале XX в. (1905 г.) на Крестьянский банк в пределах Европейской России приходилось 12,6% от общей площади заложенных земель и 18,5% от объема ссуд, выданных всеми ипотечными учреждениями. Главными районами операций Крестьянского банка были Центрально-Черноземный, на который приходилось 23,2% от общего объема выданных к этому времени (к 1905 г.) банком ссуд, и Южный Степной (15,9%). Кроме того банк активно действовал на Левобережной Украине (12,2%) и Средней Волге (14,5%)³².

В результате стремительного развития операций по выдаче ссуд с 1906 по 1915 г. Крестьянский банк занял первое место среди учреждений ипотечного кредита по числу и объему выданных ссуд. К 1915 г. в пределах Европейской России им было выдано 377 683 ссуды общим объемом 1 350 768 тыс. руб. под залог 15 912 тыс. десятин. На его долю к этому времени приходилось 38,1% от общего объема ссуд, выданных под залог земли. За ним шли, заметно поотстав, акционерные земельные банки (26,5%) и Дворянский банк (23,8%). По числу ссуд Крестьянский банк также имел явное преобладание среди ипотечных учреждений (74,4% от общего числа ссуд), а вот по площади заложенной земли несколько уступал акционерным земельным банкам. Удельный вес Крестьянского банка при этом равнялся 25,8%, а акционерных земельных банков — 37,7%. По числу сделок преобладали единоличные покупатели. На их долю приходилось 78% от общего числа сделок (товарищества 19%, а сельские общества всего 3%). По площади купленной земли лидировали товарищества — 59% (доля единоличников — 24%, а сельских обществ — 17%)³³.

Значительная часть земли, приобретенной крестьянами при содействии Крестьянского банка, была ранее заложена в Дворянском банке либо в акционерных земельных банках. По данным отчетов Дворянского банка, за период столыпинской реформы (1906—1915 гг.) крестьянами было куплено при содействии Крестьянского банка 10 570 имений (полностью или частично), ранее состоявших в залоге в Дворянском банке. Это составляло 40,8% от общей площади земли, заложенной (в т. ч. и перезаложенной) за этот период в Дворянском банке³⁴.

Свидетельства Крестьянского банка вводились в котировку на Петербургской бирже. Их курс был выше, чем курс закладных листов акционерных земельных банков, а порой выше номинала. Но преимущественно свидетельства все же шли ниже номинала, пополнение курсовой разницы при этом производилось за счет запасного, а частью собственного капитала банка.

Финансовое положение Крестьянского банка до конца XIX в. по сравнению с акционерными земельными банками было далеко не блестящим: итоги деятельности за многие годы завершались убытками. Это объясняется, во-первых, слабым развитием операций банка, во-вторых тем, что, значительные потери банк нес при реализации свидетельств (общая сумма курсовых потерь к 1905 г. достигла более 22 млн. рублей)³⁵.

С ноября 1906 г. банк получил право производить реализацию свидетельств «по мере действительной потребности в суммах для покупки земель». При этом ссуды стали выдаваться 5% свидетельствами по их нарицательной цене. Продавцам земли было предоставлено право выбора между 5% свидетельствами и особыми именованными обязательствами (последние были изъяты законом из обращения на бирже и подлежали оплате

повышенным доходом в 6% годовых). Эта мера упрочила финансовое положение банка. Курсовые потери несли теперь сами заемщики. Поэтому банк произвел понижение платежей по ссудам для всех сроков. Последним убыточным был 1907 год. В дальнейшем прибыли банка были хотя и невысоки, но стабильны (в среднем около 130 тыс. руб. в год)³⁶. Главными источниками прибылей были платежи заемщиков по ссудам, прибыли от продажи земельных участков, оставшихся за банком, доходы по имениям, принадлежавшим банку.

Деятельность Крестьянского банка была теснейшим образом связана с правительственными учреждениями — Министерством финансов, Главным управлением землеустройства и земледелия, Государственным казначейством, которые не только осуществляли идейное руководство банком, но и оказывали ему (в период столыпинской реформы прежде всего) поддержку. Государственное казначейство начиная с 1909 г. ежегодно перечисляло на счет Крестьянского банка от 12 до 17 млн. рублей³⁷. Это было обусловлено рядом объективных обстоятельств, отвечало интересам заемщиков Крестьянского банка и способствовало стабилизации его ипотечных облигаций на рынке ценных бумаг.

В России, где сельское хозяйство составляло важнейшую отрасль экономики, поземельный кредит занял огромное место в кредитной системе. Гипертрофированное развитие ипотечного кредита в конце XIX в. объясняется неразвитостью других форм сельскохозяйственного кредита, отсутствием капиталов, необходимых для адаптации к новым экономическим условиям, активной ролью государства в создании земельных банков (посредством этих банков оно пыталось регулировать поземельные отношения), наконец, просто «географическим» фактором — огромными массивами частновладельческих земель, значительная часть которых была заложена.

В начале XIX в., в связи с развитием других форм сельскохозяйственного кредита, произошло некоторое уменьшение удельного веса ипотечных банков по отношению к общему объему сельскохозяйственного кредита, хотя его абсолютные размеры продолжали возрастать. К 1915 г. всеми ипотечными учреждениями было выдано 507 тыс. долгосрочных (сельских) ссуд общим объемом в 3,5 млрд. руб. под залог 61 587 тыс дес. частновладельческой земли, оцененной в 5,4 млрд рублей. Заложённые земли (без прибалтийских губерний) составляли 78% всей площади частного личного землевладения (73,3 млн. дес.) и 62% всей площади частного землевладения (91,6 млн. десятин)³⁸. Клиентами земельных банков являлись $\frac{2}{3}$ частных владельцев. Ипотечный кредит приобрел, по существу, массовый характер.

Сочетание коммерческих структур и сословных кредитных учреждений — неотъемлемая черта системы ипотечного кредита в России. Однако намерения власти сохранить сословный принцип в землевладении и кредитном деле не смогли противостоять объективным экономическим процессам. Большинство местных сословных кредитных учреждений прекратило свое существование, не стал «благотворительным заведением» Дворянский банк, среди заемщиков которого к тому же возростала недворянская прослойка. Деятельность сословного Крестьянского банка имела своими последствиями разрушение сословного характера землевладения и формирование буржуазной земельной собственности. В условиях развивающегося капитализма ипотечный кредит неизбежно утрачивал сословный характер, отражая, с одной стороны, общий процесс изживания феодальных пережитков в землевладении, с другой, ускоряя процесс его капиталистической мобилизации.

Связь ипотеки и мобилизации земельной собственности — характерная черта аграрного строя в условиях переходного периода от экономической системы, основанной на господстве феодальной собственности на землю, к экономической системе, основанной на частной собственности (в том числе на землю), наемной рабочей силе, конкуренции, рынке³⁹. Перестройка системы феодального и полуфеодального землевладения и создание буржуазной собственности на землю (в условиях мирной трансформации) невозможны без развитой системы ипотечного кредита.

Исторически важное значение ипотеки состоит в том, что всем тем, кто хочет организовать сельскохозяйственное производство на новых началах, она дает возможность приобрести землю без большого единовременного вложения капитала. В то же время ипотека производит как бы отбор, «селекцию» среди землевладельцев на предмет их возможностей и способностей адаптироваться к новой экономической ситуации. В данном случае не важно, где находится источник дохода, обеспечивающий уплату платежей по ипотечной ссуде — в сфере сельского хозяйства или за его пределами. Если такого источника нет, ипотека ускорит переход земли к новому владельцу. Способствуя мобилизации земли, концентрации ее в руках наиболее крепких в экономическом отношении хозяев, ипотека создает условия для капиталистической перестройки сельского хозяйства.

Еще современники не раз подчеркивали большую роль ипотечного кредита в мобилизации земли в России в начале XX века. С. С. Хрулев утверждал даже, что «незаложенные земли не служат объектом продаж»⁴⁰. Действительно, это было выгодно и продавцу и покупателю. Желающие продать землю стремились заложить ее по возможно более высокой оценке, т. е. чем выше была ссуда на имении, тем дороже продавалась земля. В свою очередь покупатель получал возможность избежать единовременного вложения наличного капитала в покупку земли, уплачивая лишь разницу между ссудой и ценой, становился заемщиком банка и остальное платил банку в рассрочку.

Большую роль в формировании земельного рынка сыграл Дворянский банк, так как именно через него прежде всего шла «утечка» земель от тех помещиков, которые не смогли организовать хозяйство в новых экономических условиях. «Идеалом» для такого дворянина-землевладельца являлась продажа имения крестьянам или разночинцам по сильно завышенным ценам. Иногда имения полностью или по частям покупали и сами дворяне, но лишь те из них, кто сумел приспособиться к рынку.

Земля, заложенная в Дворянском банке, постоянно находилась в движении. Переход заложенных имуществ от одного владельца к другому мог осуществляться разными способами: «по наследству», «по передаточной записи», «по разделному акту», «по купчей крепости» и т. д. При этом к новому владельцу могло перейти все имение или часть его. По данным отчетов Дворянского банка нам удалось установить, что 77% всех случаев перехода и 63% площади земель были связаны с актом купли-продажи заложенных земель. По суммарным данным, площадь земель, проданных «внутри» Дворянского банка, составляла 90% к общей площади земель, принятых первоначально к залому, т. е. почти все земли, которые были заложены в Дворянском банке в течение 20 лет (1895—1915 гг.), были проданы. Всего дворянами было продано посредством Дворянского банка 50 997,2 тыс. дес., а куплено 22 830,5 тыс. десятин. А это значит, что 23% проданной и 53% всей купленной дворянами в Европейской России земли прошло через Дворянский банк.

К лицам недворянских сословий за первые шесть лет столыпинской реформы перешло «внутри» Дворянского банка (по купчей) 1905,3 тыс. дес., что составило 30% межсословной земельной мобилизации за этот период. В результате к 1 января 1916 г. только $\frac{3}{5}$ общего числа заемщиков Дворянского банка являлись потомственными дворянами, и им принадлежало уже 84% от всей площади находившейся в залоге земли. Удельный вес численности заемщиков-недворян увеличился по сравнению с 1897 г. в 6,5 раза, а по сравнению с 1907 г. в 1,5 раза. Удельный вес площади принадлежавших им земельных имуществ, увеличился соответственно в 2,6 и 1,2 раза. В составе недворянской группы заемщиков преобладали крестьяне — они владели 70% недворянской земельной собственности, находившейся в залоге; купцов было намного меньше. Мещане очень редко становились заемщиками Дворянского банка.

Крупным фактором развития крестьянской буржуазной земельной собственности стала деятельность Крестьянского поземельного банка. Первоначально покупки при содействии банка имели небольшое значение

в общем мобилизационном процессе: в 1883—1892 гг. они составляли 6,6%, а в 1893—1897 гг. — 6,6% от всей площади земли, поступившей на земельный рынок⁴¹. Однако в конце века этот процент поднялся до 15,8%. При рассмотрении значения таких покупок по отношению только к крестьянскому землевладению соотношение становится иным: за отмеченные два периода из всех крестьянских покупок на Крестьянский банк приходилось 22,3% и 23,8%, а в конце XIX в. удельный вес банка в общем объеме крестьянских покупок увеличился до 48,8%⁴², т. е. половину земель крестьяне приобретали при содействии банка или у банка непосредственно. При этом соотношения по группам покупателей существенно отличались. Крестьянские общества и товарищества приобретали при содействии банка (в той или иной форме) значительную, а в конце XIX в. доминирующую часть своих земель (в 1899 г. общества — 86,9%, а товарищества — 73,3%).

Что касается единоличных покупок крестьян, то до 1906 г. они, покупая землю лично, предпочитали пользоваться услугами акционерных земельных банков или становились заемщиками Дворянского банка, купив часть заложенного здесь имения. В акционерных земельных банках крестьяне по числу ссуд занимали следующее после дворян место, на них приходилось 6—7% здесь заложенных в конце XIX в. земель.

В 1882 г. ко времени открытия Крестьянского банка крестьяне владели 10 118,3 тыс. десятин. Следовательно, с 1882 по 1905 г. крестьянское землевладение увеличилось на 14 479,3 тыс. десятин. Всего посредством Крестьянского банка за 1883—1905 гг. было приобретено 8 929,1 тыс. десятин. Таким образом, все покупки земли крестьянами посредством Крестьянского банка уже до начала столыпинской реформы составляли 62,3% общего прироста крестьянского землевладения. С 1906 по 1916 г. в общей сложности банком было выдано 352,7 тыс. ссуд, всего на 1 070 918,5 тыс. руб., в результате чего в собственность к крестьянам перешло 10 012,7 тыс. дес. земли. Расчеты показывают, что формирование буржуазной крестьянской собственности в период столыпинской реформы шло исключительно при участии Крестьянского банка.

За весь период деятельности Крестьянского банка (1883—1915 гг.) прирост частного землевладения крестьянства составил 23 133,4 тыс. десятин. Из этих земель посредством Крестьянского банка было приобретено 18 787,1 тыс. дес., т. е. 81,2%⁴³. Банк тем самым сыграл большую роль в формировании частного крестьянского землевладения в России. Значительную роль кредита в мобилизации земельной собственности вместе с тем является подтверждением незавершенности буржуазно-аграрной эволюции до 1917 года.

Помимо мобилизации земельной собственности часть ипотечных ссуд использовалась для вложения в сельское хозяйство и промышленность. В ряде случаев поземельные ссуды представляли собой прямое кредитование промышленных предприятий — тогда, когда земля принадлежала промышленным обществам и товариществам, горнозаводским округам и т. п., или же тогда, когда имения принадлежали помещикам — владельцам или совладельцам находившихся на их землях предприятий (главным образом сахарных, винокурных). Общие размеры подобного явления трудно определить, так как статистика не характеризует получателей ипотечных ссуд. Можно только предполагать, что размеры его были немалые. Неслучаен огромный рост поземельного кредита в промышленных уездах Московской губ. и особенно в Приуралье. Здесь был весьма распространен залог горных округов, находящихся на посессионом праве (и, следовательно, не подлежащих залого) по специальному разрешению правительства.

Иногда полученная ссуда использовалась для приобретения акций и облигаций промышленных предприятий, железнодорожных обществ, банков. Разница между суммой процентов по акциям промышленных предприятий и значительно меньшей суммой процентов платежей по ипотечным ссудам обеспечивала землевладельцу стабильный доход. Ипотека, тем самым, являлась важным каналом перемещения капиталов из сельского хозяйства в промышленность и банковскую сферу.

Традиционно в нашей литературе ипотека связывалась с отсталыми помещичьими хозяйствами, сама считалась символом отсталости, а размеры выданных ипотечных ссуд приводились в качестве доказательства привилегированного положения дворянского землевладения. Это представление может ошибочно, так как ипотека не может являться показателем уровня аграрного капитализма. Она, как известно, может развиваться успешно в любой экономической среде (там, где есть частная собственность на землю). И лишь формы воздействия ипотеки на аграрную сферу и соответственно результаты этого воздействия различны. Если в регионах с низким уровнем аграрного капитализма ипотека влияла прежде всего на мобилизационные процессы, то в районах с более высоким его уровнем ипотечные ссуды имели производительное назначение и вели к дифференциации хозяйств уже на чисто капиталистической основе.

Ипотечным кредитом пользовались все типы помещичьих хозяйств: владельческие, основанные на найме рабочей силы, арендные, отработочные (испольно-издольные) и др. Уже во второй половине 80-х годов XIX в. больше половины, а затем более одной трети имений из заложенных в Дворянском банке велись за счет владельца. Первоначальное доминирование владельческих имений в начале XX в. сменилось незначительным преобладанием арендных. В этом своеобразно отразился процесс «свертывания» собственного производства, характерный для помещичьего хозяйства уже в конце XIX века. Высокий удельный вес арендных имений среди заложенных свидетельствует о том, что около трети поземельных ссуд использовалось вне сферы сельского хозяйства. Неожиданно низкий удельный вес отработочных имений опровергает традиционно сложившееся представление о том, что клиентами Дворянского банка были владельцы отсталых разоряющихся хозяйств, ищущих спасения в «дешевом» земельном кредите.

Подавляющее большинство клиентов земельных банков справлялось с платежами по ссудам, и массового разорения помещиков ипотечными платежами, как об этом твердила дореволюционная консервативно-дворянская печать, конечно, не было, да и не могло быть⁴⁴. По отчетам земельных банков, накануне первой мировой войны сумма ежегодных платежей частных владельцев по ипотечным ссудам составляла около 90 млн. рублей⁴⁵. В то же время их ежегодный доход от сельского хозяйства равнялся примерно 615 млн. рублей⁴⁶. Кроме того ежегодные размеры арендной платы крестьян за частновладельческую землю определялись суммой в 250—270 млн. рублей⁴⁷. Следовательно, лишь небольшая часть общего дохода частных владельцев поступала ипотечным банкам.

Ипотека, таким образом, играла в России такую же роль, как и в других странах в эпоху утверждения буржуазных отношений, когда ипотечные банки являются посредником между землевладельцами и владельцами заемных капиталов. Тот факт, что значительная часть ипотечных ссуд использовалась для приобретения земли, также не является исключительной особенностью пореформенной России, а связан с незавершенностью буржуазно-аграрной эволюции. В большинстве стран Западной Европы этот этап к концу XIX в. был пройден, но в США, например, (где из общей суммы ипотечного долга в 6 млрд. долларов на сельские ссуды приходилось 2,2 млрд. долларов) в отдельных штатах свыше половины фермеров, владевших собственными землями, были обременены ипотеками. В американских условиях задолженность землевладельца не считалась таким злом, как в России. Американские фермеры уже в XIX в. видели в ипотеке «большую дорогу, которая ежегодно приводит тысячи семей к собственности»⁴⁸.

Развитие системы ипотечного кредитования продолжалось вплоть до октября 1917 года. Конфискация помещичьей земли и отмена частной собственности на землю, осуществленные советской властью, подорвали самую основу существования ипотечных банков. 8 декабря 1918 г. был принят декрет Совнаркома о ликвидации основных ипотечных банков — Дворянского и Крестьянского. 24 декабря 1918 г. декретом Совнаркома были ликвидированы частные земельные банки.

Вопрос о возрождении ипотеки поставил принятый 24 декабря 1990 г. закон «О собственности»⁴⁹. Позже был заложен фундамент для развития законодательной базы ипотеки: законы о залоге от 29 мая 1991 г. и «Об основах федеральной жилищной политики» от 24 декабря 1992 г., где были предусмотрена ипотека, и «Основные положения о залоге недвижимого имущества — ипотеке» от 29 декабря 1993 года⁵⁰. Нашли отражение эти вопросы и в недавно принятом «Гражданском кодексе РФ» (ст. 339, 340)⁵¹. Здесь описаны общие принципы залоговых операций.

Несмотря на отсутствие полноценной нормативной базы ипотечного кредитования, в настоящее время успешно пробуют свои силы в этой сфере как столичные, так и провинциальные банки. Количество банков, предлагающих такой ряд услуг, неуклонно растет: к концу 1994 г. их было более 20. Пионером и лидером ипотечного дела сегодня является Ипотечный акционерный банк (ИАБ), который в декабре прошлого года отметил свое двухлетие. Уставной фонд его к этому времени составлял 7,5 млрд. руб., что позволило ему войти по этому показателю в число крупнейших банков России. Конечно, условия, в которых начинают действовать сегодня ипотечные банки, и задачи, которые стоят перед ними, существенно отличаются от тех, что были в начале века.

Отдельные банки уже начали ипотечное кредитование жилищного строительства по нескольким схемам. Что-то более или менее похожее на традиционную ипотеку пытается организовать московский Ипотечный акционерный банк. С 1 марта 1994 г. он предложил частным лицам российский аналог германских накопительных счетов (в Германии существуют сберегательные строительные кассы, где миллионы семей накапливают первичный капитал, чтобы затем взять ипотечный кредит. Государство там дает большие льготы таким семьям). Однако в большинстве случаев операции, которые сегодня нашими банками выдаются за ипотечные, на деле являются обычным кредитованием под залог недвижимости, имеющим мало общего с ипотекой, так как здесь не выдерживается главный принцип ипотеки — долговременные ссуды под низкий процент.

В настоящее время разрабатывается проект (точнее два проекта — один в правительстве, другой — в Государственной думе) закона об ипотеке и о регистрации прав собственности. Развитие ипотеки во многом зависит от гарантий прав собственности, которые должны быть обеспечены эффективной системой регистрации этих прав. В правительстве разрабатывается и проект закона о залоге сельскохозяйственных земель. Ипотечным банкам нужна льготная налоговая политика, так как это банки особого рода. В условиях нашей страны необходимо регламентировать их работу (как это было в дореволюционной России). В аграрной сфере ипотека может иметь колоссальную перспективу в случае утверждения принципа частной собственности на землю. Вот тогда-то и пригодится опыт Крестьянского поземельного банка по созданию в начале XX в. единоличной крестьянской частной собственности.

Примечания

1. Изучение истории ипотеки в России началось еще в прошлом веке. Литература эта небогата. Среди работ досоветского периода выделяются те, которые принадлежат перу крупных банкиров и практиков кредитного дела. Из исследований советского периода специально деятельности ипотечных банков посвящены лишь работы Ю. Л. Райского и небольшая монография В. А. Вдовина. ХРУЛЕВ С. С. Наш ипотечный кредит. СПб. 1898; ГЕРЦЕНШТЕЙН М. Я. Харьковский крах. СПб., 1903; ЗАК А. Н. Крестьянский поземельный банк (1883—1910). СПб. 1911; РАЙСКИЙ Ю. Л. Акционерные земельные банки как одно из звеньев связи между финансовым капиталом и помещичьим землевладением в России. — Научные труды Курского государственного пединститута. Т. 43, 1975; *ВДОВИН В. А. Крестьянский поземельный банк (1883—1895). М. 1959.

2. Устав гражданский судебный; Устав судебный торговый; Устав кредитный, т. т. XVI, XI. Подробнее см.: НЕВОЛИН А. Н. История Российского гражданского законодательства. Ч. 3. СПб. 1895, с. 148—165.
3. В первой половине XIX в. действовал также ряд частных местных ипотечных учреждений: Курляндское и Лифляндское кредитные общества, Эстляндская дворянская кредитная касса (все основаны в 1802 г.), Земское кредитное общество Царства Польского (1825 г.), Общество взаимного кредита в Виленской губ. (1830), Нижегородский дворянский Александровский банк (1841 г.), Александринский Тульский банк (1845 г.).
4. Устав акционерных земельных банков с разъяснением вопросов, возникших на практике при его применении. Изд. 5-е, исп. и доп. СПб. 1913, с. 779—780.
5. Там же, изд. 4. СПб. 1894, с. 76—78, 149—150.
6. Всего к 1915 г. было выдано 399,4 млн. руб. городских ссуд. Что составляло 40% из общего объема ссуд, выданных акционерными земельными банками 1334 млн. руб. См. Статистика долгосрочного кредита в России. 1915. Пг. 1916, вып. 1, с. 44—45. Вопрос о развитии ипотечного кредита в городах нуждается в специальном изучении.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 583, оп. 3, д. 1007, л. 1—6; оп. 2, д. 1119, л. 163—171; д. 1161, лл. 21, 67, 111, 196; д. 1203, лл. 28—29, 75—76, 122—123, 175.
8. Комитет съездов представителей учреждений русского земельного кредита. Съезды и Комитет съездов представителей учреждений русского земельного кредита. Краткий обзор их деятельности за истекшие 1872—1913 гг. СПб., 1914.
9. РАЙСКИЙ Ю. Л. Ук. соч.
10. РГИА, ф. 583, оп. 2, дд. 1040, 1081, 1082, 1139.
11. Статистика долгосрочного кредита в России. 1893—1916. СПб. 1894—1917.
12. Статистика долгосрочного кредита. 1914, вып. 1. СПб. 1914, с. 2—3; ГИНДИН И. Ф. Русские коммерческие банки. М. 1948, с. 238, 245.
13. Ежегодник Министерства финансов, 1913, с. 78—79.
14. Вестник финансов промышленности и торговли, 1914, № 9, с. 398.
15. Русские биржевые ценности 1914—1915 гг. Пг. 1915, с. 81—115.
16. Акционерно-паевые предприятия России. СПб. 1915, с. 646—648, 650, 651, 653.
17. Материалы по истории аграрных отношений в России в конце XIX — начале XX в. Статистика долгосрочного кредита в России. М. 1980, с. 29—30. Табл. № 1.
18. Там же, с. 32—39 (табл. № 2—5).
19. СОЛОВЬЕВ Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. М. 1973, с. 170; Устав Государственного Дворянского земельного банка (СЗ, т. XI, ч. 2). СПб. 1914.
20. В 1885—1890 гг. от 36 лет 7 мес. до 48 лет 8 мес.
21. ГИНДИН И. Ф. Ук. соч., с. 41; его же. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М. 1960, с. 106—108. МИГУЛИН П. П. Наша банковская политика (1729—1903 гг.). Харьков. 1904, с. 148, 152, 160—161.
22. По данным отчетов Дворянского банка, прибыль в 1895 г. составляла 2 млн. руб., в 1900 г. — 2,6 млн. руб., в 1905 г. — 2,4 млн. руб., в 1910 г. — 2,9 млн. руб., в 1915 г. — 3,5 млн. рублей.
23. Отчеты Государственного Дворянского земельного банка за 1900 и 1915 гг. СПб. 1901, 1916.
24. По данным отчетов Дворянского банка видно, что за 1895—1915 г. во внутрибанковских переходах к крестьянам перешло 20,5% (3907,6 тыс. дес.) всей заложенной земли, перешедшей к новым владельцам. К купцам перешло 7,5%, мещанам — 1,7%, дворянам же — 48,3%.
25. Русские биржевые ценности 1914—1915 гг., с. 94, 113—115.
26. Материалы по истории аграрных отношений, с. 29—30. Табл. № 1.
27. Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка за 1883—1904 гг. СПб. 1906, с. 55.
28. Устав Крестьянского поземельного банка (СЗ, т. XI, ч. 2). СПб. 1914.
29. Первоначально (по положению 18 мая 1882 г. о Крестьянском поземельном банке) право на получение ссуд было предоставлено исключительно лицам, принадлежавшим к крестьянскому сословию. По уставу 27 ноября 1895 г. право пользоваться кредитом этого банка получили мещане-землевладельцы, проживавшие в сельской местности и постоянно занимавшиеся земледелием. Число этих заемщиков было незначительно.
30. Ни Дворянский банк, ни акционерные земельные банки не имели права приобретать землю и даже оставлять за собой имения несостоятельных заемщиков (см. Устав акционерных земельных банков, Изд. 5-е, с. 291, 300—302; Устав Дворянского земельного банка. Приложение к ст. 78).
31. Так, в 1883—1889 гг. ссуда единоличным покупателям выдавалась в размере лишь около $\frac{1}{2}$ покупной цены, тогда как товариществам и обществам от $\frac{3}{4}$ до $\frac{4}{5}$ последней.

32. Материалы по истории аграрных отношений, с. 29—30, Табл. № 1; с. 40, табл. 6.
33. Там же, с. 29—30, табл. № 1; Отчет Крестьянского поземельного банка за 1915 г. СПб. 1916, с. 156—157.
34. Отчеты Дворянского земельного банка за 1906—1915 гг. СПб. 1907—1916.
35. Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка за 1883—1904 гг., с. 290.
36. По данным отчетов Крестьянского банка, прибыли составляли (млн. руб.): в 1896 г. — 1,3, в 1900 г. — 4,2, в 1905 г. — 5,3, в 1910 г. — 0,1, в 1915 г. — 4,3.
37. Размеры поступлений от Государственного казначейства по данным отчетов Крестьянского банка равнялись (млн. руб.): в 1909 г. — 17,4, в 1910 г. — 12,6, в 1911 г. — 14,1, в 1912 г. — 15,2, в 1914 г. — 15,1.
38. Площадь частного землевладения в 1915 г. подсчитана по данным «Статистики землевладения в России 1906—1914 гг.» (М. 1989).
39. Особенности влияния ипотечного кредита на буржуазно-аграрную эволюцию определяются ее стадией. Если в период становления буржуазно-аграрных отношений его роль по преимуществу заключается в создании аграрного капитализма (прежде всего это проявляется в ускорении процесса формирования буржуазной земельной собственности), то на завершающем этапе и в период его утверждения он все больше выполняет функции, свойственные капиталистическому кредиту (банкирскому и коммерческому).
40. ХРУЛЕВ С. С. Ук. соч., с. 88.
41. Расчеты по Крестьянскому банку сделаны на основе данных его отчетов за весь период деятельности, «Сведений земельных переписей 1877 и 1905 гг.», «Материалов по статистике движения землевладения в России» (вып. XIII. СПб. 1907) и данных «Динамики движения землевладения в России. 1906—1914» (М. 1989).
42. В черноземной полосе это отношение равнялось 52%, а в нечерноземной 35%.
43. Подобные расчеты ранее по всему периоду не предпринимались. Лишь З. С. Канценеленбаум в статье «Сельскохозяйственный кредит в России» (Социалистическое хозяйство, 1923 г. № 68, с. 121) называет к 1914 г. в особенности крестьян 35 млн. дес. земли. Из них около половины, по его мнению, было приобретено посредством Крестьянского банка. Наши подсчеты вносят серьезные коррективы в это представление.
44. Число имений, опубликованных к продаже, по данным отчетов за 1891—1915 гг. составляло в среднем 13% (колебалось от 20 до 10%), число проданных с торгов составляло в среднем 1,2% от числа опубликованных (колебалось от 0,3% до 28%) и всего лишь 0,1—0,2% от общего числа залогов.
45. АНФИМОВ А. М. Крупное помещичье хозяйство в конце XIX — начале XX в. М. 1969, с. 323.
46. Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900—1918 гг. М. 1918, с. 83.
47. АНФИМОВ А. М. Ук. соч., с. 323; КОВАЛЬЧЕНКО И. Д., СЕЛУНСКАЯ Н. Б., ЛИТВАКОВ Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М. 1982, с. 115.
48. ГЕРЦЕНШТЕЙН М. Я. Новейшие течения в учении о поземельном кредите в Германии. СПб. 1898, с. 73.
49. Ведомости Съездов и Верховного Совета РСФСР, 1990, № 30, ст. 416.
50. Там же, 1992, № 23, ст. 1239; Вестник Высшего арбитражного суда. Распоряжения заместителя председателя Совета министров правительства РФ. Приложение, 1994, № 3.
51. Гражданский кодекс РФ, часть 1. М. 1991, с. 339—340.

Африканцы в боях за освобождение Южной Европы (1943—1945 гг.)

А. Б. Летнев

В сентябре 1939 г. вслед за метрополиями в великое вооруженное противостояние второй мировой войны сразу же оказались втянутыми колониальные владения европейских держав, в том числе африканские. Хотя африканский аспект этой войны немало исследовался историками и политологами, однако первых Африка, особенно ее северный регион в начале 40-х гг., интересовала прежде всего как один из театров военных действий; вторые же в потрясениях военных лет обычно ищут предпосылки послевоенного взлета африканского национализма. При таком подходе остаются «за кадром» многие важные сюжеты. Ведь воевала не только Северная и Северо-Восточная Африка, где непосредственно столкнулись армии двух противоборствовавших коалиций: воевал весь огромный континент, положивший на чашу военных весов сотни тысяч солдатских жизней и громадные сырьевые ресурсы. Он превратился затем по воле Объединенных Наций в стратегический плацдарм важных межконтинентальных операций, в особенности морских и воздушных.

Но Африка продолжала вносить значительный вклад своими людскими и материальными ресурсами в борьбу антигитлеровской коалиции и после завершения боевых действий на ее собственной территории. Именно об этом пойдет речь в данной статье, которая касается участия солдат из французских владений в боях против фашистских войск в Италии, Франции и Германии с лета 1943 по весну 1945 года. Заметим, что в отечественной историографии эта тема почти не разрабатывалась¹.

Африканские соединения и части, действовавшие в составе возрождавшейся к концу войны французской армии, рекрутировались в основном за счет жителей Магриба, Французской Западной Африки (ФЗА), Французской Экваториальной Африки (ФЭА) и Мадагаскара. Личный состав войск складывался из трех компонентов. Первый: деголлевские формирования, с июля — августа 1940 г. служившие ядром сил «Свободной Франции» и обладавшие наибольшим боевым опытом. Они участвовали в кампаниях в Ливии, Эфиопии, Эритрее, Сомали и Тунисе. Второй: соединения и части Североафриканской армии, которая до ноября 1942 г. подчинялась режиму Виши, а после высадки англо-американцев в Магрибе перешла не без колебаний на сторону союзников. Этот контингент по численности значительно превышал деголлевский, ибо по условиям июньского Компьенского перемирия 1940 г. с Германией администрации главы вишийского государства марша-

---

Летнев Артем Борисович — доктор исторических наук, зав. сектором Института Африки РАН.

ла А. Ф. Петэна разрешалось держать в Северной Африке под ружьем до 8 дивизий. Североафриканская армия тоже успела приобрести опыт ведения боевых действий во время кампании союзников против итало-германской группировки в ноябре 1942 — мае 1943 годов. Она в рамках 19-го армейского корпуса наступала с запада на Тунис. Третий компонент: новобранцы, спешно призванные в 1943 г. в Алжире, Тунисе, Марокко ФЗА, ФЭА и на Мадагаскаре, прошедшие ускоренную военную подготовку в местах призыва и ожидавшие отправки на фронт в Европу.

Взаимодействие деголлевской и Североафриканской армий проходило не без трудностей. Среди командования, особенно в высших эшелонах, не прекращалась борьба между теми, кого именовали тогда «лондонскими французами», и их противниками — вчерашними соратниками маршала Петэна и главнокомандующего вооруженными силами вишійской Франции адмирала Ж. Л. К. Ф. Дарлана. В колониальных частях офицерами были, за редкими исключениями, европейцы. Однако среди унтер-офицеров, особенно к концу войны, было уже немало североафриканских аборигенов, а среди солдат преобладали выходцы из Марокко и Алжира, тунисцев было меньше. Другие многочисленные группы военнослужащих составляли выходцы из Чада, Сенегала, Гвинеи, Мадагаскара, Мали и Верхней Вольты.

К середине 1943 г. французские колониальные части были рассредоточены по странам Леванта, Магриба, ФЗА, ФЭА, на Мадагаскаре и в Индокитае (не считая мелких колониальных владений в других местах). Французским военачальникам предстояло сформировать, экипировать и обучить войска, затем свести их в крупное объединение, сосредоточить их для броска в составе союзных армий против фашистской Италии, обеспечить в портах погрузки необходимым тоннажем. Эта трудная задача совместными усилиями с американским командованием в Северной Африке была решена. Получилось одно соединение: корпус из четырех французских дивизий. Они-то и вошли в состав союзной группировки, нацеленной против Италии. Преобладали там марокканцы, однако имелись и сенегальские стрелки. Командовал корпусом генерал А. Жюэн. С июля 1943 г. корпус участвовал в высадке на Сицилии и в боях на Апеннинском полуострове, включая самые тяжелые — под Монте-Кассино, а также при взятии Рима.

Близилась высадка союзников в Северной Франции, намеченная в ноябре 1943 г. на Тегеранской встрече глав антигитлеровской коалиции. Шли длительные споры относительно оперативных приоритетов в Западной Европе: что важнее для глобальной антигитлеровской стратегии — операция Оверлорд (высадка в Нормандии) или операция Энвил (высадка в Южной Франции); как они соотносятся с наступлением союзников в Италии на север, с возможным выходом через Триест и Люблян в долину Дуная и последующим наступлением на Вену и Будапешт; должны ли Оверлорд и Энвил совпадать во времени или одна из них будет предшествовать другой? В конечном итоге Оверлорд был запланирован как основная операция, Энвил — как вспомогательная².

Тем временем африканцы из корпуса Жюэна продолжали сражаться в Италии против войск главнокомандующего германскими вооруженными силами на юге генерал-фельдмаршала А. Кессельринга, постепенно подходя с юга к Риму. А союзнические штабы, руководившие средиземноморскими операциями, формировали 7-ю армию, которой предстояло произвести высадку в Провансе. В ее состав входила и армия «Б» (впоследствии 1-я французская армия) под командованием генерала Ж.-М.-Г. Делаттра де Тассиньи. Из семи ее дивизий четыре были полностью укомплектованы колониальными солдатами, а одна (1-я Свободная французская дивизия) — наполовину. Две бронетанковые дивизии, 1-я и 5-я, были с французскими экипажами.

Армия де Тассиньи (256 тыс. человек) формировалась в Магрибе с января 1944 года. Ее командующий, бригадный генерал и начальник штаба одной из армий в месяцы «странной войны», в мае — июне 1940 г. командовал дивизией, отличившейся в боях с немцами. После падения Франции он продолжал служить в «армии перемирия» на вишійской тер-

ритории и к ноябрю 1942 г. оставался там единственным французским генералом, открыто не смирившимся с оккупацией вермахтом всей территории Франции. Более того, по его приказу части его дивизии заняли оборонительный рубеж в районе г. Монпелье. Этот мужественный поступок привел его в вишийскую тюрьму. В октябре 1943 г. он совершил оттуда побег и добрался до Англии, а в декабре перебрался в Алжир.

Корпус Жюэна, действовавший в Италии, считался авангардом армии «Б», чьи соединения и части были разбросаны по Средиземноморью (Италия, Алжир, Тунис, Марокко, Корсика). После вступления вместе с американскими войсками в Рим корпус Жюэна еще некоторое время наступал в направлении Флоренции. 22 июля по указанию союзного командования, подтвержденному лидером «Сражающейся Франции» Ш. де Голлем, Жюэн остановил войска у р. Арно и стал их передислоцировать на новый плацдарм, а 23 июля передал командование французским экспедиционным корпусом в Италии де Тассиньи³. В итальянских портах началась погрузка дивизий для их переброски в Прованс.

Танковые же соединения армии де Тассиньи грузились на транспорты в городах Алжир и Оран, для прочих местами сосредоточения перед высадкой в Южной Франции служили о-ва Корсика и Эльба. В освобождении Эльбы 17—20 июня 1944 г. хорошо проявила себя 9-я колониальная пехотная дивизия, сформированная годом раньше в Северной Африке и состоявшая из 4-го, 6-го и 13-го полков сенегальских стрелков. В дивизию входили также два марокканских артиллерийских полка и танковое подразделение⁴. Смешанный национальный состав был характерен и для других колониальных соединений армии «Б». Так, в 1-й Свободной французской дивизии сражались, помимо европейцев, выходцы из ФЭА, камерунцы, мальгаши, сомалийцы, антильцы, индокитайцы и полинезийцы.

Общие контуры операции Энвил, переименованной в июле 1944 г. в операцию Дрэгон, таковы. Она приходилась на 15 августа — 24 сентября, имея целью обеспечить вторую линию коммуникаций союзных войск во Франции через ее южные порты и оттянуть все резервы, которые немецкое командование могло бы перебросить на север, чтобы поддержать отпор союзным войскам, высадившимся в Нормандии. Следовало захватить плацдарм на побережье между Тулоном и Монако, потом овладеть Марселем и далее правым флангом развернуть наступление от Канна, пересекая долины Дюранса и Изера, на Систерон и Гренобль, а левым флангом — по долине Роны на Лион.

В проводившую эту операцию 7-ю американскую армию генерала А. Пэтча входили 6-й американский, 1-й и 2-й французские корпуса (7 пехотных, 2 бронетанковые и одна горная французские дивизии), англо-американская воздушно-десантная группа «Рэгби». Боевое настроение во французских соединениях было исключительным, моральный подъем — высоким, они рвались поскорее достичь французской земли. Эти войска опирались на 817 союзных боевых кораблей, 63 транспорта, 1370 десантных судов и высадочных средств. Прикрывали десант с моря 5 линкоров, 9 авианосцев сопровождения, 24 крейсера, десятки других военно-морских плавучих единиц, а с воздуха — до 5 тыс. самолетов.

Им противостояла входившая в немецкую группу армий «Г» генерала Й. фон Бласковица 19-я армия генерала Г. Зоденштерна, не полностью укомплектованная и сравнительно слабо вооруженная. 10 дивизий вермахта были разбросаны по Южной Франции. Три из них удерживали всю полосу средиземноморского побережья от Италии до Испании. Помимо того, что 400 тыс. человек живой силы у союзников действовали против лишь 250 тыс. человек у гитлеровцев, последние резко уступали также в авиации и танках. Нехватку личного состава германское командование пыталось компенсировать разношерстными формированиями слабой боеспособности. Таковыми были 20 «восточных легионов» и отряд «свободных индусов» (бывшие военнопленные, захваченные ранее немцами у англичан), сражавшихся в составе «народной гренадерской дивизии». Правда, кое-где район предполагаемой высадки союзников был хорошо укреплен, особенно

подступы к Марселю и Тулону, а также г. Йер. Там функционировала продуманная система обороны с железобетонными бункерами, оснащенными орудиями, лежали минные поля, торчали проволочные заграждения. И все же на южном побережье Франции вермахт не располагал оборонительными сооружениями, подобными «Атлантическому валу» в Нормандии и Бретани.

Существенную роль в подготовке и развитии операции сыграл фактор внезапности. На протяжении полутора лет собственная разведка дважды подводила германское командование — в ноябре 1942 и июне 1944 года. Оба раза, сначала в Северной Африке, затем в Нормандии высадка союзников произошла не там, где их ожидали. После североафриканского провала Гитлер устроил разнос обеим ветвям разведки — внешнеполитической и военной. В августе 1944 г., в канун третьей и неминуемой, как это понимали все, десантной операции, немецкие генералы опять тщетно пытались предугадать, где именно высадятся союзники: на побережье Бискайского залива, в Лангедоке или Провансе. И снова просчитались, не предположив, что союзные войска высадят крупную войсковую группировку в курортной зоне, вдали от главных транспортных магистралей. Поэтому лучшие дивизии немцы держали западнее Марселя, а союзники высадились как раз восточнее него, причем высадке предшествовал отвлекающий маневр союзного флота с десантом на борту, ориентированный якобы в сторону Генуи.

Операция началась в ночь с 14 на 15 августа 1944 года. Перед нею десанты сели на корабли в портах Италии, Северной Африки и Корсики. Десантная группа (до 10 тыс. человек), летевшая на 535 самолетах и 465 планерах, приземлилась между Тулоном и Канном на сильно разбомбленном предварительно участке. 36-я американская пехотная дивизия (группа «Кемел»), 45-я американская пехотная дивизия (группа «Дельта») и 3-я американская пехотная дивизия (группа «Альфа») высаживали штурмовые отряды на берегу, группа «Ситка» овладевала островами Пор-Кро и Леван и доставляла отряд французских командос на мыс Негр, чтобы на западном фланге десанта перерезать путь на Тулон. Сначала высадка проходила легко, но потом развернулись ожесточенные бои. Американские дивизии на пляжах французской Ривьеры между Сен-Рафаэлем и Сен-Троpezом сразу же оборудовали два плацдарма. Им помог воздушный десант, сброшенный в районе г. Ле Мюи. Стратегическое шоссе Ницца — Марсель оказалось под их контролем в первые же часы. Потом в бой были введены французские бронетанковые дивизии, 1-я Свободная французская и 3-я пехотная алжирская. 18 августа к ним присоединилась 9-я колониальная пехотная дивизия. В этих соединениях продолжало царить воодушевление. При приближении к берегу солдаты запевали «Марсельезу».

Колониальные войска Франции сыграли главную роль в прорыве германской обороны вокруг г. Йер и на прилегающих к нему островах. Закрепившись на плацдарме, алжирцы повели наступление на Марсель, 9-я дивизия — на Тулон. Вступили в бой и обе марокканские дивизии — 2-я пехотная и 4-я горная, а также отдельный марокканский полк. 28 августа алжирцы вместе с марокканцами и французскими партизанами из Сопротивления освободили Марсель. Немецкий комендант марсельского укрепленного района приказал своим войскам прекратить сопротивление. Днем раньше капитулировали остатки 25-тысячного гарнизона Тулона. Оба города были освобождены ударом с тыла, причем гораздо раньше, чем предусматривалось планом операции. Взятие Тулона, при сравнительно больших потерях в колониальных войсках, дало деголлевским Военно-Морским силам опорную базу на Средиземном море, хотя Гитлер требовал оборонять ее «до последнего патрона»⁵.

Стремительность продвижения союзников вызвала адекватную реакцию противника, тем более что в его тылу действовали тысячи французских партизан. И на вторые сутки после высадки 19-я немецкая армия получила приказ об отрыве от врага и частичном отходе по альпийским дорогам и долине Роны. А вскоре с санкции Гитлера армия начала общий отход на

север. Освобождением Прованса завершилась первая стадия Дрэгона. Дальнейший путь десантников лежал к Лиону и Виши. Французские войска действовали и восточнее, вдоль француско-итальянской, затем француско-швейцарской границ. Посреди двух потоков французов в направлении Гренобля и Безансона продвигались американцы. Успешно налаживалось их боевое взаимодействие. Французы получали все бóльшую самостоятельность. С 24 сентября войска де Тассиньи стали официально именоваться 1-й французской армией. Теперь она действовала на равных с 7-й американской армией, подчиняясь непосредственно командующему группой армий американскому генералу Дж. Деверсу ⁶.

Новое взаимодействие осуществлялось и внутри самой 1-й армии. Ведь после 1942 г., когда возникло движение «Сражающаяся Франция», деголлевцы и соединения бывшей Североафриканской армии воевали хотя и против одного противника, но порознь. В Ливии и Тунисе «свободные французы» и «североафриканцы» бок о бок еще не сражались. В Италии было то же самое: там воевал лишь корпус Жюэна. И только высадка в Провансе впервые позволила преодолеть взаимное недоверие и достичь слияния обеих боевых сил Франции, которым суждено было стать составляющими возрождавшихся француских вооруженных сил.

Немалая заслуга в достижении этого единства принадлежала ее командующему. 55-летний генерал армии де Тассиньи, некогда участник боев под Верденом в 1916 г., пользовался в войсках популярностью. Он был человеком энергичным, волевым и жизнерадостным, легко находил общий язык с французами и американцами, солдатами и партизанами, деголлевцами и коммунистами, с американскими и советскими генералами ⁷. В молодости он долго служил в Марокко, что помогло ему впоследствии при командовании колониальными солдатами. В 1-й французской армии за Жаном-Мари-Габриэлем Делаттром закрепилось прозвище «король Жан», как бы отразившее особенности личности этого человека. А его колониальные войска оказывали на жителей метрополии сильное психологическое воздействие. Ведь они появились на француской земле после четырех унижительных лет оккупации. Это были собственные войска Франции, залог послевоенного возрождения ее величия как мировой державы.

Июньская высадка 1944 г. в Нормандии практически была американо-английской. Францускую армию там представлял, скорее символически, ударный десантный батальон. Правда, 1 августа там же высадилась 2-я француская бронетанковая дивизия (18 тыс. человек и 3 тыс. единиц боевой техники), которая через 24 дня вошла в Париж. Но на том участке фронта она была единственным француским соединением ⁸. В Провансе же преобладали в десанте француские войска (300 тыс. из 400 тыс.). Тут осуществлялась француско-американская операция широкого масштаба, и именно в качестве таковой воспринималась она во Франции. Вот почему темпераментные южане, встречая освободителей вином и цветами, особенно бурно приветствовали соотечественников в военной форме. При этом в условиях эйфории освобождения в разряд соотечественников, в шеренгу «наших» попадали и коренные французы, и темнокожие выходцы из колоний и протекторатов, что было тогда вполне естественно.

Дальнейшие события разворачивались следующим образом. Опасаясь быть отсеченными от территории рейха, соединения вермахта в Восточной Франции продолжали отступать в северном направлении. А в составе француских войск двигались вдоль Роны и затем Соны также колониальные соединения. Развивая успех, солдаты де Тассиньи с боями выходили на новые рубежи и с помощью местных партизан очистили от врагов обширные области в Дофинэ, Савоие, Бургундии и Франш-Конте. Среди крупных городов, освобожденных ими в осенние месяцы, упомянем Лион, Шалон, Дижон. Западнее Дижона они встретились с американцами, наступавшими с севера.

Сражения разворачивались в условиях горной и лесистой местности. Как ни велики были американские запасы горючего, возникли проблемы с его доставкой на передовую. Начались перебои. Автотранспорт часто

выходил из строя. Войска вынуждены были совершать длительные переходы в пешем строю. К тому же во второй половине октября внезапно началось резкое похолодание. Последовавшая зима оказалась в Восточной Франции необычайно суровой, снежной и затяжной, временами температура снижалась до 20 градусов ниже нуля⁹. В таких условиях свободно наступают сибирская или канадская дивизии, но не сенегальская. А зимнее обмундирование еще лежало на складах в Марселе. Да и сопротивление немцев по мере продвижения к Эльзасу становилось все более упорным. Темпы союзного продвижения замедлялись. В верховьях р. Соны 1-й французской армии пришлось вести тяжелые бои в Вогезах, прежде чем она обеспечила себе прорыв на эльзасскую равнину. Затем последовали осада и взятие г. Кольмар, выход к Рейну, где перед французами сосредоточилась немецкая группа армий «Верхний Рейн».

Главный город Эльзаса Страсбург был взят с другого направления, но тоже с участием колониальных войск. 23 ноября его освободила 2-я бронетанковая дивизия генерала Ф. М. Леклерка де Отклока, которая продвигалась к Рейну от Нормандии через Шампань, Лотарингию и Вогезы, в боевых порядках 3-й американской армии генерала Дж. Паттона. Имя Леклерка, боевого офицера, бежавшего из германского плена и присоединившегося к де Голлю сразу же после создания в 1940 г. движения «Свободная Франция», было уже достаточно известно. Именно он обеспечил присоединение к «Свободной Франции» властей Камеруна. Он же в январе 1941 г. осуществил дерзкий и успешный поход через африканские пустыни, от озера Чад сквозь Ливию. После захвата оазиса Куфра в Южной Ливии в марте 1941 г. Леклерк обратился к своим солдатам со словами: поклоняемся, что не выпустим из рук оружия, пока не водрузим французский флаг над Мецем и Страсбуром! И 23 ноября 1944 г. воины Леклерка выполнили эту клятву, освободив Страсбург.

На базе отрядов Леклерка был сформирован Чадский маршевый полк, развернутый впоследствии во 2-ю Свободную французскую дивизию. В ней служили в основном выходцы из Чада и ФЗА. По завершении операции в Тунисе Леклерку поручили сформировать бронетанковое соединение и подготовить его к передислокации в Европу. Это было проделано им в Марокко с помощью инструкторов из 8-й английской армии генерала Б. Монтгомери. В Марокко Леклерк расстался со своими ветеранами — африканскими пехотинцами, которые влились в иные части и соединения, а сам 1 сентября 1943 г. вступил в должность командира 2-й бронетанковой дивизии. Теперь в ней служили французы и арабы, в основном марокканцы. 3 апреля 1944 г. ее перебросили в Англию, где она продолжила боевую подготовку на американских танках «Шерман» в ожидании приказа о высадке на континенте. Самая высадка была произведена 1 августа в Нормандии, на полуострове Котантен, в том месте, которое вошло в историю войны как «пляж Юта» (Юта-бич)¹⁰.

12 сентября в г. Монбар (департамент Кот д'Ор) братски встретились колониальные солдаты — марокканские спаги Леклерка и многонациональные части 1-й Свободной французской дивизии из армии де Тассиньи. Так произошло то, что было задумано во время Тегеранской конференции: союзнический молот, занесенный над германскими дивизиями во Франции, с силой ударил по наковальне (отсюда и название операции Энвил; по-английски «наковальня»). Далее, при освобождении Эльзаса, войска де Тассиньи и Леклерка, несмотря на их оперативное подчинение различным главнокомандующим, порой взаимодействовали. Так случилось при осаде г. Кольмар, хотя каждый из генералов выполнял самостоятельную задачу. Отметим, что если войска Леклерка освобождали Страсбург, то войскам де Тассиньи вскоре пришлось его оборонять от гитлеровцев: после германского прорыва в Арденнах на рубеже 1945 г. гитлеровские войска в Восточной Франции, воспрянув духом, повели сразу с трех направлений контрнаступление на Страсбург. Несмотря на американский нажим (Эйзенхауэр приказал временно сдать город по соображениям военной целесообразности), де Голль остался непреклонен, и армия де Тассиньи отстояла Страсбург, хотя и не без помощи американцев¹¹.

К марту 1945 г. Восточная Франция была полностью очищена от немецких войск. Африканские бойцы 1-й французской армии, прошедшие с боями от Тулона до Эльзаса 700 км и участвовавшие в освобождении 25 французских департаментов (треть территории страны), вышли к Рейну. Переправившись через него 18 марта 1945 г., передовые части этой армии вступили в пределы «третьего рейха». Этот день де Тассиньи назвал «великим для сердца француза». Далее последовала вся армия. В ее войсках были и туниисцы, у которых имелся свой счет к гитлеровцам: еще недавно их страна подвергалась жестокой фашистской оккупации со всеми ее атрибутами — системой комендатур, взятием заложников, облавами, реквизициями, расправами с еврейским и другими «нежелательными» категориями населения.

Дальнейший боевой маршрут армии в Германии пролегал через Шварцвальд. При взятии 3 апреля г. Карлсруэ отличились алжирцы, марокканцы и западноафриканцы. Активную роль сыграли колониальные войска также при взятии городов Фрайбург, Баден-Баден, Штутгарт (23 апреля), Констанц. 1-я французская армия завершила войну в верховьях Дуная на стыке границ Германии и Австрии. Поэтому вскоре она стала официально именоваться Рейнско-Дунайской. Дивизия же Леклерка, выйдя в глубь Баварии, остановилась 4 мая 1945 г. в Берхтесгадене, известной альпийской резиденции Гитлера.

Далеко не все африканские солдаты, грузившиеся на десантные суда в августе 1944 г., дошли до Германии. Одни погибли в боях, другие были демобилизованы по ранению или болезни. Велик был процент обмороженных, заболевших туберкулезом или менингитом. Такими оказались последние минувшей суровой зимы для жителей субтропиков и тропиков. В двух соединениях, полностью или в значительной мере укомплектованных солдатами-африканцами (1-я Свободная французская дивизия и 9-я колониальная пехотная дивизия), пришлось снять в разное время с передовых позиций и отвести в тыл около 15 тыс. обмороженных или заболевших солдат. Всего же в этих двух соединениях служило в то время, по признанию самого де Голля, около 20 тыс. выходцев из Западной и Центральной Африки¹². То есть до Германии не дошли три четверти солдат из Тропической Африки (и это без учета потерь). С ноября 1944 г., от Эльзаса и далее, африканский контингент в войсках де Тассиньи был представлен главным образом магрибинцами, которые меньше страдали от холодов.

Выбывших африканцев заменяли французами — вчерашними партизанами или же юношами призывного возраста. Замена происходила быстро, зачастую прямо в окопах, в нескольких сотнях метров от немецких позиций. Люди едва успевали обменяться военной формой, которой на всех не хватало. При замене африканцев, в большинстве пехотинцев, находились порою добровольцы, которые просили оставить их на передовой. Однако до Германии дошли в основном те африканцы, которые служили не в пехоте и передвигались на механической тяге: артиллеристы, танкисты, шоферы, военные медики. Лишь в силу инерции полки сенегальских стрелков¹³, где африканцев в сущности уже не оставалось, еще некоторое время сохраняли прежнее название. Вскоре они были переименованы.

В составе французских оккупационных войск в Германии африканцы оставались до июля 1945 года. В июне расположение 1-й французской армии, стоявшей в Южной Германии, посетил султан Марокко (будущий монарх этой страны Мухаммед V). Целью визита султана к землякам было вручение орденов наиболее отличившимся. После майской победы командование начало выводить африканские части. Одних солдат демобилизовывали, других направляли в Индокитай, где война продолжалась. Что касается Франции, то картина участия африканцев в ее освобождении будет неполной, если не принять во внимание также африканских борцов французского Сопротивления. Его интернациональный состав таков: помимо французов — армяне, белорусы, венгры, испанцы, итальянцы, поляки, русские, украинцы и др. Менее известно, что оно было многорасовым, ибо среди участников Сопротивления были не только европейцы, но также сыны Африки и Индокитая.

Контакты между французскими патриотами и африканцами, чья судьба забросила в 1939—1945 гг. в Европу, поддерживались всю войну. Десятки тысяч выходцев из Африки находились в оккупированной нацистами Франции на положении военнопленных. Оккупационные власти использовали труд африканцев на шахтах, заводах, фермах. Французское население относилось к темнокожим военнопленным благожелательно, помня, как стойко сражались колониальные части против гитлеровцев в 1940 г. Африканцы же, общаясь с партизанами и подпольщиками, открывали для себя нестандартный облик метрополии. Доброжелательность, великодушные, отсутствие предрасположенности к расизму корректировали их прежние представления о коренных французах¹⁴.

Антирасизм африканцев и антифашизм большинства французов стали основой приобщения первых к подпольной деятельности вторых. Были случаи, когда африканцы, рискуя головой, снабжали подпольщиков боеприпасами, похищенными в цехе либо на складе, тайно обучали французскую молодежь обращению с боевым оружием. Летом 1944 г., когда внутреннее Спротивление резко активизировалось, такие добровольные инструкторы естественным образом оказывались в рядах партизан.

Приведем некоторые данные, позволяющие составить общее представление о масштабах африканского участия в описываемых событиях. С 1939 по 1945 г. в боях на территории Франции участвовало 320 тыс. североафриканцев (арабы и берберы), 200 тыс. западноафриканцев и мадагаскарцев, 176 тыс. европейских уроженцев Северной Африки. Данные об их потерях фрагментарны. Считается, что погибло в майско-июньских боях 1940 г. или умерло в лагерях для военнопленных 17,5 тыс. солдат из Тропической Африки. К ним надо добавить 8 тыс. погибших на различных фронтах (Северная Африка, Италия, Франция) в 1943—1944 годах. Это дает в сумме более 25 тыс. человек. Установлено, что только в 1944—1945 гг. было убито в боях 14 тыс. североафриканцев, ранено 42 тысячи¹⁵. Если исходить из абсолютных величин, получится, что африканцев, сражавшихся в конце войны за освобождение метрополии, было около 125 тысяч. Но всего в распоряжении де Голля было тогда не свыше 300 тыс. пехотинцев, летчиков и моряков¹⁶. И если почти половина личного состава французских войск приходилась на солдат из Северной и Тропической Африки, то это говорит о многом.

Весомость боевого вклада африканцев, соразмерного возможностям колоний, неоспорима. Союзные военачальники неоднократно отмечали ее и в ходе боев, и после войны. Приказом де Голля от 20 июля 1944 г. 13-му полку сенегальских стрелков, особо отличившемуся при штурме о-ва Эльба, гарнизон которого отчаянно сопротивлялся, была объявлена благодарность за мужество. Лестный отзыв о решительных действиях на этом острове всей 9-й колониальной пехотной дивизии, в составе которой воевал данный полк, находим в мемуарах Черчилля. Черчилль был высокого мнения также о боеспособности марокканских горнострелковых частей в Италии и называл ценным вклад французской армии в успех десантной операции в Южной Франции. А вот мнение главнокомандующего союзными силами в Европе Д. Эйзенхауэра: «В конце 1943 и начале 1944 г. французский корпус на том [итальянском. — А. Л.] театре военных действий действовал прекрасно. Более того, французы блестяще сражались при вторжении в Южную Францию, в Вогезах и при наступлении на Верхний Рейн. Их эффективность быстро упала с наступлением зимних холодов в конце 1944 г., поскольку значительная часть французской армии состояла из африканских войск, не привыкших к холодам и ненастьям, свойственным для кампании на Европейском театре военных действий в зимних условиях. Однако весной 1945 г. во время заключительных операций войны французская армия храбро наступала и успешно заняла большие районы Южной Германии»¹⁷.

Все специалисты по истории войн свидетельствуют: в зимнее время африканские части во Франции действительно снимались, во избежание массовых заболеваний, с боевых позиций и отводились на отдых как можно

южнее, а весной их снова возвращали на передовую. Так было в первую мировую войну, так же было и во время «странной войны» зимой 1939/40 года. Необходимость замены французами африканских солдат, утративших боевые качества пехотинцев, французское командование обосновало в приказе по войскам 26 декабря 1944 года. То есть сделано это было уже после многих замен, накануне перехода значительно «побелевшей» французской армии через Рейн. Самый термин «отбеливание армии», которым поныне продолжают оперировать некоторые историки, возник именно тогда. Генералы, авторы приказов по французским войскам, употребляли его, беря в кавычки. Изменения в составе армии в связи с заменой африканцев не оставались незамеченными: в разгар событий их оживленно комментировали радиостанции Парижа, Берлина, Лондона, Лозанны.

Чтобы понять сложность и многогранность проблемы, необходимо ввести ее в военно-политический контекст 1944—1945 годов и напомнить о тогдашних французских приоритетах. Главным из них было восстановление статуса великой державы. Для этого следовало, в частности, развернуть на фронтах возможно большее число боевых дивизий, что позволило бы «Сражающейся Франции» увереннее действовать на территории агонизировавшего «третьего рейха». В перспективе это усиливало также позиции Временного правительства Французской республики во главе с де Голлем. Оно могло бы с большим основанием претендовать на активное участие в послевоенном мирном урегулировании (закрепление за Францией отдельной оккупационной зоны в Германии, предоставление ей статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН, учет ее интересов как владелицы колониальной империи и пр.).

С этой точки зрения быстрое наращивание численности регулярной армии Франции выглядит логичным. Но в такую логику не вписывается учет интересов африканского контингента армии, не говоря уже о чувстве благодарности к африканским ветеранам. Сложилась двусмысленная ситуация. Публично признавая вклад колониальной империи в освобождении метрополии, французские власти практически избавлялись как раз от солдат из колоний и протекторатов, пострадавших от холодов африканцев не переводили в нестроевые, а просто демобилизовывали. Не попадали в новую французскую армию и освобожденные из немецких лагерей африканские военнопленные, обладавшие боевым опытом, готовые солдаты. Командование считало более удобным такой порядок увеличения численности регулярной армии, который исключал ее рост за счет колониального контингента.

Реакция тех, кто стал объектом скоропалительной демобилизации осенью и зимой 1944 г., была отрицательной. Неприглядность картины усугублялась тем, что тысячи солдат из тропиков, среди которых имелись люди заслуженные, отмеченные наградами и ранениями, списывали из армии непосредственно в преддверии близкой победы над фашизмом. У них отбирали военную форму, из отправляли в тыл, где они жили в плохо отапливаемых казармах и получали скудное довольствие, не сравнимое с армейским пайком. В ожидании репатриации демобилизованные часто соседствовали и общались с теми земляками из колоний, которых только что освободили из германского плена. У бывших военнопленных, сильно натерпевшихся за время пребывания в немецких лагерях, были и свои резоны для недовольства. Многие из них столкнулись по выходе из лагерей с равнодушием новых властей и даже с проявлениями расовой дискриминации.

Накопление горячего материала в местах пребывания африканских репатриантов в различных местах Франции достигало иногда опасных пределов. Незначительные бытовые инциденты выливались в серьезные конфликты. 1944 и 1945 гг. отмечены серией таких столкновений, подчас кровавых. Беспорядки и волнения происходили в ряде городов, особенно портовых, где скапливались в ожидании транспортов большие массы демобилизованных поневоле и вчерашних военнопленных. Так случилось в Шербуре, Морле, Ла-Валлетте, Фрежюсе, Ажене, Агде, Сете, Мон-де-Марсане,

Версале, Трэве, Сен-Рафаэле, Антибе. Серьезные инциденты отмечались и в некоторых гарнизонах, где были расквартированы колониальные войска действительной службы. Дело доходило даже до применения африканскими военнослужащими огнестрельного оружия¹⁸.

Какими бы соображениями (медицинскими, гуманитарными, военными, политическими или иными) ни руководствовалось французское командование, демобилизуя тогда африканских ветеранов, приходится констатировать, что действовало оно опрометчиво. Генералы не слишком задумывались о возможных негативных последствиях «отбеливания» армии, осуществлявшегося в болезненных формах. Ни у кого из руководителей военного и колониального ведомств не возникла мысль о возможности временного отъезда из Действующей армии, одновременно с африканскими солдатами, хотя бы некоторых европейских командиров, французских боевых офицеров и сержантов, которых можно было бы приобщить к практическому осуществлению демобилизации и репатриации африканцев.

К мнению однополчан-европейцев африканские солдаты прислушивались: те были авторитетами, ибо делили вместе с ними в окопах все невзгоды. Но в кризисный момент рядом с солдатами таких людей не оказалось. Некому было гасить разбушевавшиеся страсти, призывать к сдержанности, находить выход из создавшегося положения с учетом интересов обеих сторон. В бурлящих от обиды и негодования лагерях выступали в роли наставников как раз не фронтовики, а тыловики или зачастую вообще случайные люди, чиновники в интендантской форме, порой явные расисты. Далее все развивалось по стандартной схеме: падение дисциплины, кровавые беспорядки, жертвы, военный трибунал, жесткие приговоры тем, кого называли зачинщиками, негласное служебное расследование причин инцидента и выводы: «революционная пропаганда» либо «панафриканская пропаганда» (если речь шла о вчерашних солдатах), «нацистская антифранцузская пропаганда» (если речь шла о вчерашних военнопленных). О подлинных причинах событий и собственных просчетах не говорили.

Перелистывая страницы истории боев на европейском театре военных действий на завершающем этапе войны, историки вообще редко упоминали об участии в них солдат из африканских колоний. И уж совсем редко заводили речь о волнениях в лагерях репатриантов и в некоторых гарнизонах сразу после освобождения Франции от оккупантов. Впрочем, тут не все зависит от ученых. До сих пор не все архивные документы французских ведомств, относящиеся к концу второй мировой войны, доступны исследователям. Ясно лишь, что те мрачные эпизоды воинской службы многих африканцев не должны обходиться молчанием.

Еще одна сторона дела связана с тем резонансом, какой вызывали события весны и лета 1945 г. среди африканцев, в первую очередь тех, кто находился в Европе и был лучше информирован. Война еще продолжалась, когда в гарнизоны, госпитали и лагеря репатриантов проникали вести, будоражившие умы вчерашних бойцов. В казармы просачивались сообщения о том, что в Сан-Франциско только что закончилась учредительная конференция новой всемирной организации, которая как будто собирается всерьез заняться судьбой колоний. 21 октября 1945 г. прошли выборы в Учредительное собрание Франции, в котором левые партии получили 294 мандата из 522. Отныне в нем заседали и представители французских колоний. Африканские солдаты читали прессу, включая левую, посещали предвыборные митинги. Некоторые отправлялись в Париж, чтобы встретиться с новоизбранными депутатами от Сенегала, Судана, Берега Слоновой Кости, Мадагаскара. Молодые люди из Африки, успевшие получить аттестат с средним образованием и прошедшие войну, всерьез подумывали о поступлении во французские высшие учебные заведения. Среди их студентов первого послевоенного набора было немало мадагаскарцев — призывников или добровольцев, только что демобилизованных из французской армии. Точно так же стремились демобилизоваться (и непременно в метрополию, чтобы тут продолжить учебу) многие магрибинцы, сенегальцы, гвинейцы, чадцы и пр. Фронтальная молодежь делала заявку на последующее

вхождение в колониальную элиту, с перспективой преобразования в правящий слой будущих национальных государств. Авторы одного из коллективных исследований по истории Африки в рамках ЮНЕСКО недаром утверждают: «В результате войны Европа не стала менее империалистической, зато Африка стала гораздо более националистической»¹⁹.

Поколению фронтовиков суждено было сыграть заметную роль в определении послевоенных судеб колоний. Первыми среди соотечественников они перестали считать себя вечно бесправными подданными, второсортными «туземцами». Этот факт сразу ввел их в центр общественного внимания и наделил престижем, а наиболее авторитетных вооружил потом депутатскими мандатами. Именно ветераны войны заявили новой, IV Французской республике (официально существовала с момента утверждения новой конституции 24 декабря 1946 г.): не щадя себя, колонии помогли метрополии вновь обрести свободу; очередь за метрополией; пусть и она поделится теперь с колониями совместно завоеванной свободой. Именно тогда, в 1945 г., программировалась долгосрочная политическая модель развития колоний, и не только французских. Результаты сегодня известны.

Такой поворот сюжета относится одновременно к истории и второй мировой войны, и Африки. Невозможно не заметить связь двух феноменов — военного и деколонизационного. Поколение африканцев, воевавших в Европе в 1939—1945 гг., как раз и выдвинуло многих будущих руководителей национальных государств и правительств, лидеров политических партий и профсоюзных вождей, писателей и дипломатов. Бывший зенитчик сержант А. Бен Белла, воевавший в Тунисе, Италии и Франции, стал первым президентом независимого Алжира. Бывший рядовой 23-го полка колониальной пехоты, затем военнопленный и участник Сопrotивления Л. Сенгор долгие годы стоял во главе Республики Сенегал; он стал также всемирно известным поэтом и философом. Бывший танкист Ф. Ясэ, дошедший в боях до Шварцвальда, был избран председателем первого парламента независимого Кот д'Ивуара. Бывший военврач 9-й колониальной пехотной дивизии Ж. Кономбо возглавлял правительство Буркина Фасо (Верхняя Вольта). Фронтовой шофер сенегалец С. Усман, закончивший войну в г. Баден-Баден, вырос в крупного прозаика и кинематографиста, чьи произведения читают и смотрят во всем мире.

Перечень громких имен легко может быть продолжен. Что касается людей менее известных, в прошлом рядовых участников всемирной битвы против фашизма, то их послевоенная судьба часто напоминает жизнь их сверстников и товарищей по оружию на других континентах. В громадном большинстве они так и остались после Победы скромными тружениками и военными пенсионерами. Они пользуются уважением и у себя на родине, и во Франции. В г. Шаслэ под Лионом и во Фрежюсе открыты военные мемориалы в честь павших солдат африканских колониальных войск. Ряд улиц в городах Прованса, некогда освобожденных африканскими десантниками, назван в их честь. Там можно встретить улицы имени 1-й Свободной французской дивизии, 9-й колониальной пехотной дивизии, отдельных колониальных полков. На памятниках павшим, воздвигнутых в этих местах, есть и африканские имена. Сотрудничают ассоциации ветеранов войны. Выходят книги и специальные номера журналов, посвященные событиям тех лет, издаются (реже) мемуары африканских участников войны. Выпускаются военные серии почтовых марок. Снимаются документальные фильмы.

Среди ветеранов, приглашенных в августе 1994 г. на празднества к 50-летнему юбилею высадки в Провансе, было немало африканцев. Особо отличившимся еще полвека назад вручали ордена Почетного легиона. Их интервьюировали, тогда и теперь, французские средства массовой информации. Юбилейные торжества развернулись почти на всем южном побережье Франции, где некогда шли жаркие бои. Праздничные манифестации прошли в Сен-Рафаэле, Сен-Тропезе, Йере, Драгиньяне, Фрежюсе, Тулоне. Эскадра из 33 кораблей французских, американских и английских ВМС предефилировала вдоль побережья от Вильфранша до Тулона в честь

бойцов союзных войск, высадившихся там в 1944 году. Кульминацией торжеств послужил морской парад. Его принимал с мостика авианосца «Фош» президент Французской республики в окружении членов правительства и почетных гостей. Среди последних были африканские руководители высшего ранга, в том числе президенты Того, Габона, Джибути, Сенегала, Камеруна, Гвинеи, Буркина Фасо, Чада, Бенина, Мавритании, Мали, Мадагаскара, Нигера, Центрально-Африканской Республики ²⁰.

К 50-летию открытия «второго фронта» в Европе Парижский монетный двор отчеканил мемориальную коллекцию монет. В ней запечатлены важные события, вошедшие в летопись второй мировой войны. В коллекции по 12 золотых и серебряных монет. Четыре изображения на них имеют непосредственное отношение к нашей теме: взятие войсками Леклерка оазиса Куфра, сражение у Бир-Хакейма в Ливии, бои под Монте-Кассино, высадка в Провансе ²¹.

Коль скоро война была мировой, достойны внимания потомков все воевавшие народы, в каком бы отдаленном уголке планеты они ни находились. Потому и воздают должное африканским участникам минувшей войны наряду с их товарищами по оружию из других стран. Плечом к плечу со всеми ними, не говоря уже о французских солдатах, африканцы сражались в Северной Африке и Италии, Франции и Германии. Возникает также вопрос о боевом взаимодействии в те годы сынов Африки и России. Имело ли оно место? Где и когда? В каких формах?

В декабре 1941 г. де Голль предложил Советскому правительству перебросить на советско-германский фронт из Сирии через Иран одну из своих дивизий. 40% ее личного состава приходилось на сенегальцев. Согласие Москвы было получено. Однако впоследствии обещанная дивизия не попала в СССР, а была передислоцирована в Ливию ²².

Зато в Северной Африке африканцы сражались бок о бок с некоторыми россиянами против общего врага. Напомним, что часть деголлевских формирований воевала против Африканского корпуса Э. Роммеля в боевых порядках британской 8-й армии. Но в ее рядах сражались в 1942—1944 гг. и советские люди, носившие английскую военную форму. Пока точно неизвестна численность сражавшихся там наших соотечественников. То были военнопленные, бежавшие из германских лагерей или освобожденные союзниками в Италии. Есть сведения, например, о том, что в 1944 г. через Иран в английском военном эшелоне ехал из Северной Африки на родину целый батальон бывших советских военнопленных ²³. Возвращаясь к боям на Европейском континенте, укажем также на реальную возможность совместных боевых действий африканцев из 1-й французской армии и советских граждан — участников французского Сопротивления. К весне 1944 г. во Франции действовало 35 партизанских отрядов, сформированных целиком или почти целиком из советских граждан ²⁴.

В памятную ночь с 8 на 9 мая 1945 г., после подписания в Карлсхорсте акта о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии, там начался праздничный банкет, длившийся до утра и многократно описанный. Среди множества тостов за победу, поднятых в ту ночь, был и тост де Тассиньи, который представлял на церемонии подписания исторического документа Францию. В своих мемуарах Г. К. Жуков упоминает об этом эпизоде, но ничего не сообщает о своем собственном тосте, ответом на который как раз и послужило выступление французского военачальника. Вот этот тост Жукова в изложении де Тассиньи: за Францию, за ее дух сопротивления, олицетворяемый генералом де Голлем, за ее армию, которая, несмотря на вражеское нашествие, сумела преобразоваться и внести достойный вклад в победу союзников ²⁵.

За Францию и ее армию! Произнеся эти слова, виднейший советский полководец воздал должное всем французским воинам. А значит, и солдатам из колоний, составлявшим после 1940 г. становой хребет этой армии.

Примечания

1. Если не считать военно-исторического исследования, в котором лаконично упоминаются интересующие нас события уже в конце войны: Вооруженная борьба народов Африки за свободу и независимость. М. 1974, с. 122—123; автор раздела — Р. Б. САМОФАЛ. См. также: ЧЕРКАСОВ П. П. Колониальная политика Франции в годы второй мировой войны. — Вопросы истории, 1983, № 7, с. 86—87; его же. Распад колониальной империи Франции. М. 1985, с. 18.
2. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 1. М. 1976, с. 236; т. 2. М. 1976, с. 123; ЧЕРЧИЛЛЬ У. Вторая мировая война. Кн. 3, тт. 5—6. М. 1991, с. 200, 201, 207, 209, 251, 283, 368, 371.
3. JUIN, Maréchal. Mémoires. Т. 1. P. 1959, p. 354; Au Maréchal de Lattre. Hommages, ordres du jour, discours. Colmar — P. 1952, p. 45.
4. SALAN R. Mémoires. Vol. I. P. 1970, p. 120.
5. МОРИСОН С. Вторжение во Францию и Германию. 1944—1945. М. 1963; История второй мировой войны, 1939—1945. Т. 9. М. 1978, с. 256сл.; Вторая мировая война 1939—1945 гг. М. 1958, с. 656; ВЕСТФАЛЬ З. и др. Роковые решения. М. 1958, с. 246.
6. Bataille de Provence, août 1944. Clermont-Ferrand. 1992 (carte).
7. Любопытные штрихи к его портрету набросал член Военного совета 5-й ударной армии генерал-лейтенант Ф. Е. Бокков, встречавшийся с ним в Берлине в мае 1945 г. (БОКОВ Ф. Е. Весна Победы. М. 1985, с. 338, 339, 348, 349).
8. Label France, P., 1994, № 15, p. 6.
9. CONOMBO J. I. Afrique: souvenirs d'un «Tirailleur Sénégalais». P. 1989, p. 76.
10. Le général Leclerc, 1902—1947. — Revue française, № spécial, P., 1947, p. 4, 22, 49; Le général Leclerc vu par ses compagnons de combat. P. 1949, p. 114, 115, 166—169; Bataille d'Alsace, novembre 1944 — mars 1945. Clermont-Ferrand. 1992; Les spéciales de l'Institut géographique national, événement, jour J, 6. VI. 44. P. 1994.
11. ПОГЬЮ Ф. Верховное командование. М. 1959, с. 415.
12. LATTRE DE TASSIGNY, général de. Histoire de la Première armée française: Rhin et Danube. P. 1949, p. 202; DE GAULLE CH. Mémoires de guerre: le Salut, 1944—1946. P. 1969, p. 41.
13. Сенегальские стрелки — собирательное понятие. На практике в частях с таким названием служили помимо сенегальцев малийцы, гвинейцы, чадцы, конголезцы, габонцы и камерунцы.
14. Afrique-Histoire, Dakar, 1983, № 7, p. 49.
15. ECHENBERG M. Morts pour la France. — The Journal of African History, Cambridge, vol. 26, 1985, № 4, p. 365; DEROO E. Les troupes coloniales de 1940 à 1945. In: Images et Colonies. P. 1993, p. 218.
16. МОЛЧАНОВ Н. Генерал де Голль. М. 1988, с. 227.
17. ЧЕРЧИЛЛЬ У. Ук. соч., с. 325, 379, 386; Вторая мировая война в воспоминаниях Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Корделла Хэлла, Уильяма Леги, Дуайта Эйзенхауэра. М. 1990, с. 497; Service historique de l'armée de terre, Château de Vincennes, sér. 12P, cart. 264, dos. 3.
18. POUJUOLAT E. L'évolution de la mentalité des Tirailleurs Sénégalais au cours de la guerre 1939—1945: mémoire. P. 1945—1946, p. 1—2; LADHUIE A. Etat d'esprit des troupes Noirs consécutif à la guerre 1939—1945: thèse. P. 1945—1946, p. 16—17 (Ecole Nationale de la F. O.M.).
19. RAMIANDRASOA F. Le mouvement étudiant malgache de 1900 à 1975. In: Le rôle des mouvements d'étudiants africains dans l'évolution politique et sociale de l'Afrique de 1900 à 1975. P. 1993, p. 187; General History of Africa. Vol. 8. Berkeley. 1993, p. 75.
20. Le Figaro, 14. VIII. 1994; Le Monde, 16. VIII. 1994; Libération, 16. VIII. 1994; Africa International, 1994, Sept. — Nov. (№ 275—277), p. 28—29.
21. Le Monde, 4. VI. 1994, № spécial, jour J, p. V.
22. Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Док. и мат.-лы. Т. 1. М. 1983, с. 59, 60, 68, 382.
23. Правда, 8. V. 1988; Известия, 8. V. 1989; см. также: БЕЛЯКОВ В. По следам «Пересвета». Каир. 1994, с. 205сл.
24. История Франции. Т. 3. М. 1973, с. 272; Советские люди в европейском Сопротивлении. Ч. 1. М. 1991, с. 121.
25. ЖУКОВ Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 3. М. 1974, с. 267; LATTRE DE TASSIGNY, général de. Op. cit., p. 608.

Византийская цивилизация

К. В. Хвостова

Проблема цивилизации является объектом интенсивного рассмотрения в современной науке. Однако само понятие «цивилизация», хотя и прошло значительный путь в своем развитии, — неоднозначно. В эпоху раннего позитивизма Т. Г. Бокль рассматривал цивилизацию как пространственно-временную и этнокультурологическую целостность. В ее рамках он в соответствии с общими политическими доктринами позитивизма и рационализма значительное место отводил государству, его институтам и их функциям. О. Конт, Г. В. Гегель, А. Тойнби, О. Шпенглер использовали понятие «цивилизация» в разных значениях в соответствии со своими философскими построениями. Разнообразие трактовок объясняется характерным для гуманитарного знания полисемантизмом понятий¹. В истории, как и в других гуманитарных науках, признаки, образующие понятие, варьируют и зависят (обычно — имплицитно) от мировоззрения исследователя.

Современный американский политолог С. Хантингтон рассматривает цивилизацию как целостность, для которой характерно единство или сходство таких параметров, как язык, история, религия, обычаи, институты, самоидентификация². По-видимому целесообразно уточнить это определение. Цивилизация — это не столько набор ведущих признаков-параметров, сколько совокупность функциональных связей между этими параметрами. Такие связи, лежащие в основе высших ценностей, институтов, ведущих мировоззренческих доктрин, создают нравственные установки общества, определяют его самосознание, общественно-правовые традиции, т. е. формируют факторы цивилизации.

Изменение функциональных связей или перераспределение их ролей — симптом развития цивилизации. Современные цивилизации отличаются от древних и средневековых повышением социальной роли параметров, отражающих развитие техники и производства. В то же время Хантингтон полагает, что на современной фазе развития европейской цивилизации вновь возросла роль религии. Представляется, что точнее было бы констатировать повышение социальной роли функциональных связей религий с обычаями и институтами, которые исторически и генетически связаны с соответствующими религиями. Инвариантные, функционирующие на про-

---

Хвостова Ксения Владимировна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, заведующая группой «Проблемы исторического познания».

тяжении столетий факторы, составляющие содержание цивилизаций, естественно, не исчерпывают все общественные структуры и жизнь общества. В рамках цивилизаций протекает изменчивая и неповторимая событийная история с ее временными метаморфозами, индивидуальными проявлениями, случаями.

Соотношение инвариантных цивилизационных факторов и меняющейся событийной истории определяет специфику каждой цивилизации, а также ее фазы, т. е. уровни развития. Иными словами, специфические, изменяющиеся на разных фазах по содержанию и по своим социальным ролям взаимосвязи инвариантных и изменчивых факторов отражают механизм воспроизводства цивилизации во времени, равно как и ее трансформации. Этот механизм приводится в движение деятельностью людей, культурными и духовными явлениями, логикой событий, которые в конечном счете могут раздвинуть рамки цивилизации, вызвать ее кризис, крах и формирование новых цивилизационных параметров.

Примечательно, что сложнейшая проблема механизма воспроизводства цивилизации во времени практически не ставилась в литературе. Частично она была затронута Т. Парсонсом, в центре внимания которого находились, однако, не цивилизации, а общества ³. В данной статье акцент сделан на рассмотрении мало изученной проблемы социального механизма воспроизводства византийской цивилизации во времени. Она представляет, по-видимому, тем больший интерес, что пример византийской цивилизации раскрывает перед нами подобный механизм в особенно наглядной форме. В этом смысле византийская цивилизация может рассматриваться как историческая парадигма, в рамках которой характерным образом осуществлялась связь инвариантных систем с большой временной устойчивостью, с одной стороны, с фактами бурной и неповторимой истории, с феноменами, интенсивно развивающимися во времени, с другой.

В литературе уже отмечался ряд факторов, обусловивших особенности Византии ⁴. В их числе указывались как явления цивилизационного, так и событийно-исторического ряда. Традиционно византийская цивилизация оценивалась как результат синтеза античных институтов и воззрений с восточно-христианской картиной мира, испытавшей одновременно иудаистское влияние. Ниже, при акценте на проблематику, относящуюся к воспроизводству цивилизации во времени, одновременно сделана попытка охарактеризовать некоторые мало изученные черты означенного синтеза, а также оценить их с точки зрения исторического значения византийской цивилизации.

В литературе рассматривались особенности восточного христианства, характеризующиеся как выражение своеобразной духовности, констатировалось в этой связи отношение в Византии к Писанию и постановлениям Вселенских соборов как высшим и незыблемым авторитетам, указывалось на значительную роль литургии, подробно изучались догматические расхождения с Западом; констатировалась большая, чем на Западе, роль, отводимая свободе воли человека; неоднократно рассматривался и оценивался мистический подход к решению метафизических и богословских проблем как доминанта византийского мирозерцания. Характеризовалась также особая роль монашества, препятствовавшая, как полагает И. Мейендорф, соединению этноса и государства в единую силу и превращению Византии в теократическую монархию ⁵.

Большое внимание исследователи уделяли изучению такого инвариантного цивилизационного фактора, как политико-правовая доктрина, восходящая к позднему Риму, и сформировавшаяся в основных чертах при Юстиниане (VI в.) ⁶. Согласно этой доктрине, императорской власти приписывалось божественное происхождение. Император-автократор-басилевс мог издавать и изменять законы, но ему не было позволено ставить себя выше закона; тем самым подчеркивалось его отличие от тиранов ⁷. Нарушение закона в конкретных ситуациях рассматривалось как аномалия и могло быть оправдано лишь требованиями общего блага. Многочисленные создаваемые византийцами на протяжении тысячелетней истории

существования их государства интерпретации политико-правовой доктрины были не лишены противоречия и содержали возможности дальнейшего их перетолкования в духе развития теории как абсолютной, так и ограниченной монархий. Эти интерпретации в дальнейшем влияли на развитие монархического государственного устройства в России, Сербии, Болгарии, странах Юго-Восточной Европы.

В отличие от ранней Западной Европы в Византии в наследство от Рима сохранились сильная государственная власть и принципы налогообложения. Функционирование этих институтов византийской цивилизации проявлялось в истории повседневности, в событиях и явлениях жизни Византии, определяя социально-экономическую историю государства и политику властей.

Византийской цивилизации был присущ принцип симфонии церкви и государства, основы которого еще в III—IV вв. были сформулированы Евсевием Кесарийским. В отличие от Запада византийский император считался главой церкви. Императорские постановления, касающиеся церковных дел, приравнивались к актам канонического права. Политическая история Византии, известная своими бесконечными войнами, дворцовыми переворотами и смутами, включала в себя и конфликты императоров с церковными иерархами. На Западе считалось, что духовная жизнь общества входит в компетенцию церкви, а прерогативой правителей являются государственные дела. Для Византии подобное противопоставление не было характерным, а соответствующее противоречие снималось на уровне специфической для восточного христианства целостной картины мира, включающего космос, природу, человеческую жизнь в их приобщении (метексис, идеи энергии, синергии) к божественной благодати. Целостность византийской картины мира и ее не только метафизически-мистическая интерпретация, но и роль, придаваемая категориям божественной энергии и синергии, как известно, повлияли впоследствии на идею всеединства русской религиозной философии конца XIX — начала XX вв. (В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Л. П. Карсавин и др.).

В плане правовых и социальных отношений для византийской цивилизации характерен континуитет римских правопорядков, отсутствие феодальной доктрины вассалитета, иерархической структуры собственности, ее условного характера. Доминировало право полной безусловной собственности на землю, восходившее к римским правовым принципам (на практике собственность далеко не всегда была полной и безусловной). Политико-правовая доктрина испытала не только сильное античное влияние, но и впитала элементы иудаизма. Действительно, византийцы называли себя римлянами (ромеями), избранным народом, противопоставляли себя варварам.

Для государственного самосознания византийского социума, проблема которого лишь косвенно затрагивалась в литературе, была характерна неприязнь к латинянам, образ «себя» и «других». В отличие от Запада византийское самосознание до XIII в. не может быть названо этническим, оно по своему содержанию отражало самоидентификацию государства и города, прежде всего Константинополя.

С XIII в. можно говорить о появлении этнической природы государственного самосознания Византии. Это связано с тем, что эллины начинают играть роль суперэтноса, распространяется эллинский патриотизм, восходящий еще к традициям Псевдо-Дионисия Ареопагита. Однако доминирующую роль в Византии по-прежнему играло государственное самосознание, отражавшее самоидентификацию сильного государства с четкой политико-правовой доктриной, центростремительными тенденциями, определяющими настроение элиты. Кроме того, это самосознание по своим основным параметрам, как и ранее, совпадало с самосознанием города.

Одной из особенностей византийской цивилизации была значительная специфика города, относимого М. Вебером к античному типу. В городе своеобразно сочеталось развитие денежного хозяйства и государственной регламентации производства. Известно, что на средневековом Западе го-

родское население составляло корпорацию, противопоставлявшую себя сеньорам и ведущую с ними борьбу, в ходе которой формировалось гражданское самосознание как понимание свободы, послужившее в новое время прообразом борьбы за гражданские права и конституцию. Еще О. Тьерри сравнил коммунальное движение на средневековом Западе с движением за конституцию в XVIII—XIX веках⁸. О. Конт, предвосхитив выводы позднейших фундаментальных исследований, отмечал, что эта борьба привела к предельному обособлению сословий и гибели феодализма⁹.

В Византии город имел аристократический характер. Город, прежде всего Константинополь, являлся моделью империи. Здесь иудаистская идея единства народа и власти, симфония церкви и государства, целостный характер метафизически-мистической картины мира в значительной мере препятствовали кристаллизации устойчивых форм самосознания отдельных городских слоев, форм, способных функционировать не только на уровне саморефлексии и самоидентификации, но и менталитета. В этом плане существовали лишь временные отклонения от устойчивых образцов. Они возникали и исчезали, отражая развитие событийной истории и соответствующую рефлексию на уровне разных видов ментальности, тогда как ведущие компоненты самосознания, такие, как идея превосходства ромеев, отрицательное отношение к латинянам, эллинский патриотизм, преимущественная роль личных, а не поземельных связей с императором, значение, придаваемое государственной службе, т. е. престиж бюрократии, определяли особенности социального поведения элиты, центростремительные тенденции.

Эти качества государственно-городского самосознания можно рассматривать как атрибуты цивилизации, тогда как некоторые другие в разные периоды формы самосознания разных социальных групп следует оценить как идеологии, имеющие к тому же иногда маргинальный характер. Примерами таких идеологий являются самосознание партий цирка в раннем Константинополе. К тому же ряду явлений принадлежит выражение социальных и политических интересов разных слоев горожан в период гражданской войны XIV в. и т. д. Более устойчивый характер имела идеология провинциальных, как правило, небольших городов, проявлявшаяся в борьбе горожан с налоговым гнетом и выступлениях против налоговых сборщиков. В ходе такой борьбы обнаруживалось размежевание между богатыми, средними и бедными горожанами. Однако эта борьба была эмоционально-психологической реакцией на ситуацию, не поднимающейся до уровня цивилизационных факторов. Духовно-идеологическое и политическое противостояние Иоанна Кантакузина и его противников в период гражданской войны XIV в. также отражало конкретную логику событий, борьбу за власть.

Хотя рядом ученых констатировались черты сходства этих событий с проявлениями городских движений на Западе, в целом данная ситуация в Византии также отражала событийно-исторический уровень развития и соответствующую рефлексию.

Сказанному не противоречит тот факт, что политическая борьба XIV в. происходила в обстановке обостренных мировоззренческих диспутов между исихастами и гуманистами. Эти дискуссии, завершившиеся победой исихазма, способствуя развитию византийского самосознания, отражали развитие цивилизации. В итоге диспутов совершенствовались представления о целостности картины мира — важнейшем факторе воспроизводства цивилизации во времени.

Не исключено, что в условиях интенсификации процесса феодализации в конце XIV—XV в. некоторые временные формы византийских политических идеологий могли бы оказаться исторически перспективными и следовательно исторически альтернативными по отношению к государственно-этническому по содержанию и городскому по форме византийскому самосознанию, отражавшему в каждый временной момент уровень византийской цивилизации. Но политическая гибель Византии в середине XV в. не позволяет провести соответствующий анализ.

Тожждественность городского, этнического и государственного самосознания в Византии определялась аристотелевской идеей города-государства. Византийское государство, хотя и восходило к режиму домината и отличалось от античных полисов, одновременно рассматривалось как общественный договор. Это проявлялось в том, что император формально выбирался всем народом. В рамках политической доктрины, вслед за Аристотелем, полагали что ячейку общества составляла семья, семьи объединялись в полисы, последние — в государство.

Итак, на Западе город — носитель своего городского сословного самосознания, которое противостояло самосознанию светских и церковных властей и развивалось вне традиционных рамок общественных институтов. Благодаря этому оно рождало тенденцию к существенным будущим переменам в области политической теории и социального поведения. В Византии город — выразитель единого государственно-этнического самосознания, сформировавшегося в рамках традиционных институтов и традиционной политико-правовой и религиозной доктрины. Город как центр и выразитель идей бюрократического государственного управления, центростремительных тенденций и настроений элиты — одно из важнейших проявлений относительной стабильности византийской цивилизации, обусловившей ее меньшую динамику во времени по сравнению с Западом, большую традиционность, континуитет.

Городское самосознание средневекового Запада, развивавшееся, естественно, в рамках религиозной христианской картины мира, отражало как высшие христианские, так и прагматические мирские ценностные установки. Эти последние означали в конечном счете понимание лишенной сакральности мирской деятельности, которая в терминах Вебера¹⁰ может быть охарактеризована как «разбожение» (секуляризация), «обмирщение».

Данная демаркация восходит к Августину, его идее двух миров; небесного и земного. Имеется в виду два уровня рассуждений: с одной стороны, возвышенный, стремящийся к обретению смысла жизни, размышлению, мистическому сопереживанию с высшей мудростью и, с другой — обыденный, связанный с повседневным существованием, бытом, стремлением к жизненным благам. Наличие двух идеалов и двух уровней общественной рефлексии: богословско-философской и прагматической составляло в средневековом обществе характерную мыслительную и эмоционально-психологическую антиномию, которая по-разному снималась в разные периоды и в рамках разных богословско-философских и политико-правовых учений. Имплицитно присутствующее в средневековой западной ментальности представление о «разбожении» и обмирщении повседневной жизни играло в Византии значительно меньшую роль, как в системе философской рефлексии, так и на уровне ментальности. Антиномия богословско-философского и мирского уровней сознания и поведения снималась с помощью византийской метафизической, целостной интуитивно-мистической картины мира.

По мнению византийского мистика XIV в. Григория Паламы, жизнь — высшее благо и нет различия между мудростью и жизнью. Жизнь человека, по Паламе, пронизана божественной благодатью, энергией и синергией. Приобщение к этой благодати осуществляется благодаря мистической молитве. Очевидно византийская картина мира своим пониманием всеобщей взаимосвязи явлений синтезировала те представления, которые обуславливали механизм воспроизводства во времени традиционных параметров византийской цивилизации.

Далее, остановимся на вопросе о хронологических рамках византийской цивилизации. Ее формирование начинается в IV в., с образованием византийской государственности и превращением христианства в главенствующую религию. Оформление византийской цивилизации, которому предшествовала острейшая духовная борьба, проявившаяся, в частности, в богословских спорах IV—VI вв., в иконоборческом движении VIII—IX вв., можно отнести к IX—XI векам. В эту эпоху в основном сложилась византийская богословско-философская картина мира с ее целостной интуитивно-мистической концепцией. К этому времени оформилась симфония церкви

и государства, произошло разделение западной и восточной церквей, завершилась кодификация права, греческий язык был признан официальным. На X—XI вв. приходится расцвет византийской цивилизации, чему немалое способствовала духовная, социально-экономическая и политическая (не лишённая противоречий) деятельность византийской элиты, направленная на укрепление правовой основы государства и расширение его границ. В XII в. обнаруживаются черты стагнации, а XIII—XV вв. знаменует ее закат.

На протяжении всего существования Византии механизм воспроизводства цивилизации во времени претерпел известные изменения. Действие этого механизма во всех его проявлениях (поддержание институтов, ценностей, правовая и социальная политика властей и т. д.) было направлено на обеспечение континуитета существующих порядков и доктрин¹¹. Этот континуитет был таков, что многие исследователи отмечали традиционализм, застойность, проявившиеся с VIII в. в различных сферах культуры, права и социальных отношений, как специфику Византии. Впрочем, в новейших исследованиях категоричность подобных утверждений оспаривается¹², хотя специальный анализ проблемы с целью выявления соотношения социальных ролей традиционных и изменчивых институтов и ценностей отсутствует.

Теоретическим обоснованием понимания византийцами неизменности общественных структур и доктрин была заимствованная со времен античности концепция «вечного Рима». В дальнейшем она была переосмыслена с позиций христианства и ассоциировалась с признанием сущностно неизменного характера мировоззренческих доктрин и государственно-правовых институтов. На основе этих принципов сформировалась позднее византийская богословская и политическая ортодоксия¹³ как основа политико-духовного единства, симфонии церкви и государства. Однако неизменность, «застойность» в теоретических представлениях, равно как в институтах и ценностях в условиях любой цивилизации, сами по себе не могли быть абсолютными. Кроме того, при традиционности ценностей и континуитете институтов шла бурная жизнь, включающая политическую борьбу, культуру, экономическую деятельность, действия властей. При этом повседневная жизнь обладала иногда такой железной логикой событий, которая способна была поколебать самые длительные и освященные мировоззренческими доктринами традиции. Возникает естественный вопрос, в каких формах византийцы воспринимали те или иные перемены в культуре, отношениях повседневности, в экономике, социальных отношениях, политике?

Резким диссонансом с пониманием византийцами неизменности и континуитета государственных институтов и мировоззренческих доктрин, равно как и фактами действительной их стабильности, звучат собственные византийской философии истории идеи постоянных перемен в общественной жизни человека: «По мнению мудрецов, ничто в жизни не остается неизменным»,— пишет в одном из своих писем император Мануил II Палеолог¹⁴. «То, что относится к происходящим при нас делам... меняется и становится иным во всем»¹⁵,— говорится в одном из постановлений афонского прота. Огромную роль в византийской философии истории играло представление об ориентации человека в общественной жизни, об изменении его социального поведения в соответствии с обстоятельствами, логикой событий. «Время требовало от Феодора Ласкариса поспешности в делах, а от Иоанна Ватаца — обстоятельности»,— писал византийский историк XIV в. Никифор Григора¹⁶. Естественно напрашивается аналогия с Екклесиастом: «Всему свое время и время всякой вещи под небом».

В этом нет ничего странного. Принудительная сила некоторых социальных ситуаций, логика событий, складывающаяся независимо от мотивов деятельности их участников, была известна людям испокон веку, определяя в различных формах их менталитет и ментальность. Тем более интересно проанализировать, в какой форме византийцы совмещали свое понимание неумолимой логики общественных событий, вызывающей бесконечные перемены, со своими ведущими концепциями вечности и континуитета основ-

ных институтов и доктрин, опирающихся на действительную (отнюдь не мнимую!) традиционность общества, правопорядка, государственности, ценностей и т. д. Наличие данной антиномии только кажущееся, а тот вид сосуществования перемен и стабильного, который обнаруживает эта мнимая антиномия, отражает одно из интереснейших проявлений механизма воспроизводства цивилизации во времени, обеспечивающее равновесие функционирования подсистем разного уровня.

А именно, при высокой степени стабильности ведущих мировоззренческих доктрин и правопорядка и соответственно при признании со стороны византийцев необходимости этого, в Византии была чрезвычайно подвижной конкретная политико-правовая и социально-экономическая идеология и политика. Соответственно, эта подвижность признавалась византийцами естественной и неизбежной. Идеология отражала постоянно меняющиеся проявления общественного сознания, его мирской, прагматический уровень, стремления и цели элиты, зависящие от логики реальных событий, определяющие каждодневную политику властей.

Изменчивость официальной политико-правовой и социально-политической идеологии, отраженной, в частности, в императорских постановлениях, т. е. выраженной на уровне менталитета, определялась сильной императорской властью, ее действительным авторитетом. Императоры имели реальную возможность осуществлять активную внутреннюю политику, принимать решения, иногда, даже вопреки существующим традициям, влиять на настроения элиты.

Идея синтеза устойчивых традиционных институтов и доктрин, а также постоянно меняющихся факторов повседневности отражает глубокую трактовку византийцами понятия единства жизни, осуществляемую в рамках присущей им целостной картины мира. Подобные концепции не только позволяли им иначе, чем на Западе, снимать антиномию в понимании отношения человека к двум мирам: божественному, трансцендентному, с одной стороны, и суетному, мирскому, с другой. Эти концепции позволили использовать античные понятия для характеристики мирского, земного, изменчивого мира повседневности.

Применение античных понятий путем их интегрирования в систему восточно-христианских представлений и соответствующее их переосмысление обнаруживает одно из проявлений механизма воспроизводства параметров и факторов византийской цивилизации во времени. Античные категории философии истории, такие как кайрос (момент времени), тихи (судьба), симвевикос (случай — синоним латинского понятия «акциденция» на Западе) применялись для обозначения различных проявлений несущностного в жизни человека. Несущностное в жизни, в отличие от сущностного, означает для византийцев разнообразие и неповторимость, характерные для мирской жизни. В некоторых трактовках понятие «тихи» связано с античным пониманием цикличности времени, которое признавалось византийцами в рамках линейного телеологического и эсхатологического библейского времени. Время движется по кругу и то, что было внизу, перемещается вверх¹⁷, считали византийцы.

Случай играл в общественной жизни, по мнению византийцев, двойную роль. Некоторые виды случая можно предвидеть. Дело в том, что человек, обладая свободой воли, мог реализовать или оставить нереализованной дарованную ему свыше добродетель. После этого следовал божественный дар или возмездие. Такие ситуации повторялись, создавая циклы. Поэтому византийцы считали, что на основе прошлого и настоящего можно предвидеть будущее. Иными словами, высказывалась идея возможности частичной ориентации в обществе. Для ее обозначения использовалось выражение стохадзомай (в переводе с греческого означающее — угадываю, полагаю).

Здесь важно отметить два момента. Во-первых, идея циклического времени по отношению к жизни человека была в Византии как и в античности неотделимой от понимания цикличности физического времени, связанного с природными циклами. Это единство в понимании природного

и исторического времени при наличии идеи подчинения их ритма линейному библейскому времени подтверждает целостное восприятие природы и общественной жизни, присущее византийскому мирозерцанию. Во-вторых, историческое время воспринималось не только как циклическое, но понималось и как результат реализации или напротив нереализации человеком дарованных ему свыше способностей к добродетельным делам. Таким образом, время трактовалось как категория этическая. Именно, этические нормы (их соблюдение или несоблюдение), в понимании византийцев, придавали временному потоку темп и ритм, различаемый в общественной жизни и помогающий ориентироваться в событиях, их предвидеть и оценивать. Подобное понимание времени, свидетельствующее о его интерпретации в духе христианской этики, неизменно присутствует и в исторических сочинениях византийцев, т. е. используется на уровне прагматического политического сознания, отражающего рассуждения по поводу общественных событий.

Этическая трактовка циклического времени, связанная с представлением о возможности предвидеть, точнее угадывать будущее на основе знания прошлого и настоящего, отражала понимание дидактической роли истории, что побуждает затронуть вопрос о византийской футурологии. Рассмотренная форма византийской прогностики, согласно которой на основе прошлого можно предвидеть будущее, означает не только переосмысление античных понятий циклического времени с позиций христианской этики. Перед нами непосредственное инкорпорирование соответствующего античного топоса, клише, встречающегося, в частности, у Иосифа Флавия, в написанные с христианских позиций исторические сочинения XIII—XIV вв., авторы которых строго придерживались христианского провиденциализма.

Для оценки подобного топоса в системе христианской историографии и в целях более глубокой характеристики византийской цивилизации и механизма ее воспроизводства во времени, обратимся к идее протестантского теолога Р. Бульмана, который рассматривает подобное явление как «своеволие», как философскую интерпретацию христианского бытия без Христа. По мнению Бульмана, подобные топосы говорят о том, что человек рассматривается вне самоотдачи Богу, вне покорности¹⁸. Происходит обмирщение человека.

Можно ли считать, что и византийская мистическая картина мира была пронизана философствованием, несущим в себе обмирщение, которое на Западе возникло лишь в эпоху Просвещения, а в рамках городского средневекового самосознания Запады проявлялось только на уровне ментальности? Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. В данном топосе речь идет отнюдь не о познании сущности общественных явлений прошлого и настоящего. Эта сущность, по мнению византийцев, определяется божественным провидением и недоступна разуму человека. Речь идет о попытке приобщиться путем добродетельных деяний, благодаря божественным логосам, энергиям и ответной синергии к божественному плану. Соответственно в данном топосе используется глагол, означающий угадывать, догадываться, предполагать.

Таков данный вариант снятия антиномии мирского, прагматического, с одной стороны, и возвышенного, метафизического, с другой, уровней сознания и рассуждений. Мирская политико-прагматическая идея предвидения социальных ситуаций и социального поведения, т. е. мысль всякого обыденного сознания, так или иначе ориентирующегося в окружающей жизни, выраженная в форме античного клише и с использованием античной идеи циклического времени, подчинена высшей нравственной христианской идее божественной добродетели. Хотя снятие антиномии двух видов средневекового мирозерцания происходит в рамках византийской концепции целостного понимания мира, но такое снятие опять же не означает отрицания и осуждения античного высказывания, а осуществляется в результате его переосмысления и подчинения ведущей мировоззренческой идее христианства. Подобная мыслительная конструкция явно ориентирована на поддержание континуитета цивилизаций, ее воспроизводство во времени.

В то же время некоторые ситуации, связанные с проявлением случая (тихи — используется также античный топос), по мнению византийцев, нельзя предвидеть. Их роль в жизни человека можно сравнить с результатом бросания игральной кости. Этот результат обнаруживал волю providentia. Этот образ, метафора, восходящий к античности, не чужд и христианству (ведь апостол Матфей был избран по жребию), показывает, что византийцы интуитивно на уровне обыденного сознания и здравого смысла понимали выбор человеком линии поведения в социальной ситуации с неизвестной логикой событий, как вероятностное, статистическое событие в цепи стохастического процесса. Ведь результат бросания игральной кости — это классический пример равномерного распределения вероятностей в современной статистике.

Однако одного обыденного сознания было византийским эрудитам недостаточно для объяснения и демонстрации дидактической роли истории в ее неожиданных ситуациях. Необходим был сугубо прагматический, однако имплицитно связанный с высшим мирозерцательным способ объяснения неожиданностей в обществе, аномалий, событий, как бы прерывающих привычную традицию, и затрудняющих ориентацию в обществе. Целям такого обоснования служили концепции практического правосознания, трактующие идею божественного и естественного порядка вещей, при которых первый оставался недостижимым образцом для второго.

В одной из новелл императора Льва VI Мудрого (866—912 гг.) говорится о правомерности отмены и игнорирования законов, отражающих столь высокий идеал, который невозможен в человеческом обществе, в силу чего следует ввести другие законы. Кроме того, устаревшие, не соответствующие текущему моменту законы трактовались как результат отпадения законов человека от божественных¹⁹. Император Василий II (XI в.) отменил все законодательные распоряжения своих предшественников, оставив лишь те, которые получили его специальное подтверждение. Этот прецедент впоследствии прочно вошел в правовую практику, превратился в своего рода проявление неписьменного, т. е. обычного права, которому в целом в Византии отводилась огромная роль. Этот обычай обнаруживает яркое проявление снятия антиномии цивилизационных факторов и текущей жизни и своеобразное проявление механизма воспроизводства цивилизаций.

Большая устойчивость в Византии доктрин и институтов, чем на Западе, где в условиях ослабления государственной власти развивались феодальные порядки, определила специфику византийского феодализма как компонент византийской цивилизации. Феодальные отношения, развивавшиеся в Византии в условиях континуитета правопорядка, восходившего к постклассическому римскому праву и праву Юстиниана, начали формироваться относительно поздно и сильно отличалась от классических образцов Запада. Тем не менее, в XIV в. существовала вотчина, близкая по своей структуре, как считает многие ученые, к западной феодальной.

Изменчивость идеологических воззрений византийцев сочеталась со специфическими способами формирования идеологии. Изменения в идеологии, происходившие в рамках неизменных политико-правовой и богословской доктрин, возникали путем акцентирования различных идей этих доктрин при известном абстрагировании от других идей. Например, в условиях экстремальной ситуации накануне завоевания империи османами идея превосходства ромеев как бы отходит на второй план, повышается роль эсхатологических представлений²⁰. Византийцам было не столько свойственно творчество в идеологии, сколько выпячивание, выведение тех или иных принципов ведущих доктрин на первый план. Характерно создание идеологических приоритетов. Именно таким образом следует понимать факт динамизма прагматической идеологии, отражающей изменения в политике, общественной ситуации и соответственно вызывающей эти изменения.

Изменения в идеологии проявлялись и в иной, также мало изученной форме восприятия византийцами окружающей реальности. Имеется в виду практика обозначения новых явлений общественной жизни

наименованиями, заимствованными из области богословия, философии, политико-правовой доктрины. Так, название «прония», обозначавшее институт, игравший огромную роль в социальной жизни Византии XI—XV вв., и являющийся отчислением в пользу чиновника или военачальника в качестве вознаграждения за его государственную службу определенной налоговой квоты (а в XIII—XV вв. и пожалование за эту службу соответствующей земли), восходит к понятию пронии-провидения в богословии и понятию пронии-попечения в политико-правовой доктрине. В XIV в. крестьяне, лишённые надельной земли, назывались анипостати. В богословии это выражение означало мнимую сущность.

Почему же для обозначения столь приземленных, с точки зрения византийца, явлений, как фискально-поземельные отношения, не нашлось других наименований, кроме терминов из области политико-правовой и богословской доктрин? Причина кроется в традиционности правопорядка и особенностях механизма сочетания традиций и новаций, неизменных форм и вновь появляющихся ситуаций, механизма воспроизводства цивилизации во времени. Дело в том, что хотя император не только издавал законы, но имел право их изменять и даже игнорировать, как устаревшие, на практике в конце XIII в. в Византии прекратилось издание новых правовых норм. Императоры издавали постановления, преимущественно о льготах и привилегиях, относящихся к праву прецедентов. Создается любопытный парадокс. Правотворчество не поспекает за спонтанно развивающейся действительностью. Поэтому огромную роль начинает играть право прецедентов, рассчитанное на регламентацию отношений, не находивших адекватного отражения в традиционном правопорядке.

Для того, чтобы инкорпорировать право прецедентов в систему традиционного правопорядка и придать серии прецедентов больший вес, моральные и правовые гарантии, византийцы использовали для обозначения вновь развивающихся отношений, регламентируемых правом прецедентов, наименования, заимствованные из сферы ведущих богословско-мировоззренческих и политико-правовых доктрин. Благодаря такому наименованию соответствующие отношения как бы освящались с помощью «высоких» названий. Такой путь образования терминов, обозначающих развивающиеся явления повседневности, не уместающиеся в рамки традиционного правопорядка, отражает уникальный способ снятия антиномии традиционных, обладающих континуитетом цивилизационных факторов и факторов событийно-исторического ряда. Снятие этой антиномии обнаруживает инструменталистскую функцию богословия, повышение его социальной роли.

Рассмотренная система образования терминов означала не только расширение семантического поля понятий, одно из значений которых являлось важнейшей богословской категорией, но и подчинение новой смысловой функции слова его базовому значению, т. е. богословскому понятию. Происходило по существу инкорпорирование развивающихся отношений повседневности не только в сферу традиционного правопорядка, но даже и религиозного опыта. Иными словами, вновь возникавшие отношения, как это свойственно Византии, включались в систему действовавших институтов, оказывались им подчиненными. В то же время отсутствовало формирование новых правовых политических структур и доктрин, способных противостоять старым или их заменить.

Единство представлений о социальном бытии, проявляющееся в присвоении развивающимся отношениям повседневности наименований, одно из значений которых является богословской или политико-правовой категорией, генетически восходит к концепции восточного христианства об идеальном прообразе в Логосе мира вещей и явлений, к иерархической идее Псевдо-Дионисия Ареопагита, к теории Григория Нисского об именах и понятиях, свойственных естественным языкам. Согласно этой теории имена предполагают «умысел, предумышление» связанные с разумной частью души, произошедшей от Бога и взирающей на мир. При образовании наименований происходит следование этому умыслу, т. е. общей идее имени. Эти факты говорят не только об инструменталистской функции мировоззренческих категорий, но и о креативной функции языка.

В плане рассмотрения механизма воспроизводства цивилизации во времени путем преодоления антиномии божественного и мирского, античных представлений и христианского мирозерцания, а также обладающих континуитетом институтов и меняющихся событий примечательна структура земельной собственности и понимание ее византийцами.

На протяжении всей истории империи, как отмечалось, в правовом отношении доминировала полная безусловная собственность на землю, восходившая к постклассическому римскому и ранневизантийскому праву и отличавшаяся от иерархической собственности на Западе. Понятия римского права, выражающие идеи полной безусловной собственности, находились в противоречии с христианскими концепциями общей собственности, идеями нестяжательства, прославлением бедности. Но в византийском государстве в условиях симбиоза церкви и государства, при континуитете права и представлениях о приобщении жизни через посредство энергий и синергий к божественной благодати, обожествлялась не только императорская власть, но и распоряжения конкретных императоров рассматривались как божественные. Соответственно императорские пожалования, содержащие передачу физическому или юридическому лицу прав собственности, трактовались как божественные и святые законы. Если Фома Аквинский считал, что собственность — это результат права народов ²¹, то византийское правосознание воспринимало ее как божественный институт, связанный с деятельностью императора, власть которого обожествлялась. Полная безусловная собственность, регламентируемая римско-византийским вещным правом, была переосмыслена в Византии в терминах богословия.

В этой связи небезынтересен следующий факт. При существовании полной безусловной собственности на землю в поздней Византии отсутствовали или почти отсутствовали элементы предкапиталистических отношений, которые на Западе развивались в XIV и XV вв. в условиях отягощения собственности массой сословных привилегий. Фактор государства, с его интенсивной внутренней политикой, зримо определял развитие Византии.

Разнообразные формы снятия антиномий духовного и общественного развития Византии, т. е. механизмы воспроизводства цивилизации во времени, так или иначе обнаруживающие определенные аспекты концепции всеединства, целостной картины мира, являлись византизмом, который можно условно назвать «оправданием жизни». Примечательны в этой связи слова Евангелия от Иоанна: ...«Я есмь путь и истина и жизнь: никто не приходит к Отцу, как только чрез меня» (Иоанн 14.6). Напомним еще раз слова Григория Паламы о том, что жизнь — это высшее благо и нет различия между мудростью и жизнью. Под византизмом здесь понимаются те проявления византийской цивилизации, которые оказывали влияние на развитие культур православных народов после гибели Византии.

Оправдание жизни, т. е. понимание совокупного жизненного опыта в его возвышенных и мирских проявлениях как приобщение к божественному дару, осуществляемому в мистической молитве, показывает то важнейшее отличие восточного богословия от западного, о котором писал еще В. Н. Лосский. Если, согласно Августину и Фоме Аквинскому, высшие идеи, данные в Логосе, отражают божественную сущность, к которой тварное с необходимостью стремится как к образцу, то согласно восточным авторам, идеи отождествляются с волей, сопряженной с энергией, соответственно допускаются различные способы, «по которым тварное «причащается» творческим энергиям ²². В рамках этой динамической концепции, большее, чем на Западе, значение придавалось свободе воли человека. Соответственно огромную роль играла политика императоров, рассматриваемая как результат проявления свободной воли. Мы можем оценить смысл этой политики как воссоздание условий для воспроизводства во времени византийской цивилизации.

Социально-экономическая политика рассматривалась в Византии с ее сильной государственной властью, лишь в последние века ослабленной развитием феодализма, как один из основных видов внутренней политики.

Понятие «икономия» означало государственное управление, осуществляемое императорами в силу их прав попечения в отношении подданных. Иоанн Дамаскин, вслед за Аристотелем, подразделяет философию на теоретическую и практическую²³, под которой подразумевалось, в частности, искусство управлять общественными делами.

Можно утверждать, что одним из основных противоречий византийской цивилизации в области социально-правового развития было признание в правовой теории четкого разграничения между публичным и частным правом и возрастающей тенденцией к их смешению в реальной жизни. На Западе в эпоху классического средневековья при феодализме частные и публичные прерогативы во многом срастались. Византийское же правосознание, в соответствии с римскими правовыми принципами, четко разграничивающее публичное и частное право, отличалось от феодального правосознания на Западе. Философ и историк XIV в. Никифор Григора противопоставил государственное управление «по законам ромеев» и наследственное владение «по обычаям латинян»²⁴. Смысл этого противопоставления в том, что правитель и собственник, по мнению византийца, — разные понятия. Возникавшее в отношениях повседневности противоречие между теоретическим правосознанием и практикой отразил хронист Зонара, который упрекал императора Алексея I Комнина в том, что он управлял не как император, а как господин²⁵.

В ранней Византии власти, осуществляя икономию, т. е. управление, рассматривали спонтанно возникавшие случаи смешения частной и публичной власти как угрозу централизму и пытались лишить их правовой защиты. Именно эту цель преследовали распоряжения, направленные на запрещение частного патроната в IV и V веках²⁶. В X в. характер экономической политики меняется. Она, как свидетельствуют императорские новеллы того времени, изобилует противоречиями. Некоторые постановления содержат ограниченную определенными условиями юридическую защиту форм частного патроната, именно того, который на Западе составил сущность процесса феодализации. Соответственно ослабевают центростремительные тенденции византийского государства. И, наконец, в поздней Византии (XIII—XV вв.) форма снятия противоречия между разграничением в теории частного и публичного права и смешением их в жизни приобретают парадоксальный характер. Принимаются меры, направленные на поощрение такого смешения. Собственники в результате пожалования им податного иммунитета получают право на взимание налогов с крестьян в свою пользу. Налоги в таком случае выполняют функцию частноправовой феодальной ренты. Одновременно расширяется судебный и административный иммунитет. Интенсифицируется процесс феодализации. Однако теоретически, с точки зрения фискального права, налоги с крестьян, уступленные собственнику соответствующих земель, по-прежнему учитывались государственным финансовым ведомством. В случае необходимости, например, обострения внешней опасности для государства, последнее было в праве отменить податный иммунитет с тем, чтобы налоги с крестьян вновь поступали в казну. Иными словами, новые явления были подчинены традиционному правопорядку.

Итак, механизм воспроизводства византийской цивилизации во времени сводился к определенным способам снятия постоянно возникавших антиномий между факторами цивилизационного, с одной стороны, и исторического события или идеологического, так сказать (используя терминологию византинистов) несущностного ряда, с другой. В результате явления второго ряда так или иначе подчинялись первому. Благодаря такой процедуре подавлялись условия для возникновения институтов и идеологий, способных играть серьезную альтернативную роль по отношению к традиционным институтам, ценностям, доктринам, отличающим цивилизацию. Теоретические и поведенческие предпосылки для такого снятия антиномий составляла характерная для Византии целостная картина мира, идея всеединства различных проявлений жизни человека и его познавательного опыта. Синтезирующий характер этой идеи, восходящей к восточной

патристике, обуславливал византийский централизм, превалирование центристических тенденций над центробежными. Присутствующие же в разных сферах менталитета и социальных отношений идеи иерархии были подчинены идеям синтеза.

Всякое нарушение механизма воспроизводства цивилизации во времени проявлялось в невозможности инкорпорирования на каком-либо временном отрезке развивающихся явлений, идеологий, форм самосознания и т. д. в традиционную систему цивилизационных параметров и факторов. Если такое случалось, то возникал симптом кризиса цивилизации, проявляющийся в центробежных тенденциях. В последние два столетия существования империи византийцы не сумели включить ряд проявлений новой идеологии, в частности, такое ее направление как латинофильство, проявлявшееся в попытках политической и церковной унии с Западом, в систему традиционных теоретических представлений и систему мирозерцания. Византийская элита оказалась разобщенной, усилились ее центробежные настроения, что способствовало ослаблению приближавшейся к своей гибели империи и означало кризис византийской цивилизации.

Симптомы кризиса в XIV—XV вв. появляются и в области социально-экономических отношений. Возникают ситуации, на которые не распространялось право прецедентов с его исковой защитой. Следовательно, такие ситуации не были включены в традиционный правопорядок и трактовались как аномалии. Например, имеются сведения об обмене и даже продаже проний, хотя подобные действия не были предусмотрены императорскими постановлениями. Государственные власти не только не смогли регламентировать подобные случаи с помощью права прецедентов и тем самым создать связь новых явлений с традиционной системой, они (власти) оказались не в силах воспрепятствовать распространению этих явлений. Подобные ситуации выходят из-под контроля.

Констатации симптомов кризиса византийской цивилизации в XIV—XV вв. не противоречат факты интенсивного развития культуры, получившие название Палеологовского возрождения. Кризис, повторяем, состоял в утрате, точнее в ослаблении традиционной, органичной, одновременно тонкой и сложной связи факторов цивилизации и развивающихся явлений повседневности. Такое культурное явление как деятельность в XV вв. философа-гуманиста Георгия Гемиста Плифона, не укладывающаяся во многие традиционные схемы византийских доктрин, также подтверждает сказанное.

В то же время было бы упрощением утверждать, что в рамках византийской цивилизации на уровне цивилизационных факторов за всю тысячелетнюю историю империи не происходило никаких изменений. Можно указать факты развития мировоззренческих доктрин, правосознания. В рамках цивилизационного фактора «симфонии церкви и государства» в итоге сложного взаимоотношения канонов и императорских постановлений формируется совершенно новое, отличное от восходящих к античности традиций понятие свободы. Формально-юридически на протяжении всего существования империи доминировало римско-правовое определение свободы как возможности действовать по своему желанию вне какого-либо подчинения и возможности распоряжаться вещью без препятствий в соответствии со своим желанием. Эти представления римского права были увязаны с восточнохристианским пониманием свободы воли, как возможности для человека самостоятельно, по природе реализовывать врожденные добродетели или следовать злу. Но в рамках канонического права в начале XIV в. в соответствии с сигиллием патриарха Нифонта и хрисовулом императора Андроника II Палеолога²⁷ формируется представление о свободе как иерархическом состоянии. Свобода, согласно канонам, имеет степени и может быть большей или меньшей. Такова свобода афонского прота, частично зависевшего от патриарха. Такое понятие свободы отражало сложные отношения господства и подчинения, сложившиеся к XIV в. в разных сферах общественной жизни Византии.

Целостное восприятие мира, включающее синтетическое понимание

жизни и жизненного опыта, играло в Византии не только регулирующую роль в процессе функционирования византийской цивилизации. Это восприятие имело глубокие последствия в плане перспектив философского развития. Целостная метафизически-мистическая картина мира как доминанта мирозерцания Византии содержала в себе отличия от мировоззренческих идей, зародившихся на Западе еще в эпоху поздней схоластики, и заметных, в частности, еще у Фомы Аквинского. Речь идет о предпосылках рационализма, в основе которого содержится не противопоставление мира земного и божественного, но так называемая западная идея явного разграничения религиозного и рационалистического сознания с его верифицируемой истиной и логисцизмами. Сказанное, естественно, не означает отсутствия в западной средневековой философско-богословской мысли мистицизма как доминирующей идеи.

Одновременно в Византии в рамках гуманизма развивалась достаточно сильная рационалистическая тенденция, состоявшая в признании возможностей разума приблизиться к метафизическим предпосылкам абсолютной истины. Идеи эти выражены у Иоанна Итала, Михаила Пселла, Варлаама, Никифора Григоры, Дмитрия Кидониса, Георгия Гемиста Плифона и др. Но здесь акцентируются те идеи византийцев, с учетом которых традиционно в богословии и истории философии проводилась граница между западным и восточным христианством. Как отмечали Лосский, а также Х.-Г. Бек, названные различия имели прежде всего типологический, а не региональный характер²⁸. Иными словами, эти различия составляют содержание научной идеализации, модели, по сравнению с которой, как по сравнению с любой моделью, реальная жизнь обнаруживала множество отклонений и являла собой разнообразие. Однако использование данной модели плодотворно, т. к. позволяет осуществить классификацию сложнейших мировоззренческих процессов.

Идеи восточно-христианской антропологии и психологии ярко выражены в исихазме. В произведении представителя исихазма Григория Паламы «Главы по Физике, Теологии, Морали, Практике» говорится: «Мир имеет начало. Природа учит, история утверждает. Изобретение искусств и создание законов, а также государственные институты явно обнаруживают это»²⁹. Далее следует ссылка на библейский текст, а именно на слова Моисея о начале мира. Очевидно, перед нами специфическая форма характерного для эпохи физико-телеологического обоснования творения, предполагающего восхождение мысли от следствия к причине. Специфика состоит в том, что это обоснование содержит формулу, обнаруживающую идею гармоничного сочетания природы и результатов духовной и общественной деятельности людей, как элементов их целостного чувственного практического и рационального опыта, их целостной жизни при подчинении этого опыта библейской идее о начале мира.

Ведущая мировоззренческая идея христианства о конечности мира обосновывается и ссылкой на авторитет Писания, и методом эмпирической индукции, т. е. путем перечисления природных и общественных явлений. В известном смысле представляет интерес сопоставление репрезентации данного тезиса Григория Паламы с первой антиномией чистого разума И. Канта, также выражающей идею конечности мира, но при этом акцентирующей ее логические противоречия³⁰. Строго говоря, данное сравнение не является — в силу различия сопоставимых эпох — предельно корректным. И все же, именно Кант с предельной ясностью выразил идею западного рационализма, а Григорий Палама — идею целостного отношения к миру и целостного человека.

Применение эмпирической индукции Паламой свидетельствует о том, что он находит аргументы в той сфере мыслительной деятельности человека, которая принадлежит не столько разуму, сколько рассудку, т. е. связана с представлениями об известном, традиционном, «готовом» знании, коммуникациях человека. Рассудочная часть души, соответствующая рассудочному знанию, по Паламе, связана, как он пишет, с многообразным опытом наук и искусств, опытом обработки земли и строительства дома. Впрочем,

характерно и целостное понимание мира на уровне разума. По мнению Паламы, всё, что известно о небе, и законы природы, и искусство и всякое знание, состоящее из отдельных частей, которое строится с помощью разума из ощущений и благодаря воображению, лишено само по себе духовности³¹. В этих словах с предельной точностью звучит характерная для исихазма идея необходимости синтеза духовности и разума.

Синтез разума и духовности, выражаемой в вере, очень важен и для Фомы Аквинского. Эти идеи в его творчестве акцентируются в современную эпоху постмодерна со стороны представителей католицизма и томизма³². Однако нельзя забывать о той роли, которую Фома отводил разуму. Как считает М. Хейдеггер, Фома противопоставляет чувственное разрозненное познание и знание интеллигибельное, т. е. познание, «которое направлено на то, что свойственно всему сущему универсально, без всякого исключения». Иными словами, имеется в виду познание, которое позднее в гносеологии науки получило название категориального³³. Одновременно были заложены основы позднейшей западной философской метафизики и ее отличия от богословия.

В целях более углубленного изучения синтетических и синергетических воззрений Григория Паламы нами был использован метод формального анализа аргументации его рассуждений. Подобный подход к изучению аргументации, подразумевающий специальный анализ структуры восточнохристианской апологетики и риторики, показывающий взаимосвязь их античных и христианских истоков, соответствует принципам современной философской герменевтики. Согласно этой дисциплине, интерпретация, рассматриваемая как основной метод гуманитарного знания, подразумевает, однако, комплексный подход к тексту, включая использование структурных и формальных методов, а также компьютера³⁴.

Формальный подход к рассмотрению концепций Григория Паламы удобен по следующим причинам. У Паламы строгая структура рассуждения и аргументации. Например, названный выше трактат содержит тезисы — утверждение некоей идеи: богословской, космогонической, нравственной и ее обоснование. Затем следует антитезис, включающий утверждение древних и показ его абсурдности с помощью апелляции к здравому смыслу, рассудку, а именно — привычным представлениям человека³⁵. И, наконец, в тексте Паламы имеется вывод — синтез, включающий ту информацию, которая уже приводилась в тезисе. Иными словами, синтез — это повтор, избыточная информация или псевдоречь, обладающая очень важной смысловой функцией.

Можно сказать, что роль повторов в трактате Паламы — огромна³⁶. В выводе о конечности мира, например, повторяются аргументы, относящиеся к природе, истории, искусству, государственным институтам³⁷. Сравнительный анализ содержащихся в выводах повторов информации, присутствующей в тезисах, показывает, что повторяются существенные идеи тезиса. Повтор играет роль акцентировки таких идей. Поэтому можно считать, что повтор в выводе, характеризующем конечность мира, тех аргументов, которые создают целостную картину жизненного опыта человека, основанного на неразделимом единстве веры, разума, рассудка, чувств, отражает самую суть концепции Григория Паламы.

Подведем итоги. Византийская цивилизация, традиционно рассматриваемая как явление относительно устойчивое во времени, сложный и противоречивый синтез античных и христианских элементов цементировалась целостной специфической картиной мира, обусловившей возможности снятия с помощью политики властей антиномий мировоззренческого и социального характера и, соответственно, создающей условия для доминирования центростремительных тенденций.

Восточное влияние, в том числе влияние ислама, в большей мере отразилось на развитии византийской культуры и черт повседневности, чем на структуре цивилизации, т. е. факторов, отличавшихся длительной инвариантностью. Именно в этом плане интересна роль регионов, входивших в разные периоды в состав византийской государственности или соприкаса-

вѣдшихся с ней и являвшихся центрами встречи культур: арабский мир, Сирия, Иран, Египет. Такова же роль славянских регионов: Болгарии, Сербии ³⁸, а также Армении, не только воспринявших воздействие византийской цивилизации, но и оказавших определенное влияние на состояние византийских структур повседневности.

Большое значение имеет оценка исторического значения византийской цивилизации. Этот вопрос актуален в связи с проблемой влияния византинизмов на развитие Руси, формирование русской идеи всеединства, идеи государственности и т. д. Что же касается оценки роли самой византийской цивилизации, то нельзя забывать, что она осталась незавершенной в связи с гибелью византийской государственности. Поэтому приобретает большой интерес проблема ее потенций, пока еще не поставленная в науке во всей полноте. В этом плане можно сказать, что, с точки зрения современной философии и психологии, целостная картина мира византийцев содержит те принципы, которые определяют современное понятие экзистенции как целостного существования индивидуума.

Кроме того, традиционная западная идея рационализма и логисцизмов, достигшая апогея в логическом позитивизме, западная идея, которая часто противопоставляется русской и византинизму, в настоящее время претерпевает известные метаморфозы. В рамках так называемого постмодернизма на Западе усиливается влияние философской метафизики. Возникает стремление отойти от абсолютизации разума и знания, приблизиться к их рассмотрению в контексте культуры, мировоззрения, религии, социума. Некоторые постмодернисты и постпозитивисты считают необходимым преодолеть декартовский дуализм разума и веры и обращаются в поисках их синтеза к восточным теософским и философским системам ³⁹. Восточнохристианский мировоззренческий опыт (особенно концепции исихазма) с его идеей единства мира, концепцией логосов, энергий и синергий как приобщения к благодати, в этой связи обнаруживает свое историческое значение, актуальное на современном этапе развития философской мысли.

Примечательно, что известный современный физик И. Пригожин и его последователи, изучающие целостный характер саморегуляции и становления некоторых физических структур, именovali новую дисциплину синергетикой ⁴⁰. При этом, Пригожин сослался на практику целостного подхода к изучению предмета, характерную для современной исторической науки (упомянув М. Блока и Ф. Броделя). Этот факт лишний раз подчеркивает актуальность и непреходящую научную значимость целостной византийской картины мира, синтетической антропологии и психологии, идеи всеединства.

Выше освещены лишь некоторые менее изученные стороны византийской цивилизации: взаимосвязь ведущих мировоззренческих доктрин и идеологий, правопорядка и развивающихся отношений, не имевших адекватного отражения в традиционном праве и запечатленных в наименованиях и праве прецедентов; новые представления и правотворчество в области канонического права, влиявшие на социальное поведение и правосознание, и, наконец, современный философский смысл некоторых византинизмов. При изучении всех этих проблем необходимо использование современной методологии, предполагающей сравнительный анализ цивилизаций, учет их различных уровней, использование современной герменевтики, связанной с анализом формальных особенностей аргументации, внимание к мировоззренческим доктринам и структурам повседневности, рассмотрение концепций византийцев, учитывающих соотношение диахронных и синхронных явлений, как выражение их социальной ориентации.

Примечания

1. Об отличии понятий в гуманитарных и естественных науках см. ФИНН В. К. в книге: ХВОСТОВА К. В. ФИНН В. К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки. М. 1995.

2. HUNTINGTON S. The Clash of Civilization.— Foreign Affairs. Summer 1993.
3. PARSONS T. Sociological Theory und Modern Society. N.-Y.-Lnd. 1967.
4. HAUSSIG H. W. A History of Byzantine Civilization. Lnd. 1971; GUILLOU A. La civilization byzantine. P. 1974.
5. MEYENDORFF J. St. Gregoire Palamas et la mystique orthodoxe. P. 1956, p. 16.
6. КУРБАТОВ Г. Л. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция. В кн.: Культура Византии. Т. 1. М. 1984, с. 113.
7. HUNGER H. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in Arengen der Urkunden. Wien. 1964, S. 117 f.-
8. ТЬЕРРИ О. Городская коммуна во Франции в средние века. СПб. 1901, с. 26.
9. КОНТ О. Система позитивной политики. Т. I, ч. I.— Родоначальники позитивизма. Вып. 2: Сен-Симон. СПб. 1910, с. 113.
10. WEBER M. Gesammelte Absätze zur Religionssoziologie. Bd. 1. Tübingen. 1986, S. 25 f.
11. WEISS G. Antike und Byzanz.— Historische Zeitschrift, 1977.
12. УДАЛЬЦОВА З. В. Введение. В кн.: Культура Византии. Т. 1. М. 1984, с. 10.
13. АВЕРИНЦЕВ С. С. Эволюция философской мысли. В кн.: Культура Византии. Т. 1, с. 46.
14. The Letter of Manuel II Palaeologus.— Dumbarton Oaks Texts. IV. Washington. 1977, № 31, p. 87. 1—2.
15. Actes de Xenophon. P. 1986, № 18.
16. Nicephori Gregorae Byzantina historia graeca et latina. Bonnae. 1829. Vol. I, p. 24. 11.
17. Actes de Docheiariou. P. 1984, № 7, p. 99.
18. БУЛЬТМАН Р. Новый Завет и мифология.— Вопросы философии. 1992, № 11, с. 103, 104.
19. NOAILLES P., DAIN A. Les nouvelles de Leon VI le Sage. P. 1944, p. 5—7, 13.
20. SCHREINER P. Die byzantinische Kleinchroniken. Wien. 1975. Т. I. S. 53; Т. II. Wien. 1977, S. 190; PODSKALSKY G. Byzantinische Reicheschatologie. München. 1972.
21. КУДРЯВЦЕВ О. Ф. Схоласты о собственности.— Средние века. Т. 53. М. 1990, с. 159.
22. ЛОССКИЙ В. Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. М. 1991, с. 72, 73:
23. JOANNES DAMASCENES. Capita philosophica. Dialectica.— Patrologia cursus completus. Series graeca. Parisis. Т. 94, col. 533.
24. Nicephori Gregorae Byzantina historia graeca et latina. Vol. 1, p. 233, 18.
25. TINNEFELD F. H. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Procop bis Nicetas Choniates. München. 1971, S. 144.
26. LEMERLE P. The Agrarian History of Byzantium from the Origin to the Twelfth Century: the Sources and Problems. Galway. 1981, p. 11.
27. Actes de Xenophon. № 15, p. 140. 29—30; № 16. p. 144, 29.
28. ЛОССКИЙ В. Н. Паламитский синтез.— Богословские труды. Т. 8. М. 1972, с. 196; BECK H.-G. Humanismus and Palamismus.— XII-e Congrès International des études byzantines. Rapports. Beograd, Ochrid. 1961, p. 567.
29. GREGORII PALAMAE Physica, Theologica, Moralia et Practica. Capita CL.— Patrologia cursus completus. Series graeca. Parisis. Vol. 150. Col. 1121.1.
30. КАНТ И. Критика чистого разума. СПб. 1907, с. 266—270.
31. GREGORII PALAMAE Physica, Theologica..., col. 1165. 63, 1133.20.
32. Движение к экуменическому сознанию. Интервью католического священника о. Романо Скальфи.— Вопросы философии. 1991, № 5, с. 88.
33. ХЕЙДЕГГЕР М. Основные понятия метафизики.— Вопросы философии, 1989, № 9, с. 150.
34. THALLER M. Zur Formalisierbarkeit hermeneutischen Verstehens in der Historie. Mentalitäten und Lebensverhältnisse. In: Rudolf Vierhaus zum 60 Geburtstag. Göttingen. 1982.
35. GREGORII PALAMAE Physica. Theologica... col. 1121.1.
31. Повторы характерны для восточнохристианской традиции. Они восходят к Псевдо-Дионисию Ареопагиту и Проклу. См. АВЕРИНЦЕВ С. С. Ук. соч., с. 76.
37. GREGORII PALAMAE Physica, Theologica... col. 1121.1.
38. OBOLENSKY D. The Byzantine Commonwealth. Lnd. 1971.
39. РОПМОЗЕР Г. Ситуация христианства в эпоху постмодернизма.— Вопросы философии. 1991, № 5, с. 79.
40. ПРИГОЖИН И. Переоткрытие времени.— Вопросы философии. 1989, № 8, с. 3—4.

Васко да Гама

В. А. Субботин

Васко да Гама родился около 1469 г. в Сিনিше, приморском поселке к югу от Лиссабона, в области Алентежу — бедном, иссушенном солнцем крае. Сিনিш принадлежал рыцарскому ордену Сантьягу. Комендантом крепости здесь был Эштеван (Стефан) да Гама, отец будущего мореплавателя. Его род вел происхождение от простого воина на королевской службе, который отличился в боях против арабов в конце реконкисты. Хотя Эштеван являлся хранителем королевского имущества, т. е. был лицом, входившим в королевское окружение, он не принадлежал к высшей знати.

Матерью Васко да Гамы, второго или третьего сына Эштевана (имевшего пятерых детей), была Изабел Содрэ, дочь чиновника из Сантарена, города к северу от Лиссабона. Есть сведения, наводящие на мысль, что Васко да Гама, так же как его старший брат Паулу, был незаконнорожденным ребенком. Оба они в 1480 г., когда Васко достиг предположительно 11 лет, были пострижены. В католической стране стать священником, дающим обет безбрачия, значило жить без собственной семьи. Такой удел нередко ждал детей, рожденных вне брака, лишенных наследства. Правда, обряд пострижения можно было совершать трижды, и лишь последний постриг обязывал принять сан. Как известно, оба брата со временем стали моряками. Они могли даже выиграть от намерения отца сделать их священниками. Будущим священникам следовало дать приличное образование, которое, как предполагают, Васко да Гама получил в Эворе, административном центре Алентежу.

Конечно, в детстве и отрочестве Васко да Гама не раз выходил в океан. Скорее всего, ему приходилось плавать на парусниках местных рыбаков. Его отец был знаком с морским делом. При короле Жуане II (1481—1495 гг.) было решено поставить под начало Эштевана экспедицию, которой предстояло участвовать в обследовании берегов Африки и поиска пути в Индию. Эштеван не дожил до завершения приготовлений к экспедиции, но его причастность к далеким путешествиям, по-видимому, повлияла на решение двора привлечь к одной из экспедиций других членов семьи да Гама¹.

Португалия, расположенная на крайнем западе Европы, омываемая Атлантическим океаном, должна была сыграть выдающуюся роль в установлении морских связей с Востоком. Эти связи, разумеется, строились не на

Субботин Валерий Александрович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Африки РАН.

равенстве партнеров. Речь шла о реализации преимуществ, которые дали Европе ее технико-экономические достижения, ее военное и морское могущество. Как часть западного мира, Португалия обладала хозяйственным и людским потенциалом для заморской экспансии. Занятия морским промыслом, особенно рыболовством, обслуживание торговых путей между Средиземноморьем и Северной Европой, собственные торговые связи — все это обеспечило Португалии кадры моряков, способствовало развитию ее судостроения. Португальские корабли отличались высокими мореходными качествами.

Португальцы были свободными людьми. Личная зависимость крестьян на севере страны исчезла в XIV—XV вв., а на юге, включая Алентежу, ее не было со времен Реконквисты. Правда, наряду с личной свободой крестьян Португалия, как и вся Западная Европа эпохи Возрождения, знала сословные ограничения, рабство тех, кто был куплен на восточных рынках или привезен в качестве невольников из Африки.

Невозможность расширить пределы страны на Европейском континенте обостряла желание успеха в Африке. Оттуда через арабов шло золото, а где-то за морями лежало легендарное царство пресвитера Иоанна — покровителя христианского Востока. На пресвитера можно было бы опереться, чтобы освободить Гроб Господень, открыть морской путь в Индию, овладеть торговлей пряностями, обогащавшей посредников — купцов Венеции, Генуи, Леванта.

В 1488 г. Б. Диаш обогнул мыс Доброй Надежды и вышел в Индийский океан. О странствиях в следующем десятилетии, накануне открытий Васко да Гамы, мало что известно. Хронист Д. де Гойш, хранитель королевского архива, сообщал, что в правление Жуана II португальцы смогли, «следуя по гвинейскому берегу, дойти почти до границ Софалы и Мозамбика... до берега Мелинды, Момбасы и острова Св. Лаврентия», т. е. Мадагаскара. Слова Гойша в чем-то подтвердила лоция Ахмада ибн Маджида, арабского кормчего Васко да Гамы (лоцию нашли и опубликовали в России). Ибн Маджид сообщал о порте Софала в Мозамбикском проливе, что «прошли здесь в девятисотом году корабли франков.»² 900 г. хиджры соответствует 1494—1495 гг., а франки ибн Маджида, если ему верить, были те, кто захватил Андалус (арабское название всего Пиренейского полуострова). Их плаванья, судя по лоции, кончились тем, что несколько кораблей перевернулось близ отмелей Софалы.

Не исключено, что на рубеже 80—90-х годов XV в. в плаваньях к берегам Африки принял участие молодой Васко да Гама. Он мог побывать и в Индийском океане. После пострига в 1480 г. нет свидетельств о нем до 1492 г., когда, по словам хронистов, он оказался среди лиссабонских придворных. Его появление при дворе в возрасте около двадцати трех лет можно было бы объяснить влиянием отца, если бы тот изменил решение постричь сына. Есть и другое объяснение. Хронист Г. де Резенде, сообщая о карьере Васко да Гамы, упоминает его морской и военный опыт³. В те годы португалец мог обрести его, скорее всего, у африканских берегов.

Как пишет Резенде, в 1492 г. Васко да Гама получил ответственное поручение от Жуана II: отправиться в Алгарви, южную область Португалии, и наложить арест на стоявшие там французские корабли. Репрессии предпринимались в отместку за то, что французские пираты захватили у африканских берегов одну из португальских каравелл с грузом золота. Инцидент закончился благополучно для португальцев, поскольку французский король признал их правоту.

Исполнение поручения короля дало хронистам повод характеризовать Васко да Гаму в те годы и позднее. Он выказал себя «хорошим рыцарем», «верным вассалом», пишет Гойш. Соглашаясь в общем с этой оценкой, Ж. де Барруш, писатель и историк XVI в., добавляет к этому описание внешности мореплавателя и его личных свойств, не всегда лестных. «Васко да Гама был человеком среднего роста, несколько плотного сложения, рыцарского обличья. Он смело шел на любой подвиг, отдавал суровые приказы, во многом пристрастные и наводившие страх. Он был вынослив в трудах,

строго наказывал виновных во имя правосудия». Другие современники писали о Васко да Гаме, что это был невысокий брюнет с крючковатым носом, большими черными глазами, скорее семитского, чем южноевропейского облика. Уходя в плавание в Индию в 1497 г., он отпустил бороду. К концу жизни мореплаватель сильно растолстел.

Г. Корреа, секретарь вице-короля Индии в начале XVI в., сообщает ряд подробностей о Васко да Гаме: он любил роскошь, одевался, когда мог, в дорогие одежды, окружал себя множеством слуг. Но любовь к роскоши не мешала ему разделять трудности пути со своей командой. В конце 1497 г., когда его моряки столкнулись с бурями у мыса Доброй Надежды, «он придал им силу духа, хотя совсем не спал и не отдыхал. Он всегда трудился вместе с ними, подчиняясь, как все, боцманскому свистку»⁴.

В начале 90-х годов XV в. не все шло гладко в жизни Васко да Гамы. Он и его брат Паулу враждовали с судьей из Сетубала — города на полпути между Лиссабоном и Синишем. Причина распри неизвестна, но поскольку в нее были вовлечены два брата, можно предположить, что здесь были замешаны семейные интересы. Вражда привела к столкновению, дело дошло до кровопролития. Судья, по свидетельству архивных документов, был ранен, а Паулу пришлось скрываться от властей. За ранение судьи должны были отвечать оба брата и их друг, тоже придворный, Н. Коэлью. Васко, по словам Корреа, уплатил штраф в 2 тыс. крузадо (по-видимому, за себя и за брата), Коэлью — 1 тыс. крузадо.

Корреа пишет, что столкновение с судьей не повлияло на карьеру Васко да Гамы, что будущий мореплаватель оказался первым, кто сообщил королю о злосчастном инциденте, что он сумел надлежащим образом настроить короля, который все простил. Наверное, это было так, и Васко да Гама остался в милости у Жуана II. К тому же, судя по архивным данным, в 1495 г. о Васко да Гаме проявил заботу орден Сантьягу, которому служил его отец. По решению ордена будущий мореплаватель получил «в знак больших заслуг» два земельных участка на правах вассального держания⁵. У нового вассала ордена были свои вассалы. Известно, что в экспедиции в Индию один из кораблей возглавлял криаду (челядин) Васко да Гамы.

Перед снаряжением этой экспедиции, утверждает Корреа, король Мануэл I (1495—1521 гг.), преемник Жуана II, советовался с Авраамом бен Сомуилом Закуту. Этот еврейский ученый одно время преподавал в Саламанкском университете, потом — в университете Коимбры. В 1496 г. был опубликован на латыни его «Вечный альманах», которым, по-видимому, пользовался Васко да Гама. Таблицы альманаха позволяли определять географическую широту по склонению солнца в южном полушарии, т. е. ориентироваться в далеких морях без знакомых звезд. Как пишет Корреа, математик и астролог Закуту сообщил королю, что тот завоеует Индию, так как «велика его звезда». А кого отправить в Индию, король должен был догадаться, учтя другое предсказание: завоевателями следовало стать от имени Мануэла двум братьям (надо думать, Васко и Паулу да Гама).

Решение об отправке экспедиции в Индийский океан, еще до окончательного выбора ее руководителя, было принято при жизни Жуана II, т. е. до октября 1495 года. Деньги на экспедицию, по-видимому, были получены в следующем году за счет конфискаций у евреев, изгнанных тогда же из Португалии. Строительный материал для двух кораблей Васко да Гамы, «Св. Гавриила» и «Св. Рафаила», был взят в последний год правления Жуана в королевских лесах. Помимо этих судов, специально построенных для экспедиции, в нее вошли «Берриу» и запасной корабль (он вез припасы). Название последнего неизвестно; не исключено, что по традиции он мог носить имя своего бывшего владельца, А. Корреа.

По словам хрониста Ф.-Л. де Коштаньеды, командовать экспедицией вначале предложили Паулу, как старшему. Тот отказался, сославшись на слабое здоровье, но согласился быть капитаном одного из кораблей под общим командованием младшего брата. Экспедицию готовили основательно, с отплытием не торопились. Васко да Гама был назначен капитаном — мор — командующим флотилией — в январе 1497 года. Но только через

полгода он был принят Мануэлом, принес клятву верности и получил от имени самого крупного в Португалии рыцарского ордена Иисуса Христа знамя.

Вечером 7 июля в Лиссабоне капитан-мор со своими офицерами слушал службу в часовне Богородицы Вифлеемской. Ночь прошла в молитвах, а на рассвете моряки с горящими свечами отправились к причалам. Их сопровождали монахи, продолжая читать молитвы, которые подхватывала собравшаяся толпа. На берегу отслужили мессу, моряки исповедались. Согласно папской булле 1452 г., всем, уходившим в далекие страны, были отпущены грехи. Корабли с крестами на парусах во главе с флагманом «Св. Гавриилом» вышли через устье Тахо в открытый океан.

Через два года, в июле 1499 г., извещая короля и королеву Испании о возвращении Васко да Гамы, Мануэл писал: «Главной целью этого предприятия всегда было... служить Богу, Господу нашему». В Индии «основные виды торговли» будут отняты у мавров силой оружия, а живущие там христиане должны укрепиться в истинной католической вере. Васко да Гама доставил в Лиссабон пряности и драгоценности, хотя немного, так как не взял с собой нужных товаров для обмена ⁶. Ни это письмо, ни другие источники не позволяют узнать, почему Васко да Гама не взял в Индию нужных товаров. Не может быть, чтобы капитан-мор не ведал, чем придется торговать на Востоке. Это не согласуется с тем, что португальцы давно искали путь в Индийский океан, что у них было время выяснить торговую конъюнктуру. Убедительнее другое предположение: экспедиция ориентировалась на разведку, на вооруженные столкновения и военную добычу, а не на торговлю.

Флотилия готовилась с учетом опыта, полученного Диашем, и для оборудования новых кораблей привлекались участники его экспедиции. Опыт Диаша говорил, что каравеллы, имевшие небольшой тоннаж, — не лучший вид кораблей для дальних плаваний. Вот почему у Васко да Гамы была лишь одна каравелла, «Берриу», водоизмещением 50 тоннедаш, т. е. около 90 метрических тонн. Прочие корабли — их именовали нау, а не каравеллы — были крупнее. По разным оценкам, их водоизмещение составляло 90—120 тоннедаш или 160—220 метрических тонн ⁷.

Корабли имели по 20 и более тяжелых орудий — бронзовых бомбард, обычно доставлявшихся из Антверпена. Такие орудия, около 300 кг каждое, крепились в два ряда на носовых и кормовых башнях. Артиллерийских люков в бортах для них не делали до конца XV века. По краям палубы располагались орудия полегче; некоторые, в отличие от бомбард, заряжались с казенной части. Ядра были и каменные, и металлические.

Спутники Васко да Гамы пользовались различными навигационными инструментами, во всяком случае в первой половине путешествия, пока не покинули Атлантический океан. Один из хронистов отмечает, что в бухте Сент-Хелина (близ мыса Доброй Надежды) капитан-мор участвовал в астрономических наблюдениях. За мысом Доброй Надежды корабли вошли в полосу бурь, что побудило часть моряков заговорить о возвращении в Португалию. Васко да Гама, пишет Корреа, сломил сопротивление недовольных и объявил на «Св. Гаврииле», что пути назад нет, а потому он бросает в воду навигационные инструменты своих кормчих. Кроме Корреа, никто из хронистов не писал об этом и даже если все было именно так, то в воду была брошена лишь часть приборов. Впрочем, в XV в. капитаны и кормчие, определяя положение кораблей, не часто прибегали к инструментам, если не считать компас. Подобно многим морякам тех времен, Васко да Гама и его товарищи опирались на собственные подсчеты пройденного пути по силе и направлению ветров и течений, по картам. Одну из них поминает А. Велью, единственный участник путешествия, чьи записи, напоминающие лоцию, сохранились и были опубликованы в XIX веке.

На «Св. Гаврииле» капитаном был Васко да Гама, на «Св. Рафаиле» — его брат Паулу, на «Берриу» — Козлью (тот самый, что вместе с братьями да Гама был оштрафован за столкновение с судьей из Сетубала), на запасном корабле — Г. Нунес, челядин капитана-мор. Помимо капитанов

и кормчих в экспедиции участвовали два священника, несколько писарей и переводчиков с арабского и киконго — языка банту в устье р. Конго. Среди матросов было 10—12 преступников, которым за участие в экспедиции обещали помилование. Семерых из них Васко да Гама высадил в Южной и Восточной Африке, приказав жить среди африканцев, чтобы со временем вернуться к португальцам и стать переводчиками. Общая численность экипажей составила 140—170 человек. Возможно, расхождение в цифрах было вызвано тем, что в одном случае считали лишь свободных моряков, в другом — прибавляли освобожденных преступников и два десятка индийских пленников, взятых на обратном пути.

Покинув Лиссабон, флотилия через неделю была на широте Канарских островов, у рифов Рио-де-Оро. Здесь в тумане корабли потеряли друг друга, но было заранее условлено, что они встретятся у о-вов Зеленого Мыса. В конце июля Васко да Гама и его спутники снова увиделись у о. Сантьягу, где взяли на борт воду, свежие припасы, топливо, а заодно подремонтировали корабли.

О том, как был пройден дальнейший путь до мыса Доброй Надежды, известно немного. Велью сообщает, что от Сантьягу шли на восток, затем — на юг и юго-запад⁸. По-видимому, Васко да Гама учел информацию Диаша о ветрах Южной Атлантики (изменчивых вдоль берегов Черного материка), но не пошел тем же курсом, что его предшественник. Диаш держался африканского берега до Ангра Пекены (Людериц-Бей), где столкнулся с сильным встречным ветром. А Васко да Гама, покинув о-ва Зеленого Мыса, не видел берега, покуда не вышел к Африке приблизительно у 32 параллели, т. е. в 100—150 милях от мыса Доброй Надежды.

Диаш ушел из Ангра Пекены на тысячу миль к западу, в открытый океан; в обход встречных ветров и течений. Васко да Гама повторил этот маневр, но с более широкой амплитудой. К югу от о-вов Зеленого Мыса он, как и Диаш, был встречен неблагоприятными пассатами и течениями, идущими из Антарктики на север. Обойти их можно было, только отклонившись к Бразильской котловине, чтобы затем найти западные течения и ветры, повернуть в сторону Африки и, наконец, достичь бухты Сент-Хелина. За три месяца капитан-мор проплыл вне видимости берегов 4 тыс. миль: на 600 миль больше, чем Колумб, пересекая Атлантику за 5 лет до этого. О трудностях, с которыми столкнулась португальская флотилия, почти ничего не известно; лишь Гойш обронил два слова, сообщив, что в августе — октябре капитан-мор прошел через «многочисленные бури».

Район бухты Сент-Хелина, куда прибыли португальцы, представлял собой прибрежную песчаную равнину с вечнозелеными кустарниками и мягким климатом, напоминавшем средиземноморский. Правда, в отличие от Средиземноморья времена года здесь были «перевернуты», т. е. на европейское лето приходилась местная зима и т. д. Один из кормчих на «Св. Гаврииле», служивший в прошлом у Диаша, здесь бывал, встречал тех же готтентотов, которых видели другие моряки к югу от р. Кунене.

Стоянку использовали для починки парусов, пополнения запасов воды и топлива. Несколько десятков местных жителей подходили к берегу, выменивая лисьи хвосты на монеты. Но все кончилось ссорой; один из моряков, оставшийся в одиночестве на берегу, подвергся нападению. Капитан-мор с другими моряками бросился в лодку, подплыл к берегу и прикрик попавшего в беду товарища. Готтентоты, не добравшись до лодки, стали метать дротики, ранили Васко да Гаму и нескольких моряков.

Из Сент-Хелины взяли курс на юг. Переход был тяжел ввиду встречных ветров у мыса Доброй Надежды, а когда его прошли и повернули на восток, — ввиду частых бурь и сильного течения, сносившего корабли на запад. На ночь, опасаясь рифов, отходили от берега; с рассветом к нему возвращались. В 60 милях за мысом Доброй Надежды нашли бухту (ныне Моссел), где встали на две недели, чтобы разгрузить запасной корабль, который затем сожгли.

Общение с готтентотами позволило Велью набросать первое известное историкам краткое описание южноафриканцев. Перед участниками экспедиции

развертывалась картина различных цивилизаций. По мере продвижения на юг уровень цивилизованности местного населения понижался. Сначала арабы, за ними — исламизированные суданцы, за теми — жители бассейна Конго. Переводчик, взятый Васко да Гамой для общения с банту, бывал в устье Конго. Он мог сообщить морякам, что «королевство Конго», лежавшее к югу от исламизированных стран, уступало Северной Африке и Судану по уровню развития, но превосходило скотоводческие племена готтентотов.

Войдя в бассейн Индийского океана, корабли экспедиции следовали вдоль берегов, покрытых тропическими лесами, саваннами и болотами. Дважды останавливались у поселений гостеприимных банту. Далекое плавание, тянувшееся более полугодом, подрывало здоровье моряков. На стоянке в устье Келимане (Мозамбикский пролив), многие болели цингой. Редкое население не могло прокормить экспедицию. Велью, правда, поминает, что там «изобиловали различные фрукты, которые едят местные жители». Но, по-видимому, эти фрукты мало употреблялись португальцами или не имели существенных противочинготных свойств. Лишь к северу от устья Келимане в арабских портах Восточной Африки капитан-мор смог взять на борт лимоны и апельсины.

В Мозамбикском проливе экспедиция достигла сферы арабского влияния. Здесь вдоль побережья арабы владели рядом территорий в том числе многими островами кораллового происхождения. В целом в бассейне Индийского океана, несмотря на столкновения местных правителей и пиратство, сложилось единое торговое пространство с господством арабского языка, со схожими нормами мусульманского права, касавшимися судоходства, портовых сборов и таможни.

Арабские порты Восточной Африки были способны обеспечить Васко да Гаму продовольствием, дать отдых экипажам. Выбора у капитана-мор не было, и приходилось ориентироваться на арабов, которые по традиции рассматривались как заклятые враги христиан. Помимо арабских портов можно было воспользоваться стоянками на Мадагаскаре, но о них было известно, что население там редкое и бедное. К тому же в арабских портах можно было найти кормчих, знающих путь в Индию. Без них Васко да Гама не собирался плыть по незнакомому океану. После Сент-Хелины он все время следовал вдоль африканского берега, почти не отрываясь от него, явно боясь его потерять. Из этого, в частности, видно, что капитан-мор не доверял сведениям об Индийском океане, ранее собранным в Европе. В глазах его самого и его кормчих ценнее всего был собственный опыт, собственная оценка расстояний, течений и ветров от мыса Доброй Надежды и далее. Никакие известные Васко да Гаме описания Индии не давали географических координат, и капитан-мор не собирался плыть наобум, куда-то на восток, в поисках полубогатых земель.

В арабских портах следовало наладить с местными властями корректные отношения. В Мозамбике, первой арабской стоянке Васко да Гамы, вначале все шло хорошо. По просьбе португальцев арабы дали им двух кормчих, но потом отношения к Васко да Гаме изменилось, поскольку, как утверждают хронисты, арабы узнали, что он и его спутники — христиане. В следующем порту, Момбасе, через три дня после прибытия португальцев на них было совершено нападение. Они почувствовали себя в безопасности лишь на третьей стоянке в Малинди⁹.

Утверждения хронистов, что причиной нападения на моряков была их христианская вера — лишь одна из возможных версий. Хронисты сами сообщают факты, которые не вязались с таким объяснением. Если дело было в антихристианских настроениях, то почему они касались одних португальцев? Хронисты пишут, что в арабских портах Восточной Африки встречались христиане из Индии и Эфиопии. Было известно, что здесь время от времени появлялись европейские купцы, к которым относились как ко всем приезжим. А в Малинди, где Васко да Гама оказался в безопасности, жили те же арабы (правда, смешавшиеся с персами).

На рейде Мозамбика, судя по словам Велью, конфликт возник, когда

несколько лодок с арабами попытались помешать капитану-мор взять на борт своего кормчего. Объясняясь знаками, арабы требовали от Васко да Гамы «вернуться в город», может быть для оплаты портовых сборов и т. п. Васко да Гама ответил артиллерийским огнем, после чего вооруженные моряки стали отправляться на берег лишь большими группами. Они еще трижды открывали огонь, так как местные жители пытались помешать португальцам брать воду.

В Момбасе столкновение было, по-видимому, продолжением событий в Мозамбике. Дело в том, что покидая Мозамбик, Васко да Гама близ этого порта захватил три лодки-долбленки, которые были разграблены, а команда одной из них — задержана. В Момбасе сбежали почти все пленники вместе с добровольцами-кормчими из Мозамбика; вслед за тем капитан-мор велел положить двух оставшихся африканцев под «капельницу» — воронку, из которой текла кипящая жидкость. Под пыткой у пленников вырвали сомнительное признание, что арабы Момбасы готовились захватить флотилию. Трудно допустить, что слухи о событиях в Мозамбике к тому времени достигли Момбасы. Но в любом случае бегство кормчих и пленников не сулило Васко да Гаме ничего доброго.

В первую же ночь после бегства пленников на португальские корабли попытались взобраться вооруженные арабы, которых отогнали. Капитан-мор простоял в порту еще три дня, то ли ожидая благоприятного ветра, то ли надеясь, что ему пришлют кормчих, которых он запросил сразу по прибытии в Момбасу. Никого не дождавшись, он отправился в Малинди, в полусотне миль к северу от Момбасы. По пути Васко да Гама захватил еще одну долбленку с 17-ю моряками и богатым пассажиром. Возможно, захватывая арабских моряков, португальцы надеялись найти среди них кормчих. Так или иначе в порту Малинди пленников отпустили, что облегчило переговоры с местными властями, которые согласились дать хорошего кормчего.

Велью утверждает, что кормчий, взятый в Малинди, был христианин. Хронисты не подтверждают этого, сообщая о нем просто, как о выходеце из Гуджарата (Северо-Западная Индия) по имени Малемо Кана или Канака. «Малемо» было искаженным арабским «маллим» (учитель), а «канака» значило по-тамилски астролог, математик. Г. Ферран, специалист по арабским и малагасийским рукописям, опубликовал статью о маллиме, прозванном Канака. В одной из йеменских хроник он нашел сведения о том, что португальские корабли взялся вести уже упоминавшийся Ахмад ибн Маджид — прекрасный кормчий, выходец из Омана, автор лоций и мореходных инструкций¹⁰.

Капитан-мор пробыл в Малинди десять дней. Хорошее питание, в том числе цитрусовые поставило больных моряков на ноги. Экспедиция подняла якоря, взяв курс на атоллы Локкадивских о-вов, за которыми лежала Индия. Ахмад ибн Маджид воспользовался сезоном попутных муссонов и за 23 дня прошел с Васко да Гамой 2,4 тыс. миль. 18 мая 1498 г. португальцы обнаружили вдали прибрежную горную цепь — индийские западные Гаты.

Юго-Западная Индия открывалась перед Васко да Гамой как цветущая равнина — Малабарский берег — с множеством озер, образовавшихся от обилия воды, которую принесли муссонные дожди. Рисовые чеки простирались от океана до гор, высившихся в нескольких десятках километров от побережья. Уступы гор прорезали дороги, уходившие в глубь страны. Вдоль берега сновали рыбацкие парусники, время от времени появлялись купеческие корабли. В устьях рек размещались полные жизни порты, города с шумными базарами. Рядом со ступенчатыми пирамидами, возвышавшимися над индуистскими храмами, кое-где поднимались знакомые португальцам минареты и купола мечетей.

Флотилия не пошла прямо к Малабарскому берегу, а повернула на юго-юго-восток, вдоль него, направляясь в Каликут (ныне Кожикоде), который португальцы предпочли другим индийским портам. Каликут был мало известен европейцам: Марко Поло, побывав в Индии за 200 лет до

Васко да Гамы, ничего о нем не писал. Но М. ибн Абдуллах ибн Баттута назвал его среди крупнейших портов, а А. Никитин незадолго до Васко да Гамы считал важность Каликута само собой разумеющейся («А Келекот же есть пристанище Индейского моря всего» и т. д. ¹¹).

Это была столица небольшого одноименного государства многочисленного народа малаяли. Арабы титуловали правителей Каликута саморинами (на языке малаяли — «самудрия раджа»). Саморины покровительствовали арабам с их морской торговлей, которая дополняла деятельность местных купцов, так как брахманы запрещали верующим индуистам поддерживать заморские связи. Арабы смешивались с малаяли, брали жен из низших каст, пополняли мусульманскую общину бедняками, желавшими избавиться от засилья индуистской знати.

Васко да Гама бросил якорь в нескольких милях от Каликута, не желая входить в порт, где безопасность кораблей, судя по опыту, приобретенному у берегов Африки, не была гарантирована. Команду на берег не отпускали, но портовым властям сообщили, что капитан-мор готов посетить саморина. Аудиенция состоялась через неделю. Ее обставили с пышностью, которая в описании Велью заняла чуть ли не главное место среди событий, связанных с пребыванием в Индии. На берегу Васко да Гаму ждал паланкин с шестью носильщиками и эскортом с обнаженными мечами. Гостей вначале повели в храм Шивы, где изображения индуистских богов были ими приняты за христианские иконы, поскольку, по мнению португальцев, Индию населяли либо мусульмане, либо христиане. В дворцовой зале саморин, обложивший подушками, принял капитана-мор с его свитой, затем предложил Васко да Гаме пройти в соседнюю палату. Там ему дали возможность рассказать все, что желал. Капитан-мор прочитал хвалебное слово о своем монархе, объявил, что ему, как руководителю экспедиции, поручено найти на Востоке христианского правителя, пресвитера Иоанна. Саморин все выслушал, сказал, что рад послам и готов считать португальского короля своим братом.

Когда протокольные обязанности были выполнены, капитан-мор приступил к торговле. Индийцы в этом ему не препятствовали, но давали понять, что желают держать его под своим контролем. Возможно, после пышного приема у саморина индийцы испытывали давление со стороны арабской общины, которая видела в португальцах своих конкурентов. Саморин, по-видимому, решил более не выказывать знаки внимания Васко да Гаме, не отдаляться от арабов с их богатствами и торговыми связями. Португальским морякам, которых капитан-мор отправил торговать, не разрешали возвращаться на свои корабли, и фактически их превратили в заложников. Самого капитана-мор в течение двух дней после аудиенции у саморина задерживали на берегу, ссылаясь на то, что лодки не могли подойти к флотилии в плохую погоду и т. д.

Несмотря на это, Васко да Гама простоял у Каликута свыше трех месяцев. Он понимал, что здесь — крупнейший торговый центр, что вряд ли он найдет в других портах более дешевые товары. Португальцы скупали в Каликуте пряности (перец, гвоздику) и драгоценные камни по мере того, как удавалось продать разную утварь и европейские ткани, не пользовавшиеся в Индии большим спросом. Наконец, в середине августа 1498 г. Васко да Гама решил, что пора отправляться в обратный путь. Пресвитер Иоанн не был найден, но был открыт морской путь в Индию, а приобретенных пряностей и драгоценностей хватило, чтобы окупить расходы на экспедицию.

Узнав о намерении португальцев покинуть Каликут, индийцы попытались взискать с них немалые пошлины. Васко да Гаме сообщили, что он должен 600 шарафинов, т. е. 1,7 кг золотом в виде таможенных сборов. До уплаты пошлин португальские товары, находившиеся на берегу, подлежали аресту, а моряки, которые эти товары охраняли, задерживались. Капитана-мор также известили о запрете жителями Каликута посещать корабли в каких бы то ни было целях, в том числе торговых.

Саморин не учел, что желание его подданных повидать корабли из

далеких стран было сильнее этого запрета. Каликутцы, включая людей с общественным весом, продолжали ездить к Васко да Гама и продавать ему свои товары. Пользуясь этим, капитан-мор в один прекрасный день задержал 18 индийцев, в том числе 6 представителей влиятельной касты воинов. Саморина известили, что их отпустят после снятия ареста с португальских товаров и возвращения моряков, спущенных на берег. Кончилось тем, что саморин освободил португальских заложников и вернул часть товаров, взяв остальные, по-видимому, в счет пошлины. В свою очередь Васко да Гама освободил индийских воинов, но оставил у себя на борту 5 других заложников. Посланцам саморина было заявлено, что заложники будут сопровождать индийские товары, закупленные Васко да Гамой. Эти товары, по словам португальцев, следовало бы передать королю с сопроводительным письмом от саморина. Поскольку письма не было, Васко да Гама брал с собой индийцев, чтобы они лично поднесли Мануэлу товары из своей страны¹².

Из Каликута капитан-мор направился вдоль побережья на север. Возвращаться было решено после ремонта кораблей на о-вах Анджидив, в 40 милях к югу от Гоа (ныне Панаджи). Васко да Гама посчитал, что на индийском побережье он не найдет для ремонта безопасных мест. Но небольшие острова, примыкавшие к побережью, были убежищем, где нападение могло грозить лишь с моря, где можно было получить продовольствие из Гоа. К экспедиции, простоявшей у Анджидив полтора месяца, дважды приближались корабли. В одном случае это были, как сообщили капитану-мор местные жители, корабли из Каликута, в другом — гоанские пираты.

Оба раза капитан-мор встретил пришельцев во всеоружии. Корабли из Каликута были отогнаны артиллерийским огнем; один из них, лавируя, потерял рулевое весло и был брошен командой. Что касается пиратов, то они подобрались ночью и, не решившись атаковать в темноте, улеглись отдыхать. Подход их судов был замечен. На рассвете, прежде чем они опомнились, на их палубы полетели подожженные горшки с порохом. Многих пиратов перебили; часть оставшихся в живых, наиболее сильных, Васко да Гама загнал в трюмы своих кораблей, где их приставили к помпам. Из них мало кто уцелел. На обратном пути в Европу португальцы терпели всевозможные лишения, и капитану-мор было не до пленных, которые откачивали воду, сочившуюся сквозь прогнившие днища.

Закончив ремонт кораблей в начале октября 1498 г., Васко да Гама не стал откладывать отплытие к берегам Африки. Был избран маршрут, приблизительно совпадавший с тем, по которому корабли пришли в Индию, т. е. был взят курс на юго-запад, к экватору. Но раньше, на пути в Индию, был попутный ветер, который теперь стал встречным. Не исключено, что на решение о безотлагательном отплытии на юго-запад, без лоцмана, повлияла угроза столкнуться с турецкими морскими силами, которые могли подойти с севера, со стороны Аравийского моря. Васко да Гама мог предполагать, что режим ветров в Индийском океане к югу от Гоа аналогичен тому, что он наблюдал в Атлантике в тех же широтах, где в это время года северные ветры дуют до экватора. В действительности аналогии не было, а за 10° северной широты (за южной оконечностью Индии) капитана-мор ждали встречные воздушные потоки¹³.

На полпути между Индией и Африкой из-за неблагоприятных ветров и штилей экспедиция простояла почти два месяца. До этого, за все время путешествия, Васко да Гама потерял 30 человек; столько же было потеряно теперь. Из текста Велью трудно понять, как вели себя моряки, пухшие от цинги, но Каштаньеда пишет, что капитану-мор вновь, как у мыса Доброй Надежды, пришлось смирять бунтовщиков. Кормчие советовали вернуться в Индию. Васко да Гама уже собирался так поступить, когда стал дуть ветер с востока. С горсткой людей, еще державшихся на ногах — по 7—8 человек на каждом корабле, — капитан-мор вышел в январе 1499 г. к побережью Сомали, близ Могадишо.

Надо было проявить осторожность, чтобы без новых потерь пройти вдоль африканских берегов. В экспедиции было полно больных, нуждавшихся в свежих продуктах, и все же она не стала останавливаться у незнакомого ей Могадишо. Через несколько дней в районе Пате, когда к экспедиции подошел какой-то корабль в сопровождении лодок, его заставили ретироваться под огнем бомбард. 7 января, завидев единственное дружеское поселение, Малинди, Васко да Гама вошел в порт. На корабли немедленно доставили фрукты, птицу и свежую баранину, но было уже поздно, и многих больных не удалось спасти.

Ввиду уменьшившейся команды было решено распределить всех моряков по двум кораблям, а третий, «Св. Рафаил», уничтожить. Его сожгли в середине февраля, после ухода из Малинди, в районе Килвы. С него сняли носовое украшение; оно в XIX в. еще хранилось в лиссабонской церкви Богородицы Вифлеемской. Оставшийся путь вдоль Восточной Африки был пройден без приключений с помощью двух кормчих, которых дал правитель Малинди. Несколько раз останавливались, запасались водой и продовольствием подалее от арабских поселений. 20 марта прошли мыс Доброй Надежды.

О последних месяцах путешествия, уже в Атлантическом океане, мало что известно. Текст Велью обрывается на том, что при попутном ветре капитан-мор вышел к Верхней Гвинее. 25 апреля он был в районе отмелей у о-вов Бижагош (будущая Португальская Гвинея). Таким образом, экспедиция за месяц прошла в меридианальном направлении столько же, сколько на пути в Индию за три месяца. У Бижагош в бурю корабли потеряли друг друга из виду. Куэлью на «Берриу» в начале июля достиг Лиссабона, а Васко да Гама на «Св. Гаврииле», который вновь нуждался в починке, направился к о-вам Зеленого Мыса. Продолжать путь на «Св. Гаврииле» он не стал, опасаясь, по-видимому, что такое путешествие будет не по силам его брату Паулу, который тяжело занемог.

Полагаться на то, что «Св. Гавриил» быстро дойдет до Португалии, было трудно. У гвинейского побережья пришлось бороться со встречными ветрами, идти, меняя галсы. При маневрах усиливалась течь в трюме, и команда тратила много сил, работая на помпе. Экспедиция должна была испытывать трудности с продовольствием, так как от мыса Доброй Надежды до Бижагош не было сделано ни одной стоянки. И, конечно, Васко да Гама надеялся, что, задержавшись на островах Северной Атлантики, он получит свежие продукты, необходимые Паулу. «Св. Гавриил» был передан под командование одного из офицеров, и в августе он пришел в Лиссабон. Сам Васко да Гама высадился на о-вах Зеленого Мыса, где нанял каравеллу, которая доставила его и больного брата на Азорские острова. Паулу умер и был похоронен там же, на о. Терсейра. Васко да Гама в августе или середине сентября 1499 г. вернулся в Португалию¹⁴.

Из экспедиции, длившейся два года и два месяца прибыли два полуразбитых корабля. Они доставили на родину 55 членов экипажа, т. е. менее половины тех, кто ушел в далекое плавание. Матери и вдовы погибших получили пособия, из которых, наверное, немало было потрачено на заупокойные службы в бедных приходах, а по всей Португалии по повелению короля были устроены торжественные шествия в честь благополучного возвращения капитана-мор. Привезенные из Индии пленники были крещены и взяты в услужение королем и Васко да Гамой. Двух арабских кормчих из Малинди, которых капитан-мор обещал вскоре отправить в обратный путь, водили по Лиссабону. По словам Корреа, им показали «все достопримечательности Португалии, особенно короля, королеву с ее дамами в праздничные дни на вечернем приеме, обед у короля, развлечения с быками, церкви и роскошные дворцы, монастырь Баталья».

В столице в честь возвращения Васко да Гамы Мануэл заложил монастырь иеронимитов с величественной церковью Св. Марии Вифлеемской. Недалеко от монастыря, у причалов, на месте, где стояли корабли капитана-мор перед отплытием в Индию, была построена Вифлеемская башня Торре де Белем, ставшая символом Лиссабона.

Васко да Гама получил то, что был склонен считать минимальным

вознаграждением за свои заслуги: денежную награду в 20 тыс. крузадо, право на ежегодное пособие за счет торговли с Индией, титул дона, обещание передать ему Синиш, родное поселение, в ленное владение. Как человек, оправдавший ратными делами дворянское достоинство, он женился. Его избранницей стала Катарина де Атаиде, отец которой был комендантом одного из городов южной Португалии; она родила капитану-моршестерых сыновей и одну дочь. К земельным владениям, которые у Васко да Гамы были, прибавилась усадьба в Эворе, центре Алентежу, традиционной резиденции крупных землевладельцев. Со временем последовали новые милости короля: пожизненная пенсия, звание адмирала и т. д.

Васко да Гама этого было мало. Он желал титула, который ввел бы его официально в круг тех, кто составлял верхний слой дворянства. Такой титул давало графское достоинство, требовавшее, чтобы его обладатель имел лен с поселением и крепостью, например Синиш. Но орден Сантьягу, владевший Синишем, не собирался с ним расставаться, а государственные соображения не позволяли королю вступать в конфликт с могущественным духовным рыцарством. Более того, через несколько лет ордену не понравилось, что Васко да Гама попытался построить себе обширный дом в Синише, и распоряжением короля мореплавателю было предписано прекратить строительство.

Между тем Мануэл был готов без отлагательств воплотить в жизнь возможности, полученные Португалией вследствие открытий Васко да Гамы. Едва стало известно об этих открытиях, как король дополнил свой титул, придав ему больше импозантности. Отныне он был «дон Мануэл, Божьей милостью король Португалии и Алгарви (южной провинции Португалии и одноименной северной области в Марокко — В. С.) по обе стороны моря а Африке, властитель Гвинеи, завоеванных стран, мореходства и торговли Эфиопии, Аравии, Персии и Индии».

Через полгода после возвращения Васко да Гамы по его маршруту ушла в Индию эскадра П. А. Кабрала из 13 кораблей. В приготовлениях к ее плаванию участвовал Васко да Гама. Сохранился набросок его инструкций, где новому капитану-мор рекомендовалось повторить безостановочный переход через Южную Атлантику, не опасаясь открытого океана к югу и даже к юго-западу от о-вов Зеленого Мыса. Кабрал, перед тем, как достичь берегов Индии, открыл к юго-западу от этих островов Бразилию, в будущем крупнейшую португальскую колонию. Но из его экспедиции в Португалию вернулись всего 6 кораблей, и Мануэл заявил венецианскому посланнику (возможно, только для успокоения конкурентов), что при таких потерях он готов отказаться от дальнейших плаваний в Индийский океан¹⁵.

Прекращения экспедиций не последовало. 10 февраля 1502 г. курс на Индию взяла еще одна эскадра из 15 кораблей (800 человек) под командованием Васко да Гамы, теперь адмирала. Цель экспедиции была прежде всего в том, чтобы обеспечить доходы португальцев, доставить в Европу возможно больше пряностей, золота и иных драгоценностей. Для этого следовало подорвать торговлю арабских конкурентов, захватить все, что можно вооруженным путем. Предлогом для военных действий могли служить столкновения, спровоцированные незадолго до того Кабралом в Каликуте, где арабы отказывались продавать свои товары португальцам.

В ходе второго плавания в Индию, по словам Корреа, Васко да Гама пошел на юго-запад от о-вов Зеленого Мыса по пути Кабрала. Эскадра проследовала вдоль побережья Южной Америки, затем у мыса Санту Агустину повернула на юго-восток и пересекла Атлантику. В шторм, разбивший корабли, Васко да Гама обошел мыс Доброй Надежды и направился к Мозамбику, где корабли должны были снова собраться. Сохранилось свидетельство об этом пути анонимного голландского моряка, одного из спутников адмирала. В брошюре, получившей название «Калкоэн», т. е. «Каликут», моряк сообщал, что в апреле-мае 1502 г. в Южной Атлантике небо было все время пасмурным, закрывавшим звезды. Идти приходилось по компасу, подсчитывая пройденный маршрут и откладывая его на карте. Встречный ветер вынудил эскадру отклониться к югу. 22 мая встретили зиму с дождем и снегом, день длился всего 8 часов. Упоминание о продолжительности дня в конце мая позволяет установить, что Васко да Гама был приблизительно на 50° южной широты, т. е. на параллели, проходящей в тысяче миль к югу от мыса Доброй Надежды. Судя по всему, адмирал был первым европейцем, который вошел в антарктические воды.

Первую стоянку сделали в Софале, где намеревались приступить к скупке золота. Стоянка позволила взять на борт свежие продукты, но золота у арабов было мало, а на отмели близ Софалы в шторм был потерян один из кораблей (возможно, этот случай, пугая даты и преувеличивая число кораблей, имел в виду ибн Маджид). После Софалы отправились в Мозамбик, где удалось восполнить урон, построив новую каравеллу из привезенных португальских материалов. Ни о каком противодействии португальцам, как в первом путешествии Васко да Гамы, не было речи. Присутствия эскадры было достаточно, чтобы местные правители согласились со всем, что желал адмирал, в том числе с продолжением строительства в Мозамбике португальского флота, который начали сооружать незадолго до того по договоренности с Кабралом.

Далее путь лежал на Килву, наиболее влиятельный в политическом отношении центр на побережье, находившийся в 200 милях к югу от Занзибара. О пребывании в Килве говорит один из немногих сохранившихся документов, написанных самим мореплавателем: «Я, адмирал, дон Васко да Гама и прочая, сообщаю капитанам всех кораблей моего повелителя короля, которые прибудут в порт Килву, что я сюда вошел 12 июля сего 1502 года. Я пожелал встретиться с (местным) королем, чтобы договориться о мире и дружбе. Но он не захотел встречи и повел себя крайне дерзко. Ввиду этого я решил, взяв своих вооруженных людей, уничтожить его... Он предпочел смириться, отправился (ко мне), и я договорился с ним о мире

и дружбе при условии, что он будет платить ежегодно дань и подать моему повелителю королю в размере полутора тысяч миткалей (т. е. около 7 кг — В. С.) золотом. Означенные полторы тысячи миткалей за текущий год он мне уплатил тотчас...»¹⁶.

Правитель Килвы, как рассказывают хронисты, не угодил португальцам, отказавшись принять христианство и не пожелав их участия в торговле золотом. Когда Васко да Гама пригрозил ему расправой, он заявил, что на все готов, включая строительство форта, как в Мозамбике. В залог добрых намерений он отправил к адмиралу богатого горожанина (как потом выяснилось, своего соперника). Заложник, раздетый, связанный и брошенный в лодку, предложил выкуп — те самые полторы тысячи миткалей, которые Васко да Гама объявил данью и податью. Правитель Килвы, откупившись чужим золотом, прибыл к адмиралу изъявить покорность, а заодно сказать, что арабам, завидев португальцев, следовало бы бежать в джунгли. Адмирал заметил, что у него на борту — борзые собаки, способные выгнать из джунглей кого угодно.

Спутники Васко да Гамы, видя, что Килва — в их руках, стали, по словам хронистов, спускаться на берег «для развлечений», которые причинили арабам «большой ущерб». На корабли были доставлены двести рабынь. Как уверяли моряки адмирала, рабыни желали расстаться с жестокими арабами и отправиться в Индию. Адмирал посетовал, что женщины разложат команду, взял сорок из них, а остальных вернул хозяевам.

Васко да Гама не довольствовался подчинением Мозамбика и Килвы. Часть его кораблей была оставлена в Восточной Африке курсировать вдоль берегов и поддерживать португальский контроль. Фактически восточноафриканское побережье превращалось в португальскую колонию со стоянками и фортами в Мазамбике и Килве.

Оставив Килву, где к нему подошло подкрепление (несколько кораблей, посланных из Лиссабона), Васко да Гама пересек Индийский океан и вышел к берегам Индии приблизительно 11 августа 1502 года. К этому времени, после полугодового плавания, треть команды болела цингой. Больных (до 300 человек) разместили на о-вах Анджидив в наскоро сколоченных бараках, а эскадра, взяв на борт свежие продукты, начала курсировать вдоль индийских берегов. К югу от Гоа захватили и сожгли три небольших арабских парусника; зашли в порт Батикола, где местный правитель откупился от португальцев рисом.

В конце сентября эскадра встретила то, что искала: крупный арабский корабль. «Мери» возвращался в Каликут из Джидды с мусульманами — поломниками, посетившими Мекку. Не считая женщин и детей, на борту находились, по разным оценкам, от 200 до 380 человек. Они сдались и разоружились без боя, считая, что смогут откупиться. Два дня португальцы перегружали с «Мери» на свои корабли разное добро, после чего Васко да Гама поднялся на захваченное судно и потребовал, чтобы ему были вручены личные ценные вещи мусульман. Когда ценности отобрали, всех мусульман загнали в трюм, который заколотили, а «Мери» подожгли. Судно продержалось на плаву еще четыре дня. Мусульманам удалось вырваться из трюма и на некоторое время под артиллерийским огнем потушить пожар. Португальцы опять высадились на «Мери», но вынуждены были покинуть судно ввиду сопротивления мусульман, сражавшихся, кто чем мог, в том числе холодным оружием, которое до этого было где-то припрятано. Корабль пошел ко дну после того, как его вновь поджег один мусульманин-перебежчик: ему пообещали жизнь за предательство. Тех, кто покинул «Мери», спасаясь вплавь, добивали с лодок. Пощадили лишь два десятка детей. Их взяли на португальские корабли, а позднее, вернувшись в Лиссабон, отдали в послушники иеронимитам¹⁷.

Драгоценностями, захваченными на «Мери», Васко да Гама расплачивался, начиная с октября 1502 г., в портах Малабара, где он принимал пряности на борт своих кораблей. В одном из этих портов, Кананоре, его приезда ждали служащие фактории, созданной Кабралом. Другая фактория, в Каликуте, была разгромлена вскоре после отъезда Кабрала. Ее

руководитель недооценил влияние местных арабов, конфискуя грузы с их кораблей на том основании, что они-де без спроса торговали в сфере португальских интересов. Фактория была разгромлена толпой местных жителей, которых не смог удержать саморин; около 40 ее португальских служащих погибли. Это стало поводом для предъявления Васко да Гамой ультиматума саморину, тем более, что адмирал после путешествия 1497—1499 гг. считал правителя Каликута своим противником.

30 октября Васко да Гама прибыл с эскадрой в Каликут и потребовал от саморина изгнания из города всех арабов. Не получив удовлетворительного ответа, португальцы приступили к репрессиям. Порт подвергли бомбардировке, арестовали плававших неподалеку рыбаков. Высадившись на берег, задержали три десятка каликутцев, которые, по мнению Васко да Гамы, чем-то ему угрожали. В порту был захвачен ряд кораблей с их командами; отпустили лишь выходцев из Кананора, рассматривавшегося, как дружественное государство. Корабли были ограблены, пленники (800 человек, по словам Корреа) изувечены и замучены. Часть их, повешенных за ноги, пристрелили лучники. Другим отрубали руки, отрезали уши и носы, загоняли в горло колья. Полумертвых побросали на один из кораблей, сверху накинули горящие циновки и погнали корабль к берегу. Там прибежавшие каликутцы пытались спасти тех, в ком теплилась жизнь. До португальских кораблей доносились стоны умирающих, смешивавшиеся с траурными песнопениями. Среди изувеченных находился индуистский монах. Это был гонец саморина, получивший от адмирала заверение, что его беспрепятственнопустят после передачи послания.

Расправившись с Каликутом, Васко да Гама отправился в Кочин (ныне Коччи). Здесь была создана еще одна фактория, а заодно — стоянка флотилии (восемь нау и каравелл), которую адмирал собирался оставить в Индии. В январе 1503 г. он получил известие, что саморин, набрав арабских моряков, готовился возобновить борьбу с португальцами. К Каликуту вновь вышли несколько каравелл. Им удалось близ Каликута захватить два корабля саморина, но сопротивление не было сломлено. Арабских кораблей, по большей части мелких, было несколько десятков. Несмотря на потери, они продолжали вести огонь из своих легких орудий, убив несколько португальцев и многих ранив. В конце концов арабы отошли к берегу, где оказались вне досягаемости для Васко да Гамы: их корабли имели меньшую осадку, чем каравеллы, которым приходилось избегать мелководья.

Последним портом, где Васко да Гама остановился перед возвращением в Европу, был Кананор. Здесь эскадра отправила на берег часть своих артиллерийских орудий. Адмирал не опасался понизить боеспособность эскадры, поскольку после рейдов на Каликут в его планы не входило продолжение военных действий в Индии или Африке. Орудия решено было разместить в фактории, а облегченные корабли смогли принять на борт дополнительные партии пряностей.

Из Кананора адмирал возвращался в Европу, не пересекая Аравийскую котловину. Покинув этот порт 20 февраля 1503 г., эскадра при попутном муссоне пошла на юго-юго-запад в виду Лаккадивских, Сейшельских и Коморских островов. Берегов Африки достигли через полтора месяца. Отдыхали в Мозамбике, где простояли более двух месяцев. Когда шли вдоль берегов Южной и Экваториальной Африки, продовольствия и воды не хватало. Участник похода, голландец, автор «Калкоэн» пишет, что в конце июня Васко да Гама вышел к безымянному острову, где-то у берегов Нижней Гвинеи. Там экспедиция перебила 300 местных жителей, якобы мешавших набирать воду. Часть островитян превратили в «пленников», которые, по-видимому, обслуживали экспедицию в течение месяца, проведенного на острове. Плавание затягивалось, часто останавливались из-за ремонтных работ. В непогоду корабли, случалось, теряли друг друга из виду и шли в одиночку. Некоторые прибыли в Португалию в конце августа, а адмирал с основными силами вошел в устье Тахо 11 октября 1503 года¹⁸.

Результаты второй экспедиции Васко да Гамы были очень выгодны.

В глазах современников высокие доходы от продажи пряностей перевешивали потери: сотни больных, оставленных на Анджидив, раненых и убитых в вооруженных столкновениях. Ни один корабль не был потерян, что было довольно редкой удачей. Итальянские торговцы и их представители в Лиссабоне, ревниво следившие за успехами конкурентов, уверяли, что вторая экспедиция Васко да Гамы доставила 32—35 тыс. квинталов (около 1,5 тыс. т) пряностей. Скорее всего, это было преувеличение, если учесть грузоподъемность нау и каравелл. Но, так или иначе, португальцы везли много пряностей, и на европейских рынках складывалась новая конъюнктура. Лично Васко да Гама, по сведениям тех же итальянцев, имел годовой доход в 4 тыс. крузадо, что ставило его в один ряд с богатейшими людьми Португалии, включая родственников короля и духовную знать. К пенсиям, которые адмирал получал ранее, были добавлены еще две новые. Кроме того, он мог бесплатно привозить колониальные товары, а с 1515 г. — содержать в Индии своего представителя за счет казны.

Но Васко да Гама этого было мало. Он не получил наиболее высокой награды, к которой стремился, — графского достоинства. Сохранился документ, свидетельствующий, что в 1508 г. король собирался назначить Васко да Гаму комендантом Виллафранка, небольшого города близ Лиссабона. Назначение не состоялось, возможно потому, что не было увязано с предоставлением титула. Назойливость не была в характере адмирала, и нет сведений о каких-либо его просьбах, адресованных королю. Но через десять лет, в 1518 г., Васко да Гама обратился к Мануэлу, судя по дворцовым архивам, с письмом, которое показало, что адмирал был готов порвать с королевским двором, если не получит желанного титула. О содержании письма известно по ответу Мануэла. Король писал, что узнал из послания Васко да Гамы о его намерении покинуть Португалию, где он не получил графский титул. Мануэл утверждал, что адмирал всегда пользовался расположением двора, что, как король, он не станет препятствовать его отъезду, но если адмирал откажется от своего намерения, то он очень скоро убедится в неизменно добром к нему отношении.

Слова Мануэла о скором изъявлении монаршей милости были, конечно, обещанием пойти навстречу желанию Васко да Гамы. Обещание свидетельствовало о признании, во-первых, претензий мореплавателя и, во-вторых, его права расторгнуть отношения, связывающие вассала с сюзереном. Король должен был проявить государственную мудрость тем более, что на его глазах Португалия теряла способных людей, о чем ей приходилось жалеть. В годы юности Мануэла Х. Колумб, предлагавший свои услуги Лиссабону, перебрался в Испанию. В 1517 г. туда же отправился Ф. Магеллан — опытный кормчий, который плавал в Индийский океан, бывал в Малакке.

На этот раз, чтобы произвести Васко да Гаму в графы, Мануэл договорился о передаче ему двух владений герцога Ж. де Браганца, своего влиятельного родственника. Герцог, по-видимому, сочувствовал Васко да Гама, чья судьба была схожа с его собственной. Мореплаватель был в свое время, как незаконнорожденный, лишен будущего, а герцог в молодости утратил свои владения, отправился в изгнание из-за тиранства Жуана II, погубившего его отца. Глава ордена Сантьягу, Ж. де Ланкастер, отказавшийся передать Синиш Васко да Гама, был любимцем Жуана, ненавистника рода Браганца. Теперь, показывая, что Ланкастер ему не пример, герцог отказывался за плату, которую вносил Васко да Гама, от поселений Видигейра и Вилла де Фрадеш в Алентежу. Плата была существенной, но не слишком обременительной для человека с такими средствами, как у Васко да Гамы: 4 тыс. крузадо одновременно и передача герцогу одной из адмиральских пенсий, дававшей тысячу крузадо ежегодно. В декабре 1519 г. король одобрил эту сделку и одновременно предоставил Васко да Гама титул графа Видигейры¹⁹.

Историки отметили, что в годы правления Мануэла выросла роль Лиссабона, где португальская знать стала селиться чаще, чем ранее. Эта тенденция не коснулась Васко да Гамы, чья карьера складывалась по

образцу белых времен. Как вассал, он в молодости служил сюзерену при его дворе, отдал много сил борьбе с арабами, а к старости удалился на отдых в свои владения. После второй экспедиции в Индию он жил в Синише, затем — в Эворе и Видигейре. Его связь с морскими и колониальными предприятиями Португалии ограничивалась тем, что он получал доходы от торговли с Индией и дважды участвовал в организации очередных экспедиций (П. А. Кабрала и Ф. де Аламейды).

Синиш и Эвора сохранили память о Васко да Гаме. В Синише стоит основанная им церковь, в Эворе — его дом, украшенный орнаментом и скульптурами в индийском духе. В этом доме, просторном и светлом, выросли дети адмирала. Все сыновья, кроме старшего, Франсишку, наследника титула и имений, служили в колониях. Эштеван стал губернатором Индии, но когда король велел ему свататься к нелюбимой женщине, он предпочел изгнание и умер в Венеции. В разные годы Педру и Алвару были капитанами (наместниками) Малакки. В морском бою у Малакки погиб Паулу, а в Эфиопии сложил голову Криштован.

Помимо сыновей, в колониях служили другие родственники Васко да Гамы — дядя по матери, племянники. В Эворе и Видигейре он жил с многочисленными слугами и домочадцами. Как всякий крупный землевладелец, он должен был иметь окружение из верных челядинов, людей, сидевших на его земле, работников, которым давали приют и вознаграждение по милости главы семейства. Знатный человек, тем более титулованная особа, был центром притяжения целого клана. Ему было свойственно хлебосольство, он постоянно принимал многочисленных гостей разного ранга. На людях он появлялся со свитой, готовой при случае оградить его от врагов, тех, кто сводил с ним и его близкими счеты в имущественных спорах, в любовных и иных интригах.

Богатства Васко да Гамы шли, прежде всего, из Индии. Там находился его торговый представитель, и адмирал был осведомлен о делах колоний. Они становились обширны, доходы росли, а вместе с ними — роль колониальных вооруженных сил и бюрократии. При завоевании колоний и на ранних этапах их освоения открытый грабеж и обстановка вседозволенности разлагающе влияли на администрацию, вели к тому, что губернаторы и их подчиненные чувствовали себя полунезависимыми владыками, ускользали из-под контроля метрополии, а заодно злоумышляли друг против друга. Колониальная законность лишь начинала складываться в виде соглашений с местными правителями о протекторате, распоряжений о статусе португальских переселенцев, о смешанных браках и т. д. Нуждаясь в надежных администраторах королевский двор не упускал из вида Васко да Гаму.

В конце февраля 1524 г. адмирал, назначенный вице-королем Индии, возглавил эскадру в полтора десятка кораблей, почти готовых к отплытию. Взяв 3 тыс. человек, среди которых было много дворян, он должен был покинуть Лиссабон 9 апреля. Годы давали о себе знать, и, судя по всему, Васко да Гама не принял назначение с легким сердцем. Только что королевским решением его сыну Франсишку было разрешено в будущем, сразу после смерти отца, вступить во владение наследством и принять графский титул. Накануне отплытия Васко да Гама позаботился о собственной могиле. Одна из его королевских пенсий была отказана кармелитскому монастырю в Видигейре за право иметь семейный склеп в местной церкви. Среди бумаг, переданных на флагман перед отъездом, было запечатанное письмо, которое надлежало вскрыть в случае смерти адмирала. Там был определен порядок замещения вакантного поста вице-короля²⁰.

Эскадра благополучно прошла ту часть пути, которая считалась особенно трудной, — Южную Атлантику и район мыса Доброй Надежды. На флагмане жизнь текла, как в Португалии. Адмирал собирал за общим столом видных дворян, угощал их из дорогой посуды, которую разносили слуги в ливреях. В середине августа 1524 г. на недолгой стоянке в Мозамбике выяснилось, что не все распоряжения Васко да Гамы выполнены. В Лиссабоне перед отплытием он велел развесить на мачтах объявления, запрещавшие идти в плавание женщинам и грозившие нарушительницам

бичеванием. В Мозамбике изловили трех португалок (по другим сведениям, более десятка), пренебрегших адмиральскими угрозами. Им предстоял суд по прибытии в Гоа, административный центр португальских владений.

Переход через Индийский океан, занявший около месяца, оказался тяжел. Эскадра попала в полосу бурь, что привело к гибели трех кораблей. На одном из кораблей, сообщает Корреа, капитан «вел себя нехорошо по отношению к команде». Матросы подняли бунт и расправились с капитаном. Покинув эскадру, они ушли пиратствовать к Баб-эль-Мандебскому проливу. Через год их корабль окружила другая португальская эскадра. Поскольку пираты сдались, половина из них осталась жива, а остальных повесили.

В Гоа приезд адмирала (сентябрь 1524 г.) пугал прежде всего чиновников-мздоимцев. Было очевидно, что, опираясь на Васко да Гаму, лиссабонский двор вводил более жесткий контроль над колониями, а ждать поблажек от адмирала, человека богатого и независимого, не приходилось. Правда, с его приездом связывали надежды на перемены к лучшему другие колонисты — солдаты, коммерсанты, монахи. Они осуждали порядки, установленные здесь губернатором Д. де Менезишем и капитаном (главой администрации) Гоа Ф. Перейрой. Палата португальских жителей Гоа — консультативный орган — в связи с приездом адмирала направила королю петицию, где говорилось, что Перейра рассматривал малоимущих соотечественников, как зависимое население. Он мог кого угодно заковать в кандалы, бросить в тюрьму, изгнать из дома, «лишить жен и детей».

Васко да Гама не стал ждть Менезиша, которого не было на месте: он руководил очередной экспедицией на севере, в Аравийском море. Перейра, к радости колонистов, был смещен, и ему было предложено немедленно расплатиться со всеми, у кого он что-либо брал в долг. Популярность адмирала выросла еще больше, когда он распределил среди колонистов добычу, захваченную у берегов Индии его эскадрой. Это были товары, драгоценности и рабы с арабского корабля, который, на свое несчастье, оказался на пути эскадры. Колонисты рассматривались как служащие королевской администрации и резервисты флота, а потому им давали долю военной добычи и время от времени — жалование.

Дальнейшие распоряжения адмирала, как высшей судебной власти, показали, что он будет следовать законности только так, как сам ее понимает. Были отвергнуты многочисленные просьбы дворян и монахов быть милостивее к женщинам, задержанным в Мозамбике; каждая из них получила по 300 ударов плетью на улицах Гоа. В то же время были амнистированы лица, которые ожидали суда по делам, возбужденным в Гоа. Адмиралу стало известно, что из крепости пропали различные принадлежности артиллерийских орудий (их перетащили на свои корабли купцы для самозащиты). Было объявлено, что государственное добро надлежит вернуть, а нарушителям этого распоряжения следовало помнить, что им грозит смертная казнь с конфискацией имущества. Впредь, заявил адмирал, спуску не будет никому. Тот, кто заслуживает снисхождения, обретет его в лучшем мире, а не на грешной земле. Преступников ждут жестокие кары, а мелких нарушителей пошлют на корабельные насосы качать воду. В госпиталях будут лечиться те, кто ранен в боях с врагами Португалии. Прочих оттуда выставят, так как все они получили раны в драках из-за женщин ²¹.

Ряд актов, принятых Васко да Гамой, ставил целью покончить со злоупотреблениями в администрации и торговле. Эти акты были эффективны лишь при строгом контроле со стороны адмирала и его ближайших помощников. Но контроль, требуя создания новых проверяющих органов, вел к росту той же бюрократии, с которой боролся адмирал. Положение в администрации вряд ли улучшили решения об ограничении сроков государственной службы, о прекращении выплаты постоянного жалования чиновникам, которым предстояло жить на некие чрезвычайные вознаграждения, распределявшиеся с учетом компетентности и служебного рвеня. Более целесообразны были решения, запретившие совместительство государст-

венных должностей, установившие тщательный надзор за качеством вывозимых товаров. Купцы и капитаны кораблей, подготовлявшие к отправке в Португалию заплесневелые пряности в перемежку с песком и камешками, рисковали навлечь на себя суровые административные и судебные наказания.

Из Гоа Васко да Гама перебрался в Кочин, где, помимо прочего, предстояло пресечь нелегальную (т. е. без португальских лицензий) торговлю, положить конец кровавым распрям среди португальских дворян. Адмирал был неутомим. В этом, по-видимому, был во многом секрет его успехов в прошлом, когда он со своими моряками проходил гигантские расстояния в открытом море, терпя всевозможные лишения. Теперь, на шестом десятке лет, адмирал болел, ему не помогали ни микстуры, ни пластыри. Но с утра до вечера он был в порту, инспектируя склады, следя за разгрузкой и погрузкой кораблей. Васко да Гама нашел корабеля-генуэзца, который за три недели построил ему для таможенного надзора пару быстроходных и маневренных бригантин, намного превосходивших местные суда. Помимо парусов бригантини имели весла. Гребцам раздали оружие и пообещали в награду все, что они найдут на палубах кораблей, которые попытаются уйти от досмотра.

Раздоры между самими португальцами, по мнению адмирала, были особенно опасны, когда вокруг богатых дворян собирались бедные колонисты, более всего из числа солдат. Образовывались враждующие кланы, начиналось сведение счетов с оружием в руках. Когда адмирал запретил дворянам подкармливать свое окружение, кланы на какое-то время распались. Что касается солдат-бедняков, то многие, не надеясь на вечно задерживавшееся государственное жалование, уходили из португальских владений, превращались в «ренегатов» — наемников в войсках независимой арабской и индийской знати.

В ноябре 1524 г., когда в Кочин прибыл корабль с бывшим губернатором Менезишем, Васко да Гама был тяжело болен. Его представитель, отправившись к Менезишу, заявил, что тому запрещено сходить на берег, что адмирал велит бывшему губернатору рассматривать себя, как подследственного, и требует перейти на другой корабль, готовый отплыть в Португалию. Менезиш отправил приветствия адмиралу, но не стал торопиться с отъездом. Он знал, что дни адмирала сочтены, и надеялся, что после его смерти обстановка изменится. Возможно, он подумывал и о том, что адмирал, несмотря на свою строгость, перед смертью станет отходчивее. Ведь в дополнениях к завещанию он велел обеспечить приданным женщин, которых, по его распоряжению, бичевали в Гоа. Но, оказалось, адмирал не был намерен щадить Менезиша. К кораблю, на котором тот находился, подошли два других, верные адмиралу. Менезиш смирился, когда узнал, что отдан приказ открыть огонь, если он немедленно не подчинится.

В декабре Васко да Гама не вставал с постели, мучаясь нарывами на шее, не дававшими повернуть голову. Он умер в ночь с 24 на 25 декабря 1524 года. Останки мореплавателя вначале покоились в Кочине, затем — в Траванкоре, а с 1539 г. — в Португалии, в старой церкви Видигейры. В конце XVI в. прах был перезахоронен в новой церкви Видигейры. В 1834 г. к власти в Португалии пришли либералы, отказавшиеся давать деньги на охрану церквей. В первую же ночь, как только сняли сторожей в церкви Видигейры, могила адмирала была ограблена, его кости — разбросаны. Власть отнеслись к этому с равнодушием, и только через десять лет могилу опечатали. В 1880 г. предполагаемые останки Васко да Гамы отправили в Лиссабон, но вскоре выяснили, что его могилу перепутали с другой. В 1898 г. по случаю 400-летия открытия морского пути в Индию могилу снова вскрыли, и кости из нее отправили в лиссабонскую церковь св. Марии Вифлеемской²². В 1966 г., когда был создан лиссабонский пантеон, туда перенесли прах Васко да Гамы. Он покоится рядом с останками великих соотечественников, в том числе Л. Камознса, который воспел его в своих стихах, как национального героя Португалии.

Для португальцев XVI в., современников Камознса, Васко да Гама

действительно был героем, обеспечившим им многочисленные богатства за счет торговли с Востоком и эксплуатации колоний. Но возвышение Португалии не было долговечным. Небольшая страна, получив многие выгоды от путешествий Васко да Гамы, не могла долго удерживать прочные позиции в колониях, не подкрепленные экономическим и политическим могуществом в Европе. В конечном счете от открытий Васко да Гамы должны были выиграть, помимо португальцев, все европейцы, особенно наиболее развитые в торговом отношении страны — Англии, Нидерланды, германские государства. Португалия довольствовалась, и то до поры до времени, выгодной ролью посредника в международной торговле, ведущей колониальной державы бассейна Индийского океана.

В странах Азии и Африки, куда проложил путь Васко да Гама, португальская колонизация имела свои особенности. Отсталые Южная Африка и Мозамбик долгое время были лишь совокупностью военно-морских стоянок для кораблей, связывавших метрополию с ее заморскими владениями. Позднее они стали постоянными поставщиками рабов в Новый Свет. Вместе с соседями по Тропической Африке они потеряли, по оценке афроамериканского историка У. Дюбуа, 10 млн. человек, вывезенных в Америку, не считая погибших в невольничьих караванах, на кораблях при транспортировке за океан²³. Намного более развитые индийские владения сохранились до середины XX в. как торговые анклавы, производители некоторых видов сырья. Наконец, Бразилия, открытие которой было подготовлено первым путешествием Васко да Гамы, стала переселенческой колонией, крупнейшей страной с португалоязычным населением.

Последствия открытий Васко да Гамы, конечно, не исчерпывались созданием колоний. Путешествия Васко да Гамы, как и Колумба, были знаменем нового времени, Возрождения, имевшего глобальные последствия для человечества. Подчас трудно разграничить результаты путешествий Колумба и Васко да Гамы, совпавшие по времени и во многом — по результатам. Оба мореплавателя расширили представления европейцев о земле и ее ресурсах, их открытия позволили набросать контуры ряда стран Старого и Нового Света, дали реальные сведения об океанских просторах. Обозначился перелом в хозяйственных, политических и культурных связях Европы, Азии и Африки. Появились новые стимулы к развитию торговли, мореходства, судостроения, а вместе с тем — к развитию науки и техники.

В 1960 г. в Лиссабоне был воздвигнут монумент в честь мореплавателей былых времен. На фоне каравеллы идет череда моряков, ученых, миссионеров. Впереди группы возвышается принц Генрих Мореплаватель, подготовивший заморские экспедиции в начале и середине XV века. Васко да Гама досталось здесь лишь место одного из последователей воинственного принца. По сути дела расположение скульптур воспроизвело иерархию, которую ценил сам Васко да Гама, потративший два десятка лет, чтобы стать графом. В истории он остался просто Васко да Гамой, знаменитым первопроходцем. Чтобы открыть морской путь на Восток, ему понадобились талант руководителя, энергия и смелость, которые были способны затуманить в глазах многих черты жестокого завоевателя.

Примечания

1. ARAGAO A. C. TEIXEIRA DE. Vasco da Gama e a Vidigueira. Lisboa. 1898, p. 8; BARROS J. DE. Decadas da India. Decada I. Lisboa. 1945, p. 130.
2. GÓIS D. DE. Crónica do felicissimo rei D. Manuel. Parte I. Coimbra. 1949, p. 47—48; ШУМОВСКИЙ Т. А. Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджида, арабского лоцмана Васко да-Гамы. М.-Л. 1957, с. 35, 38—39.
3. RESENDE G. DE. Crónica de dom Joao II e miscelânea. Lisboa. 1973, p. 213.
4. GOIS D. DE. Op. cit., p. 49; ARAGAO A. C. TEIXEIRA DE. Op. cit., p. 144; CORREA G. Lendas da India. T. 1. Parte 1. Lisboa. 1858, p. 17; CHARTON E. Voyageurs anciens et modernes. T. 3. P. 1855, p. 213.

5. CORREA G. Op. cit., p. 13—15; ARAGAO A. C. TEIXEIRA DE. Op. cit., p. 216.
6. Alguns documentos do Archivo nacional da Torre de Tombo acêrca das navegacoes e conquistas portuguezes. Lisboa. 1892, p. 95 etc.
7. CASTANHEDA F. L. DE. História do Descobrimento e Conquista da India pelos Portugueses. Livros I—II. Coimbra. 1924, p. 8; RAMUSIO G. B. Il viaggio di Giovan Leone e le navigazioni de Alvise da Ca da Mosto, di Pietro de cintra, di annone, di un piloto portughese e di Vasco da Gama. Venezia. 1837, p. 233.
8. VELHO A. Roteiro da primeira viagem de Vasco da Gama (1497—1499). Lisboa. 1960, p. 3—5.
9. OSÓRIO J. Da vida e feitos de el-rei. D. Manuel. /Vol./ 1. Pôrto. 1944, p. 52 etc.; GÓIS D. DE, Op. cit., p. 88.
10. FERRAND G. Le pilote arabe de Vasco da Gama et les instructions nautiques arabes au XVe siècle. — Annales de géographie. P. 1922, N172, p. 289—307.
11. Книга хожений. Записки русских путешественников XI—XV вв. М., 1984, с. 188.
12. VELHO A. Op. cit., p. 59-68.
13. COUTINHO G. Reconstituicao da rota seguida por Vasco da Gama na viagem de descobrimento do caminho maritimo da India. — Diário da viagem de Vasco da Gama. Parte II. Pôrto. 1945, p. 61—62.
14. CORREA G. Op. cit., p. 136—137; CASTANHEDA F. L. DE. Op. cit., p. 70—71.
15. HARRISSE H. Document inédit concernant Vasco da Gama. P. 1889. p. 26.
16. CORDEIRO L. Descobertas e descobridores. De como e quando foi feito Conde Vasco da Gama. Lisboa. 1892, Documento N2.
17. RAMUSIO G. B. Op. cit., p. 243-245; BARROS J. DE. Op. cit., p. 237—238; /Calcoen/. Le second voyage de Vasco da Gama à Calicut. P. 1881, p. 57.
18. /CALCOEN/. Op. cit., p. 71; GÓIS D. DE. Op. cit., p. 169.
19. CORDEIRO L. Op. cit., Documento N 7.
20. Ibid., Documento N10; ARAGAO A. C. Teixeira de. Op. cit., Documento N9.
21. HÜMMERICH F. Vasco da Gama und die Entdeckung des Seewegs nach Ostindien. München. 1898, S. 94 etc.; FRIEDERICI G. Der Charakter der Entdeckung und Eroberung Amerikas durch die Europäer. Bd. 2. Stuttgart. 1936, S. 85.
22. ХАРТ Г. Морской путь в Индию. М., 1959, с. 291—294.
23. DU BOIS W. E. The Negro. N. Y., 1915, p. 155—156.

ВОСПОМИНАНИЯ

Листопад

В. К. Иков

III. О далеком, но всегда близком

И я один с моей тупой тоскою
Хочу познать себя и не могу —
Разбитый челн, заброшенный волною,
На безымянном диком берегу
(Ф. И. Тютчев).

У Толстого где-то, кажется в «Воскресении», брошено меткое замечание: в России в революцию шли или лица, стоявшие значительно выше среднего морального уровня по своим запросам и требованиям к жизни, или люди, находившиеся много ниже этой невидимой, но всеми ощущаемой черты... Думаю, что так дело обстояло везде и всюду, не только в России. Но эта сторона меня сейчас не интересует. Замечание Толстого, почти не соприкасавшегося в широком личном опыте с революционной средой, говорит лишний раз об остроте интуиции и прозрения этого несравненного знатока людской психологии. Когда я делаю попытку прикинуть его критерий к тому человеческому материалу, с которым я имел дело столько лет, я вижу оба полюса, указанные Толстым. Это не значит, что не было промежуточных ступеней, переходов, оттенков. Были. Но типичными, преобладающими, характеризующими весь круг являлись именно эти группы.

Разумеется, импульс, бросавший в такое, временами довольно опасное и всегда очень беспокойное предприятие, как революционная работа, совершенно различных людей, — этот импульс неоднороден. Но есть одно общее: более или менее ясное, более или менее сильное, более или менее осознанное неприятие данного порядка, недовольство окрест лежащей жизнью в сочетании с решимостью пойти против, с мужеством преодолеть земное тяготение, инстинкт самосохранения, страх испытаний и потерь. Часто это все происходит стихийно, в неудержимом порыве моментного увлечения или под действием магической силы социального подражания. Но всегда наступает момент самопроверки, взвешивания, подведения баланса и окончательного выбора.

* * *

Cada persona es uno mundo — говорят испанцы, т. е. всякий человек — особый мир, или чужая душа — потемки. Трудно разобраться поэтому в мотивах, влекших людей на такой, далеко не усыпанный розами путь. Одних толкали так наз. низменные побуждения, других — т. наз. высокие. Но так как в потемках души ничего не прочтешь, то определять этическую физиономию того или другого товарища мы избегали. Не берусь за это и я.

Продолжение. Начало см. «Вопросы истории», 1995, № 8.

Но позволю себе кратко остановиться на другой стороне — на диапазоне духовных потребностей ссылки, на ее интеллектуальном лице. Да и не только ссылки, а и в известной мере всего подполья.

Невольно сразу всплывает старый, набивший оскомину афоризм Козьмы Пруtkова: «Специалист подобен флюсу». Подполье — это специальность. И в его пределах совершался и естественный отбор с известным односторонне направленным вниманием, и искусственный, евогенетический отбор специфических экземпляров людской породы. Это фатально, и напрасно стали бы возражать против этого вольтерьянцы. Так было всегда во всяком подполье. Другое дело, что это отнюдь не вызывает восторга, у меня по крайней мере. Я не раз отмечал в разных местах этой книги ограниченность и узость кругозора моего поколения, поскольку, понятно, речь идет о среднем типе или уровне. Люди годами упражняют какой-нибудь один свой орган; остальные, естественно, хиреют, слабеют, атрофируются. Политика вытесняла все прочие потребности или, во всяком случае, низводила их на роль своих слуганок.

Вот почему моя среда зачастую казалась со стороны скучной, однотонной, плоской. И нередко она отталкивала своей скудостью и однобокостью людей молодых возрастов, которым инстинкт подсказывал, что человеку нужен весь мир со всеми его красками, звуками, тонами, нюансами, со всем обилием его противоречий, различий, конфликтов. И многие уходили от нас. И вовсе не потому, что это были птенцы дегенерирующей буржуазии, это — трафаретная ложь, а потому, что не всякому дано усилить жизнь, тусклую, как одиночное заключение, тесную, как прогулочные клетки Дома предварительного заключения. Но, ассимилировавшись в нашем обществе, подвергшись его влиянию и обработке, юные души, что тоже вполне законно, сами горели тем же огнем односторонней страсти. И в этом пламени сгорало постепенно все, кроме одного напряженно сектантского интереса к запросам своей колокольни.

Если, например, в Иркутске, в доме О. Н. Доллер, не умолкали разговоры о каторге и ссылке, и именно эти темы заполняли все свободное от житейской прозы время и составляли всю поэзию, весь пафос ее жизни, то мало чем отличались от них беседы и более молодой публики. Она тоже была одной грани. Она тоже скучала вне привычной для нее обстановки споров и высказываний вокруг одних и тех же вопросов и представлений. Так мысль и воображение запойного курильщика, бросившего курение, все время возвращаются к папиросе; так отказавшийся от карт игрок тяжело переживает навязчивые кошмары ставок, больших выигрышей, проигранных сумм.

Никогда не забуду, какое убогое впечатление осталось у меня от прений на реферате Церетели о «Трое» Горького в Иркутске. Так элементарна была мысль докладчика, так плоско высказывания «стариков». Потому что речь шла о литературе, о той области, где каждый считает себя вправе сказать свое слово, но где царят такая беспомощность суждений и такое отсутствие чутья как раз у тех людей, которые более или менее удачно ставят и намечают решение вопросов в знакомых им сферах социально-политических проблем. А когда речь зашла о мнимо знакомых им явлениях духовной культуры, ничего кроме трафаретных публицистических оценок они предъявить не сумели.

Не хочу, чтобы здесь увидели какой-то упрек с моей стороны по адресу моих друзей и товарищей. Говорю не в суд и осуждение, а в целях уяснения реальной картины прошлого, как она рисуется мне теперь. Я и сам нередко превращался в такого же флюсоидного, сухопарого, если не мастера, то подмастерья красного цеха. Но я обычно страдал от этого, видя, что душа моя дурнеет, сохнет, выцветает, как портрет Дориана Грея. Но это, вероятно, потому, что, дилетант от рождения, я всегда оставался политеистом. А в итоге, подобно толстовскому Сахатову в «Плодах просвещения», был всегда «ничем не занят и всем интересовався». Другие, настоящие, целеустремленные революционеры, наверное, были счастливее.

* * *

Серьезные запросы. Большие требования... Я как-то вспоминал и размышлял про себя о былом, находясь снова — потеряв счет! — за решеткой, в тюрьме в 1934 году. Сверху доносилось до меня стройное трио: они пели толстовских «Колодников», пушкинского «Узника». Рядом, в уборной, мужчины вопили анархистскую «честь Равашолу, Марату — слава!». Я протер глаза, с силой ушипнув себя за щеку. Где я? Какой теперь год? Эти же песни пели и мы 30 лет назад. Да что! Хуже того: их пели наши отцы, меряя скованными в железо ногами бесконечную Владимирку. Боже, как устойчив, однако, базис! И мудрено ли, что все запросы и требования легко укладываются в небольшой ларчик. Но, вот, поди-ка, открой его. Это только в баснях он открывается «просто».

И я продолжал думать дальше в предрассветной полумгле камеры: когда у Толстого в 1862 г. сделали по ложному доносу обыск в Ясной Поляне, первый (и единственный за 82-летнюю жизнь), он впал в бешенство, хотел эмигрировать, написал жалобу царю. При таком самоощущении, да еще в положении светоча мира, нетрудно холить какие угодно запросы и предъявлять любые требования к жизни. А вот Дионео [И. В. Шкловский] в своих сибирских записках рассказывает, что, находясь в Н. Колымске в ссылке, они воровали у колониального старосты для еды салные свечи и пополняли таким путем острый недостаток жиров. Можно ли удивляться, что после 5—10 лет такого усиленного питания их запросы и требования к жизни упрощались и суживались до микроскопических размеров? Но раз жизнь, так наз. жизнь культурных людей, ничем не отличалась от среднеколымской юртной эры, неизбежны атрофия излишних в этой обстановке струн человеческой души, гипертрофия других и возникновение особых политических условных рефлексов. Они быстро вытесняют все остальное.

* * *

Запах махорки всегда, по закону смежности, вызывает у меня с острой силой в памяти мотив романса «Стонет сизый голубочек». И затем следом всплывают перед глазами нары Ачинской тюрьмы и сибирских каталажек на пути в Минусинск в декабре 1914 года. Вряд ли думал когда И. И. Дмитриев, забытый автор этой песенки, что его чувствительное стихотворение, одно из первых созданий русского сентиментализма, станет любимым вокальным номером каторжан. И я вижу небольшую камеру, группу сахалинцев и зерентуйцев, утопающих в волнах махорочного дыма; вижу себя, единственного «политика» среди этих многоопытных и все переживших жиганов и иванов. Явственно слышу грустный напев, горестные слова о голубочке, который умирает от любви к миленькому дружку, навсегда от него отлетевшему. И все 18 суток пути идут за мной, словно преследуя, причудливо переплетаясь в страшные образы и видения, и этот почти погребальный мотив, и этот своеобразный суррогат ладанного аромата, запах крепкой махорки.

С тех пор прошло 18 лет. Но все так же, точно заколдованный, я не могу ни вытравить никакими духами этого пропитавшего насковзь все мое существо табачного дыма, ни заглушить ничем звенящую во мне трагическую жалобу одинокого голубя. Они сильнее, прочнее, непоколебимее всех запросов и требований. «Умрешь — начнешь опять сначала, // И повторится все, как встарь: // Ночь, ледяная рябь канала, // Аптека, улица, фонарь». Чаепитие в русском обиходе — великое дело. Во всяком случае, так было в старину. Любила чаевничать и ссылка. Так хорошо попарить косточки за столом вокруг самовара, в облаках пара и табачного дыма. И сквозь медленно тающую его пелену проступают неясно какие-то тени. Я всматриваюсь внимательно, они светлеют, делаются рельефнее, и я узнаю лица некогда хорошо мне известных и близких людей.

1.

После отъезда сильных мира сего — светлейшего князя и генерал-губернатора, некоторым из нас разрешили жить в Красноярске. Таких набралось человек 9—10. Остальные куда-то разбрелись, даже не представляю, куда. Помню лишь, что Позерн переехал в Ачинск. Мы втроем (Глебыч, Витя К-ов и я) поселились вместе. Неподдалеку от нас устроился Вася О., наш каждодневный гость. Помню забавный инцидент: по неопытности мы взяли две прекрасные комнаты у каких-то весьма приветливых туземцев. Смущало лишь странное, чрезмерно «носовое» произношение обоих супругов. Встречаю Гуковского: «Ну, как? Где устроились?». Сообщаю ему адрес и все детали. Он в ужасе: «Да ведь это бывший жандарм и сифилитик. Если Вы хотите, чтобы мы бывали у Вас, немедленно меняйте квартиру!». Пришлось покориться, и вот тогда-то мы и нашли ту квартиру в верхнем этаже, куда лазали по водосточной трубе.

Нашей соседкой оказалась ученица фельдшерской школы Надя Либерман. Вскоре к ней приехала из Томска ее сестра Лена. Быстро установилась дружба с ними, а через них и знакомство с красноярской молодежью. Из прочей нашей публики я ближе всего сошелся с двумя московскими курсистками: Лизой Нейгебауэр (Костяковой) и упомянутой выше Клавдией Зотовой (Бердичевской). Первая одно время входила в мой кружок. К сожалению, знакомство мое с ней продолжалось недолго. Она вскоре вернулась в Москву, и мы, казалось, навсегда потеряли из виду друг друга. И вдруг в 1930 г., незадолго до ареста, я случайно столкнулся с ней на Петровке. Всех лет как не бывало! Все та же Лиза, только посолдлившая и переменявшая прическу. Наспех, на ходу поговорили *de omnibus rebus* (о всякой всячине), я взял ее адрес, но не судьба! Зайти к ней уже не довелось.

О Зотовой скажу, может быть, больше в свое время. А сейчас мне хочется, хотя бы очень бегло, познакомить вас, о мои гипотетические читатели, с моим другом Витей К. Это самый подходящий момент: недолгая совместная жизнь в Красноярске была временем нашей наибольшей интимной близости, тех отношений, которые и дают мне право употребить столь ответственное слово — друг.

2.

Мы познакомились с ним в Москве, через дядю С. И. Киреевского, упомянутого выше студента Петровской академии, Николая Семеновича Андреевского, в просторечии «магната». Они были с Витей однокурсники, сошлись на почве академических и общественных дел, хотя и принадлежали к разным кружкам. Магнат, как и полагалось кающемуся дворянину, был народником. Отпрыск богатой сибирской торгово-промышленной семьи, архибуржуазной, Витя К-ов стал с.-д. Магнат затащил его как-то к нам, и он быстро здесь обжился, подружился со всей публикой и завоевал всеобщие прочные симпатии, в частности у «бабушки» Анны Семеновны, что было очень нелегко при ее разборчивости, строгости и крайнем скепсисе. Словом, к моменту ареста Витя считался четвертым ее «внуком» и равноправным членом нашего довольно беспутного общежития.

Мы были почти погодки, но он оказался намного взрослее, старше, серьезнее. Мне всегда чудилось, что им было пережито что-то большое, значительное, тяжелое, что навсегда оставило тень на душе и словно притупило в нем остроту чувств и мировосприятия. Он был всегда замкнут, немногословен, несколько не то что нелюдим, но отъединен от людей. Кое-какие обстоятельства его личной детской жизни, известные мне, до некоторой степени объясняли эту его раннюю надломленность. И всегда, даже в дни нашей тесной близости, я избегал всяких расспросов, боясь неосторожно разбередить какие-либо свежие, еще ноющие места. А он не из тех, кто охотно *urbi et orbi* (граду и миру) демонстрирует свое нутро. Наоборот: надо было совместно съесть с ним не один пуд соли, чтобы услышать и те скупые рассказы о себе, которыми он делился со мной. И, может быть, ему много легче жилось бы, если бы я сумел, а он смог, уничтожить то средостение, которое все же стояло меж нами даже в Сиби-

ри. Но оба мы, очевидно, неспособны на безудержные и откровенные исповеди.

И все-таки, хотя все ясно ощущали присутствие неясной тени рядом с ним, хотя и был он так непохож на нас своими привычками, манерами, строем жизни, — мы быстро привыкли к нему и сдружились с ним. Причина не только в общности интересов и политических симпатий: нас подкупал его чистый, твердый, надежный и высокоморальный характер. Увидав В. один-два раза, хотелось верить ему, закрыв глаза, на всю жизнь. И вместе с тем, от этого ригоризма и строгости нравственного облика нас не морозило, не томило. Он был не только очень умен и наблюдателен, но и до крайности чуток и деликатен по отношению к другим, мягок и терпим к грешникам. Тем не менее, его, и совершенно зря, немножко побаивались и стеснялись, и здесь одна из причин, почему он туго сходился с людьми и, видимо, всегда лишь до известного предела: замкнутость и щепетильность воспринимались, как сурово холодная требовательность к людям. А этого не было.

Мы хорошо прожили с ним в Красноярске. И только скитальчеством своей жизни я объясняю то обстоятельство, что мы позже утратили былой контакт. В 1904-5 гг. он по мобилизации попал на войну, был ранен и благодаря неудачной операции остался на всю жизнь слегка хромым. В разное время, в свои наезды в Москву (в 1906-7, в 1909-11 гг.) я всегда возобновлял знакомство с ним, мы бывали друг у друга, о многом беседовали, вспоминали старое, и он не раз оказывал мне немаловажную и разнообразную помощь. Иногда мы переписывались. Но жизнь так бросала меня из конца в конец, что невольно рвались самые прочные дружеские узы, и я постепенно терял все старые связи и знакомства. Так случилось и тут: я не знаю, что случилось в конце концов с Витей. Одно время он жил у меня на родине в Тюмени, руководил реальным училищем, вообще ушел в культурную работу. Больше я ничего не слышал. И остался навсегда какой-то горький осадок на душе: точно что-то не завершено, не доделано, на что-то не отвечено. Однако вернуть прошлое ведь нельзя. Да и зачем?

3.

В старину никто так не любил сниматься, как ссыльные. Только гарнизонные солдаты и команы городских соперничали с нами в этом отношении. Когда-то у меня имелась довольно большая коллекция самых разнообразных фото, составившаяся за три мои ссылки. Каких только комбинаций не запечатлели эти снимки: группы целно-колониальные, фракционные, групповые, сочадцы и домочадцы, индивидуальные портреты, интимные карточки и т. п. Из этого богатства почти ничего не сохранилось, все порастеряно за годы арестов, обысков, переездов из города в город, нелегального положения и т. д.

Уцелела случайно очень мне дорогая небольшая группа, относящаяся к зиме 1902-03 гг.: М. Л. Хейсин, Л. С. Меерович, И. И. Девенишский и я. Во многом разные по возрасту, прошлой жизни и занятиям, мы все сходились на большом интересе к некоторым теоретическим проблемам довольно-таки абстрактно-метафизического покроя. Это и дало повод кому-то из приятелей-зубоскалов назвать наш групповой портрет «четыре философа». Под такой кличкой и знали его колонисты. [В семейном альбоме старшего сына В. К. Икова, ныне покойного Сергея Владимировича Икова, сохранилось несколько снимков, относящихся к этому периоду жизни В. К. — *прим. публикатора*].

Философом без кавычек, несомненным мыслителем по задаткам, *in spe* (в ожидании будущего), был, конечно, только Л. С. Меерович, студент-юрист IV курса, позже переводчик Фихте, Шеллинга и др. Человек солидной специальной эрудиции, хорошо владевший языками, он выделялся силой и тонкостью интеллекта и редкой самостоятельностью мышления. Вспоминаю его немногочисленные публичные выступления в Красноярске, наши личные беседы à part (на стороне). Слушать его было наслаждением. Его настоящая, глубинная ученость не была для него ядром на ногах каторжни-

ка, она не подавляла ни его, ни слушателя. Она была как картина, которая, по меткому слову Уайльда, хороша только тогда, когда про нее можно сказать, что она совсем не написана. Мастерство анализа, тщательность логической конструкции, ясность мысли, точность словесного оформления превращали его речь и частные разговоры в нечто эстетически ценное и многозначительное.

Не могу обойти молчанием двух эпизодов, относящихся к позднейшим годам. Проживая в 1906-07 гг. в Москве нелегально, я часто занимался в Румянцевской библиотеке, где почти всегда встречал в один и тот же час Мееровича. Я как-то поинтересовался, над чем он работает. Оказалось, что в перерыве между своими «хлебными» занятиями он забегает сюда на часок «пробежать для отдыха несколько страничек из Платона» (конечно, в подлиннике). В 1910-11 гг. общие приятели передавали мне, что Мееровича, молодого тогда юриста, часто приглашают в качестве консультанта и эксперта при решении наиболее сложных и запутанных юридических контроверз, особенно в тех случаях, когда от них в отчаянии отступаются самые мудрые головы опытейших правоведов. Зная Мееровича, я нисколько не удивлялся этим рассказам.

Что дали этот гибкий, отточенный ум, эта богатейшая культура, эта огромная работоспособность? Не знаю. Боюсь, но кажется, что все это так и осталось почти нетронутым, непроизводительным капиталом, если не считать упомянутых выше образцовых переводов за скромными инициалами Л. М. Впрочем, я не встречал Мееровича после 1907 г. и ничего не знаю о его работе за последние десятилетия. Краем уха слышал, что с 1915 г. он живет в Лондоне. Почему итогом всех благоприятных задатков и предпосылок лег роковой нуль, ответить на это я не берусь. То ли еще знала наша русская действительность!

Организатор союза еврейских щетинщиков, очень недурной оратор, весьма неглупый и дельный самоучка И. И. Девенишский, человек большого темперамента и размаха, рано сошел со сцены и умер в молодых еще годах, вскоре после 1904 года. В Красноярске он по праву считался лидером бундовцев и пользовался среди своих товарищей непререкаемым авторитетом. Этому отчасти, вероятно, содействовали и его манера держаться таким оракулом и баловнем, и отчетливо выступавшая властная самоуверенность. Он мог сказать о себе: «бундовец *sum et nihil bundowskoe a me alienum esse puto*» (я бундовец, и полагаю, что ничто бундовское мне не чуждо). Ничто: ни положительное, ни отрицательное — деловитость и эмпирическая ограниченность. При этом у Д. все эти черты проявлялись лишь при обсуждении вопросов политической жизни, задач партии и организационных дел. Вне этого он отличался как раз, по сравнению с другими, беспспорной широтой мышления и отсутствием узкого догматизма.

Не могу сказать, какво было его место в Бунде. Его знали многие, в чем я не раз позже убеждался, но он не был в первом десятке вождей, руководителей и теоретиков Бунда. Хотя, на мой взгляд, он очень и очень мог бы постоять за себя перед лицом первоприсутствующих. Впрочем, я точно не уверен, что мои представления о его положении в партии и пр. вполне совпадают с действительностью. Должен признаться еще: в его резко критических отзывах об «искровстве», в этих суждениях практика более или менее массового рабочего движения имелоь немало зоркости и прозорливости. Но я оценил это много времени спустя, а тогда я презрительно фыркал по его адресу за сей провинциализм и смотрел на Д. немного сверху вниз.

4.

Меерович скоро распростился с Красноярском. С Девенишским особой личной близости у меня не установилось. Иначе обстояло дело с М. Л. Хейсиным, ныне покойным. С ним связывало меня кровно и неотрывно очень многое: и личное, и общественное, и внешние нити, и внутренние созвучия. Десятилетия заняла эта наша ничем не омраченная дружба. Оглядываюсь назад и вижу, как многим обязан я этому человеку: пожалуй,

после отца и шурина никто не имел на меня такого влияния. Высоко квалифицированный дилетант в подлинном, благородном смысле этого слова, дилетант по натуре, по складу ума и характера, Хейсин всегда удивлял беспокойной подвижностью мысли и неиссякаемостью энергии. Все интересовало его: искусство и кооперация, политика и психиатрия (предмет его научной специальности), философия и профессиональное клубное движение. Он нигде не оставлял неизгладимого следа, но, вечный юноша, горя и увлекаясь, начиная и не кончая, он всегда волновал, разжигал умы и сердца, и вслед за ним всюду врывались волны свежего воздуха, сметающие косный застой и безделье.

Это невесомо? По-моему, такой дар «томов премногих тяжелей». Его замыслы и планы зачастую оставались метерлинковскими неродившимися душами. Но постоянно вокруг него все кипело, к нему тянулись люди, в особенности молодежь, за личным советом, за указаниями о совместной работе и борьбе. Через какую-нибудь неделю знакомства я ощущал свою прочную припаянность к этому бодрому, отзывчивому товарищу, интеллигенту-общественнику *au bout des ongles* (до кончиков ногтей). И так было со всеми, ибо во все стороны излучал он греющую и светящую эманацию. Внимательный читатель и любитель литературы, поклонник искусства, серьезный ценитель философии, он делал все с тонким вкусом и пониманием. В интересных беседах он всегда охотно делился с нами материалами, новостями и своими наблюдениями и мыслями в этих областях.

Его марксизм не походил на черную сутану инквизитора, на жесткую власяницу сухого постника, в которой, как в отравленной Деянирою одежде Геркулеса, сохли, коробились и гасли бы сложная противоречивость и красочная пестрота мира. И еще: он никогда не стеснялся признаться в незнании чего-либо, в ошибках, в неясности ему самому того или другого вопроса. Это — бесценное и крайне редкое качество. «Дайте русскому мальчику географическую карту, которой он никогда и в руках не держал, и он тотчас вернет вам ее переделанной». Эти слова Достоевского попадают не в бровь, а прямо в глаза многим и многим русским марксистам. В России, как нигде, марксизм против воли освобождал людей от сомнений и поисков, страховал их от ошибок, утверждал их в надменном сознании, что вся истина у них в руках вместе с универсальным ключом ко всем загадкам.

Тем дороже и полезнее были эта смелость и честность Хейсина, открыто признававшегося: «Я этого не знаю», «я тут что-то напутал» и т. д. В нем не было никогда папешской непогрешимости и олимпийского всеведения. Зато в нем имелось много искреннего интереса и внимания ко всякому человеку, как к *Ding an sich* (вещи в себе). В глазах наших старших товарищей люди, как общее правило, казались важными только как винтики общественной машины, как гайки партийного аппарата, как орудия прогресса, словом, как объект и средство. Хейсин, поклонник Ницше с его учением о человеке-мосте к сверхчеловеку, на практике вел себя как самый мелкобуржуазный, презренный кантианец, видевший в человеке всегда лишь цель. Этому нас не учили. Напротив: мы довольно-таки беззаботно относились к живой данной индивидуальности и равнодушно смотрели на ближних, глядя через их голову в страну дальних. Таким узнал я Минея 30 с лишним лет назад, таким пребыл он до конца. Он сходил в могилу психически больным, сломленным, измученным. Но, пока теплилось еще в нем сознание, пока не померк совсем его разум, он по-прежнему волновался, мыслил, любил, боролся. Ему можно только позавидовать.

Жизнь обычно несет разочарование во всем, в людях и, что еще хуже, в самом себе. На этом тяжком, грязном жизненном пути день ото дня теряется чистота помыслов и намерений, отмирает юношеская влюбленность в мир, выветриваются вкус к окружающему и детская искренность и доверчивость. Начинается зато пристрастный пересмотр былых симпатий и антипатий, они нередко меняются местами, а в итоге от всего прожитого остается какой-то серый удушливый пепел, как при извержении Везувия. А вот готов биться об заклад, вряд ли найдется кто-нибудь из близко

знавших М. Л., в ком произошла бы в результате наблюдений переоценка его. Нет, здесь не может быть места разочарованию! Я и сейчас люблю его и уважаю, словно и не было этих 30 лет. Ни на один штрих не изменилась моя высокая оценка этого человека. И я всегда буду помнить эту утрату и, думая о нем, остро ощущать боль этой вечной разлуки и чувствовать ничем не заполненную пустоту.

5.

Оля Вольфсон. Ее брат М. Б. Вольфсон был видным бундовцем, потом стал коммунистом, автором популярных работ по политэкономии и политграмоте, ряд лет работал в редакциях Малой Советской Энциклопедии и Большой Советской Энциклопедии. Погиб нелепо, попав под дачный поезд в 1930-е годы. Она маленькое худенькое существо, такое маленькое, что ее можно было, как ребенка, носить на руках. Да она и напоминала всем своим стилем, фигурой, обликом тонкого красивого лица, всеми повадками и привычками не то грациозного котенка, не то еще не умеющую как следует ходить девочку. По болезни легких ей разрешили перебраться в Красноярск с Ангары, где она провела первые три года ссылки. Я встретил одновременно у Хейсина ее и Белевского-Белорусова, и, признаться, первое впечатление от обоих было весьма неблагоприятным. Но если оно осталось неизменным в отношении Белевского, а здесь я не дал подкупить себя блеском дарований и ума, то через 2—3 недели мы стали с Олей друзьями, коих водой не разольешь. А она и не пыталась ничем подкупить, хотя и имела очень много даров природы за душой.

Чудесный этот человек ушел из мира совсем рано: после погромов 1905 г. она уехала в Америку и там вскоре умерла от родов. Не часто сходят на землю люди, соединяющие четкий ум с самоотверженным, горящим сердцем. Такова была Оля. В юности она, будучи работницей-модисткой, ушла в революционное дело в Николаеве, получив по одному процессу с Троцким и другими четыре года Сибири. Живя всецело интересами рабочего движения, борясь с сжигавшей ее и приковавшей к ссылке болезнью, она все свое время и все свои силы отдавала партии и друзьям. А кто мог не дружить с ней? Но к ней шли не только из-за ее отзывчивости и всегдашнего печалования о ком-нибудь: она была умна, остра в своих наблюдениях и оценках, начитана и знала жизнь.

Она крепко дружила со мной в 1903 году. Вместе с ней после побега Пайкеса мы кипели, как в котле, на организационной работе, потом она проводила и нас в дальний путь, оставшись доживать срок в Красноярске и щепетильно неся свои опекунские функции в отношении нашего мальчика. Я больше не видел ее. Но никакие дальнейшие знакомства и привязанности никогда не могли вытеснить из памяти образ милой маленькой Оли.

Нет в живых и другой нашей приятельницы, Тани Аркуской-Персон. Давно покинула она нас. Приехав после революции 1905 г. в Петербург, она нашла здесь неожиданную смерть вместо долгожданной работы в рядах с.-д.-тии. Она пришла в Сибирь с мужем Самуилом Персоном откуда-то с Запада по бундовскому делу. Весной 1903 г. я привлек ее к комитетской работе. Все сходило достаточно удачно с рук, но и на старуху бывает проруха. Однажды ночью, нежно прижавшись друг к другу, этакой влюбленной парочкой шатались мы по городу, пряча под полой ведерко с клейстером и пачку прокламаций «Сибирского Союза». Через несколько дней меня арестовали и предьявили для опознания двум ночным сторожам. Я их сразу вспомнил; они меня не узнали или не захотели признать. Вслед за тем в тюрьму привезли мою знакомую, ученицу фельдшерской школы, по подозрению в совместной со мною (или вообще с каким-то мужчиной) расклейке прокламаций. Очевидно, сторожа, ошибочно опознавшие ее, запечатлели в своей памяти сходственные и может быть даже общие контуры лица. Напуганная насмерть и вообще-то очень нервная девица заявила, что тут недоразумение, результат ее рокового сходства с другой. Стали допытываться фамилии ее двойника, и она, после долгих запирательств и отказов, назвала Таню. Странная игра природы погубила обеих.

Аркусская отличалась редкой красотой, грацией, изяществом; Х. (опускаю фамилию) была недурна собой и при беглом взгляде, особенно при подслеповатом освещении красноярской Малой Качи в старое время, действительно могла напомнить чем-то, ростом, окраской волос, общим habitus (наружностью) и т. д., Таню. К тому же обе еврейки.

Жандармерия поступила по совету пушкинской Василисы Егоровны: «разбери Прохорова с Устиньей, кто прав, кто виноват. Да обоих и накажи». Невольные полублизнецы, отсидев положенный срок, получили по три года Якутской области. В бесконечно благородном сердце Тани не нашлось осуждения для несчастной Х. Она возилась с ней в тюрьме, на этапах, кажется и в ссылке. Вот это чистое, беспримесное золото души и было основной приметой Тани, ее движущим началом. По правде говоря, я никогда не знал, да и не интересовался этим, умна ли она или нет, много ли читала, твердо ли усвоила «Отче наш» и Богородице дево, радуйся» (извините: «Коммунистический Манифест» и «Эрфуртскую программу»). Но я хорошо знал и все на сотни верст кругом знали тоже, что во всех случаях общей опасности, несчастья, горя, тревоги Таня будет впереди всех.

Эта, на взгляд начетчиков и комментаторов немудрая, дева наполнила свой светильник раз навсегда, и он никогда не оскудевал у нее, несмотря на всю щедрую расточительность хозяйки. На баррикаде, у постели больного товарища, на чумной эпидемии, в тайной типографии или в динамитной мастерской Таня спокойно, просто, не задумываясь и не рисуясь, отдала бы в случае надобности без колебания свою жизнь. Такие люди, обычнее всего такие женщины, встречаются, к стати, гораздо чаще, чем принято думать. Но так как они молчаливы, лишены чувства рекламы — этого шестого чувства современности — и сосредоточены в себе, то мы их не замечаем.

6.

Исидор Эммануилович Гуковский занимал в колонии почетный пост старейшины и своего рода арбитра нравов. У нас был свой неписанный моральный и житейский кодекс должного, возможного, предосудительно-го — с точки зрения интересов революции и партии. Эти исподволь слагающиеся нормы поведения в известной мере были весьма полезны, особенно для молодежи, и в частности при неизбежной склонности всякого подполья зацветать нечаевщиной. И всегда в колониях имелся хранитель и толкователь этих традиционных правил и регулирующих указаний. Гуковский не был ни самым старым среди нас по возрасту, ни самым давним по сроку ссылки. Но давно замечено, что есть люди, которые так и рождаются с венчиком неоспоримой безапелляционности на челе. Они и сами инстинктивно уверены в своей непогрешимости, и все кругом молчаливо изначально признают ее. Так было вот и с И. Э. Гуковским. Этот секрет знать, как надо жить, он сохранил до конца дней. В этом меня убедил и опыт двухлетних, почти ежедневных встреч в Баку в 1907-09 гг.

Он был бесспорно умен, прозаически, трезво, по-будничному умен. И если ему казалось, что истина у него в левом жилетном кармане и что в сущности ничего неясного и нерешенного в мире нет, да и быть не может, то это вовсе не говорило в пользу ограниченности его ума. Просто он был настроен по определенному камертону, и его душевная приемная станция была глуха к вибрациям чужих волн. Он был на другой, своей волне. Я скоро понял это. Однажды я спросил его мнения о небольшой книжке его брата, незадолго перед тем застрелившегося М. Э. Гуковского, «Новые веяния и настроения». Даже и тогда эта работа казалась мне слабоватой и местами ученической, по теперешнему моему разумению она теоретически беспомощна, но любопытна как ранний симптом известной идейной тревоги и морального волнения интеллигенции, не принявшей марксизм и взыскующей своего града.

Боже, какие скучные, избитые, пресные, как вываренная телятина, безвкусные доводы воздвиг И. Э. и против своего брата, и заодно против Чехова, Метерлинка, Гамсуна, Ибсена и т. д. Ох, как стало мне «и кюхельбекерно, и тошно», и даже несколько стыдно и неловко за него. Таких

квалифицированных пошлостей, таких наивно невежественных вещей, да еще с таким апломбом, не говорил даже присяжный иконоборец «Русских ведомостей» И. Н. Игнатов, даже Ольминский. Все мое благоговение, всю мою робость перед Гуковским-первородцем как рукой сняло. Я слабо сделал два-три замечания и больше никогда не возвращался к беседам с ним на такие темы.

«Искровцем» тогда он еще не был, хотя и состоял в комитете «Сибирского Союза», признавшего «Искру». Но уже к 1905 г. И. Э. стал законченным, активным большевиком. Это он сосватал «Новую жизнь» Ленину в 1905 году. Таковым я знал его и в Баку. Только непосредственного участия в нелегальной партийной работе он не принимал. Его дальнейший путь, вплоть до поста наркомфина, хорошо известен. Я после отъезда из Баку больше с ним не встречался. Впрочем, мельком видел его издали в 1918 г. в Москве, на суде, который пыталась инсценировать новая власть над Ю. О. Мартовым. Но возобновлять знакомство с И. Э. Г. мне не захотелось.

Одно имя по ассоциации вызывает другое, и это тем более, что в период, которого я касаюсь здесь, в Красноярске собралось немало народу. На прощальной фотогруппе Гуковский снят в кругу добрых 40—50 человек. Кстати, это одна из самых удачных работ Трегубова: он уловил момент, когда в ответ на какую-то мою шутку грянул дружный всеобщий хохот, исчезла напряженность, и в этот момент он нас и снял. Получилось живо и весело.

Вот Лев М. Либерман, ныне — профессор (увы, в 1939 г. бывший!) политический экономии Л. Любимов. Он пришел в ссылку из Варшавы в обществе юных еврейских девушек в возрасте 18—20 лет. В 1905—1906 гг. мне довелось работать совместно с ним в Екатеринославе (он состоял членом Александровского районного комитета). При первой же встрече с ним в 1903 г. я невольно отметил его феноменальную память. Мы езжали компанией в Есаулово, где жили тогда Вигдорчики, сам Лева, О. Б. Швец и еще целый выводок варшавян. Я стал расспрашивать Либермана о плохо знакомом мне польском и еврейском рабочем движении. Он воодушевился и прочел интереснейшую лекцию, полную цифр, фактов, диаграмм и иллюстраций на отдельных листах. Я был потрясен. А потом О. Б. мне и говорит: «Знаете, ведь это точка в точку, буква в букву лекции Трусевича (К. Залевского, очень видного когда-то с.-д.) у нас в кружке». Изумительна была сила этого дарования у Левы и, пожалуй, это самая выдающаяся черта в его интеллектуальном аппарате. Вот так же он цитировал наизусть целые страницы Маркса, Каутского, Давида и т. д. в 1906 г. на губернской партийной конференции в связи с обсуждением проекта аграрной программы партии. Завидный талант, а для профессора прямая находка. Ничего не могу сказать о научных трудах Левы, главным образом потому, что не читал их. Говорят, что они хороши, и только вот острит он неудачно. Эта слабость была у него и в Сибири. Человек он был живой, немножко тиходум и резонер. Все мы в общем любили его как хорошего товарища, и даже маленькая Сара, с которой он вечно пикировался, все же питала симпатию к «могучему Льву».

Вот рыжий Самуил Блюменфельд. Милый, я чуть было не забыл твою фамилию, да будет мне стыдно! Это был старый бундовец-рабочий, презабавно говоривший по-русски, человек без всякого образования, далеко не академик в области марксизма и политики. Но он принадлежал к числу тех очень немногих людей, которые способны, не размышляя долго и без прикидок на категорический императив, снять с плеча последнее пальто для товарища, оставшись на улице в жестокий мороз в одной рубашке. Да, я думаю, что сам бы отдал пальто даже первому нуждающемуся встречному. Но в слово «товарищ» он вкладывал совсем особый, высокий и глубокий смысл, совершенно непостижимый для наших времен, когда это понятие стало стандартно ходячим пятакком.

Вот еще бундовцы, с которыми много копий поломано из-за «Искры»: Яков Пескин, вторая звезда на их небосклоне после Девенишского,

бесспорно деловой и толковый человек; Макс Зак, хромой Носселл, Рубинштейн. Вот с.-р. Маня и Макс Нахимовичи, наши большие приятели. Вот местный поднадзорный Ф. И. Романов. Он никак не мог одобрить неприличного для женщины, уважающей семейную честь и репутацию, поведения Монны Ванны Метерлинка. Да разве вспомнить всех? Да и зачем? В огромном большинстве случаев все это явилось мимолетной встречей, недолгим знакомством. Люди приезжали, проводили в городе месяц-два-три и уезжали к себе в село или уездный город, обрывались связи и никогда больше не пересекались наши параллельные житейские линии.

IV. Иркутская интерлюдия

И в доцветании аллей дрожат зигзаги
листопада (Изн. Анненский).
Все вокруг, как прежде: хутор, поле...
Все как было. Только жизнь прошла
(И. Бунин).

Я, возможно, родился под какой-нибудь бродячей звездой или блуждающей кометой, ибо всю-то мою жизнь мною владело «беспокойство, охота к перемене мест». То же и в Сибири. Красноярские шефы не очень спешили со вводом меня в сколько-нибудь интересную работу, то ли за неимением ее, то ли продолжая изучать меня. А меня вдруг потянуло в Иркутск. Добиться перевода не представляло труда. Должен сказать, что в эту до-кутайсовскую эру сибирская администрация не вела со ссылкой ежедневной Столетней войны из-за каждого пустяка, как это стал неумолимо, грубо, провокационно практиковать в 1904 г. г-н Кутайсов, попав на восточносибирский престол. Переводили с места на место довольно легко, на самовольные отлучки смотрели сквозь пальцы. Надзор упал до такой степени, что не бежал только ленивый. В этом отношении, попутно говоря, мировой рекорд поставил бундовский цекист Тарас (Кац). Приехав в село, он напился чаю, взял лошадей и покинул место водворения раньше, чем становой успел узнать о прибытии нового ссыльного. Тогда еще не додумались до возложения на всю колонию круговой ответственности за побег одного из ее членов.

Словом, недели через полторы я получил разрешение на переезд в Иркутск, тогдашнюю столицу Восточносибирского края. Прожил я здесь недолго. И если в Красноярске я постепенно стал жителем и вхожим в ряд туземных домов, то в Иркутске, за отсутствием побудительных к сему импульсов и мимолетностью моего наезда, этого не случилось. Так что чем там живы были люди, сказать затруднился бы, как не ответил бы и на вопрос, каковы в городе мостовые, освещение и прочие муниципальные добродетели. Припоминаю, что незавидные, но и только.

Ничего достопримечательного не нашлось в нем для моего взора, жадного больше всего до людей. Хороша Ангара, капризная, суровая, изменчивая красавица. Великолепен музей. Но, будь Иркутск полон, как Рим или Париж, шедевров искусства, памятников мощной культуры и т. д., вряд ли и тогда это меня бы тронуло. К тому же ничего подобного в Сибири наблюдать не приходилось, и я без всякого угрызения совести, осмотрев музей и пошатавшись по городу, отдал все свое внимание людям. И в первую очередь, конечно, своему ближайшему соседству — ссылке. Она была исключительно велика и обильно разнообразна, пестра и индивидуальна.

* * *

Всю вторую свою сибирскую ссылку (1915—17 гг.) я сиднем просидел в Ермаковском и Минусинске, мельком повидав при отъезде после револю-

ции знакомый мне и ничем меня не прельщавший Ачинск. В новое изгнание я пришел зрелым человеком, растерявшим многое из тех иллюзий и мечтаний, что светили мне в мои юные годы. Все изменилось вокруг. Сибирские захолустья выросли, окрепли, создали свою культуру, свою интеллигенцию, свой хозяйственный уклад. Возникли новые города, вроде Новониколаевска, на месте прежних скромных поселков.

На свидание в тюрьму ко мне пришли с передачей муж с женой (врач), которых в 1903 г. я оставил подростками. Бывшая молодежь, среди нее и мои ученики, вышла в жизнь, в борьбу, частью пошла по нашему пути, немало перенесла лишений и выдержала испытаний в дни Японской войны, революционного опьянения и реакционного террора, мутно кровавой волной прошедшего по Сибири. Из Красноярска меня направили в Ачинск, для этапного следования в Минусинский край. Но в Ачинске конвой не вышел, и меня повезли дальше, сдали в Мариинске, откуда с обратным этапом я попал наконец в Ачинск, где и просидел в ожидании пути несколько недель.

Шла (мировая) война, безмерно более тяжкая даже в эти первые ее месяцы, чем Японская. И Сибирь остро чувствовала на себе всю ее несказанную трудность, упорство, кровопролитность. Налаженный порядок жизни начинал скрипеть, расшатываться и размываться. Времени у меня свободного было не занимать стать, и, очутившись в этих знакомых местах, я неизбежно потянулся мыслью и памятью к прошлому. Я думал то с печалью, то с улыбкой о старых годах, о неясных, полузабытых лицах и встречах, о нашей наивности и наших детских верованиях и надеждах.

1.

И прежде всего из сумеречной дали всплыли силуэты людей, к которым я всегда питал наибольшее уважение, особый пиэтет и которых даже несколько побаивался. Я говорю о стариках, встреченных мною в Иркутске, народовольцах и вообще о сохранившихся еще тогда живых носителях легенд 70—80-х гг. (а изредка и 60-х). Большинство из них прошло через каторгу, порой суровую и многолетнюю, от централов до Кары. Они знакомы были с Петропавловкой, Х-павильоном, Павиаком, рavelином и прочими мрачными застенками. К ним меня тянуло неудержимо.

Мир живых людей для меня много занятнее, привлекательнее и сложнее самых запутанных диалектических построений и абстрактно-головомолных логофем. Здесь, в частности, тайна влияния незаметной, но могучей власти искусства и литературы. Только при «чтении» людей требуется еще более умения медленно и вдумчиво читать, зачастую (и даже чаще) меж строк. Этим нельзя заниматься походя, наряду с сотней других дел. Потому-то это так трудно, особенно в молодости. Я испытал это на себе. «Охота смертная, да участь горькая». Но, как бы ни была она горька, ощущение этой горечи никогда не отбивало у меня охоты еще и еще набрасываться на «чтение» своих ближних. Так было и в Иркутске, где я только тем и занимался, что ходил в гости.

Скажу откровенно: стариков я предпочитал молодым, не говоря уже о сверстниках. Рассказы Доллер и Сухомлина, Майнова и Рехневского, Люри и И. И. Попова и т. д. казались мне много содержательнее, полновеснее и поучительнее, чем беседы с иркутскими с.-д., даже с самыми знатными из них вроде д-ра В. Е. Мандельберга, д-ра И. М. Ромма, Д. Я. Логвинского и др. Впрочем, я не избегал последних, даже совсем наоборот. Попутно отмечу, что, «посмотрев и посравнив век нынешний и век минувший», т. е. нас и стариков, я понял, почему наши предшественники наложили неизгладимый отпечаток на культуру Сибири, а мы оставили еле уловимый след. Все дело в объеме, глубине и качестве культурности старого революционного мира и нашего: это небо и Земля, мы нищие по сравнению с ними. Братья М. и Н. Бестужевы и Д. А. Клеменц дали Сибири больше, чем вся новая ссылка 90—900-х годов. Что мы можем противопоставить работам Клеменца, Кона, Богораза, Иохельсона, Штейнберга, Серошевского, Попова, Виташевского, Пекарского, Худякова, Кузнецова и др. в деле изучения

этнографии, геологии, археологии и пр. Сибири? Нуль, ровным счетом нуль! И это даже в тех случаях, когда ссылка застревала в Сибири на долгие годы поселения. Но я забыл о своей ближайшей теме.

Они много претерпели, эти последние могики самой героико-романтической саги в истории русской интеллигенции. И трудные времена, доставшиеся им в удел, согнули их спины, покрыли головы снегом, наложили морщины на некогда юные, свежие лица, выжгли блеск глаз, но оказались все же бессильными перед внутренней мощью и моральной упругостью этой удивительной генерации. Замечательное дело: здесь не так уж много имелось лидеров движения, первостепенных светил народнической системы. Все, что я говорю, в равной мере относится к жившему тут, уцелевшему от истребления середняку, к русскому средней руки революционному интеллигенту доброго старого времени. Он устоял духом перед всеми невзгодами, под всеми грозами и бурями. В молодые годы ушел он в народ с пламенной верой в близкое царство правды, свободы и справедливости на Земле, со страстной, искренней любовью к трудящимся людям и с очень легким идейным багажом. В нем находилось 5-6 излюбленных книг Бытия и Завета: Чернышевский, Берви-Флеровский, Лавров, Бакунин, может быть даже Михайловский. На этом и закончились его интеллектуальные поиски. Он застыл в тех понятиях и представлениях, которыми наградили его поводыри его молодости, и навсегда остался он верен их наставлениям и урокам.

Что же общего оказалось у меня со старшим поколением? Разница лет была весьма значительная: у многих аборигенов колонии имелись дети едва ли не моих лет. Чего я искал и что нашел? Подсознательно влекли, вероятно, их целостность и законченность, ясное равновесие духа, нетронутая простота и свежесть чувств, не омраченных сомнениями, колебаниями, разладом. Мое впечатление, и вряд ли оно ошибочно, — что старики никогда, даже в самой ранней юности, не знали двойственности личного сознания, тем более его множественности. Фаустовская смятенность, раздвоенность «я», разрыв между волей и интеллектом: ничего этого не понимало счастливое поколение, целостное, как щит Ахилла, выкованный Гефестом из одного куска. Этой драмы оно не переживало, как ни трагична была вообще его участь. Говорю, разумеется, о типе, а не об индивидуальных отклонениях от нормы.

Вот это-то и нравилось мне в них. Может быть, по закону полярности и контраста. Не чувствуя в себе такой чистой, невозмутимой, прозрачной, хотя и не слишком сложной гармонии, я тяготел к ним, должно быть, в чаянии осияния ума. Так прокаженные горели мечтой исцелиться в Силуанской купели (на Афоне) или верующие католики — от иконы Лурдской Богородицы. Пожалуй, это главное, что по моему крайнему разумению руководило мною тогда в моем увлечении экзотикой старины. Немалое место занимала и любознательность, так сказать, историко-революционного порядка. Открылась возможность ознакомиться на живых примерах с историей русской революционной мысли и политической борьбы. Умелый наблюдатель и слушатель смог бы запастись здесь немалым материалом, осветившим бы ему ход восприятия, претворения и преломления движущих идей, сил разных исторических полос в головах рядовых и незаурядных участников движения в его последовательном напластовании, преемственности и связи отдельных звеньев. Нечасто на одной улице, в одном городе звучит целая гамма политических течений и направлений, как это имело место в Иркутске.

2.

Как и в Минусинске, старики встретили студенческую молодежь чрезвычайно ласково и дружелюбно. Я не помню, кого из своих спутников и застал там кроме медика Белоусова, Вейнштока (застрелившегося вскоре в Нижнем после возвращения из Сибири), Сени Киреевского с теткой и еще 2-3 персонажей, фамилии коих запомнил. Только к середине декабря Иркутск буквально залила толпа москвичей, понаехавших сюда из Якутии, из уездов Иркутской губ. и т. д.

Одним из изблюбленных наших салонов был дом О. Н. Доллер (Шехтер), превосходной рассказчицы и милейшей старушки, быв. каторжанки. Другим центром служил дом Фриденсона, тоже быв. каторжанина, занимавшегося в Иркутске, кажется, страховым делом. Дополнительными (а может быть, основными?) магнитами в этих семьях являлись в наших глазах юные народолюбческие дщери: Соня Доллер и Вера Фриденсон, кончавшие иркутскую гимназию. Нетрудно понять, что мое экспедиционное обследование в значительной мере протекало именно на этих базах. К счастью моему, сюда действительно всегда валом валил народ, и это позволило быстро перезнакомиться с большинством старой колонии.

Я не имею ни охоты, ни возможности вспомнить и помянуть всех, с кем приходилось встречаться мне в Иркутске. Да и не все хранит о тех днях моя память. Так, например, никак не могу установить точно, жили ли еще тогда в Иркутске или уже покинули его А. В. и А. П. Прибылевы? Но зато хорошо сохранил воспоминания о встречах с Н. С. Тютчевым, В. И. Сухомлиным, И. И. Майновым, Ф. Ю. Рехневским и о мимолетном, но очень врезавшемся знакомстве с Я. В. Стефановичем, бывшем в Иркутске наездами и державшемся в стороне от колонии. Может быть, здесь давали себя знать отзвуки трений между ними по каторге? Может быть, он никогда не мог освободиться от опасения, что вот-вот получит огласку его сношение с Департаментом полиции и услуги, оказанные им последнему? Тогда никому еще, вероятно (разве Тютчеву?), и в голову не приходили подобные предположения: просто Стефанович и старики не любили друг друга, как терпеть не могли они и Дейча.

Впечатление Стефанович оставил совершенно неизгладимое: огромного ума, железной воли и замкнутой, напряженной силы. По масштабу своему это был самый крупный человек иркутской, да и только ли иркутской, ссылки. Он крайне скуп был на слова вообще и на рассказы о прошлом и очень в общем сдержан в своих отзывах о быв. товарищах по каторге и работе. Этим он резко отличался от других стариков, в частности от Н. А. Люри.

Тютчев явился для нас неисчерпаемым ходячим «календарем Народной Воли», да и вообще всего прошлого нашего движения. Фактический материал он знал наизусть. Память на лица, фамилии, разные мелкие эпизоды имел почти сверхъестественную. Надо отметить одну характерную его черту: он и тогда был, вернее оставался, вполне законченным народолюбцем, не внесшим ни грани изменений в воззрения своей молодости. На первом месте у него стояли задачи политической борьбы на путях террора и пр. Он примыкал одно время к так наз. народоправцам (группа «Народное право», возникшая в 90-е гг., в которой состояли, между прочим, Белевский, Е. Прейс, А. И. Богданович, Ольминский и др.), т. е. шел на снятие социалистических лозунгов партии во имя объединения революционных сил на политическом перевороте и захвате власти. С.-д.-тию он ненавидел остро и страстно. И вот пока он надеялся, что наша московская молодежь поставит много адептов для с.-р. группировок, он вел себя с ними очень ласково и обходительно. Но надежда его не оправдалась, и Н. С. почти совсем перестал беседовать с нами. Отчасти мешала и его сильная глухота, но, понятно, не в ней дело.

Насколько я знаю, Ф. Ю. Рехневский, один из умнейших и культурнейших людей, которых я когда-либо встречал, принадлежал к той части «пролетариатов» (имею в виду польскую партию «Пролетариат»), которая не стала в Сибири в резкую оппозицию к марксизму и с.-д. Но, в отличие от ряда друзей (Л. Янович, Ф. Я. Кон и др.), Р. не занял вообще никакой определенной политической позиции. Возможно, я ошибаюсь, но у меня не осталось впечатления и об идеологической близости Рехневского к «старикам», хотя лично он дружески связан был с ними, например, с Г. М. Фриденсон, И. И. Поповым. Собеседник он оказался бесподобный и очень умело держался с молодежью, ценившей его тактичность и доброжелательство при полном отсутствии генеральских замашек.

В некотором количестве они имелись у И. И. Майнова (Саратовца), очень талантливого писателя, оратора, ученого из так наз. молодых наро-

довольцев. В иркутской ссылке он не без основания считался одной из ведущих фигур народовольческого крыла. Как человек разносторонне образованный и многообразных дарований, подлинный златоуст, Майнов импонировал всем, и молодым, и старым, и держался поэтому несколько побарски высоко с малыми сими. Ясно представляю себе и сейчас тот докторальный вид, слышу тот слегка менторский тон, с каким он стал делать возражения нам, с.-д., на одном собеседовании о «Что делать?» Ленина. Но он был умен и чуток, сразу же по ответам Церетели и моему понял, что нас этим не смутит, что мы и сами-де с усами, и моментально изменил тактику. Это же сказало у него и в другом случае, на реферате Церетели о Горьком, где Майнов попутно, весьма небрежно и даже презрительно (и вполне заслуженно, если бы народническая литературная критика, например в «Русском богатстве», не отмечена была еще большими и примитивизмом, и скукой) отозвался о марксистской литературной критике, в частности о Евг. Соловьеве и пр. Вообще, нетерпимости, несомненно, у них было не меньше, чем у нас, зеленых юнцов. С каким раздражением говорилось о якобы ренегатстве давно покойного историка В. Я. Богучарского-Яковлева, быв. народовольца, ушедшего к с.-д. Столь же резко клеймился отход от старой веры известного в свое время статистика В. С. Голубева и т. д.

3.

Политически мы в массе своей с ними разошлись. Я почти уверен, что Швейцер и Зильберберг, — ярчайшие, надо признаться, фигуры — были террористами-народниками еще до ссылки. Других же случаев я что-то не припомню. Виноват! Надо назвать еще одного: Игоря Будиловича, впоследствии видного максималиста. Остальные стали с.-д. Против факта и богам делать нечего: старики, скрепя сердце, приняли ситуацию. Социал-демократия справляла тогда свои именины, и ее триумф на волне начинающегося пробуждения широких кругов рабочего класса день ото дня становился нагляднее и бесспорнее.

Но той безмерной остроты отношений, доводившей до вражды, личных разрывов, судов и пр., которую через год я наблюдал за границей, и не только в межпартийных, но и во внутривнутрипартийных (с.-д.) кругах и делах, Сибирь при мне еще не знала. С с.-р. мы сталкивались здесь в качестве претендентов на монопольное владение умами учащейся молодежи. В рабочем мире они успеха еще не имели, в «обществе», т. е. среди интеллигенции, служащих, ремесленников, их влияние и связи, как мне кажется, не уступали нашим, а местами и превосходили их. В Красноярске среди ссыльных с.-р. было мало. Встречал я их адептов только в ближайшей зоне влияния кружка Н. О. Коган-Бернштейн. В иркутской колонии резкой борьбы еще не замечалось. В особо торжественные минуты или в связи с какими-либо прискорбными моментами, в часы общей опасности или для отпора внешнему врагу, перед администрацией, перед обывательскими кругами мы выступали еще как дружная единая семья. Так было, например, на похоронах киевского с.-д. Д. Я. Логвинского, умершего от туберкулеза в 1903 г., стимулированного двухлетней одиночкой.

Очень удачно, тепло, по-дружески прошла встреча нового 1903 г. на квартире местной с.-д. М. А. Цукасовой, где сошлось до 150 старых и молодых ссыльных. Помню превосходную речь И. Г. Церетели от нашего имени, то огромное впечатление, которое она произвела на стариков, их горячий ответный гост. Не прошло и года, а обстановка изменилась так резко, что в Якутске в 1904 г. колония раскололась фракционно при решении насущного вопроса о протесте против репрессивного курса властей, рассорилась вконец, и в вооруженном «романовском» сопротивлении с.-р. участия не приняли, а «Революционная Россия» взяла под свою защиту этот беспримерный случай неиспользования революционного долга.

* * *

«Искру» старики очень не любили. Особенно после ее бестактной

и малодостойной полемики с с.-р. по делу о Балмашове. По извечной традиции odium (точка ненависти) их раздражения обращен был главным образом против Г. В. Плеханова. Мне кажется, что со стороны иркутян здесь до известной степени имело место забавное qui pro quo (недоразумение): они не улавливали многих родственных себе черточек в тактической и организационной линии искровства. Впрочем, этой близорукостью страдали, и долго спустя, не одни они. Вполне понятно, что они должны были встретить с радостью, с отцовской, так сказать, нежностью появление, рост и деятельность партии с.-р. Они знали, что в ее создании и укреплении живейшее участие принимают и заграничные, и русские их друзья, революционеры старого закала Шишко, Волховской, Гоц, Минор, Русанов, Натансон, Брешковская и др. Некоторые из этих руководителей новой партии, как, например, М. Р. Гоц, совсем недавно покинули Сибирь. Вполне возможно, что они искренно видели в партии с.-р. продолжательницу дела «Народной Воли», воплощавшую ее традиции и тактику. Во всяком случае возрождение террора и создание Боевой Организации (дело рук Гершуни) встретили со стороны иркутских старожилов горячее одобрение, питая, с одной стороны, их гордость (наше, мол, добро!), а с другой — надежды на больший успех по сравнению с народовольцами. Ряд моих знакомых стариков вскоре вошел в активную работу с.-р. партии, стал членами ее ЦК (Тютчев, Сухомлин и др.). Попутно отмечу, что при мне в Иркутске проживал и известный провокатор Н. Ю. Татаров, соперник Азефа, который и устранил его руками Савинкова и К^о.

* * *

Я был очень молод и зелен. Но все же соблазнить меня в свою веру не смогли ни опытный ловец душ Тютчев, ни златоуст Майнов, ни обаятельный Сухомлин. А предпосылки были: одно время я очень увлекался надеждинской «Свободой». Надеждин-Зеленский — рано умерший в эмиграции революционер, издававший журнал «Свобода», яркий литературный талант. Пытался создать некий синтез массового движения с индивидуальным террором как средством «подстегивания» революционной борьбы, с теорией эксцитативного террора. Думаю, что стойкий иммунитет, парализовавший все соблазны Боевой Организации и т. п., выработался у меня не столько в силу с.-д. и марксистских прививок в Москве и Сибири, сколько под бессознательным воздействием той тяги к массовому движению, которая так присуща была моему поколению.

А он, действительно, оставлял обаятельное впечатление, этот В. И. Сухомлин, участник Лопатинской группы, каторжанин-кариец, очень популярный в Иркутске вообще и среди народовольцев в частности. Я не знаю заслуг В. И. как теоретика, да вряд ли он и был им. С его интересными воспоминаниями читающая публика познакомилась много позже. Рассказывал он очень красочно и содержательно, но это многие умели делать. Он имел талант, не заботясь о том и не принимая искусственных поз, чего очень и очень, например, не лишена Брешковская: подойти к человеку, стать с ним на равную ногу и расположить к себе. Чем? Да всем: высокой, стройной фигурой, седой гривой, юношески горящими глазами, чистотой и порядочностью, веявшими от него, глубокой искренностью и убежденностью. В нем чувствовался человек долга, легко, свободно, всем существом своим отдавшийся своему опасному служению. Я случайно встретился с ним в Екатеринославе на нелегальной дискуссии в 1905 г. с с.-р. Я сразу узнал его, и мне хотелось броситься ему на шею, но веления конспирации не позволили этой выходки, и увидел я его лишь в 1917 г. в Петрограде.

4.

Сравнивая иркутян с Тырковым, я отдавал все преферансы последнему. Такого диапазона и тонкой полифоничности духовного мира, как у него, я здесь не встретил ни у кого. Были люди очень острого и сильного ума,

люди больших знаний, прирожденные политики и т. п. Но никто из иркутских сверстников Тыркова не имел его разносторонней и упорядоченной интегральности.

Нельзя сказать, что большинство иркутян, чистопробных русских интеллигентных революционеров, чрезмерно обременяло себя отвлеченным мышлением и решением сложных проблем бытия. Это не отвечало бы природе этого поколения. Его мысль прежде всего и больше всего протекала в области деловой: вопросов социально-экономических и политических, практических задач движения и партийной работы, чему как центру подчинено было все прочее. Конечно, ограниченность Давиденко, знавшего лишь одно: «Надо ставить центральный террор» — не составляла общего правила. Но почти все они носили какие-то умственные шоры.

Их оформление, становление их самосознания в юности проходило по привычной столбовой дорожке российского интеллигентского рационализма разных фасонов. Воспитавшись и застыв на Чернышевском, Лаврове, Михайловском и пр., т. е. на разных русских вариантах европейской материалистической и позитивной философии, иркутские народники с негодованием расценивали и отвергали все новейшее сложное разнообразие идейного развития, всю многогранную множественность и противоречивую утонченность философской и художественной культуры Запада. Все это в их глазах было помрачение сознания, декаданс. Знания из первых рук о всех этих течениях мысли и искусства у большинства не имелось, судили с чужого голоса, по статьям Мокиевского, Подарского, Гриневича и других в «Русском богатстве». Даже филистер Макс Нордау был больше ко двору в этих кругах, чем, скажем, Гундольф, Вальцель, Зиммель. Мы не раз скрещивали шпаги с ними по поводу тех или иных литературных явлений. Все они, понятно, следили за литературой, хотя многие, в сущности, были глубоко равнодушны к ней как к самоценности. Противоречия тут нет, таков русский читатель. Я считаю даже, что таков от сотворения мира всякий массовый читатель. Искусство? Поэзия? Да, это — по Державину — приятно, как «летом кислый лимонад». Или (еще хуже) это хорошо, когда полезно.

Несомненно, многие из них не только знали русскую, а кое-кто и западную литературу, но по-своему; пожалуй, высоко ценили и горячо ее любили и уважали. Однако их пресная трезвость, их плоско реалистический подход к ней, их публицистическая интерпретация всякой идеологической ценности рисовались мне чистейшей воды реакционной косностью, скатом в писаревщину, шагом назад даже от робких прозрений Белинского в эпоху его гегелизма. А между тем они были только последовательнее и принципиальнее выдержаннее, чем я. У них (беру наиболее из них, разумеется, законченных людей) имелся настольный — или карманный даже — канонический свод, такой условный код, с помощью которого легко и просто получалась дешифровка любого вопроса философии, истории мысли, искусства. Я уж не говорю о тех, которые нисколько не интересовались подобными метафизическими пустяками. Вот это отечественное прохладно-легкое касание больших коренных проблем человеческого сознания уже и тогда представлялось мне варварством, писаревским нигилизмом, от которого я чувствовал себя вполне освободившимся.

Ах, как ожесточенно порой спорили мы, начав с какого-нибудь пустяка и добравшись, как дьякон у Гл. Успенского, до начала всех начал. Сколько стаканов чая опрокинули в забвении чувств и приличий на скатерть гостеприимной О. Н. Доллер. Каюсь (через 30 лет, куда ни шло!): подстегивали меня в спорах не только азарт и задор, но и светившиеся сочувствием глаза Сони и Веры. Злые языки уверяли даже, будто причины моей тяги к старикам надо искать на дне этих красивых юных девичьих глаз, а не в плоскости научной моей любознательности. Но я с негодованием, хотя подозрительно пространно, отвергал сию упрощенческую клевету друзей.

Резким контрастом ко всей этой сплоченной и в общем однородной группе ссыльных стоит фигура человека, которому не могу не уделить несколько строк. Он умер недавно, глубоким стариком, в том самом Иркутске, где я довольно часто встречался с ним. По цепко въевшейся лицемерной привычке *de mortuis nil nisi bene* (о мертвых только доброе) его некролог в «Каторге и ссылке» бесцветно иконописен, пресен и безразличен. Между тем Николай Адольфович Люри настолько индивидуальная и загадочно сложная натура, что о нем не следовало бы писать в слащаво елейном стиле воззваний «Армии спасения».

Бывший офицер инженерных войск, каторжанин по делу «Пролетариата», товарищ Варынского, Яновича, Кона, сокамерник Дейча, Рехневского, Стефановича, Ковальского и других, без страха прошедший через военный суд и Кару, Люри жил при нас в Иркутске нелюдимым отшельником. Десятки ссыльных разной формации и различной окраски находились здесь, рядом с ним, но он явно и очевидно избегал общения с ними, уклоняясь от встреч со старыми друзьями в вообще колонистами. Он нередко бывал у А. С. Андреевской. Может быть потому, что этот человек из совсем другого мира, ни у кого не бывавший, не будил в нем никаких реминисценций о делах и явлениях, лицах и впечатлениях, которые он, видимо, хотел бы забыть. Может быть, сначала заходил потому, что мы знали по Москве его дочь Таню, о которой сам он имел достаточно отдаленное представление, а потом привык к А. С. и ходил на огонек (благо она нигде по вечерам и носу не показывала). Всякий человек ищет непременно угла, куда он мог бы прийти.

Стефанович тоже жил на отлете. Он тоже весьма недолго любил своих товарищей по каторге (что видно из его «Дневника карийца», к тому же явно смягченного при издании). Стефанович изредка делал далеко не лестные замечания по адресу кое-кого из стариков. Но ни в какое сравнение все это с настроением Н. А. Люри не идет. Двадцатилетняя полоса каторги и изгнания, разбитая молодость, развеянные надежды и мечты — все это опустошило, опалило его душу. Интересный и, по-видимому, незаурядный человек сходил со сцены стариком, правильнее сказать — больной, одинокой, искалеченной тенью. Почему? Что ворвалось в его внутренний мир и так жутко и причудливо все в нем разметало и перевернуло? Не знаю. Но его взор видел только грязную, сорную закулису людских отношений. И, очевидно, его надломленный дух ничего не мог противопоставить «тревожной пустоте оконченного дня».

5.

К практической работе нашей иркутской с.-д. организации я причастен не был и имел о ней смутное представление. Такова была одна из основных заповедей конспиративных скрижалей: не расспрашивать ни о чем, относящемся к подполью, если тебя в это не посвящают. Но косвенно я все же с этой деятельностью соприкасался, поскольку был постоянным участником кружка В. А. Гутовского-Маевского. Собрания эти являлись, в сущности, учебными занятиями активных пропагандистов или лиц, намечавшихся к привлечению к нелегальной работе. Сообразно с особым характером этой партшколы здесь никогда не касались вопросов практической работы или организационных, отдавая все свое внимание задачам и вопросам общепартийной жизни и мысли.

Викентий Анищетович Гутовский. Человек с таким экзотическим отчеством, что оно казалось шарадой или театральной кличкой, стал несколько позже известен в партийных кругах, как Евг. Маевский (или Га-з). В общезнании его звали Виктором Николаевичем, и вряд ли многие знали его настоящие имя и фамилию. Из массы интеллигентов, пришедших в с.-д. движение в конце 90-х годов (В. А. арестован в СПб в 1899 г. по делу «Группы борьбы с капиталом»), Гутовский выделялся, однако, не только сложной причудливостью своих метрических примет. И не тем, что он

полжизни провел на нелегальном положении, сидел, ссылался, был в эмиграции, судился и прочее. О Боже! Кто из участников революционной борьбы, людей моего поколения, не имел такого же, а зачастую и более броского и эффектного стажа? Кто из нас избежал этой тряской, зыбкой, но обязательной, как корь в детстве, тропы профессионального партийного работника? Он выделился даже и не своим трагическим концом, гибелью в расцвете сил в 1918 г. под шашками колчаковских бандитов в Омске. Нет! Его отметила судьба, богиня Фортуна, и вручила ему могучий и счастливый дар гореть всю жизнь одной страстью. Я не боюсь в данном случае упрека в употреблении стандартных, стертых образов. К нему полностью приложимы слова Лермонтова: «Он знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть». Ибо и захватанные слова теряют иногда свою обыденность и липкую избитость и загораются живым смыслом и светом.

Да! Его страстью с ранних пор стала, бесспорно, та самая (повторяя слова Гейне) «великая наука о свободе — политика», в жертву которой Маевский отдал свой ум, свои таланты и, наконец, свою жизнь. Это страшная наука! Больше любого другого божества требует она жертвоприношений, и именно кровавых. Какая другая наука пожрала столько трепещущих пылом и любовью сердец? Высушила столько пламенных, кипящих гневом и состраданием душ? Расточила столько драгоценного нервного и мозгового человеческого вещества? Перед чьим алтарем израсходовано столько огромных сил и совершено так много преступлений? Политика уступает, да и то это очень спорно, только религии в сем отношении и, вероятно, как раз потому, что сама она лежит на грани между магией и сектантским изуверством.

Маевский посвятил ей все время, все внимание, всю волю и все свои дарования. Я знал его свыше 15 лет, с конца 1902 по май 1918 г., когда мы навсегда распростились перед моим переездом в Москву и его отъездом в Сибирь. Знал не только по совместной литературно-общественной и партийно-политической деятельности. Мы были близко знакомы, как говорится, домами, нас соединяли тысячи нитей, личных связей, общих интересов, единства среды и обстановки. И все-таки я знаю лишь одну ипостась этого человека. Она закрывает в нем остальное от моего взгляда и она составляет основную, имманентную доминанту его облика. У него была и другая, личная жизнь: он был женат, и даже не один раз; у него имелась от первого брака дочь, не жившая с ним; он любил бродить по лесу и горам и пр. Но не в этом особый склад лица Маевского: *siculus non fecit monachum* (облачение не делает монахом).

Ни в обычные трибуны, ни в митингеры, ни в площадные демагоги он не годился. Он был слишком честен, смел, правдив для вульгарного безответственного крикуна. Для митинговых выступлений у него не хватало многого: например, больших голосовых средств, «легкости в мыслях необыкновенной» и портативного идейного багажа, этих необходимых условий массового успеха. Он был бы бесподобен, несравним и вполне на своем месте как вдохновитель и руководитель большой политической газеты и, может быть, как неофициальный лидер парламентской фракции. Он не дождался ни одной из тех трибун, которые дали бы открытый выход его способностям. Он работал как политик в те годы, когда рабочий класс и его партия, его союзы и пр. владели лишь эрзац-кафедрами: маленькими газетными листками, тощими журнальчиками, кучкой депутатов в Госдуме и т. п. Наши враги и лжедрузья подсмеивались над нами, цитируя слова Чехова, сказанные по другому адресу: «Эту литературу сочиняет Белов, читает Краснов, делает отзыв Чернов». Да, отчасти это так: «семейная» была литература, каждый вершок который оплачен годами борьбы, лишениями и горя тысяч и тысяч людей.

Маевский и в ней проявляется как превосходный публицист с задатками своего стиля и жанра. Это встречается в газетном мире не часто. Но развернуться до 1917 г. было негде, после революции — некогда. Отсюда впечатление бледности, незавершенности его работ; отсюда тот полупшепот мыслей, которым отмечены его писания в рамках цензуры. И вот почему

так едки, остроумны, закончены его превосходные нелегальные прокламации и листовки, выходявшие в Сибири до 1905 г., и листовки, написанные в Петербурге в 1917 году.

И после мартовских дней Маевский не нашел себе места, вполне удовлетворяющего закону экономии сил и отвечающего его личным склонностям и способностям. Не стоит пытаться понять и объяснить причины такого ненормального явления, когда в нищенской среде легко бросаются людьми немалого калибра и небрежно наступают на великие ценности. Он был единицей. И пристегнуть его в качестве нуля даже и ко многозначным цифрам, а тем более к нулю, не удалось. И он работал в сфере, совершенно ему чуждой — организационного характера, т. е. как раз там, где он не имел возможности раскрыться как настоящая величина.

Он уехал в Сибирь и здесь нашел раннюю смерть на посту редактора газеты от руки лиц, тоже претендентов на корону. «Не любит споров властелин», — писал Пушкин свыше 100 лет назад. Всякий властелин, даже тот, чья и власть-то краткосрочна и эфемерна, как у Колчака, кто и властвует-то на вершковой территории. Колчаковцы тоже не любили споров, как и пушкинский Петр. И подобно деду поэта Маевский угодил «в крепость, в карантин». Но, бессильные что-либо противопоставить Евгению в области идейно-политической, офицеры властелина раздробили ему, свободному и независимому публицисту, череп. Они справедливо полагали, что это самый веский и единственно эффектный аргумент в борьбе с человеческой мыслью, страстью и убеждением... Милее нет на свете края, о Русь, о родина моя!

6.

Нельзя сказать, чтобы журфиксы Маевского в Иркутске представляли большой интерес. Даже и 30 лет назад я иногда скучал на них, а позже при воспоминании о них меня начинало клонить ко сну. В Красноярске много часов проглотили у нас споры по поводу проекта программы партии, опубликованного в «Искре», № 21. Это было продуктивное занятие, требовавшее чтения разных книг, работы мысли, вентилирования ряда сложных вопросов.

Не то в Иркутске. Изо дня в день, из недели в неделю мы штудировали абзац за абзацем, страницу за страницей «Что делать?» Ленина, при этом часто в схоластическом, диалектическом тож, разрезе. Порой наши гимназические бдения над *realia* (упражнения) к Титу Ливию или к *metoabilia* (памятные выписки) из Ксенофонта казались мне вершиною производительной затраты труда.

Я прочел это, бесспорно архаическое, произведение искровского периода еще в Красноярске, прочел ни один раз и многожды беседовал и спорил о нем с тамошними товарищами. Это одна из тех книг, мимо которой нельзя пройти спокойно и которая обязательно создает вокруг себя друзей и врагов. Равнодушных быть не может. Если и в 1932 г. ее чтение волнует, то что же говорить о 1902 г.? В те годы «Что делать?» изучали, комментировали, обсуждали, отвергали, оспаривали или воспринимали как новое Евангелие, как «Откровение в грозе и буре». Так было везде, в с.-д. и революционных кругах, в любом месте, куда только попадала эта брошюра. Здесь уместно вполне повторить слова Фета о Тютчеве: «Вот эта книжка небольшая томов премногих тяжелей». Впечатление от нее было потрясающее, ее влияние неотразимо и ни с чем, кроме Бельтова, не сравнимо и не соизмеримо. Всюду люди шумели, не спали ночей, ссорились, восторгались, проклинали, как это было и после появления «Монистического взгляда».

Но то, что я застал в Иркутске, превосходило все вероятия. Напомню знаменитые строки Герцена об эпидемии гегелианства в 40-е годы. Новые знакомые требовали от Герцена безусловного принятия «Феноменологии» и «Логики», и притом по их толкованию. Толковали же они о них беспрестанно. Нет параграфа во всех трех частях «Логики», двух — «Эстетики», «Энциклопедии» и пр., который не был бы взят отчаянными спорами нескольких ночей. Люди, любившие друг друга, расходились на целые

недели, не согласившись в определении «перехватывающего духа», принимали за обиды мнения об «абсолютной личности» и «ее по себе бытии».

Обращаю внимание на эти мои слова: утверждаю, что буквально та же картина повторилась у нас в 1895—96 гг. при появлении Бельтова и в 1902—03 гг. при выходе «Что делать?» Ленина. Но в спорах, борьбе и личных разрывах, рожденных плехановской работой, я участия не принимал, наблюдая за этим циклом со стороны. В потрясениях и обвалах, вызванных книгой Ленина, я одно из действующих лиц. Должен лишь признаться, что я все же не потерял в такой мере голову, самообладание и равновесие, как это случилось с Маевским и, главное, с членами его кружка, этими неопитами с.-д-тии и прозелитами революционного марксизма. Да, здесь принимали за личную и горькую обиду всякое не то что расхождение с «Что делать?», а каждую тень разноречия, намек на разночтение священных текстов. Маевский всегда был по темпераменту иконопоклонником, нетерпимым, прямолинейным, пламенным и последовательным. Тогда он являлся фанатичным патриотом всех запятых и даже опечаток в «Что делать?». И в своей несдержанности он однажды бросил резкую фразу об идиотах, которые смеют оспаривать Ленина, в связи с моими возражениями по поводу приснопамятного «внесения социализма извне». По тем суровым временам попытка критического чтения «Что делать?» могла обойтись почти так же дорого, как занесение в списки подозрительных при якобинцах.

Мы лично не разошлись с Маевским из-за этого достаточно прозрачного намека на мою умственную дефективность. Но все же его огорчало и обижало мое еретическое шатание, особенно *sub specie* (при наличии) той пламенной, непорочной и неограниченной веры, которую горели сердца его воспитанников, мучеников новой религии. В кружке не просто читали вслух и комментировали исторически, политически, социологически и философски каждую строку Ленина. Здесь дегустировали каждое слово объемистой книги, смаковали благоговейно и утонченно, боясь расплескать, пролить хоть каплю свяшенно-живительной влаги. Так причащаются истинно верующие или, если вам больше нравится, таково отношение наркоманов к возбуждающим ядам, о чем рассказал Бодлер в «Исканиях рая».

Бывали вечера, когда мы не могли сойти с одной какой-нибудь, на первый взгляд совсем простой, фразы. Начиналось искание ее настоящего, скрытого, внутреннего смысла, словно перед нами была не кристаллически прозрачная и неумолимо ясная концепция, а творения Гераклита Темного или фрагменты непроницаемой философии вроде «Разговоров Гермеса с Татом». Вообще же ни до, ни после этих иркутских чтений мне не приходилось больше нигде встречать такого неистового радения.

7.

Не сомневаюсь: сердце Маевского трепетало от гордости, когда он глядел на свою паству. Я не помню целиком ее состава. Сколько нас было? Тоже забыл. Удержал в памяти томского студента А. А. Богословского, питерскую курсистку М. Г. Лаврову, первую жену Маевского покойную Марию Савельевну, учениц фельдшерской школы (Суссер и др.), группу семинаристов. Пожалуй, наиболее интересной фигурой среди всех выделялся Пригорный (Г. Крамольников), иркутский семинарист. Как все русские люди наследственно-духовного звания и воспитания, Гриша — натура глубоко религиозная. Изменилась только обстановка: объект веры, точка приложения пафоса, формы культа. Но существо, дух, сжигающий пламень неумолимого верования, страстное алкание веры настоящей, лютая нетерпимость оставались неизменными. Наследники Никиты Пустосвята и Аввакума, они сгорели бы радостно на костре за одно титуло, но точно также сняли бы 200 000 голов за еретичество и сделали бы это со спокойной совестью и сознанием правоты.

Достаточно бегло перелистать работы, например Чернышевского, Шапова, Добролюбова и пр., а еще лучше их письма и дневники, достаточно познакомиться мельком с биографией радикально-революционных выходцев из духовной среды, чтобы увидеть, как сильно это горение, веками

питавшееся и поддерживающееся в определенном социально-культурном пласту. Отцы и деды верили в дву- и трехперстие, в «плотного» и «духовного» Христа; дети уверовали в атеизм, нигилизм и прочие «измы» XIX—XX веков. Вот так и Гриша Пригорный, живой, подвижный телом и духом, маленький брюнет с очками на носу. Покончив счеты с герменевтикой и гомилетикой, простившись с Апокалипсисом и Отцами церкви, он неистощимый запас своей веры перенес на «Искру», потом прилепился душой к меньшевизму, а после Октября — к ленинизму и Коминтерну. И как некогда Савл стал из гонителя христианства его паладином и организатором Павлом, так Пригорный из необузданного большевикоеда вдруг превратился в пламенного знаменосца коммунизма. И у него, очевидно, был свой путь в Дамаск!

В 1917 г. он выпустил огромный, в трех частях, «Путеводитель по Ленину». Здесь с кропотливостью и выдержкой заправского начетчика, правнука одного из 70 знаменитых толковников, переводчиков и комментаторов Библии, Гриша бесчисленными текстами из работ Ленина доказывал, что последний, стога говоря, если не антихрист, то во всяком случае Князь лжи, еретик, схизматик, отступник от Маркса и подлежит — жаль, что сжечь нельзя! — анафеме и отлучению от единой равноапостольской восточной греко-кафолической церкви, то бишь от научного социализма и революционного марксизма. Изучил он Ленина досконально, знал на зубок, от корки до корки. Это все черты, весьма типичные для воспитанника церковной школы, где умели при случае блеснуть цитированием, буква в букву, целых страниц из Оригена, блаженного Августина и иных.

Меньше чем через год Гр. Пригорный стал членом тогда еще РКП(б), одно время участвовал в редактировании академического издания сочинений Ленина. Свой «Путеводитель» он, думается, собирал по всем книжным лавкам для аутодафе, как Некрасов свои (юношеские) «Мечты и звуки». И во всяком случае написание этой работы должно было рисоваться ему своего рода искушением св. Антония, наваждением. И может быть, в бессонные ночи он, следуя наказу монаха из «Дон Жуана» А. Толстого, бил сотни поклонов перед портретами вождей и читал вместо «Отче наш» один из памфлетов учителя против меньшевиков. Разумеется, «блажен кто верует, тепло ему на свете». Насколько же легче жить людям религиозного мышления и жизнеощущения, чем тем, кто никогда не имел (или рано потерял) бугорки веры и шишки наития. Но ведь только так, по уверению апостола, можно сдвинуть гору. Другое дело, следует ли ее беспокоить и стоит ли подобная игра столь щедро расточительного расхода свеч? Но это вопрос посторонний.

8.

Знакомство мое с виднейшими иркутскими с.-д. врачами В. Е. Мандельбергом и И. М. Роммом было совсем шапочным. Первый в 1903 г. уехал за границу и на II съезде партии представлял вместе с Л. Д. Троцким, бежавшим из ссылки в 1902 г., «Сибирский Союз»; позже он был депутатом от Сибири во 2-й Госдуме, скрылся от ареста и жил за границей. Второй, после ссылки, активной роли в с.-д. кругах не играл, оставаясь с.-д. и примыкая к меньшевикам (как и Мандельберг); умер недавно в Москве. Человек большого ума и тонкий дипломат — Посадовский по II съезду, Бюлов в просторечии — Мандельберг именно в силу последнего свойства не обладал талантом привлечь к себе молодежь. Наоборот, Ромм с его открытым, прямым характером и душевной мягкостью имел все данные для такого дела. Этого, однако, не произошло. Впрочем, я слишком недолго жил в Иркутске и потому воздержусь от суждений по сему поводу.

* * *

Отчаявшись отцедить всех комаров на всеобщих страстях у Маевского, я позорно дезертировал и отправился в приятное странствие по Сибири. Я посетил Нижнеудинск, Канск, Ачинск, Красноярск, Есаулово. Везде имелись колонии, кое-где находились мои московские приятели (в

Нижнеудинске — Ахрамович). В Ачинске жила целая группа с.-д. Некоторых я немного знал по Москве. Здесь были тогда В. Г. Громан с женой Е. П., впоследствии видной меньшевичкой; будущие крупные деятели большевизма В. Л. Шанцер (Марат), И. И. Степанов-Скворцов, В. А. Базаров-Руднев; московский с.-д. Л. Н. Никифоров — племянник В. И. Засулич, вскоре умерший; известный когда-то философ-идеалист, быв. с.-д. И. А. Давыдов и др. Надо признать, что Ачинск тогда по составу своему (публика все серьезная, занимающаяся) являлся одной из самых интересных колоний. Полагаю, что Б. П. Позерну (Ст. Злобину) пребывание в ней пошло очень и очень на пользу. По крайней мере, я с удовольствием провел здесь несколько дней в беседах с Шанцером и Никифоровым.

Я прогулял бы гораздо больше, если бы не получил из Иркутска телеграмму о необходимости вернуться к пенатам. Дело было не в злоупотреблении рассеянностью органов надзора. Пробил вдруг час возвращения нашего из Сибири! По «высочайшему повелению» 130 студентов и «штатских» выслали в Сибирь как возможных и невозможных зачинщиков и руководителей движения. По «высочайшему же повелению» от 6 декабря 1902 г. нам сокращали теперь по категориям срок и предоставляли право возвращаться в Европ. Россию минус университетские и некоторые другие города для отбытия там гласного надзора. Это право, как водится, Департамент полиции превратил в обязанность, в повинность, запретив нам проживание в пределах всей Сибири (кроме лиц, призванных на военную службу: Сбитников, Свешников, Таскин, Колокольников и др.). Все мы должны были в кратчайший срок покинуть чужбину и ехать домой. Даже аборигенам с трудом разрешалось отбывать срок на родине.

И вот я сделал одну из самых больших глупостей в своей жизни, оставил Иркутск, сменив его на Красноярск. Как уговаривал меня Маевский! Даже соблазнял посылкой на II съезд, к которому тогда начинали уже готовиться. При некоторой настойчивости я добился бы права прожить до конца надзора в Иркутске. Ведь все равно я покинул Сибирь лишь ровно через год. Как жаль, что я мало (или безмерно?) честолюбив и заманчивая перспектива поездки в Европу меня не прельстила. Вся жизнь пошла бы по-иному, поддайся я соблазнам сирены в лице Маевского. Мы дружески расстались с ним до новой встречи в 1905 г. в Женеве.

В огромно же своем большинстве знакомства, завязанные в Сибири, оборвались после моего побега. Получил ли я в Иркутске то, что искал? В какой мере удовлетворила меня моя жатва? Понятно, в минимальной. Довольно отчетливо представляя, что именно меня занимает и чего я ищущу, я совсем смутно понимал, как же извлечь желанный икс? С какого конца подойти? Я хотел знать, что привело их, старых народовольцев, каждого порознь, в революцию, как достигли они этой своей целостной полноты и непоколебимости духа. И, теперь я это отчетливо сознаю, я не сумел получить достаточно ясного ответа. Но кое-что, и все же довольно полезное существование, я отметил и отложил в сердце своем. Я уезжал, увозя воспоминания, которые, как мне казалось (и я не ошибся), надолго предохранят меня от разочарований и скептицизма.

* * *

«Но теперь его сердце постарело, и все цветы в нем завяли, и потухли солнечные лучики, умерла даже и прекрасная греза о любви, в бедном сердце нет ничего, кроме мужества отчаяния и скорби, и выскажу теперь самое горестное — да, это мое сердце». Да, нет цветов, нет солнечных лучиков, нет бодрости в моем сердце, есть только грусть и горечь, как у Гейне, и они становятся тем сильнее, чем напряженнее вглядываюсь я в прошлое и чем острее переживаю мысленно дальние впечатления. К тому же в одиночке так холодно! Валенки и пальто не греют стареющих костей и хладеющую, некогда столь бурную кровь.

Осень 1936 года.

(Продолжение следует)

Дневник Николая Михайловича Дружинина

Николай Михайлович Дружинин начал вести дневник в 1907 г., в возрасте 21 года, и вел его в течение 70 с лишним лет, пока не начал терять зрение.

Значение записей о своих переживаниях было ясно Дружинину задолго до 1907 года. Однако, охваченный бурным потоком первой русской революции, он не находил времени для ведения дневника. Наступившее затишье и возвращение Дружинина в университет, из которого он был исключен за революционную деятельность, вызвало у него потребность систематического и глубокого самоанализа, тем более, что он оказался на распутье. Его влекла к себе политическая работа с массами. Свои выступления в заводских цехах и на уличных митингах он вспоминал как счастливые дни своей жизни, когда он чувствовал «могучую силу революционного слова, когда на его глазах «пробуждалось сознание у самых отсталых слоев аудитории»¹. Вместе с тем у него уже проявилось ярко выраженное призвание к научной работе, особенно к изучению истории.

Таким образом, перед ним встал вопрос, «вернуться ли к научным занятиям или, пожертвовав высшим образованием, перейти на положение профессионального революционера»². В тогдашних условиях подпольной работы среднего пути для себя он не находил. Положение осложнялось тем, что ему приходилось добывать средства к жизни для себя и своих родителей, у которых все, что они имели в Курске, было отобрано за долги, а в Москве они снимали меблированные комнаты. Здоровье отца ухудшалось, и он вскоре оставил работу бухгалтера. На его пенсию был наложен арест, поскольку он был несостоятельным должником.

Начиная вести дневник, молодой студент надеялся, что это поможет ему утвердиться в принятом решении и неуклонно идти к избранной цели.

Дневниковые записи показывают всю сложность положения Дружинина, когда частные уроки, дававшие ему заработок, и подготовка к ним занимали почти весь его день. Наряду с дневниками он делал ежедневные записи умственных занятий, отчитываясь перед самим собой. На учете была каждая минута. Сохранились блокноты, содержащие перечень прослушанных лекций, прочитанных книг на русском, немецком и французском языках, а также уроков немецкого языка, которые проходили, по-видимому, без преподавателей.

Еще одну задачу поставил перед собой Николай Михайлович — подвести итог прожитым 20 годам, но на это времени у него не хватило. Он успел описать только свое раннее детство. Описание это по выразительности и эмоциональности похоже на художественное. Мечтая продолжить рассказ о своих детских годах, Дружинин время от времени

составлял себе на будущее «Схемы воспоминаний», вкладывал их между листами дневника. Уже в студенческие годы он придавал большое значение мемуаристике, которая стала впоследствии одним из важных направлений в его творчестве.

Из кратких «Схем», реализованных только отчасти, известно о страстной любви Дружинина в детские годы к рисованию, но родители запрещали ему этим заниматься, боясь, что он испортит себе «руку», то есть свой еще не сформировавшийся почерк. В биографическом томе «Избранных трудов» Дружинина его воспоминания занимают больше половины текста, хотя писались они от случая к случаю, чаще всего по просьбе его земляков-курян или коллег, друзей и знакомых³. Поражает изумительная память автора. О своих трех арестах советского периода (1918, 1919, 1930 гг.) он рассказывает так подробно, как будто это было вчера. Впрочем, о его аресте 1919 г. он сделал краткую запись еще в тюрьме 26 июля — 20 августа того же года. Она начинается словами: «Неожиданный обыск и арест по ордеру М. Ч. К. Мое спокойствию» и т. д.

Вынужденный «отрыв» от народных масс не прошел для Дружинина безболезненно. 19 февраля 1912 г. он пишет, что «отчетливо, резко сознал, какую страшную холодную стену, отделившую меня от живого человеческого страдания, создала моя отчужденность последних лет, односторонность научных занятий».

Испытывая потребность участвовать в общественной жизни, он записывает в дневник слова, идущие из глубины души. «Я люблю людей, жалею, сочувствую, сострадаю им, без них моя личная жизнь становится узкой и тусклой, мое существование — ненужным, никчемным (запись 28 января 1910 г.). Дружинин мечтает найти себе применение «в простом, безэффектном, но глубоком и содержательном труде» на пользу людям, «для их счастья и радости». Вот почему Николай Михайлович, вернувшись в реформированный университет, не пошел на историко-филологический факультет, который он не успел закончить до ареста, а поступил на экономическое отделение юридического факультета, убедившись, что большую остроту в стране приобретает разработка, с одной стороны, социально-экономических проблем, с другой — нового законодательства.

Для своего дипломного сочинения он избрал проблему, сохраняющую актуальность до сих пор, а именно «Охрана женского и детского труда в фабричной промышленности России». Представленная им в университет, эта работа заслужила самую высокую оценку и вызвала общественный резонанс. С этих пор Дружинин не опасался больше, что он может стать «ненужным» и «никчемным». В. И. Шулятиков, изучающий проблему облегчения женского труда, отыскал в городском архиве среди документов Московского университета дипломное сочинение Дружинина. Познакомившись с его дневником и опираясь на упоминаемые в них источники, Шулятиков написал статью о работе Дружинина над этой темой⁴.

Окончив юридический факультет с дипломом первой степени, Дружинин возобновил занятия на историко-филологическом факультете, однако разразилась первая мировая война. Единственный сын у родителей, Николай⁵ не получил отсрочки и был призван в армию на том основании, что уже имел диплом об окончании университета. Только в 1918 г. он сдал экзамены за историко-филологический факультет и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию.

Жизнь Дружинина во время военной службы 1916—1918 гг. была богата содержанием. Окончив военное училище и получив чин прапорщика, он был назначен делопроизводителем полкового суда. Работая там, он окупился в солдатскую среду, близко с ней сошелся, узнал ее интересы и нужды. А после Февральской революции солдаты избрали его председателем полкового комитета 24-го пехотного запасного полка.

Для ведения дневника обстановка тогда была неблагоприятна, отсюда большие лакуны в дневнике. И все же благодаря дневнику до нас дошли размышления участника гражданской войны Дружинина, мобилизованного в Красную Армию для работы в Военном комиссариате и Политико-

просветительном отделе. В условиях ломки старого режима и складывания нового он жадно присматривался и прислушивался к происходящим событиям. «Из всех впечатлений последних дней самое интересное, — записывает Дружинин 2 июля 1920 г., — вчерашнее заседание редколлегии возглавляющего красноармейского журнала; интересные молодые поэты-коммунисты, представители рабочей интеллигенции, в которых брызжат жизнь, талант, стремление вперед. Интересно, что все они захвачены современными художественными влияниями [...]. Они чувствуют себя носителями новой, пролетарской культуры, но, право, неясно, чем отличается эта пролетарская культура от всякой иной культуры? В сущности то же индивидуальное творчество, та же зависимость от последнего слова поэтической техники (в лучших произведениях), то же разнообразие мотивов — тоска и бодрость, правда, с преобладанием гражданской боевой ноты».

Коллектив Политпросвета, где работал Дружинин, ставил на обсуждение в своей среде злободневные вопросы, в частности, церковную политику правительства. Позиция Дружинина выражена в дневнике 7 апреля 1920 г. твердо и убедительно: «Я сам лишен религиозного чувства — «не верю», но признаю автономию чувства и глубоко уважаю искреннее проявление этого чувства как высокую духовную ценность». Он называл себя «иррелигиозным» человеком, порвавшим с религией примерно в возрасте 14 лет. Веротерпимость, свободу мысли и совести Дружинин рассматривал как «великое завоевание современной европейской культуры». «Отсюда, — подчеркивал он, — мое глубокое отрицательное отношение к вскрытию мощей, закрытию монастырей, разрушению алтарей и проч., хотя «божественной святости» их я не признаю и не чувствую».

Записи научного и политического характера не исчерпывают содержания дневника Дружинина. Интерес его к театральному и изобразительному искусству, музыке, художественной литературе проявился очень рано, способствуя его духовному и культурному росту. В ноябре 1910 г., потрясенный смертью Л. Н. Толстого, он поспешил вместе с группой студентов на его похороны в Ясную Поляну и, вернувшись, посвятил Толстому волнующие строки дневника. Под влиянием И. С. Тургенева, которым Дружинин восхищался, у него развилась необычайная чуткость к красотам природы. Это отразилось на его языке и стиле, которые полны поэзии. И. А. Гончарова Дружинин поминал чаще всего в связи с критикой «обломовщины», от которой мы должны освободиться, но обращался и к другим образам писателя, отмечая, в частности, что он «увлекался Штольцем» — деловым, организованным, целеустремленным немцем.

Период 1924—1925 гг. был в жизни Дружинина очень плодотворным. При его участии был открыт и начал успешно функционировать Музей Революции СССР, в котором он был сначала научным секретарем, а с 1930 г. — заведующим досоветским отделом и руководителем кафедры музееведения новообразованной аспирантуры. К сожалению, некоторые тетради за этот период, демонстрировавшиеся на выставке в Институте истории (на Волхонке), на полку с дневниками не вернулись. Возможно, они попали в какой-нибудь другой фонд и еще будут обнаружены.

Отсутствие записей в период, насыщенный крупными событиями в жизни и деятельности Дружинина, отчасти восполняется его мемуарами за разные годы, напечатанными в кн. IV его «Избранных трудов»: «Моя работа в Музее Революции СССР (1924—1923 гг.)», «Автобиография (до 1951 г.)», «Мои аресты в 1918—1930 годах» (с предысторией последнего ареста 1930 г.).

В отмеченное десятилетие вышла в свет первая монография Дружинина — «Журнал земледельцев 1858—1860 гг.» в двух частях (1926—1927 гг.). В 1929 г. состоялась защита им диссертации «Декабрист Никита Муравьев». В преддверии защиты на страницах газеты «Правда» выступил М. Н. Покровский (19 марта 1929 г.) с резкой критикой ряда беспартийных историков, в том числе Дружинина. В его исследовании о «Журнале землевладельцев» Покровский усматривал апологию помещичьего органа печати и солидарность Дружинина с помещиками-крепостниками. В той же статье

Покровский проводил мысль, что наступило время двигать историческую науку вперед руками одних коммунистов, не привлекая к этому делу «чужих», то есть беспартийных ⁶.

Прочитав статью Покровского, Дружинин тотчас написал «Письмо в редакцию (Ответ М. Н. Покровскому)», но опубликовать его в то время он не смог. Оно впервые было напечатано только в 1979 г. в приложении ко второму изданию книги Дружинина «Воспоминания и мысли историка».

Жизнь ученых не проходила гладко, как об этом писал не раз сам Дружинин. Но он сохранял свою твердую принципиальность, на которую указывает в своих воспоминаниях А. Б. Закс (она была свидетельницей блестящей защиты им диссертации) ⁷. В период массовых репрессий конца 1930 г. Дружинину грозил еще один — седьмой — арест, о чем он подробно написал в своем дневнике. В разгар несправедливых нападков и «проработок» в связи с появлением в «Правде» письма от якобы пяти студентов-историков МГУ (имена которых никому не были известны) «Как готовятся кадры историков» ⁸ Дружинин подал заявление декану факультета с опровержением всех обвинений по его адресу, которые назвал ложью и клеветой. В своем заявлении он разъяснял, что не мог рекомендовать студентам троцкистскую литературу для изучения периода истории России 1830 — 1860-х годов, ибо такой литературы не существует; что он не только не идеализировал индивидуальный террор, но, напротив, разоблачал его бессмысленность и вредность и т. д. После этого Дружинин взял за свой счет годичную командировку в Ленинград для работы в архиве, и травля постепенно заглохла. В личном архиве Дружининых сохранился один из экземпляров опровержения, предоставленного Николаем Михайловичем декану истфака и другим руководящим работникам МГУ.

Когда началась Великая Отечественная война, Николай Михайлович записался добровольцем в народное ополчение, но его не взяли по возрасту. Эвакуация вместе с Институтом истории АН СССР в Алма-Ата была новой, особенной страницей его жизни. Там он вел огромную работу в области военно-патриотического воспитания масс, выступал устно и в печати и активно участвовал в подготовке коллективного труда по истории Казахстана. Если находилось время, он занимался начатой им ранее монографией по истории государственных крестьян. Дневник подробно рассказывает о жизни Дружинина в эвакуации в Алма-Ата, где он полностью обслуживал себя и свою старшую сестру Алевтину ⁹.

Дневниковые записи Николая Михайловича не всегда одинаковы. Иногда он день за днем ограничивался кратким перечнем бытовых и служебных дел и отчасти описанием состояния своего здоровья. Скорее всего это было следствием его крайней занятости. В то же время он никогда не пропускал случая записать в дневник свои впечатления от театральных постановок, художественных выставок и путешествий по стране. Когда же стало возможным выезжать за границу, то все свое время, свободное от научных сессий, он посвящал осмотру архитектуры, скульптуры и других достопримечательностей. Во время командировки на X Международный конгресс исторических наук в Италию в 1955 г. его можно было видеть на улицах Рима, Неаполя, Венеции. С молодым энтузиазмом, запасшись путеводителем, он вместе с женой (автором этих строк) отыскивал памятники истории и культуры, о которых много знал, но которых никогда не видел. В 1963 г. в связи со 150-летием Лейпцигской битвы народов Дружинины выступали с докладами на немецком языке в Берлине ¹⁰; а после конференции посетили города Эрфурт, Веймар, Гота, Наумбург и другие. Для описания каждого путешествия Дружинин заводил особую тетрадку, дополнявшую его дневники. Предварительные беглые записи дат и фактов делались на ходу во время экскурсий.

Перед теми, кто прочтет дневник Дружинина, ярко выступают черты неунывающего волевого человека, великого труженика: он всегда очень много работал. Карьеристом не был никогда, отказывался много раз от высоких постов. Самокритика была ему свойственна, он умел честно оценивать свои поступки. Сохранял и привычку к самоанализу. Однажды

накануне своего 95-летия он так сказал о себе: «Хотя я порвал с религией, мой моральный идеал совпадает с тем, который заключается в заповеди, пересказанной Пушкиным: «Дух праздности, уныние не даждь ми, дух же трудолюбия, терпения — вот моя добродетель»¹¹.

На страницах дневника Дружинин выступает как специалист широкого профиля, всесторонне изучающий отечественную историю. Одновременно он ведет педагогическую работу. В условиях, часто очень непростых, он создает фундаментальные труды по истории внешней и внутренней политики, истории общественных движений и культуры. Много внимания он уделяет также методике исследовательской работы. Дневник показывает рано возникший у Дружинина интерес к археографии и музееведению. В качестве крупного организатора научной работы Дружинин в течение ряда лет заведует сектором истории XIX в. в Институте истории АН СССР, он является также инициатором и главным редактором многотомного издания документальных сборников «Крестьянское движение в России» (с 1861 по 1917 год). С 1945 г., когда начал выходить журнал «Вопросы истории», Дружинин стал членом его редколлегии и с большим интересом относился к этой работе.

В течение всей своей жизни Николай Михайлович старался пополнять запас своих знаний, или, как он выразился, «доучиваться». Это слово он употребил в 1984 г., вспоминая свою военную службу, когда он должен был овладеть практической (судебной, военной) юриспруденцией, что ему удалось сделать за короткий срок. Впоследствии опыт военной службы помог ему в изучении внешней политики России, а знания в области юридических наук способствовали выработке точного языка в его трудах. Дневник дает возможность следить за формированием Дружинина как ученого и человека начиная с дипломного сочинения о детском и женском труде и кончая фундаментальным исследованием «Русская деревня на переломе (1861—1880 гг.)» (М. 1978).

В дневнике Дружинина встречается много имен — коллег, друзей, знакомых, связанных с ним по работе. Постепенно круг их расширился. Из отечественных ученых можно, кроме русских, назвать украинцев и молдаван, грузин, армян, казахов, якутов, алтайцев, литовцев, эстонцев и др. Во время международных конференций дружеские связи завязались с учеными Италии, Франции, Японии, Германии и других стран.

Когда Дружинину исполнилось 100 лет, с его дневником подробно ознакомился журналист С. Колесников. Он напечатал статью «Век на ладони»¹², в которой назвал записи Николая Михайловича «дневником эпохи».

Дневник Дружинина важен не только для изучения его биографии. Он может быть использован (и отчасти уже используется) при разработке истории интеллигенции, истории науки и культуры. Моральный облик Дружинина — его внимание к людям, желание сочетать науку с общественно-политической деятельностью — привлекает к себе внимание молодежи. Об этом свидетельствует, в частности, работа П. Е. Бояркина «Становление историка (на примере жизни и деятельности академика Н. М. Дружинина)» (М. 1985)¹³.

Дневник Дружинина публикуется полностью, без купюр (как это было в более ранних публикациях). Подготовка рукописи к печати, вступительная статья и примечания — жены Николая Михайловича Е. И. ДРУЖИНИНОЙ.

Примечания

1. ДРУЖИНИН Н. М. Воспоминания и мысли историка. Изд. 2-е. М. 1979, с. 14.
2. Там же, с. 15.
3. См. ДРУЖИНИН Н. М. Избранные труды. Кн. 4: Воспоминания, мысли, опыт историка. М. 1990.

4. ШУЛЯТИКОВ В. И. Дипломное сочинение Н. М. Дружинина. В кн.: Экономическая и общественная жизнь России нового времени. Первые дружининские чтения. Сб. докладов и сообщений. М. 1992, с. 137—144.
5. Из шестерых детей, родившихся в семье Дружининых, трое мальчиков умерли в детском возрасте. Уцелели младший сын Николай и две девочки старше него: Алевтина и Зинаида.
6. ПОКРОВСКИЙ М. Н. О научно-исследовательской работе историков. Перепечатка в комментарии к кн. II «Избранных трудов» Дружинина. (М. 1987, с. 406—410).
7. ЗАКС А. Б. Дружинин Н. М. В сб. ст.: Краеведы Москвы. М. 1991, с. 259.
8. Письмо «студентов» датировано 9 июня 1937 года.
9. Незадолго до войны, в 1939 г. Дружинин развелся со своей первой женой Н. И. Соколовой.
10. ДРУЖИНИНА Н. М. Освободительная война 1813 г. и русское общество; ДРУЖИНИНА Е. И. Русско-немецкие культурные связи и освободительная война 1813 г. В сб. ст.: Освободительная война 1813 г. против наполеоновского господства. М. 1965.
11. Запись сделана Е. И. Дружининой со слов Н. М. Дружинина 28 декабря 1980 года.
12. Правда, 15.I.1986.
13. См. краткий вариант: БОЯРКИН П. Историк и революционер. (К столетию со дня рождения Н. М. Дружинина). — Комсомольская искра, 10.I.1986. Из новейших работ, написанных с использованием дневников Дружинина, см. диссертацию: АИПОВ А. Х. (Тула) «Академик Н. М. Дружинин как исследователь аграрных отношений в России» и его доклад, подготовленный к печати: «Нравственный императив историка Н. М. Дружинина».

1907 год

2.III.

Diareum¹... В первый раз я выношу на бумагу это слово, впервые начинаю (надолго ли?) вести летопись своим внешним и внутренним переживаниям. Я решился на это после некоторого колебания. Раньше с мыслью о дневнике у меня связывалась представления о сентиментальных самоизлияниях или о нудном и мелочном самоедении. И то и другое мне претило. Копаться в самом себе и возводить это занятие в перл создания значит тратить время по пустякам, когда жизнь требует дела, и только дела! Когда на каждом шагу тебя пронизывает горькое и стыдное сознание своего невежества, когда бурлящие волны общественной жизни захватывают тебя в своем потоке и требуют активного проявления воли.

Мне было некогда... или казалось, что было некогда. Позднее я начал сознавать всю важность систематического, глубокого самоанализа с целью познать себя и тем вернее определить свое будущее назначение, безошибочнее наметить дорогу жизни. Но, понимая необходимость и важность дневника, я не чувствовал в нем сильной потребности и продолжал во имя науки настаивать на своем прежнем «некогда!» А там налетел ураган революции, и я закружился в вихре ярких действий и сильных впечатлений... жизнь непосредственная, жизнь чувствами и волей отодвинула спокойную работу разума, прервала процесс самопознания и умственного саморазвития. В то время было не до себя.

Теперь я снова в спокойных и мирных берегах личной жизни. Более, чем когда-нибудь, я отдался самому себе, своим мыслям, работе во имя своего «я». Я относительно богат опытом, я обладаю способностью быстрого ориентирования в вопросах современности, у меня незакрепленный и голый остов заимствованного мирозерцания. Но я не чувствую себя на прочной почве, силу нерассуждающего порыва я утратил, а могучую силу разумносознательного отношения к миру, а главное, к самому себе приобрести не успел. Я не удовлетворяюсь желанием учиться, накапливать знания и проведением этого желания в жизнь. Я хочу узнать правду о самом себе, объединить отрывочные искания своего настоящего «я» в систематический процесс самоанализа. Словом, я возвращаюсь к мысли, возникшей во мне 3 года назад: надо отдать отчет во внешней и внутренней стороне своей жизни; необходимо углубить процесс самопознания. Не для будущих читателей, не для показа (проституирование своей души — худший вид

проституции!), нет, для себя, для своего будущего. Теперь, при моей изоляции от живого людского мира и полном почти отсутствии словесного общения с другими, такой опыт литературной беседы с самим собой будет для меня полезен. Потребность в исповеди так сильна, что я отбрасываю вечно тяготеющее надо мной «некогда!» и начинаю писать... правду и только правду!

Мне — 21 год. Эти годы — годы чистого наивного детства и пробуждающейся порывистой юности — прошли для меня недаром. Первые 20 лет, когда молодая неокрепшая натура так восприимчива и впечатлительна, так гибок разум и ясны чувства, во многом определяют человека, его будущее. Они должны были сильно повлиять и на меня. Что же они во мне оставили? С каким наследством я переступаю порог своего совершеннолетия? Таков — первый вопрос, на который я должен себе ответить. Ответ отнимет у меня много времени, он может заполнить большую половину моего дневника. Но именно здесь, в строгом и точном отчете 20 лет своей жизни, я найду реальную опору в суждениях о себе, своем настоящем и будущем. Я постараюсь воскресить прошлое, оживить угасшие воспоминания домашней и гимназической жизни, воспроизвести ее внешнюю сторону. «Процесс саморазвития духа» — не самодовлеющее движение абсолюта, как полагал Гегель; он связан, переплетается с материальной обстановкой, вырастает из нее и вместе с ней.

Пусть моя экскурсия в прошлое будет пестреть мелочами ненужными и досадными на первый взгляд; удержанные памятные мелочи отражают в себе забытое крупное; а разве не ею, не внешнереальной жизнью, определился внутренний рост моего «я»?

Моя родина — губернский город центральной России. В семье «со средствами», купеческой по положению, мещанской по происхождению, провел я первые годы детства. Мы жили в собственном доме с большим двором и тенистым садом. До 6 лет комнаты дома, мощеная площадь двора и короткие аллеи сада были моим дорогим и близким отечеством. Они казались мне таким огромным, таким роскошным... Впоследствии, подростком, я сравнивал эти детские представления с реальной действительностью; и как искренно я удивлялся количественной разнице между ними! (Тогда я не знал еще ни о кантовской «вещи в себе», ни об относительности наших представлений). Узость моего детского кругозора отчасти объяснялась моей замкнутостью, не добровольной, а вынужденной.

Отец занимал видное положение в городе и пользовался симпатиями и уважением среднего, буржуазного, общества (я убеждался в этом не раз впоследствии); наша семья считалась богатою; моя старшая сестра кончала гимназию; гостей, поэтому, бывало много. Родственники и молодежь наполняли наш дом; веселье и оживление царили в «шумные зимы» 1888—1890 г., о которых в худшие времена мы вспоминали с чувством печали и гордости. Но я — трехлетний мальчуган — ютился на детской половине дома, и редко появлялся в парадных комнатах. Я рос одиноко, живая детская толпа с шумом, хохотом и возней не существовала для меня. Сестры были велики, чтобы играть со мной. Двоюродный брат Миша, которого я любил любовью привычки, любовью постоянной физической близости, был занят учебниками и полдня проводил в училище. Гувернанток я не помню. Мать — гроза и мучение моего детства — не дарила меня ласкою: она не знала ласки для детей, не чувствовала себя близко с детьми; когда она появлялась, то приносила мне горе и слезы. Отца я страстно любил, уважал и боялся: его величественная фигура, красивое улыбающееся лицо, мягкое и ласковое отношение к детям, вызывали во мне чувство любовного поклонения. Мы видели его редко, и эта физическая разделенность еще усиливала в моих глазах его обаяние и значение. Так же редко, только вечерами, видели мы тетку, мою крестную мать; сестры были ее любимцами. Но мне она казалась суровой и строгой.

Я знал свои игрушки, я жил в мире деревянных лошадок, кирпичиков, паровозов. Недостающих товарищей я воображал себе; в своем лице я отчетливо представлял себе несколько человек; моей обычной игрой было разыгрывание какой-нибудь истории в лицах.

Узкие пределы комнаты расширились, она наполнялась толпой, мужчинами, женщинами (исключительно взрослыми), и я, подражая, без конца воспроизводил то, что оставило во мне сильное впечатление. Особенно удавалась игра с воображаемыми товарищами летом, когда я проводил яркие солнечные дни на широком просторе двора и сада. Этой работой воображения я заполнял отсутствие товарищей в течение всего детства. Зимой я бывал взаперти: уродливое воспитание оберегало меня от простуды, и я не знал прелестного удовольствия других детей — резвиться на сияющем снегу, вдыхая свежий морозный воздух.

3.III.

Замкнутость еще более суживала мои пространственные ассоциации; неудивительно, что родные места казались мне, пятилетнему ребенку, такими огромными; маленькие узкие комнаты дома превращались в величественные палаты, а сад — в роскошный и запущенный парк.

Хотя я рос одиноко, но известная степень общения со взрослыми существовала всегда. За обедом и чаем, в постоянной физической близости к младшей сестре и двоюродному брату, в отдельных встречах и мимолетных впечатлениях я впитывал в себя семейную атмосферу; слушая замечания и наставления старших, а подчинялся семейному строю; я жил в семье и с семьей. Это не была мешанская семья безсеменовского типа. Мы жили «собственным домом», имели лошадей, водили широкое знакомство, были гостеприимны; отсутствие узкого скопидомства, внешнее «благородство» и некоторый налет интеллигентности сближали нас со средними дворянскими семьями 60—70-х годов. Читая биографию Гончарова, я находил в описании симбирского дома общие черты с обстановкой моего детства. Я любил эту обстановку, и я гордился ею; мне было тепло и приятно в атмосфере разлитого довольства, в блестящих чистотой комнатах, устланных коврами, обставленных красивой мебелью, увешанных картинами и изящными вещами, на светлом дворе, осененном пирамидальными и серебристыми тополями и каштанами, в саду, утопающем в зелени фруктовых деревьев и ягодных кустов, в пестроте цветущих клумб и газонов. В кухне и девичьей всегда толпилась прислуга, всюду чувствовалась заботливая рука хозяйина, — все напоминало маленький самодовлеющий мирок, полуфеодалное хозяйство натурального типа. По мере того как мы приближались к краху (мой отец разорился, запутавшись в долгах), в доме становилось серее и унылее; отпадали отдельные части налаженного механизма, распускалась прислуга, продавались лошади, заколачивались конюшни, мебель закрывалась чехлами, сад не убирался, не разукрашивался с прежней тщательностью, и все меньше гостей наполняло комнаты дома. В доме остались свои; взрослые, озабоченные и встревоженные, чувствовали приближавшееся несчастье и бессознательно передавали это ощущение детям. Парадные комнаты, гостиная и зала не освещались и пугали нас своей необитаемостью и таинственной темнотой; дети от страха, взрослые — от угнетающего влияния тяжелых предчувствий сознания подбирающейся нужды населяли эти комнаты духами, темными силами, несущими горе.

Но этот серый тон разливался постепенно, годами; на меня, ребенка, он не оказывал сильного влияния, он не ослабил моего маленького домашнего патриотизма. Вплоть до отъезда из дома старый жизненный уклад в общем сохранял свою силу.

Дом был наполнен женщинами; меня окружали сестры, мать, тетка, горничные. Я вырос под влиянием, незаметным и едва уловимым, женских привычек, женских характеров. И хотя в отношениях ко мне матери было мало женственного, но эта особенность моего детства наложила на меня сильный отпечаток. Если из продолжительной борьбы с матерью, из столкновений и встреч с массой разнообразных людей, из резких и сильных ощущений революционного периода я вынес мягкость и уступчивость в обращении с людьми, то объяснение этого факта коренится в обстановке моего детства. Я не знал резких и быстрых движений — мне не позволяли «шалить»; физическая работа, физические игры были мне чужды; головная работа и язык — заменяли деятельность мускулов. Никаких телесных упра-

жнений — неудивительно, что я вышел узкогрудный, узкоплечий и узкорукый. Поощрялись тихие игры, скромное сидение на одном месте, молчаливое послушание старшим. И хотя моя природная живость нередко переходила границу желательного и дозволенного, но она не могла уничтожить уродующего влияния такой воспитательной системы. Проступки, самые невинные и не зависевшие от моей воли (например, нечаянно разорвать чулки), карались строго: беспощадная ругань и физическое воздействие были обычными воспитательными приемами моей матери. Я жил под постоянной угрозой ее немилости, ее гнева; домоклов меч наказания, слезы, молитва были моими товарищами. Я ненавидел мать и, помню, однажды, чувствуя себя невиновным, страдальцем, покинутым, одиноким, в тоске и неразделенной печали, решил бежать из родного дома. И эта мысль не была шуткой. А сколько раз, в слезах и с стесненным сердцем, лежа в постели, я страстно желал умереть и утешал себя, представляя позднее раскаяние матери и сломленное равнодушие окружающих вокруг моего тела. Я не вышел забытым ребенком — живые, здоровые стороны моей натуры побороли впоследствии гнет материнского «авторитета».

И в те далекие годы мои маленькие несчастья и страдания не могли зачернить фон моей жизни. Она имела и свои светлые стороны.

1908 год

10.VIII.

Утром был у Ермилова², вел переговоры о ликвидации его группы и лишний раз убедился, что за внешней оболочкой идейности скрывается подчас низменный эгоизм, прикрашенный и замаскированный отвлеченными соображениями. Днем — ездил в Петровско-Разумовское. Свежий воздух удивительно ободряет меня. Оттуда направился в Грузинск. Нар. Дом и слушал оперу «Травиата» Верди. Нежная мелодичная музыка сразу выдает национальность композитора. Захватывающему драматизму фабулы не соответствовали силы артистов: «Травиата» требует особенно тонкой и вдумчивой игры; не передать естественно и глубоко душевные переживания Виолетты и Альфреда значит испортить оперу, превратить ее в слезливую мелодраму. Музыка местами очень напоминает «Вертера» Массне: та же мягкая задумчивая грусть, те же дрожащие и плачущие ноты.

Нар. Дом — безусловно полезное учреждение, но как убога должна казаться его обстановка сравнительно с Зап. Европ. аналогичными учреждениями, можно судить по «казацкому» оркестру или по тексту оперного либретто. В «саду» — ни дерева, после спектакля — плохонький синематограф и трескучий фейерверк, во время действия — шум, крик, некультурные замечания.

11.VIII.

Был в Университете и записался на экзамен. Удастся ли держать его? Или опять ярмо повседневной работы помешает приготовиться, во-время повторить пройденный курс?... В Университете — толчея. Мелькают знакомые лица. Веет началом учебного года.

Сегодня несколько часов просидел над учебником римского права. Работается свободно и весело, крепко усвоенные понятия вспоминаются быстро и без труда; рождается бодрость и светлые жизнерадостные настроения. Сознание, что идешь вперед, не стоишь на месте, укрепляет расшатавшиеся нервы; напряженная вечерняя работа в группе при этих условиях не кажется тяжелой и утомительной.

12.VIII.

Сегодня утром Ермилов сообщил мне, что я записал в число преподавателей на предполагаемых общеобразовательных курсах в о-ве торговых служащих. Вознаграждение — до 2 р. за час. Приглашаются известные лекторы. Перспективы — блестящие, но не слишком ли они — фантастичны?... И что они сулят мне, недоучившемуся студенту Университета? Жал-

кую роль выскочки, который силится сравняться с профессиональными специалистами?

Сегодня целый день пришлось провести в группе. По римскому праву ничего не пройдено... Промежутки между работой убиты на переговоры с различными посетителями группы. И в конце дня — опять тяжелый мутный осадок...

Между прочим приезжал советоваться о своем брате Борис Влад. Изензе; делился впечатлениями из своей практики судебного следователя: интересная и сложная работа, но страшно тяжелая и расшатывающая нервы.

13.VIII.

Повторил 4 билета по римскому праву, начал «Институции» Чиларжа. Николай держал устные экзамены и провалился по географии, — совершенно неожиданный результат! Он наводит на печальные размышления о способностях человека, о случайности экзаменационных результатов. Экзаминатор имел нахальство острить по адресу «подготовителей» и распространяться о пользе земледения!

Мих. Мих. захворал, женская группа не явилась — что будет с нашей группой?... Надо серьезно подумать о зарплатке.

14.VIII.

К счастью, мне удастся серьезно заняться римским правом. Сегодня я прошел 60 страниц учебника и прочитал несколько отделов у Чиларжа! Крепнет уверенность в том, что я смогу пойти и сдать экзамен.

Во мне развивается неприятное «эгоистическое» настроение: я начинаю чувствовать к людям равнодушное отношение; сознание неисполненных обязанностей (письмо к своим, к Кривинь, к Азарху; редкие посещения сестры, Пузановых и т. д.) вызывают во мне досаду. От Николая — никаких вестей; недавно провалился. А я?... Меня не трогает, не волнует это... Группа шатается, в кассе — ни гроша, я слишком много взял авансом... я не волнуюсь, не ишу выхода. Неприятная тупая апатия!...

Каждый шаг моей работы в группе, мои сношения с людьми разнообразных положений и характеров в течение этого года ежеминутно вскрывают передо мной эгоизм человеческой природы, замкнутой в границах своего «я»; окружающее общество — орудие личных целей, которыми заслоняются чужие стремления, печали, интересы, — вот девиз подавляющего большинства. Когда личная жизнь связывается из цепи неудач, когда личная жертва встречает тупое равнодушие, поневоле и сам заражаешься этим настроением. Борьба за существование уродует человека, делает его нечутким к чужой жизни и к ее интересам.

Я пишу — и вспоминаю — светлое настроение идеализма, которое охватывало меня и всех товарищей — в партии, на работе. И там выступал временами голый индивидуализм, игра личного честолюбия и тщеславия. Но этого надоедливого, постоянного выдвигания своих эгоистических притязаний на счет окружающих — этого не знала партия, не знал и я...

Я «перевариваюсь» в гуще жизни. Но гуща это — мутная и неприятная... я не хотел бы в ней оставаться...

15.VIII.

Полдня ушло на группу: составлял отчет за истекший месяц. Результаты — плачевные, кассовая наличность — 5 р., на очереди — ряд неуплаченных долгов, поступления — скудные. Незавидно и мое положение: в разное время я забрал 40 р., больше всех остальных товарищей, больше заработанной суммы. В кармане — ни гроша, абонемент обеда — окончился, на мелкие расходы ничего не осталось... Мертвая петля, которая давит порыв к умственной работе.

Неприятное объяснение с учениками август. группы навело меня на грустные размышления. Мы положили массу энергии и времени на организацию дела, на лучшую постановку уроков, не жалели лишних часов, забывали о денежной стороне дела, бились и мучились в интересах учеников. Одно — два случайных опоздания во время экзаменов (правда, не без нашей вины) — и на нас сыплются возмущенные речи, негодования, упреки.

Положение сразу обостряется, ученики смотрят на нас враждебно и вызывающе. Неприятное резкое объяснение — и в душе нарастает смутный тяжелый осадок. Все это укрепляет желание освободиться от досадных хлопот, сложить с себя обузу давящих мелочей, вернуть себе возможность дышать легко и свободно.

Моя мечта — устойчивый определенный заработок, относительно ничтожный, но постоянный. Я согласен на 50 к. в час, не более 80 часов в месяц. Может быть, удастся устроить с Мар. Ал. и Мар. Вас. От М. Ал. я получил письмо, просит найти ей комнату. Я рад ее приезду. Она — хороший и чуткий человек, болезненно чуткий к чужому горю и чужим интересам.

Был у сестер — не застал дома. Заходил к Пузановым, у них — та же тихая семейная атмосфера, согретая взаимной ласкою. Вал. А., кажется, получает место, это поднимет и ее, и мать.

Римскому праву сегодня не посчастливилось — только 1 билет и немного Чиларжа!

16.VIII.

Ни одного билета по римскому праву!... Весь день — групповые уроки, неприятные объяснения, напряженное расходование нервов... Сам того не желая, втягиваешься в резкие личные объяснения с Сем. Дав., горячишься, говоришь колкости... Тяжелое расставание!

Сегодня у меня было приподнятое нервное состояние, граничащее с истерией. Хотелось кричать, шуметь, бить. Когда я возвращался с вечерних уроков, я шатался от утомления. А сколько неисполненной работы: поговорить с Кистеневым об Азархе, найти комнату Мар. Ал., составить проект раскладки, составить расписание, написать о познаниях Вал. Арт.!

Неужели вновь придется откладывать экзамены?

17.VIII.

Опять день, сполна убитый на уроки, на группу, — и ни одного билета по римскому праву. Чиларжа придется бросить — не успею. Начинаю читать Брунс Ленеля — он нужнее для историка. Надо спешить, не поддаваться утомлению, вставать пораньше и регулярно исполнять намеченную программу. Никакого великодушия — по отношению к товарищам в группе, ни одного часа сверх нормы! Только такую цену можно достигнуть цели.

Горизонты проясняются. Сегодня был у Кистеневых, они уже не требуют живущего репетитора, а ищут просто педагога. Настойчиво просили меня взять на себя часть занятий. Я согласился, делю предметы с Азархом, беру историю, географию, З. Б.³ и русскую грамматику — итого 29 часов в месяц, ergo получаю maximum 29 р., minimum 20 р. с лишком. Если прибавить 8—10 уроков в группе и 6 час. Мар. Алекс. (пока — проблематичные), я получу 40—50 р. постоянного месячного заработка. Это — лучшее, что я могу требовать, это обеспечит меня и даст мне свободное время — на уроки уйдет не более 21 часа (3 часа в день).

Ужасно положение Азарха: он содержит в течение 11 лет осиротевшую семью, 46 р. — половина его заработка. Каторжная жизнь! И, кроме того, платит за право учения в Университете, учится на 2 отделениях, сдал много экзаменов. Собственная жизнь кажется светлой, если сравнить ее с жизнью Азарха или Калашникова. С Азархом мы вместе будем преподавать в о[бщест]ве торг[овых] служ[ащих], он записан лектором политической экономии.

Мои финансы окончательно истощились, сегодня не обедал и занял у Берты Фед. 1 р. на мелкие расходы.

18.VIII.

Сегодня я могу вздохнуть облегченно: день не пропал даром. Основательно повторил 5 билетов по римскому праву, прочел отдел у Брунса Ленеля, условился относительно занятий с Ашиновым, составил и отнес Пузановым перечень пройденного Валерией А., нашел Мар. Ал. комнату. Ермилов сообщил (несколько поздно!), что группа возобновила занятия, к сожалению, я не мог нынче дать очередного урока.

75 р. в месяц за подготовку Коли Ашинова показалось Ант. Ник.

Кистен. чересчур «тяжелой» суммой. Она предлагает 50—60 р. Во всяком случае, мне отойдет не менее 20 р.

В группе — масса лиц на приеме, происходит быстрое зачисление новых учеников, благодаря приезду Цюрупы положение несколько облегчается.

А я начинаю бояться за свое горло: оно отказывается мне служить, хрипота, ощущение слабости, связанности. Несколько раз в течение года я терял голос, последние две недели, не обращая внимания, я продолжал интенсивно давать уроки, по 6—8 час. подряд. «Не обращая внимания»... жизнь заставляет не обращать внимания!

Николай окончил экзамены и получает свидетельство за 4 класса гимназии. Желанная цель достигнута дорогой ценой страданий и переутомления, но все же достигнута!

19.VIII.

Сегодня весь день — какое-то странное ощущение слабости, болезненности. Горло, грудь, голова — все не в порядке.

С утра до вечера — групповые уроки, утром целый час отняла посылка телеграммы Марии Алекс., затем — подготовка к уроку истории. Вечером — 1 билет римского права.

Бедный Матвей Александрович пробыл день в атмосфере группы — осунулся и заныл; откладывает экзамен по римскому праву, убеждал меня остаться впоследствии в администрации — ни за что на свете!

Представил Кистеневым Азарха, сегодня — первый урок. Как-то он пройдет?

20.VIII.

Сегодня я повторил еще 5 билетов по римскому праву и прочел немного из Брунс Ленеля. Но самочувствие неважное. Моментами, за книгой, чувствую утомление, совершенно одинаковое с тем, которое ощущал весной, в последние дни подготовки. Но все же пойду на экзамен: закончу третье чтение курса, еще раз повторю слабые места, мысленно проверю себя по программе, хорошенько заучу формулы — и пойду. Если не во всеоружии, то все же с солидной и хорошею подготовкою.

Надо ликвидировать свои административные обязанности в группе, определить свое материальное положение и наметить план зимней работы. Непременное посещение некоторых лекционных курсов и очередная подготовка к экзаменам; занятия политической экономией; по возможности — статистический семинарий. После 27 — день экзамена — отдохну с неделю и начну размеренное и регулярное существование, свободное от мыканья и хлопот.

Какие широкие и прекрасные планы рисовались передо мной прошлой осенью! Какое бодрое, жизнерадостное настроение царило в душе! Пробуждался заглушенный интерес к современности; к социализму, к общественным веяниям и течениям.

Прошел год, тяжелый и темный год моей жизни, принесший напряжение сил, переутомление и застой в научных занятиях. Измученный и усталый, я начинаю новый год — что он сулит мне? Удастся ли занять устойчивое и прочное положение в борьбе за существование, свободно и систематически заниматься?

О, если бы назойливая мысль о завтрашнем дне не разрушала силы, не пожирала время, не убивала в зародыше способности и талант!...

21.VIII.

Еще 5 билетов по римскому праву и немного из Брунс Ленеля. Но работается уже не так легко и свободно, как вначале. Сказывается общее переутомление, появляется временами апатия и вялость, напоминающие состояние последнего года в гимназии. Но теперь я с несомненностью вижу, что пойду на экзамен, пойду — и выдержу.

Настроение в группе неважное. Теперь я прихожу туда гостем. Дорогие товарищи совсем не умеют сколачивать организацию, все разлезается по швам. Принимают за очень дешевую плату, выносят чересчур быстрые — противоположные — решения, кроят группы без определенного плана.

Сегодня я проходил мимо «своей» гимназии и еще раз пережил знакомое чувство — чувство раскаяния за прошлое, когда так твердо и крепко можно было заложить фундамент будущей университетской работы, когда так мало и плохо работалось. Прошлого не воротить... Не раз приходится почувствовать пробелы в своем образовании и пожалеть о бессмысленно растратченном времени. Во многом виновата школа, с ее казенным формализмом и мертвящей дисциплиной; но многое зависит и от нас, учащихся: нередко оппозиционно-скептическое настроение служило оправданием собственного безделья, разъедающего и развращающего.

Я часто вспоминаю покойного Адольфа⁴, которого мы не успели ценить и понимать при жизни. Глубокий и всесторонне образованный, он при всех своих недостатках был светлым явлением в гимназии и мог оказывать на своих учеников сильное, могущественное влияние. Это влияние было безусловно положительным. Я мало занимался с ним, только год, но его разговоры на общие темы, его глубокая, искренняя, продуманная любовь к классическому миру многое изменила во мне. И, беспристрастно оглядывая прошлое, я затрудняюсь ответить: кто был для меня полезнее — Серг. Григ.⁵ или Адольф? Мое нравственное воздержание, начавшееся после окончания гимназии, во многом обязано ему, Андрею Вик., которого всегда я буду помнить с чувством уважения и симпатии.

22. VIII.

Сегодня газеты полны статьями о Тургеневе: исполнилось 25 [лет] его смерти. В «Русск. Ведомостях» помещена хорошая статья о влиянии Тургенева-художника на окружающую жизнь, о его поэзии «молодых порывов», которая формировала героические характеры русской молодежи. Читая статьи, я вновь пережил своеобразное сочетание чувства великого и прекрасного с чувством захватывающей нежной грусти, которое навевают на меня сочинения Тургенева. В V и VI классе гимназии я бредил Тургеневым, зачитывался его рассказами и романами, подражал ему в картинах природы, писал рефераты о его жизни и типах. Тургенев был для меня школой юношеского идеализма и художественного вкуса; около его имени сосредоточилось целое поколение общественных деятелей, развернулась целая полоса русской жизни. Из его сочинений я познакомился с историей русской интеллигенции. Настроение его поэтических произведений рождало в моей душе ответные переживания. Благодаря ему я научился любить и понимать природу... И, вероятно, не я один обязан всем этим Тургеневу.

Позднее, в период моего «нигилизма», Тургенев отступил на задний план. Все, не подходившее под евангелие с[оциал]-д[емокра]тии, казалось ложным, буржуазно-ограниченным. Создавалось совершенно особое отношение к окружающему миру, сквозь призму этого отношения я в состоянии был третиовать Тургенева как «либерала»; общественные увлечения отодвинули художественные интересы, заступили их место.

«Отрицанием отрицания» я пришел к настоящей, правда, недостаточно развитой и оформленной, точке зрения: художественная литература — самодовлеющая сила, которая играет не служебную, а самостоятельную роль в общем потоке жизни; человеческие стремления и запросы не укладываются в прокрустово ложе общественно-политических взглядов.

Сохраняя к Тургеневу чувство любви и привязанности, я подхожу к нему с объективной точки зрения и проникаюсь его значением как художника и человека своего времени. Это приводит меня к стремлению подробнее изучить историю русской литературы, войти в атмосферу минувшего, еще раз перечить наших классиков.

А пока, пока на очереди — римское право. Сегодня я прошел 3 билета. Самочувствие неважное.

23. VIII.

Еще 4 билета по римскому праву; осталось 2 билета — и курс закончен. Сегодня работалось особенно плохо: слабость, апатия... Вечером, после 3 уроков в группе — тяжелая голова. Число учеников группы быстро растет, но в самой группе — хаос и беспорядок...

24.VIII.

Сегодняшний день почти сполна ушел на группу: утром — уроки, затем составление отчета, вечером — собрание. На собрании со мной опять случился нервный припадок.

Был у Пузановых, Степановых, Кистеневых. Володя оживлен первыми гимназическими впечатлениями, с увлечением составляет план квартиры, рассказывает об уроках истории, географии, природоведения. Гимназия делает все, чтобы убить этот живой интерес: первый урок природоведения задают без всяких объяснений, заставляют «учить» отвлеченные понятия, которые совершенно им непонятны; опутывают малышей сетью мелочных предписаний, всюду чувствуется угроза дисциплинарного взыскания.

На днях я встретил Сашу Гурвич, рассказывает то же самое: режим сделался еще более гнетущим, даже и в их «либеральной» гимназии; между инспекцией и внешней полицией заключен самый тесный союз, гимназистам все время грозят увольнением.

Сегодня помещено «разъяснение» Министерства нар[одного] просв[ещения] о запрещении групповых занятий студентам Университета в Пет[ербурге].

Над нашей головой собирается гроза.

Коля Ашинов весь погружен в занятия; уроки идут интенсивно.

До 3 ч. ночи составлял расписание группы, по римскому праву — ничего!

25.VIII.

Сегодня закончил третье чтение курса по истории римского права. Остается день для последнего повторения. Вероятно, успею закончить и Брунс Ленеля.

Был на уроке в группе Ермилова. Беседовали по вопросам истории и географии. Ответы — продуманные и верные. Целый ряд вопросов, в которых чувствуется глубокий захватывающий интерес к предмету; ответы даются в неуклюжей форме, но правильно. Атмосфера урока оживленная, интересная.

Лучшая похвала — от ученицы Жаровой. Когда урок окончился и Ермилов вошел в комнату, Жарова обратилась к нему: «Эх, Владимир Евг-рафович, вот хорошо-то! Прямо не ушла бы отсюда». Владимир Евг-рафович глубокомысленно ответил: «А что? Тепло?» — подбежал к печке и пощупал ее руками...

По-видимому, учеников приподняло самостоятельное участие в работе, проявление своей энергии, выражение своего знания. А я... я был полон гнетущих впечатлений от группы, от личной жизни, от общения с «товарищами» — преподавателями; казался оживленным, «подтягивался», но чувства внутреннего одушевления во мне не было. Слова Жаровой поразили меня.

26.VIII.

Завтра экзамен по римскому праву. Сегодня с 6 часов вечера (утро ушло на подготовку к урокам, день — на групповые уроки) повторяю курс, мысленно отвечаю на вопросы программы; прошел только 13 бил[етов], еще — 32! а впереди — *leges* и *actiones*. Экзамен — в 3 часа, следовательно, в моем распоряжении еще 6 часов. Самое существенное успею повторить. Была не была, надо держать во что бы то ни стало. Хотя некоторые места курса хромают и в твердости всех отделов я не уверен, но в общем не трушу: все же знания основательные, фундамент заложен глубоко.

Исход завтрашнего экзамена будет переломом в моем настроении: или восстановление сил, или окончательное крушение их!

27.VIII.

Желанная цель достигнута — сегодня я выдержал экзамен по истории римского права! 3 месяца напряженного изучения учебника, между делом, волнения и страхи — разрешились в каких-нибудь 10 минут. «Весьма удовлетворительно» — какую жалкою кажется эта отметка сравнительно с суммой затраченной энергии и пережитых ощущений. Эта отметка выстрадана мною.

Весь вчерашний вечер и весь день до экзамена я повторял курс, без труда отвечая на все пункты программы. В общем господствовала уверенность в своих силах, но, идя на экзамен, я страшно волновался. Болела голова, какое-то странное горячее состояние. У дверей аудитории — толпа студентов, взволнованных и приподнятых. Сыплются вопросы и ответы — я начинаю с ужасом сознавать, что прекрасно усвоенные понятия вылетают из головы. Моя фамилия — вынимаю билет: дарения! Не повторял, но в общем вспомнил все содержание билета. Отвечал слишком быстро и недостаточно точно, но без запинок: два — три вопроса по гражданскому праву — и экзамен окончен.

Сравнительно с ответами других учеников, мой ответ был блестящим. Знание и особенно понимание предмета у большинства — самые низкие; незнакомы с самыми элементарными понятиями и — о ужас! — за спиной профессоров считают за учебника. Университет превращают в гимназию, профанируют звание студента.

Исход экзамена не обрадовал меня — я вышел из Университета усталым и разбитым, еще говорил и испытывал какое-то тоскливое ощущение — все следствие переутомления. Добрел домой, лег на постель и почувствовал всю тяжесть пережитого года...

Теперь руки развязаны. Отдохнуть, подлечиться и начать регулярную подготовку к рождественским экзаменам.

По дороге из Университета встретил Лину⁶: она — без денег, без квартиры. Говорит о самоубийстве. Завтра вечером придет поделиться своими печальями и занять у меня бодрости, — ее нет у меня, дорогая!

Сегодня я еще раз очевидно и ясно осознал, что при наличии более нормальных условий я мог бы достигнуть многого. Погоня за хлебом гнетет и убивает во мне живые силы и запросы...

28.VIII.

Сегодняшний день проведен производительно. С 10 до 3 ч. провел в Румянцевской читальне, начал основательное изучение русской истории как основания для изучения истории русского права; [...] историю буду проходить в соответствии с уроками русской истории в группе. «Принятие христианства» прошел по Сиповскому, Довнар-Запольскому, Платонову, Рожкову, Милокову, Ключевскому. 5 часов пролетели незаметно. Чувствую себя сильным и бодрым.

Днем приходила Лина и делилась со мной горестями своей печальной жизни.

Вечером вновь впечатление беспорядочности и хаоса в группе.

Сегодня 80-летний юбилей Толстого. Для меня он прошел незамеченным. Утром не было денег на покупку газеты, и сразу создавалась оторванность от окружающей жизни.

29.VIII.

Сегодня почти весь день — вне дома: несколько часов в группе и три часа — за городом, в Сокольниках. Вечером был у Кистеневых, говорил об условиях урока.

30.VIII.

Сегодня утром был у Изензе, окончательно сговорился с ними относительно занятий с Колей, их сыном. Я и Азарх будем давать Ашинову и ему 3 часа ежедневно (60—30 р.). Остальное время в группе.

Вечером читал андреевский «Рассказ о семи повешенных»⁷ и был на первом спектакле в театре Зимина (обновленная постановка «Бориса Годунова»).

31.VIII.

Постановка «Бориса Годунова» произвела на меня вчера громадное впечатление: впервые я видел такой спектакль на оперной сцене. Передо мной разворачивалась глубокая историческая трагедия, в которой выступали живые личности и живая волнующаяся толпа. Со сцены веяло настоящей жизнью — так захватывающая была игра отдельных артистов, так исторически верна была внешняя обстановка, так вдумчиво и художественно воспроизведены типы и положения. Музыка — широкая, национальная,

хватаящая за сердце; Русь, с ее широкою равниной, с ее страдающим народом, который как бы символизирован в юродивом; запутанный клубок общественных отношений, в котором тонут личные страсти, который выдвигает на сцену массу, народ.

В постановке ничего общего с Художественным театром, но есть совершенно оригинальные самостоятельные места.

Рассказ Андреева не произвел на меня потрясающего впечатления, которого я ожидал. Или я не могу в данный момент реагировать на данные впечатления?...

Сегодня весь день — группа: уроки, собрания. По-прежнему — безалаберщина. Наше положение — на волоске; приходили запросы из полиции.

1.IX.

День почти сполна ушел на уроки: утром — четыре часа в группе, днем — 1½ часа в Рум[янцевской] читальне (подготовка к уроку географии), вечером — уроки в группе Ермилова.

Сегодняшний рассказ по географии был намечен в самых общих чертах, он вылился у меня в форме свободной и легкой импровизации. Я замечаю, что способность свободного и связного изложения мыслей развивается у меня все больше. Утром очень удался урок по истории в утр[енней] майск[ой] группе (отдел римской культуры): широкой и глубокой постановкой вопросов удалось заинтересовать и увлечь учеников.

2.IX.

Утром приходила Лиза и делилась своими тяжелыми впечатлениями: у нее и у Лины до сих пор нет приюта. Лина требует слишком многого; неудачи окончательно подламывают ее; вчера вышла на бульвар и разрыдалась.

Сегодня первая лекция в Университете: Кокошкин сделал введение в курс госуд[арственного] права. Содержательное, логичное, стройное изложение, в котором бьется пульс современности, которое разворачивает широкие перспективы. Появление Кокошкина было встречено громом аплодисментов и... наивной речью одного из слушателей (вероятно, к[адет]), который несколько раз повторил вопрос: «Что нам делать, если вы будете вынуждены уйти?»...

Настроение студенчества не в пользу забастовки, хотя о прекращении занятий начитают говорить с кафедры «добровольцы».

После Университета я дал первый урок Коле Ашинову и Изензе. 3 часа прошли быстро; но общее впечатление от урока неважное: я слишком нервничал, торопился и комкал. Коля Ашинов разыгрывает из себя «большого» и «возражает».

Вечером — группа.

3.IX.

Сегодня я начал «пропедевтические занятия» по истории философии права чтением «Психологии» Челпанова. Новые понятия увлекают и втягивают в изучение предмета: я прочел, и основательно, четверть книги.

После утреннего дежурства в группе провел 5 часов в Рум[янцевской] чит[альне], к сожалению, фактическое изучение русской истории отнимает слишком много времени, приходится долго останавливаться на Сиповском и Довнар-Запольском.

Начал «Исповедь» Горького.

4.IX.

Утро прошло в Университете в бесплодном ожидании доступа в канцелярию.

Первая лекция Муромцева по системе римского права собрала полную аудиторию. Его появление вызвало восторженные овации, горячие аплодисменты. Самая лекция была блестящим и стройным развитием одной основной идеи Иеринга: «через римское право вон из римского права». Муромцев не только ученый, он — артист, умеющий свое горячее чувство передать аудитории. Он живет на кафедре, сухие фрагменты Дигест в его руках превращаются в одушевленные скрижали жизни; в его своеобразной повадке блестящего образованного аристократа сказывается французское влия-

ние. Его лекция, оставаясь содержательно специально-научной, превращается в дружескую беседу со слушателями. Его нельзя слушать без интереса, глубокое и тонкое проникновение в предмет невольно вызывает восхищение. Мысль непрерывно работает, переживая вместе с лектором процесс его творчества.

Два часа, проведенные в аудитории, доставляют умственное наслаждение. Выходишь из Университета освеженным, перерожденным.

Вечером — два групповых урока. После урока истории одна из учениц обратилась ко мне со словами: «Спасибо!». За что?..

5.IX.

Утром получил от Ермилова приглашение — заниматься один вечер в неделю по 3 часа (итого 9 р.). Если группа не будет закрыта, я обеспечен на предстоящую зиму.

Второй урок с Ашиновым прошел свободнее и продуктивнее. Завтра начинаю систематический курс.

Вторая лекция Муромцева была еще блестящее первой, но аудитория значительно поредела: все же лекции предполагают специальное знакомство с римским правом.

Помимо групповых уроков, я ничего больше не сделал нынче. Начал читать Брунс Ленеля, но пришел Азарх, и мы с ним все время проболтали о перспективах будущего. Он пессимистически смотрит на политическое status quo не только в России, но и в Европе вообще: в нем говорит угнетенный еврей, которому закрыты свободные дороги жизни...

6.IX.

Уроком с Колей Ашиновым я не очень доволен, в моих объяснениях не чувствуется подъема, живого и чуткого отношения к предмету: какая-то сила связывает, сковывает меня, мой рассказ выходит сухим и отвлеченным.

Был в Университете на лекции Кокошкина: оказывается, он повторяет курс прошлого года; при этих условиях предпочтительнее слушать «Торговое право» Шершеневича.

Сегодня я прочел «Последние» Горького — трудно себе представить более слабое произведение: неестественность, ходульность, мелодраматичность, полное отсутствие художественности, таланта; «Исповедь», по крайней мере, в первой половине, обвеяна мощною силою творчества, напоминает прежнего Горького: те же искания, тот же страстный неудовлетворенный порыв «черноземной силы», ищущей выхода. Но «Последние»... какая-то лубочная литература.

Прочел немного из Челпанова, и в 10 ч. — утомленная голова склонилась на подушку. Спать!..

7.IX.

Я с грустью замечаю, что групповые уроки (за исключением некоторых) превращаются для меня в отправление обязанностей, далекое от самостоятельного педагогического творчества. В этом сказывается мое утомление... и, может быть, однообразие скучного повторения одного и того же материала. Мешает также чувство связанности, которое вновь появилось в горле...

Был у Николая — сговорился с ним об уроках. Вечер ушел на чтение Ковалевского — его учебник русск[ой] истории очень напоминает Виппера и обладает такими же достоинствами — и Ключевского (Курс истории). Ключевский — плохой методолог, его «Введение» — напыщенно, водянисто, чрезвычайно запутанно и очень скудно по содержанию.

8.IX.

Я недоволен сегодняшним уроком с Колей Ашиновым: не знаю, почему, уроки проходят без оживления и подъема; разговор в соседней комнате, боль в горле, позевывание Коли, его «небрежное» отношение к предмету, — все это создает обстановку, неблагоприятную для занятий. Я «подтягиваюсь», но в рассказе не чувствуется интереса и увлечения...

Вечером прочел (не изучил, а только прочел) 35 страниц из Челпанова и немного из Ключевского.

9.IX.

7 урочных часов... В промежутках я с наслаждением читал курс Ключевского: у него удивительно развит дар изобразительности. Изложение — просто, но образно; художественный образ вырастает из немногих слов, передающих точно и ярко самую сущность понятия. Форма вполне соответствует глубокому проникновению в рассматриваемое явление.

10.IX.

Сегодня — светлый, бодрый, жизнерадостный день. Я рано поднялся — за газету. Целый ряд светлых впечатлений: на выборах университетского ректора Мануилов произнес программную боевую речь — прямой и сильный вызов Шварцу; он был единодушно поддержан всем советом. Корреспонденция из Турции передает впечатления от медовых дней свободы. Персидский шах вступил в мирные переговоры с революционным Тавризом. Эти известия как-то заслонили для меня и петербургскую холеру, и ланкаширский локаут, явление, безусловно, более важное... Или душа ищет света, не хочет горя?...

По пути в Рум[янцевскую] читальню я переживал «одушевленное» настроение: какая-то бодрая, чистая и глубокая волна заливает грудь, сердце взволнованно бьется, хочется лететь, стремиться действовать. В душе нет тяжести — она легка и раскрыта навстречу жизни; в ней царит чувство свободы и радости. Я редко переживаю это состояние... Я вспомнил Лео (Шпильгаген): «Моя душа рвется, я готов перевернуть сейчас горы».

Мои занятия в Р[умянцевской] чит[альне] были продуктивны, я не заметил, как пролетело 5 часов. Изучение русской истории положительно увлекает меня.

Вечером был урок в группе: сделал ориентирующее введение в эпоху Возрождения. Я излагал последовательно и связно, но... скоро почувствовал утомление (горло, горло!), оно передалось ученикам, и конец лекции вышел скомканным.

После урока — «Франческа да Римини» с Комиссаржевской.

11.IX.

«Франческа» не произвела на меня особенно сильного впечатления. Я не читал пьесы д'Аннунцио, но образ Франчески по Данте рисовал себе иным: более жизнерадостною, более наивною. Франческа — светлая и чистая женщина-ребенок, натура цельная и непосредственная, вся охваченная любовью — нежною и тонкою. Франческа — Комиссаржевская вся обвеена страданием; ее душа — надтреснута; она — мученица, и чувство любви к Паоло не вытесняет ее внутренних скорбных переживаний. Резкие переходы от громких восклицаний к тихому, еле слышному шопоту кажутся мне искусственными. При всей тщательности декоративной обстановки и удовлетворительной игры артистов пьеса не создает общего настроения.

Сегодня утром я долго сидел за Ключевским; днем — лекция Муромцева.

12.IX.

Сегодня — ряд интересных лекций в Университете. Первый раз слышал по торговому праву Шершеневича, как всегда, излагающего удивительно ясно и точно. На первую лекцию П. Г. Виноградова собрался весь философский факультет и масса юристов. Виноградов вошел в сопровождении всего состава профессоров и был встречен продолжительными аплодисментами. Но лекция его многих разочаровала: самоуверенный холодный тон, сухое узкое изложение. Но в нем чувствуется солидный основательный ученый, а в некоторых определениях он — тонкий диалектик.

На лекции Муромцева я был менее внимателен, чем обыкновенно. Вечером — Ключевский.

13.IX.

Первая лекция Муромцева по основам гражд[анского] права была очень содержательна и интересна. Вероятно, придется ограничиться этим курсом и перестать слушать лекции по системе: нет времени.

Урок в гр[уппе] Ермилова прошел менее оживленно и хорошо, чем обыкновенно.

25. II.

Я болен, не выхожу, свободен от групповых уроков. Времени необыкновенно много. К сожалению, дома трудно сосредоточиться: разговоры с сестрой, измученной и расстроенной болезнью, неудачами и личной драмой; незваные гости, П. и Гр.; мелкие хлопоты — об обеде, о чае... День прошел малопродуктивно: прочел 20 стр. из «Теории вероятности» и 20 из «Лекций международного права». Чувствую себя спокойнее; но нет той уединенности, той свободы от сереньких впечатлений обыденщины, которая так дорога в научных занятиях.

Год проходит. Несмотря на массу уроков, я чувствую себя более удовлетворенным, чем раньше.

Медленно, постепенно, но все-таки я двигаюсь вперед. И знаю — время не пропало даром, в моем сознании отложился ряд идей и целая система фактов. Я чувствую себя духовно сильнее и жизненно опытнее. А это — большое приобретение. Правда, мои программы и проекты — по-прежнему остались неосуществленными; по-прежнему, приспосабливаясь к жизни, я уходил от Университета, ограничиваясь «учебниками», кипел в котле материальных забот, переутомлялся и нервничал. И все же этот год прошел плодотворнее прежних.

Болезнь сестры, ее безденежье, безволие, утрата веры в свои силы — моя первая и главная печаль. Тоскливы и гнетущи мои мысли о ней, ее настоящем и будущем; я не могу найти ей выхода, она сама неспособна на это.

Болезнь и унижительное положение отца, под ярмом тяжелого труда у благодетеля-дяди — моя вторая скорбная забота. Вдали от нас, детей, в однообразной обстановке тоскливых будней он ждет моей помощи, ждет покоя и отдыха. Я «должен» спешить кончать Университет и кормить родных.

Постоянная маета групповой подготовки, постоянная и часто бессмысленная спешка, неприятные столкновения с товарищами, практицизм и эгоизм некоторых преподавателей, — во всем этом мало светлого. Несешь на себе ответственность за все учреждение, а разделяешь ее почти один; ты — маленькое колесико в механизме, и от тебя не зависит его порча; но беспорядок чувствуется тем сильнее и глубже.

Пусть так. И все же на темном фоне моей жизни (которая сливается с безрадостной полосой безвременья) есть светлые пятна, мои маленькие умственные и нравственные завоевания, которые я сделал «между работой», в перерывах уроков. Я привыкаю быть скромным в своих требованиях, и это помогает мне не жаловаться и «малым быть довольным». Это — «утешительно», хотя уж слишком «просто».

27. II.

Вчера мое самочувствие было неважно: кашель, насморк, голова. Так много времени — и так мало работалось! Приход Доброгурского, разговоры с сестрой — все отвлекало. Сегодня чувствую себя бодрее, лучше; возвращается энергия, желание работать. А вечером, когда Лина, возбужденная и веселая, вернулась с первой прогулки (после 4-недельного заключения!) и заполнила комнату восклицаниями и смехом, на меня повеяло жизнью... И захотелось любить и работать! В душе проснулось глубокое и чуткое отношение к миру, что-то острое и хорошее пробежало в сознании. Бывают моменты, когда радостно и любовно подходишь к людям и к жизни, — хорошие светлые моменты, если бы они не проходили!

Сегодня я «втягивался» в теорию вероятностей и, вспоминая гимназические годы, испещрял тетрадь алгебраическими вычислениями. Вначале дается туго, иду вперед по-черепашьи, но все-таки иду!... Прочел 20 стр. по международному праву; и этот предмет начинает казаться мне интересным, хотя не увлекательным.

Продолжаю читать «Дон Кихота». Вначале меня восхищал и трогал непосредственный чистый идеализм благородного «кидальго»; теперь роман

заинтересовывает и увлекает меня яркостью бытовых картин, типов и положений, красотой образов (Карденио, Доротеа, Альменго) и жизненностью разговоров. Чувствуется веяние юга, степей Ламанчи, прибрежных городов Испании.

И невольно мечтается о путешествии туда, на юг!... Вчера я прочитал проект образовательных экскурсий (как дешево и хорошо!), и теперь каждая мелочь возбуждает мое воображение. Разговор с Клавдией Мартыновой об итальянском Нерви, Конст. Степ. — о его кубинской экскурсии, собственные воспоминания — поднимают и окрыляют. И хочется лететь и впитывать в себя яркие и сочные впечатления жизни.

Да, все это — мечты! «Мечты» — и «суровая действительность», — обычная старая надоевшая песня.

На тему о «суровой действительности» я писал сегодня письмо Николаю. Писал искренно то, что сам за эти 3 года выстрадал и сознал. Мы идем с ним одной дорогой, оба останавливаемся, оба боремся и оба чувствуем слабость своих сил перед стихийною силою обстоятельств.

Странное дело: начиная с мажорного тона, я неизбежно кончаю минорным. И самые светлые впечатления не могут изгладить во мне давящего тяжелого чувства. Во мне уже есть трещина, нет цельности. Сойдется эта трещина или расщеплется еще сильнее и глубже?...

28.II.

Общее самочувствие — хуже. Опять незваные посетители, Аф. Гр. К., Добр. Работал мало, все время отрывали. Кончил II том Курса Ключевского, ни «теории вероятностей», ни «международного права» не трогал. 1^{1/2} часа позанялся с Изензе и с Ашиновым. Вечером читал Серватнеса.

Вечером меня вызывал по телефону Ник. Вас. «Давно не был, соскучились; Сытовы зовут на *jour fixe*». Меня очень тронуло его внимание ко мне, особенно когда он пожелал навестить меня. У Сытовых — *jour fixe*. Я вспомнил Шуру и мое последнее печальное посещение их дома...

Примечания

1. *Diageum* — дневник (лат.).
2. Разъяснение Н. М. Дружинина: «Владимир Евграфович Ермилов — прогрессивно настроенный учитель. Он создал группу для подготовки к экзаменам на аттестат зрелости всех желающих и пригласил нескольких преподавателей. Собрались учащиеся — преимущественно из рабочих, не имевших никаких аттестатов. Экзамены на аттестат зрелости им предстояло держать в учебном округе, после чего они могли поступить в университет. Однако Ермилов не обладал организационными способностями, и его группа быстро распалась. В те годы создавалось много подобных групп.
3. Закон божий.
4. Адольф А. В. — директор 5-й Московской мужской гимназии.
5. Смирнов С. Г. — любимый преподаватель литературы в гимназии. См. Воспоминания о 5-й Московской гимназии.
6. Старшая (на 12 лет) сестра Н. М. Дружинина Алевтина.
7. Рассказ Л. Н. Андреева.

(Продолжение следует)

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том пятый. Вооруженные силы Юга России

Глава XXXVIII. Эвакуация Новороссийска

Ко времени отхода фронта за Кубань вопрос о дальнейших перспективах армии приобретал чрезвычайно серьезное значение. В соответствии с решением моим — в случае неудачи на линии р. Кубани отводить войска в Крым, принят был ряд мер: усиленно снабжалась новая главная база в Феодосии; с января было приступлено к организации продовольственных баз на черноморском побережье, в том числе плавучих — для портов, к которым могли бы отходить войска; спешно заканчивалась разгрузка Новороссийска от беженского элемента, больных и раненых, путем эвакуации их за границу.

По условиям тоннажа и морального состояния войск, одновременная, плановая эвакуация их при посредстве Новороссийского порта была немислима: не было надежд на возможность погрузки всех людей, не говоря уже об артиллерии, обозе, лошадях и запасах, которые предстояло бросить. Поэтому, для сохранения боеспособности войск, их организации и материальной части, я наметил и другой путь — через Тамань.

Еще в директиве от 4 марта при отходе за реку Кубань на Добровольческий корпус возложено было, помимо обороны низовьев ее, прикрытие частью сил Таманского полуострова у Темрюка. Рекогносцировка пути между Анапой и станцией Таманской дала вполне благоприятные результаты: полуостров, замкнутый водными преградами, представлял большие удобства для обороны; весь путь туда находился под прикрытием судовой артиллерии, ширина Керчского пролива очень незначительна, а транспортная флотилия Керченского порта достаточно мощна и могла быть легко усилена. Я приказал стягивать спешно транспортные средства в Керчь. Вместе с тем, велено было подготовить верховых лошадей для оперативной части Ставки, с которой я предполагал перейти в Анапу и следовать затем с войсками береговой дорогой на Тамань.

5 марта я посвятил в свои предположения прибывшего в Ставку ген. Сидорина, который отнесся к ним с сомнением. По его докладу донские части утратили боеспособность и послушание и вряд ли согласятся идти в Крым. Но в Георгие-Афибской, где расположился донской штаб, состоялся ряд совещаний, и донская фракция Верховного Круга, как я уже упоминал, признала недействительным постановление о разрыве с главнокомандующим; а совещание донских командиров в конце концов присоединилось к решению вести войска на Тамань.

Хотя переход на Тамань предполагался лишь в будущем, а директива Ставки

Окончание. См. «Вопросы истории», 1990, №№ 3—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—9, 11—12; 1993, №№ 2, 4—12; 1994, №№ 1—12; 1995, №№ 1—4, 7—8.

требовала пока удержания линии р. Кубани, 4-й донской корпус, стоявший за рекой выше Екатеринодара, тотчас же спешно снялся и стал уходить на запад.

7 марта я отдал последнюю свою директиву на Кавказском театре: Кубанской армии, бросившей уже рубеж р. Белой, удерживаться на р. Курге; Донской армии и Добровольческому корпусу оборонять линию р. Кубани от устья Курги до Ахтанизовского лимана; Добровольческому корпусу теперь же частью сил, обойдя кружным путем, занять Таманский полуостров и прикрыть от красных северную дорогу от Темрюка¹.

Ни одна из армий директивы не выполнила.

Кубанские войска совершенно дезорганизованные, находились в полном отступлении, пробиваясь горными дорогами на Туапсе. С ними терялась связь не только оперативная, но и политическая: Кубанская Рада и атаман, на основании последнего постановления Верховного Круга, помимо старших военных начальников, которые оставались лояльными в отношении главнокомандующего, побуждали войска к разрыву со Ставкой. Большевики ничтожными силами легко форсировали Кубань и, почти не встречая сопротивления, вышли на левый берег ее у Екатеринодара, разрезав фронт Донской армии. Оторвавшийся от нее к востоку корпус ген. Старикова пошел на соединение с кубанцами. Два других донских корпуса, почти не задерживаясь, нестройными толпами двинулись по направлению Новороссийска. Многие казаки бросали оружие или целыми полками переходили к зеленым; все перепуталось, смешалось, потеряна была всякая связь штабов с войсками, и поезд командующего Донской армии, бессильного уже управлять войсками, ежедневно подвергаясь опасности захвата в плен, медленно пробивался на запад через море людей, коней и повозок. То недоверие и то враждебное чувство, которое в силу предшествовавших событий легло между Добровольцами и казаками, теперь вспыхнуло с особенной силой. Двигающаяся казачья лавина, грозящая затопить весь тыл Добровольческого корпуса и отрезать его от Новороссийска, вызывала в его рядах большое волнение. Иногда оно прорывалось в формах весьма резких. Помню, как начальник штаба Добровольческого корпуса, генерал Доставалов во время одного из совещаний в поезде Ставки заявил:

— Единственные войска, желающие и способные продолжать борьбу — это Добровольческий корпус. Поэтому ему необходимо предоставить все потребные транспортные средства, не считаясь ни с чьими претензиями и не останавливаясь в случае надобности перед применением оружия.

Я резко остановил говорившего.

Движение на Тамань с перспективой новых боев на тесном пространстве полуострова, совместно с колеблющейся казачьей массой смущало Добровольцев. Новороссийский порт влек к себе неудержимо и побороть это стремление оказалось невозможным. Корпус ослабил сильно свой левый фланг, обратив главное внимание на Крымский — Тоннельную, в направлении жел.-дор. линии на Новороссийск.

10 марта зеленые подняли восстание в Анапе и Гостогаевской станице и захватили эти пункты. Действия нашей конницы против зеленых были нерешительны и безрезультатны. В тот же день большевики, отбросив слабую часть, прикрывавшую Варениковскую переправу, перешли через Кубань. Днем конные части их появились у Гостогаевской, а с вечера от переправы в направлении на Анапу двигались уже колонны неприятельской пехоты. Повторенное 11 числа наступление конницы генералов Барбовича, Чеснокова и Дьякова на Гостогаевскую и Анапу было еще менее энергично и успеха не имело.

Пути на Тамань были отрезаны. И 11 марта Добровольческий корпус, два Донских и присоединившаяся к ним кубанская дивизия, без директивы, под легким напором противника, сосредоточились в районе ст. Крымской, направляясь всей своей сплошной массой на Новороссийск.

Катастрофа становилась неизбежной и неотвратимой.

Новороссийск тех дней, в значительной мере уже разгруженный от беженского элемента, представлял из себя военный лагерь и тыловой вертеп. Улицы его буквально запружены были молодыми и здоровыми воинами — дезертирами. Они бесчинствовали, устраивали митинги, напоминавшие первые месяцы революции — с таким же элементарным пониманием событий, с такой же демагогией и истерией. Только состав митингующих был иной: вместо товарищей солдат были офицеры. Прикрываясь высокими побуждениями, они приступили к организации «военных

обществ», скрытой целью которых был захват, в случае надобности, судов... И в то же время официальный «эвакуационный бюллетень» с удовлетворением констатировал: «привлеченные к погрузке артиллерийских грузов офицеры, с правом потом по погрузке самим ехать на пароходах, проявляют полное напряжение и, вместо установленной погрузочной нормы 100 пудов, грузят в двойном и более размерах, сознавая важность своей работы».

Первое время, ввиду отсутствия в Новороссийске надежного гарнизона, было трудно. Я вызвал в город Добровольческие офицерские части и отдал приказ о закрытии всех, возникших на почве разлада, военных «обществ», об установлении полевых судов для руководителей их и дезертиров и о регистрации военнообязанных. «Те, кто избегают учета, пусть помнят, что в случае эвакуации Новороссийска будут брошены на произвол судьбы...» Эти меры, в связи с ограниченным числом судов на Новороссийском рейде, разрядили несколько атмосферы.

А в городе царил тиф, косила смерть. 10-го я проводил в могилу начальника Марковской дивизии, храбрейшего офицера, полковника Блейша.

Второй «старый» марковец уходил за последние недели... Недавно, в Батайске, среди вереницы отступающих обозов я встретил затертую в их массе повозку, везущую гроб с телом умершего от сыпного тифа генерала Тимановского. Железный «Степаныч», сподвижник и друг ген. Маркова, человек необыкновенного, холодного мужества, столько раз водивший полки к победе, презиравший смерть и сраженный ею так не во время...

Или во время?

Убогая повозка с дорогою кладью, покрытая рваным брезентом — точно безмолвный и бесстрастный символ.

Оглушенная поражением и плохо разбиравшаяся в сложных причинах его офицерская среда волновалась и громко называла в и н о в н и к а. Он был уже назван давно — человек долга и безупречной моральной честности, на которого армейские и некоторые общественные круги — одни по неведению, другие по тактическим соображениям — свалили главную тяжесть о б щ и х п р е г р е ш е н и й.

Начальник штаба главнокомандующего, генерал И. П. Романовский.

В начале марта ко мне пришел протопресвитер о. Георгий Шавельский и убеждал меня освободить Ивана Павловича от должности, уверяя, что в силу создавшихся настроений в офицерстве возможно убийство его. Об этом эпизоде о. Георгий писал мне впоследствии:

«Чтобы Ив. Павл. не заподозрил меня в какой-нибудь интриге против него, я, прежде чем беседовать с Вами, побывал у него и, скрепя сердце, нарисовал ему полную картину поднявшейся против него злобы.

Иван Павлович слушал спокойно, как будто бесстрастно и только спросил меня: «Скажите, в чем меня обвиняют?»

«Для клеветы нет границ, — ответил я, — во всем. Говорят, например, что Вы на днях отправили за границу целый пароход табаку, и дальше в этом и другом роде».

Ив. Павл. опустил голову на руки и замолк.

Действительно, чего только не валили на его бедную голову: его считали хищником, когда я знаю, что в Екатеринодаре и Таганроге, для изыскания жизненных средств, он должен был продавать свои старые, вывезенные из Петрограда вещи; его объявили жидо-масоном, когда он всегда был вернейшим сыном Православной Церкви; его обвиняли в себялюбии и высокомерии, когда он ради пользы дела старался совсем затушевать свое я, и т. д.

Я умолял теперь Ив. Павл. уйти на время от дел, пока отрезвеют умы и смолкнет злоба.

Он ответил мне, что это его самое большое желание...

Вы знаете — писал дальше о. Георгий, — как одиозно было тогда в армии имя Ив. Павл.; может быть, слышите, что память его не перестает поноситься и доселе. Необходимо рассеять гнусную клевету и соединенную с нею ненависть, преследовавшие этого чистого человека при его жизни, не оставившие его и после смерти. Я готов был бы, как его духовник, которому он верил и которому он открывал свою душу, свидетельствовать перед миром, что душа эта была детски чиста, что он укреплялся в подвиге, который он нес, верою в Бога, что он самоотверженно любил Родину, служил ей только из горячий, беспредельной любви к ней, что, не ища

своего, забывал о себе; что он живо чувствовал людское горе и страдание и всегда устремлялся навстречу ему».

Тяжко мне было говорить с Иваном Павловичем об этих вопросах. Решили с ним, что потерпеть уж осталось недолго: после переезда в Крым — он оставит свой пост.

Несколько раз ген. Хольман обращался ко мне и к ген.-квартирмейстеру Махрову с убедительной просьбой переместить поезд или уговорить ген. Романовского перейти на английский корабль, так как «его решили убить Добровольцы». Это намерение, по-видимому, близко было к осуществлению: 12 марта явилось в мой поезд лицо близкое к Корниловской дивизии и заявило, что группа корниловцев собирается сегодня убить ген. Романовского; пришел и ген. Хольман. В присутствии Ивана Павловича он взволнованно просил меня вновь «приказать» начальнику штаба перейти на английский корабль.

— Этого я не сделаю — сказал Иван Павлович. — Если же дело обстоит так, прошу ваше превосходительство освободить меня от должности. Я возьму ружье и пойду Добровольцем в Корниловский полк; пускай делают со мной, что хотят.

Я просил его перейти хотя бы в мой вагон. Он отказался.

Слепые, жестокие люди, за что?

Отношения англичан по-прежнему были двойственны. В то время, как дипломатическая миссия ген. Киза изобретала новые формы управления для Юга, начальник военной миссии, ген. Хольман, вкладывал все свои силы и душу в дело помощи нам. Он лично принимал участие с английскими техническими частями в боях на Донецком фронте; со всей энергией добивался усиления и упорядочения материальной помощи; содействовал организации Феодосийской базы — непосредственно и влияя на французов. Ген. Хольман силой британского авторитета поддерживал Южную власть в распрее ее с казачеством и делал попытки влиять на поднятие казачьего настроения. Он отождествлял наши интересы со своими, горячо принимал к сердцу наши беды и работал, не теряя надежды и энергии до последнего дня, представляя резкий контраст со многими русскими деятелями, потерявшими уже сердце.

Трогательное внимание проявлял он и в личных отношениях ко мне и начальнику штаба. Атмосфера «заговоров» и «покушений», охватившая в последние дни Новороссийск, не давала Хольману покоя. С нами говорить об этом было бесполезно; но не проходило дня, чтобы он не являлся к ген.-квартирмейстеру с упреками и советами по этому поводу. Совместно с ним он принял тайно некоторые меры предосторожности, а явно демонстрировал внимание к главнокомандующему, представив мне на смотр английский десант и судовые экипажи.

Впрочем, я и до сегодняшнего дня думаю, что в отношении меня лично все эти предосторожности были излишни.

Юг постигло великое бедствие. Положение казалось безнадежным, и конец близок. Сообразно с этим менялась и политика Лондона. Ген. Хольман оставался еще в должности, но неофициально называли уже имя его преемника, ген. Перси. Лондон решил ускорить «ликвидацию». Очевидно, такое поручение было морально неприемлемо для ген. Хольмана, так как в один из ближайших перед эвакуацией дней ко мне явился не он, а ген. Бридж со следующим предложением английского правительства: так как по мнению последнего положение катастрофично и эвакуация в Крым неосуществима, то англичане предлагают мне свое посредничество для заключения перемирия с большевиками.

Я ответил: никогда.

Этот эпизод имел свое продолжение несколько месяцев спустя. В августе 1920 г. в газете «Таймс» опубликована была нота лорда Керзона к Чичерину от 1 апреля. В ней, после соображений о бесцельности дальнейшей борьбы, которая «является серьезной угрозой спокойствию и процветанию России», Керзон заявлял:

«Я употребил все свое влияние на ген. Деникина, чтобы уговорить его бросить борьбу, обещав ему, что, если он поступит так, я употреблю все усилия, чтобы заключить мир между его силами и вашими, обеспечив неприкосновенность всех его соратников, а также населения Крыма. Ген. Деникин в конце концов последовал этому совету и покинул Россию, передав командование ген. Врангелю».

Неизвестно чему было больше удивляться: той лжи, которую допустил Керзон, или той легкости, с которой министерство иностранных дел Англии перешло от

реальной помощи белого Юга к моральной поддержке большевиков, путем официального осуждения белого движения.

В том же «Таймс» я напечатал тотчас опровержение:

«1. Никакого влияния лорд Керзон оказать на меня не мог, так как я с ним ни в каких отношениях не находился.

2. Предложение (британского военного представителя о перемирии) я категорически отвергнул и, хотя с потерей материальной части, перевел армию в Крым, где тотчас же приступил к продолжению борьбы.

3. Нота английского правительства о начатии мирных переговоров с большевиками была, как известно, вручена уже не мне, а моему преемнику по командованию Вооруженными силами Юга России, генералу Врангелю, отрицательный ответ которого был в свое время опубликован в печати.

4. Мой уход с поста главнокомандующего был вызван сложными причинами, но никакой связи с политикой лорда Керзона не имел.

Как раньше, так и теперь я считаю неизбежной и необходимой вооруженную борьбу с большевиками до полного их поражения. Иначе не только Россия, но и вся Европа обратится в развалины».

Для характеристики ген. Хольмана могу добавить: он просил меня разъяснить дополнительно в «Таймсе», что «британский военный представитель», предлагавший перемирие с большевиками, был не ген. Хольман.

Я охотно исполнял желания человека, который, «познав истинную природу большевизма», готов был — как доносил он Черчиллю — «скорее стать в ряды армий Юга рядовым Добровольцем, чем вступить в сношения с большевиками...»

Армии катились от Кубани к Новороссийску слишком быстро, а на рейде стояло слишком мало судов...

Пароходы, занятые эвакуацией беженцев и раненых, подолгу простаивали в иностранных портах по карантинным правилам и сильно запаздывали. Ставка и комиссия ген. Вязьмитинова, непосредственно ведавшая эвакуацией, напрягали все усилия к сбору судов, встречая в этом большие препятствия. И Константинополь и Севастополь проявляли необычайную медлительность, под предлогом недостатка угля, неисправности механизмов и других непреодолимых обстоятельств.

Узнав о прибытии главнокомандующего на Востоке ген. Мильна и английской эскадры адм. Сеймура в Новороссийск, я 11 марта заехал в поезд ген. Хольмана, где встретил и обоих английских начальников. Очертив им общую обстановку и указав возможность катастрофического падения обороны Новороссийска, я просил о содействии эвакуации английским флотом. Встретил сочувствие и готовность. Адм. Сеймур заявил, что по техническим условиям он может принять на борты своих кораблей не более 5—6 тысяч человек. Тогда ген. Хольман сказал по-русски и перевел свою фразу по-английски:

— Будьте спокойны. Адмирал добрый и великодушный человек. Он сумеет справиться с техническими трудностями и возьмет много больше.

— Сделаю все, что возможно, — сказал Сеймур.

Адмирал своим сердечным отношением к участи белого воинства оправдывал вполне данную ему Хольманом характеристику. Его обещанию можно было верить, и эта помощь значительно облегчала наше тяжелое положение.

Суда, между тем, прибывали. Появилась надежда, что в ближайшие 4—8 дней нам удастся поднять все войска, желающие продолжать борьбу на территории Крыма. Комиссия Вязьмитинова назначила первые четыре транспорта частям Добровольческого корпуса, один пароход для кубанцев, остальные предназначались для Донской армии.

12 марта утром ко мне прибыл ген. Сидорин. Он был подавлен и смотрел на положение своей армии совершенно безнадежно. Все развалилось, все текло, куда глаза глядят, никто бороться больше не хотел, в Крым, очевидно, не пойдут. Донской командующий был озабочен главным образом участью донских офицеров, затерявшихся в волнуемой казачьей массе. Им грозила смертельная опасность, в случае сдачи большевикам. Число их Сидорин определял в 5 тысяч. Я уверил его, что все офицеры, которые смогут добраться до Новороссийска, будут посажен на суда.

Но, по мере того, как подкатывала к Новороссийску волна Донцов, положение выяснялось все более и при том в неожиданном для Сидорина смысле: колебания

понемногу рассеялись, и все донское воинство бросилось к судам. Для чего — вряд ли они тогда отдавали себе ясный отчет. Под напором обращенных к нему со всех сторон требований ген. Сидорин изменил своей тактике и в свою очередь обратился к Ставке с требованием судов для всех частей — в размерах явно невыполнимых, как невыполнима вообще плановая эвакуация войск, не желающих драться, ведомых начальниками, переставшими повиноваться.

Между тем, Новороссийск, переполненный свыше всякой меры, ставший буквально непроезжим, залитый человеческими волнами, гудел, как разоренный улей. Шла борьба за «место на пароходе» — борьба за спасение... Много человеческих драм разыгралось на стогнах города в эти страшные дни. Много звериного чувства вылилось наружу перед лицом нависшей опасности, когда обнаженные страсти заглушали совесть и человек человеку становился лютым врагом.

13 марта явился ко мне ген. Кутепов, назначенный начальником обороны Новороссийска, и доложил, что моральное состояние войск, их крайне нервное настроение не дают возможности оставаться долее в городе, что ночью необходимо его оставить...

Суда продолжали прибывать, но их все еще было недостаточно, чтобы поднять всех.

Ген. Сидорин вновь обратился с резким требованием транспортов. Я предложил ему три решения:

1. Занять сохранившимися донскими войсками ближайшие подступы к Новороссийску, чтобы выиграть дня два, в которые несомненно придут недостающие транспорты.

Сидорин не хотел или не мог этого сделать. Точно также он отказался выставить на позиции хотя бы сохранившую боеспособность учебную бригаду.

2. Повести лично свои части береговой дорогой на Геленджик — Туапсе², куда могли быть свернуты подходившие пароходы и направлены новые, после разгрузки их в крымских портах.

Сидорин не пожелал этого сделать.

3. Наконец, можно было отдаться на волю судьбы, в расчете на те транспорты, которые придут в этот день и в ночь на 14-е, а также на обещанную адмиралом Сеймуром помощь английских судов.

Ген. Сидорин остановился на этом решении, а подчиненным ему начальникам, потом прессе, поведал об учиненном главным командованием «предательстве Донского войска».

Эта версия, сопровождаемая вымышленными подробностями, была очень удобна, перекладывая весь одиум, все личные грехи и последствия развала казачьей армии на чужую голову.

Вечером 13-го штаб главнокомандующего, штабы Донской армии и Донского атамана посажены были на пароход «Цесаревич Георгий». После этого я с ген. Романовским и несколькими чинами штаба перешли на русский миноносец «Капитан Сакен».

Посадка войск продолжалась всю ночь. Часть Добровольцев и несколько полков Донцов, не попавших на суда, пошли береговой дорогой на Геленджик.

Прошла бессонная ночь. Начало светать. Жуткая картина. Я взошел на мостик миноносца, стоявшего у пристани. Бухта опустела. На внешнем рейде стояло несколько английских судов, еще дальше виднелись неясные уже силуэты транспортов, уносящих русское воинство к последнему клочку родной земли, в неизвестное будущее.

В бухте мирно стояли два французских миноносца, по-видимому, не знавшие обстановки. Мы подошли к ним. В рупор была передана моя просьба:

— Новороссийск эвакуирован. Главнокомандующий просит вас взять на борт сколько возможно из числа остающихся на берегу людей.

Миноносцы быстро снялись и ушли на внешний рейд³.

В бухте — один только «Капитан Сакен».

На берегу у пристаней толпился народ. Люди сидели на своих пожитках, разбивали банки с консервами, разогревали их, грелись сами у разведенных тут же костров. Это бросившие оружие — те, которые не искали уже выхода. У большинства спокойное, тупое равнодушие — от всего пережитого, от утомления, от духовной протрации. Временами слышались из толпы крики отдельных людей, просивших

взять их на борт. Кто они, как их выручить из сжимающей их толпы?.. Какой-то офицер с северного мола громко звал на помощь, потом бросился в воду и поплыл к миноносцу. Спустили шлюпку и благополучно подняли его. Вдруг замечаем — на пристани выстроилась подчеркнута стройно какая-то воинская часть. Глаза людей с надеждой и мольбой устремлены на наш миноносец. Приказываю подойти к берегу. Хлынула толпа...

— Миноносец берет только вооруженные команды.

Погрузили сколько возможно было людей и вышли из бухты. По дороге, недалеко от берега, в открытом море покачивалась на свежей волне огромная баржа, выведенная и оставленная там каким-то пароходом. Сплошь, до давки, до умопомрачения забита людьми. Взяли ее на буксир и подвели к английскому броненосцу.

Адмирал Сеймур выполнил свое обещание: английские суда взяли значительно больше, чем было обещано.

Очертания Новороссийска выделялись еще резко и отчетливо. Что творилось там?.. Какой-то миноносец повернул вдруг обратно и полным ходом полетел к пристаням. Бухнули орудия, затрещали пулеметы: миноносец вступил в бой с передовыми частями большевиков, занявшими уже город. Это был «Пылкий», на котором ген. Кутепов, получив сведение, что не погружен еще 3-й Дроздовский полк, прикрывавший посадку, пошел на выручку.

Потом все стихло. Контур города, берега и гор обволакивались туманом, уходя в даль... в прошлое.

Такое тяжелое, такое мучительное.

Глава XXXIX. Судьба войск, оставшихся на Северном Кавказе, и Каспийской флотилии. Упразднение Южного правительства. Последние дни в Крыму. Оставление мною поста главнокомандующего В. С. Ю. Р.

Грозные недавно Вооруженные силы Юга распались.

Части, двинувшиеся берегом моря на Геленджик, при первом же столкновении с отрядом дезертиров, занимавших Кабардинскую, не выдержали, замитинговали и рассеялись. Небольшая часть их была подобрана судами, остальные ушли в горы или передались большевикам.

Части Кубанской армии и 4-го Донского корпуса, вышедшие горами к берегу Черного моря, расположились между Туапсе и Сочи, в районе, лишенном продовольствия и фуража, в обстановке чрезвычайно тяжелой. Надежды кубанцев на зеленых и на помощь грузин не оправдались. Кубанская Рада, правительство и атаман Букретов, добивавшийся командования войсками⁴, требовали полного разрыва с «Крымом» и склонялись к заключению мира с большевиками; военные начальники категорически противились этому. Эта распря и полная дезорганизация верхов вносила еще большую смуту в казачью массу, окончательно запутавшуюся в поисках выхода и путей к спасению.

Сведения о разложении, колебаниях и столкновениях в частях, собравшихся на Черноморском побережье, приходили в Феодосию и вызывали мучительные сомнения: как быть с ними дальше? Эти сомнения волновали Ставку и разделялись казачьими кругами. Ставка указывала перевозить только вооруженных и желающих драться. Донские правители смотрели более пессимистично: на бурном заседании их в Феодосии решено было воздержаться пока вовсе от перевозки Донцов в Крым. Мотивами этого решения были — с одной стороны развал частей, с другой — опасение за прочность Крыма («ловушка»). Такое неопределенное положение донокубанских корпусов на побережье длилось после моего ухода еще около месяца, завершившись трагически: кубанский атаман Букретов через ген. Морозова заключил договор с советским командованием о сдаче армии большевикам и сам скрылся в Грузию. Большая часть войск сдалась действительно, меньшая успела переправиться в Крым⁵.

В начале марта начался исход с Северного Кавказа. Войска и беженцы⁶ потянулись на Владикавказ, откуда в десятых числах марта по Военно-Грузинской дороге перешли в Грузию. Обезоруженные грузинами войска и беженцы были интернированы потом в Потийском лагере.

Еще восточнее, берегом Каспийского моря отходил на Петровск астраханский отряд ген. Драценко. Отряд этот сел 16 марта в Петровске на суда и совместно с Каспийской военной флотилией пошел в Баку. Ген. Драценко и команд. флотилией, адм. Сергеев, заключили условие с азербайджанским правительством, в силу которого, ценою передачи Азербайджану оружия и материальной части, войскам разрешен был проход в Потти. Военная флотилия, не подымая азербайджанского флага и сохраняя свое внутреннее управление, принимала на себя береговую оборону. Но когда суда начали входить в гавань, обнаружился обман: азербайджанское правительство заявило, что лицо, подписавшее договор, не имело на то полномочий, и потребовало безусловной сдачи. На этой почве во флоте началось волнение; адм. Сергеев, отправившийся в Батум, чтобы оттуда войти в связь со Ставкой, был объявлен офицерами низложенным, и суда под командой капитана 2-го ранга Бушена ушли в Энзели, с целью отдаться там под покровительство англичан. Английское командование, не желая столкновения с большевиками, предложило командам судов считаться интернированными и распорядилось снять части орудий и машин. И когда большевики вслед за тем, сделали внезапную высадку, сильный английский отряд, занимавший Энзели, обратился в поспешное отступление; к англичанам вынуждены были присоединиться и наши флотские команды. Один из участников этого отступления, русский офицер писал впоследствии о чувстве некоторого морального удовлетворения, которое испытывали «мы — жалкие и беспомощные среди англичан» при виде того, как «перед кучкой большевиков, высадившихся и перерезавших дорогу в Решт, войска сильной, могущественной британской армии драпали вместе с нами».

Рухнуло государственное образование Юга, и осколки его, разбросанные далеко, катились от Каспия до Черного моря, увлекая людские волны. Рухнул оплот, прикрывавший с севера эфемерные «государства», неустанно подтачивавшие силы Юга, и разительно ясно обнаружилась вся немощность и нежизнеспособность их. В несколько дней пала «Черноморская республика» зеленых, не более недели просуществовал «Союз горских народов», вскоре сметен был и Азербайджан. Наступал черед Грузинской республики, бытие которой по соображениям общей политики допускалось советской властью еще некоторое время.

На маленьком Крымском полуострове сосредоточилось все, что осталось от Вооруженных сил Юга.

Армия, ставшая под непосредственное мое командование, сведена была в три корпуса (Крымский, Добровольческий, Донской), сводную кавалерийскую дивизию и сводную кубанскую бригаду. Все остальные части, команды, штабы и учреждения, собравшиеся в Крым со всей бывшей территории Юга, подлежали расформированию, при чем весь боеспособный личный состав их пошел на укомплектование действующих войск. Крымский корпус силою около 5 тыс. со-прежнему прикрывал перешейки. Керченский район обеспечивался от высадки со стороны Тамани сводным отрядом в 1½ тыс.⁷. Все прочие части расположены были в резерве на отдых: Добровольческий корпус в районе Севастополя — Симферополя, Донцы — в окрестностях Евпатории.

Ставку я расположил временно в тихой Феодосии, вдали от кипящего страсти Севастополя.

Ближайшая задача, возложенная на армию, заключалась в обороне Крыма.

Армия насчитывала в своих рядах 35—40 тыс. бойцов, имела на вооружении 100 орудий и до 500 пулеметов. Но была потрясена морально, и войска, прибывшие из Новороссийска, лишены были материальной части, лошадей, обозов и артиллерии. Добровольцы пришли поголовно вооруженными, привезли с собой все пулеметы и даже несколько орудий. Донцы прибыли безоружными.

С первого же дня началась спешная работа по реорганизации, укомплектованию и снабжению частей. Некоторый отдых успокаивал возбужденные до крайности нервы.

До тех пор, в течение 1½ года, части были разбросаны по фронту на огромные расстояния, почти не выходя из боя. Теперь сосредоточенное расположение крупных войсковых соединений открывало возможность непосредственного и близкого воздействия старших начальников на войска.

Противник занимал северные выходы из Крымских перешейков по линии

Геническ — Чонгарский мост — Сиваш — Перекоп. Силы его были невелики (5—6 тыс.), а присутствие в тылу отрядов Махно и других повстанческих банд сдерживали его наступательный порыв. Со стороны Таманского полуострова большевики никакой активности не проявляли.

Движение главных сил Юга к берегам Черного моря советским командованием расценивалось, как последний акт борьбы. Сведения о состоянии наших войск, о мятежах, поднимаемых войсками и начальниками — весьма преувеличенные — укрепляли большевиков в убеждении, что белую армию, припертую к морю, ждет неминуемая и конечная гибель. Поэтому операция переброски значительных сил в Крым, готовность и возможность продолжать там борьбу явились для советского командования полнейшей неожиданностью.

На Крым не было обращено достаточно внимания, и за эту оплошность советская власть поплатилась впоследствии дороною ценой.

Необходимо было упорядочить и реорганизовать гражданское управление, слишком громоздкое для Крыма.

Южно-русское правительство Мельникова, прибыв в Севастополь, попало сразу в атмосферу глубокой и органической враждебности, парализовавшей всякую его деятельность. Правительство — по своему генезису, как созданное в результате соглашения с Верховным Кругом — уже по этой причине было одиозно и вызывало большое раздражение, готовое вылиться в дикие формы.

Поэтому, с целью предотвращения нежелательных эксцессов, я решил упразднить Южное правительство еще до своего ухода. 16 марта я отдал приказ об упразднении совета министров. Взамен его поручалось М. В. Бернадскому организовать «сокращенное численно; деловое учреждение, ведающее делами общегосударственными и руководством местных органов». Приказ подтверждал, что «общее направление внешней и внутренней политики останется неизменным на началах, провозглашенных мною 16 января в г. Екатеринодаре».

На членов правительства этот неожиданный для них приказ произвел весьма тягостное впечатление... Форму не оправдываю, но сущность реорганизации диктовалась явной необходимостью и личной безопасностью министров.

В тот же день, 16-го, члены правительства на предоставленном им пароходе выехали из Севастополя и перед отъездом в Константинополь заехали в Феодосию проститься со мной. После краткого слова Н. М. Мельникова, ко мне обратился Н. В. Чайковский:

— Позвольте Вас, генерал, спросить: что Вас побудило совершить государственный переворот?

Меня удивила такая постановка вопроса — после разрыва с Верховным Кругом и, главное, после того катастрофического «переворота», который разразился над всем белым Югом.

— Какой там переворот! Я вас назначил и я вас освободил от обязанностей — вот и все.

После этого Ф. С. Сушков указал на «ошибочность моего шага»: за несколько дней своего пребывания в Крыму правительство, по его словам, заслужило признание не только общественных кругов, но и военной среды. Так что все предвещало возможность плодотворной работы его.

— К сожалению, у меня совершенно противоположные сведения. Вы, по-видимому, не знаете, что творится кругом. Во всяком случае, через несколько дней все случившееся станет вам ясным...

Покидал свой пост ген. Хольман — неизменный доброжелатель Армии. В своем прощальном слове он говорил: «...с глубочайшим сожалением я уезжаю из России. Я надеялся оставаться с Вами до конца борьбы, но получил приказание ехать в Лондон для доклада своему правительству о положении... Не думайте, что я покидаю друга в беде. Я надеюсь, что смогу принести Вам большую пользу в Англии... Я уезжаю с чувством глубочайшего уважения и сердечной дружбы к вашему главнокомандующему и с усилившимся решением остаться верным той кучке храбрых и честных людей, которые вели тяжелую борьбу за свою родину в продолжении двух лет».

При новой политике Лондона ген. Хольман был бы действительно не на месте.

Расставался я и со своим верным другом И. П. Романовским. Освобождая его от должности начальника штаба, я писал в приказе:

«Беспристрастная история оценит беззаветный труд этого храбрейшего воина, рыцаря долга и чести и беспредельно любящего Родину солдата и гражданина.

История заклеймит презрением тех, кто по своекорыстным побуждениям ткал паутину гнусной клеветы вокруг честного и чистого имени его.

Дай Бог Вам сил, дорогой Иван Павлович, чтобы при более здоровой обстановке продолжать тяжкий труд государственного строительства».

На место ген. Романовского начальником штаба я назначил состоявшего в должности ген.-квартирмейстера, ген. Махрова.

Хольман, предполагавший выехать в ближайший день в Константинополь, предложил Ивану Павловичу ехать с ним вместе.

Рвались нити, связывавшие с прошлым, становилось пусто вокруг...

Поздно вечером, 19-го, в Феодосию приехал ген. Кутепов по важному делу. Он доложил:

«Когда я прибыл в Севастополь, то на пристани офицер, присланный от ген. Слащева, доложил мне, что за мной прислан вагон с паровозом и что ген. Слащев просит меня прибыть к нему немедленно. В этом вагоне около 8 часов вечера я прибыл в Джанкой, где на платформе меня встретил ген. Слащев и просил пройти к нему в вагон. После легкого ужина, по просьбе Слащева я прошел к нему в купе и там он мне очень длинно стал рассказывать о том недовольстве в войсках его корпуса главнокомандующим и о том, что такое настроение царит среди всего населения, в частности среди заявивших ему об этом армян и татар, в духовенстве, а также во флоте и, якобы, среди чинов моего корпуса; и что 23-го марта предложено собрать совещание из представителей духовенства, армии, флота и населения для обсуждения создавшегося положения и что, вероятно, это совещание решит обратиться к генералу Деникину с просьбой о сдаче им командования. Затем он прибавил, что ввиду моего прибытия теперь на территорию Крыма, он полагает необходимым и мое участие в этом совещании.

На это я ему ответил, что относительно настроения моего корпуса он ошибается. Участвовать в каком-либо совещании без разрешения главнокомандующего я не буду и, придавая огромное значение всему тому, что он мне сказал, считаю необходимым обо всем этом немедленно доложить генералу Деникину. После этих моих слов я встал и ушел.

Выйдя на платформу, я сел в поезд и приказал везти себя в Феодосию».

То, что я услышал, меня не удивило.

Генерал Слащев вел эту работу не первый день и не в одном направлении, а сразу в четырех. Он посылал гонцов к барону Врангелю, убеждая его «соединить наши имена» (т. е. Врангеля и Слащева) и при посредстве герцога С. Лейхтенбергского входил в связь по этому вопросу с офицерскими флотскими кругами. В сношениях своих с правой, главным образом, общественностью, он старался направить ее выбор в свою личную пользу. Вместе с тем, через ген. Боровского, он входил в связь с генералами Сидориним, Покровским, Юзефовичем и уславливался с ними о дне и месте совещания для устранения главнокомандующего. В чью пользу — умалчивалось, так как первые двое были антагонистами Врангеля и не имели также желания возглавить себя Слащевым. Наконец, одновременно, чуть ли не ежедневно Слащев телеграфировал в Ставку, с просьбой разрешить ему прибыть ко мне для доклада и высказывал «глубокое огорчение», что его не пускают к «своему главнокомандующему».

Ген. Сидорин усиленно проводил взгляд «о предательстве Дона» и телеграфировал донскому атаману, что этот взгляд разделяют «все старшие начальники и все казаки». Он решил «вывести Донскую армию из пределов Крыма и того подчинения, в котором она сейчас находится» и требовал немедленного прибытия атамана и правительства в Евпаторию «для принятия окончательного решения»⁸.

Я знал уже и о той роли, которую играл в поднявшейся смуте епископ Вениамин, возглавивший оппозицию крайних правых; но — до каких пределов доходило его рвение, мне стало известным только несколько лет спустя... На другой день после прибытия Южного правительства в Севастополь, преосвященный явился к председателю его. Об этом посещении Н. М. Мельников рассказывает:

«Епископ Вениамин сразу начал говорить о том, что «во имя спасения России» надо заставить ген. Деникина сложить власть и передать ее ген. Врангелю, ибо только он — по мнению епископа и его друзей — может спасти в данных условиях

Родину. Епископ добавил, что у них, в сущности, все уже готово к тому, чтобы осуществить намеченную перемену, и что он считает своим долгом обратиться по этому делу ко мне лишь для того, чтобы по возможности не вносить лишнего соблазна в массу и подвести легальные подпорки под «их» предприятие, ибо, если Южно-русское правительство санкционирует задуманную перемену, все пройдет гладко, «законно»...

Епископ Вениамин добавил, что согласится Южно-русское правительство или не согласится — дело все равно сделано будет...

Это приглашение принять участие в перевороте, сделанное притом епископом, было так неожиданно для меня, тогда еще впервые видевшего заговорщика в рясе, и так меня возмутило, что я, поднявшись прекратил дальнейшие излияния епископа».

Епископ Вениамин посетил затем мин. вн. дел В. Ф. Зеелера, которому также в течении полутора часа внушал мысль о необходимости переворота:

«Все равно с властью Деникина покончено, его сгубил тот курс политики, который отвратен русскому народу. Последний давно уже жаждет «хозяина земли русской» и мешать этому, теперь уже вполне созревшему порыву не следует. Нужно всячески этому содействовать — это будет и Богу угодное дело. Все готово: готов к этому и ген. Врангель и вся та партия патриотически настроенных действительных сынов своей Родины, которая находится в связи с ген. Врангелем. При чем ген. Врангель — тот Божией милостью диктатор, из рук которого и получит власть и царство помазанник...

Епископ был так увлечен поддержкой разговора, что перестал сохранять сдержанность и простую осторожность и дошел до того, что готов был тут же ждать от правительства решений немедленных» ?.

Сидорин, Слащев, Вениамин... все это, в сущности, меня уже мало интересовало.

Я спросил ген. Кутепова о настроении Добровольческих частей. Он ответил, что одна дивизия вполне прочная, в другой настроение удовлетворительное, в двух — неблагоприятное. Критикуя наши неудачи, войска, главным образом, обвиняют в них ген. Романовского. Кутепов высказал свое мнение, что необходимо принять спешные меры против собирающегося совещания и лучше всего вызвать ко мне старших начальником с тем, чтобы они сами доложили мне о настроении войск.

Я взглянул на дело иначе: настало время выполнить мое решение. Довольно.

В ту же ночь, совместно с начальником штаба, ген. Махровым, я составил секретную телеграмму — приказание о сборе начальников на 21 марта в Севастополь на Военный Совет, под председательством ген. Драгомирова, «для избрания преемника главнокомандующему Вооруженными силами Юга России». В число участников я включил и находившихся не у дел, известных мне претендентов на власть и наиболее активных представителей оппозиции. В состав Совета должны были войти: «Командиры Добровольческого (Кутепов) и Крымского (Слащев) корпусов и их начальники дивизий. Из числа командиров бригад и полков — половина (от Крымского корпуса, в силу боевой обстановки, норма может быть меньше). Должны прибыть также: коменданты крепостей, командующий флотом, его начальник штаба, начальники морских управлений, четыре старших строевых начальника флота. От Донского корпуса — генералы Сидорин, Кельчевский и шесть лиц в составе генералов и командиров полков. От штаба главнокомандующего — начальник штаба, дежурный генерал, начальник военного управления и персонально генералы: Врангель, Богаевский, Улагай, Шиллинг, Покровский, Боровский, Ефимов, Юзефович и Топорков».

К председателю Военного Совета я обратился с письмом ¹⁰.

«Многоуважаемый Абрам Михайлович!

Три года российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбою.

Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизне-способность Армии и в ее историческое призвание мною не потеряна, но внутренняя связь между вождем и Армией порвана. И я не в силах более нести ее.

Предлагаю Военному Совету избрать достойного, которому я передам преемственно власть и командование.

Уважающий вас А. Деникин».

Следующие два, три дня прошли в беседах с преданными мне людьми, проходившими с целью предотвратить мой уход. Они терзали мне душу, но изменить моего решения не могли.

Военный Совет собрался, и утром 22-го я получил телеграмму ген. Драгомирова:

«Военный Совет признал невозможным решать вопрос о преемнике Главкома, считая это прецедентом выборного начальства, и постановил просить Вас единолично указать такового. При обсуждении Добровольческий корпус и Кубанцы заявили, что только Вас желают иметь своим начальником и от указания преемника отказываются. Донцы отказались давать какие-либо указания о преемнике, считая свое представительство слишком малочисленным, не соответствующим боевому составу, который они определяют в 4 дивизии. Генерал Слащев отказался давать мнение за весь свой корпус, от которого могли прибыть только три представителя, и вечером просил разрешения отбыть на позиции, что ему и было разрешено. Только представители флота указали преемником генерала Врангеля. Несмотря на мои совершенно категорические заявления, что Ваш уход решен бесповоротно, вся сухопутная армия ходатайствует о сохранении Вами главного командования, ибо только на Вас полагаются и без Вас опасаются за распад Армии; все желали бы Вашего немедленного прибытия сюда для личного председательствования в Совете, но меньшего состава. В воскресенье в полдень назначил продолжение заседания, к каковому прошу Вашего ответа для доклада Военсовету.

Драгомиров»

Я считал невозможным изменить свое решение и ставить судьбы Юга в зависимость от временных, меняющихся, как мне казалось, настроений. Генералу Драгомирову я ответил:

«Разбитый нравственно, я ни одного дня не могу оставаться у власти. Считаю уклонение от подачи мне совета генералами Сидориным и Слащевым недопустимым. Число собравшихся безразлично. Требую от Военного Совета исполнения своего долга. Иначе Крым и Армия будут ввергнуты в анархию.

Повторяю, что число представителей совершенно безразлично. Но, если Донцы считают нужным, допустите число членов сообразно их организации».

В тот же день получена мною в ответ телеграмма ген. Драгомирова:

«Высшие начальники до командиров корпусов включительно единогласно остановились на кандидатуре ген. Врангеля. Во избежание трений в общем собрании, означенные начальники просят Вас прислать ко времени открытия общего собрания, к 18 часам, Ваш приказ о назначении, без ссылки на избрание Военным Советом».

Я приказал справиться — был ли ген. Врангель на этом заседании и известно ли ему об этом постановлении и, получив утвердительный ответ, отдал свой последний приказ Вооруженным силам Юга:

§ 1. «Генерал-лейтенант барон Врангель назначается главнокомандующим Вооруженными силами Юга России.

§ 2. Всем, шедшим честно со мною в тяжелой борьбе — низкий поклон.

Господи, дай победу Армии и спаси Россию.

Генерал Деникин».

Глава XL. Военный Совет. Мой отъезд. Константинопольская драма.

О том, что происходило на Военном Совете, я узнал лишь много времени спустя. Я думаю, что тогда и ген. Кутепов и я не вполне верно оценивали Добровольческие настроения.

Приведу описание этих событий, составленное одним из участников и нашедшее подтверждение со стороны других членов Совета ¹¹:

«В день Совета было назначено на 2 часа дня собрание старших начальников дивизий на квартире у ген. Витковского, на которое должен был приехать в 3 часа ген. Кутепов. На совещании у ген. Витковского было единогласно решено просить ген. Деникина остаться у власти, так как все мы не могли мыслить об ином главнокомандующем. Заявление ген. Кутепова о том, что ген. Деникин твердо решил оставить свой пост, не изменило общего единодушного решения. У всех нас было впечатление, что ген. Деникин пришел к своему решению вследствие какого-то разногласия, интриг и выраженного ему недоверия. Всем нам непонятно было —

почему ген. Кутепов не поддерживал нас в нашем решении, но, наоборот, настаивал на том, что наше решение ничего не изменит, так как он знает о твердом решении генерала Деникина. Нам было совершенно непонятно поведение ген. Кутепова, а потому большинство ушло с заседания неприязненно настроенными против него¹².

Ген. Кутепов, уезжая с заседания у ген. Витковского, приказал собраться во дворце на назначенный вечером того дня Военный Совет на 1¹/₂ часа раньше, с тем, чтобы устроить перед началом Военного Совета предварительное совещание старших начальников Добровольческого корпуса.

Кстати скажу, что так как в воздухе было тревожно, то решено было принять некоторые меры, которые выразились в следующем: от наших полков и артиллерийской бригады были назначены усиленные патрули, в особенности на улицах, примыкающих ко дворцу. На местах квартирования были назначены дежурные части, которые должны были бодрствовать в полной готовности и имели связных — быстроходов во дворце. У главного входа дворца стояли команды пулеметчиков. Такие же команды были скрытно размещены внутри соседних дворов. Во дворе дворца скрытно размещалась офицерская рота.

На предварительном совещании под председательством ген. Кутепова все начальники единодушно высказали мысль о недопустимости оставления ген. Деникиным своего поста, настаивали на выражении ему полного доверия и о принятии всех мер, чтобы упросить его не оставлять своего поста. Решено было оказать соответствующее влияние на остальных участников Военного Совета, с тем, чтобы Военный Совет просил бы и даже умолял генерала Деникина не покидать свой пост.

Ген. Кутепов сидел грустный, как бы подавленный, и неоднократно заявлял о твердом решении генерала Деникина. Привыкнув видеть в генерале Кутепове начальника энергичного, настойчивого и решительного, мы недоумевали его пассивности. Невольно вспомнились слухи о его неладах с ген. Деникиным и о «подкапывании». Это было совершенно неправдоподобно, но тем не менее не было объяснения молчаливому, пассивному, а потому непонятному поведению ген. Кутепова. Никто из нас не понял тогда, как ему было тяжело. Мы не могли понять, что ему действительно было известно твердое и непреклонное решение ген. Деникина, мы не понимали, что ген. Кутепов, всегда честный и прямой, знал, что не может дать нам надежду и, переживая гораздо острее и глубже все то, что мы переживали, не мог сказать нам ничего иного, как о твердом решении ген. Деникина оставить свой пост¹³.

Было решено, на случай непреклонности ген. Деникина, выразить ему полное доверие и просить его самого назначить себе заместителя, признание которого, естественно, будет для всех обязательным.

Открывая заседание, ген. Драгомиров прочитал приказ Главнокомандующего о назначении Военного Совета. Затем была произведена проверка присутствующих на заседании и установление их права на участие в нем.

Сейчас же по окончании проверки ген. Слащев заявил о том, что его корпус находится на фронте, а потому он не мог командировать на заседание всех старших начальников, имеющих право принять участие в нем. Ген. Драгомиров объявил, что это предусмотрено и оговорено в приказе Главнокомандующего. Ген. Слащев продолжал настаивать на том, что его корпус не имеет на заседании достаточного числа представителей для выявления желаний и решения корпуса, что это является несправедливостью по отношению к доблестному корпусу, долгие все отстаивающему последний клоч Белой русской земли, и проч. Ген. Драгомиров снова заявил, что он не имеет права изменить приказ главнокомандующего, что для всех частей было назначено справедливое представительство, что число присутствующих от определенного воинского соединения не имеет существенного значения, раз представительство от него все-таки есть, а, в частности, касаясь 2-го корпуса, ясно, что его голос в достаточной мере будет сильным в лице командира корпуса и присутствующих от корпуса представителей. Ген. Слащев снова с большим волнением старался доказать невыгодное и обойденное положение его корпуса в то время, как 1-й корпус имеет на заседании обильное наличие своих представителей. Ген. Кутепов заявил, что он согласен сократить число представителей от своего корпуса, если наличие их вызывает такой протест о нарушении справедливости. Ген. Драгомиров снова заявил, что он не видит нарушения справедливости.

дливости по отношению какого-нибудь из воинских соединений, изменить приказ главнокомандующего он не смеет и дальнейшее обсуждение вопроса о представительстве на заседании Военного Совета он прекращает.

Вслед за тем ген. Драгомиров объявил, что во исполнение приказа Главнокомандующего необходимо избрать ему заместителя. Ген. Слащев первым просил слова и весьма пространно говорил о необходимости установить порядок. Кроме ген. Слащева, говорили, как мне помнится, ген. Махров и Визьмитинов, заявляя о том, что им хорошо известно о непреклонном решении ген. Деникина уйти от власти. Ген. Слащев говорил несколько раз. Он говорил о недопустимости выборов «нового главнокомандующего», ссылаясь на уподобление Красной армии, после того, как старшие покажут пример «избрания». Горячо, прямолинейно, искренне, честно и хорошо говорил ген. Топорков. Со стороны Добровольческого корпуса до сих пор никто не говорил.

Ген. Драгомиров приказал раздать бумагу и карандаши для закрытого назначения заместителя Главнокомандующему. Тогда капитан I ранга¹⁴ просил слова, начав словами: «пути Господни неисповедимы», — произнес патетическую речь о необходимости исполнить приказ главнокомандующего и назвать имя его заместителя, каковым является по убеждению чинов Черноморского флота ген. Врангель. Имя ген. Врангеля было названо официально на заседании Совета, но в частных беседах оно уже называлось.

В это время шло частное обсуждение около ген. Витковского, который после распоряжения ген. Драгомирова раздать бумагу, просил через ген. Кутепова слова¹⁵ и энергично и настойчиво заявил о том, что он и чины Дроздовской дивизии находят невозможным для себя принять участие в выборах и категорически от этого отказываются. После слов ген. Витковского сейчас же присоединились к его заявлению начальники Корниловской, Марковской и Алексеевской дивизий и других частей Добровольческого корпуса. Представители от дивизий поддерживали своих начальников тем, что при их заявлении все вставали. Ген. Драгомиров в строгой форме обратил внимание на недопустимость такого заявления, так как оно составляет неисполнение приказа Главнокомандующего. Тогда ген. Витковский возразил, что приказы Главнокомандующего мы всегда исполняли и исполним и теперь, что мы ему вполне доверяем и, если Главнокомандующий решил сложить с себя власть, то мы подчиняемся его решению и его назначению себе заместителя. Но предварительно необходимо выразить Главнокомандующему доверие и просить его остаться у власти и немедленно довести до его сведения о таком постановлении Военного Совета. После этих слов кто-то из чинов Добровольческого корпуса крикнул: «в честь его Высокопревосходительства Главнокомандующего ген. Деникина — ура». Дружное и громкое «ура» долго оглашало здание дворца. После того, как оно кончилось и все сели на свои места, ген. Драгомиров снова пытался доказать необходимость выполнить приказ Главнокомандующего, который Военным Советом не может быть изменен. Тогда ген. Витковский и другие чины Добровольческого корпуса доказывали о необходимости доложить по прямому проводу ген. Деникину о настроении Военного Совета, о выражении ему доверия и просьбы остаться у власти. Ген. Драгомиров на все эти доводы возражал и не соглашался с ними.

Все были изрядно уставши, а потому к нашей просьбе — сделать небольшой перерыв — охотно присоединились многие другие, и к нашему удовольствию ген. Драгомиров на это согласился, объявив перерыв. Сейчас же мы (Добровольческий корпус) заняли одну из уединенных и находящихся внизу комнат и решили послать от себя срочную телеграмму ген. Деникину, в которой выразить ему полное доверие и признательность и просить остаться у власти. В занятую нами комнату пришли некоторые начальники, не принадлежавшие к Добровольческому корпусу, но вполне разделявшие наши взгляды. Не помню — кто составлял телеграмму, в общем она была составлена коллективно¹⁶.

Телеграмма сейчас же была отправлена на городской телеграф с одним из наших связных с приказанием добиться немедленной ее отправки генералу Деникину. Телеграмма была принята, но своевременно отправлена не была, ибо, как выяснилось позже, провод со Ставкой был занят и было распоряжение ген. Драгомирова никаких телеграмм без его разрешения не передавать.

По возобновлении заседания Верховного Совета ген. Драгомиров изъяснил со-

гласие послать телеграмму ген. Деникину и просил составить текст ее. На просьбу, обращенную к ген. Драгомирову — переговорить с ген. Деникиным немедленно по прямому проводу с тем, чтобы после этого закончить заседание Военного Совета, ген. Драгомиров категорически отказался.

На другой день заседание долго не начиналось и мы в недоумении и с разными предположениями ходили по коридорам, заходили и в большой зал заседаний, но постоянно видели двери в комнату старших начальников плотно закрытыми; вход в эту комнату без разрешения ген. Драгомирова не допускался. Неоднократно пытались узнать, когда начнется заседание Совета и вообще состоится ли оно. Ответы получались самые расплывчатые и неуверенные. Вызвать ген. Кутепова из комнаты старших начальников не удавалось. ген. Витковского в эту комнату не пропускали. Сведений об ответе ген. Деникина на посланную ему накануне телеграмму никаких не было. Слагалось впечатление, что Военный Совет состоялся из высших начальников, а остальных игнорировали. Полная неизвестность и неопределенность создавшегося положения и отсутствие хотя каких-либо объяснений сильно нервировали и вызвали недовольство генералом Драгомировым, упорство которого на предыдущем заседании породило против него много врагов. Поэтому, через некоторое время настроение из нервного превратилось определенно во враждебное против комнаты старших начальников. Но скоро оно было рассеяно неожиданным приходом группы новых офицеров, сопровождавших нескольких английских офицеров. Дневное заседание не было открыто, и ответ ген. Деникина не был объявлен нам. Нам объяснили, что прибыла делегация от англичан, что сделанные ими предложения настолько необычны и важны, что совершенно затемняют остроту переживаемых событий, а потому высшие начальники займутся обсуждением английских предложений, а заседание Совета назначено на 8 часов вечера этого же дня.

Также прошел слух, что приехал в Севастополь ген. Врангель, который будет присутствовать на вечернем заседании Военного Совета. Когда мы прибыли на это заседание и в ожидании его открытия блуждали по коридорам и комнатам дворца, то через некоторое время заметили присутствие ген. Врангеля, который нервно ходил по коридору около большого зала. Двери в комнату старших начальников по-прежнему были закрыты, и в ней шло заседание. Несколько раз туда приглашали ген. Врангеля и через короткое время он выходил оттуда еще более взволнованный».

Как оказалось, ген. Врангель привез с собою в Севастополь английский ультиматум, адресованный мне, но врученный ему 20 марта в Константинополе; в своей ноте Великобританское правительство предлагало «оставить неравную борьбу» и при его посредстве вступить в переговоры с советским правительством. В случае отклонения этого предложения Англия «сняла с себя ответственность» и угрожала прекратить какую бы то ни было дальнейшую помощь. По непонятным причинам об этом ультиматуме не было сообщено мне в Феодосию, и я узнал о нем только за границей.

О происходившем в заседании «малого совета» — старших начальников, до корпусных командиров включительно — ген. Богаевский пишет:

«У всех было подавленное настроение духа. Почти никто не знал — ни точной обстановки, ни истинных причин ухода ген. Деникина. Неестественной казалась и сама причина нашего сбора — невозможная до сих пор в регулярной армии.

Кроме того, не было никого, кто мог бы в то время стать преемником ген. Деникина — без возражений с чьей бы то ни было стороны. Никаких имен не называли.

На другой день ген. Драгомиров собрал снова совещание и прочитал ответную телеграмму ген. Деникина, приказывавшего все-таки выборы произвести.

Несмотря на это, многие протестовали против этого и нужна была вся твердость и настойчивость ген. Драгомирова, чтобы совещание не приняло форму митинга и прошло спокойно...¹⁷.

После долгих споров решено было составить два совещания: одно — из старших начальников и другое из всех остальных. Первое — должно было наметить преемника, второе — поддержать или отвергнуть выборное лицо.

Я был в числе старших начальников. Мы заседали в большом угловом кабинете, остальные — в зале.

Наше совещание затянулось. Все еще спорили и не могли остановиться на чем-либо имени.

Из зала, где томились уже несколько часов уставшие и голодные начальники войсковых частей, являлись не раз посланные с запросом, что мы решили?

Нужно было как-нибудь кончать, откладывая на другой день было уже невозможно: этим неминуемо сразу подрывался бы авторитет будущего главнокомандующего.

Тогда я выступил с речью, в которой, очертив создавшуюся обстановку и необходимость во что бы то ни стало скорее кончить вопрос, назвал генерала Врангеля, как нового главнокомандующего.

Возражений не последовало, и, как мне казалось тогда, не из симпатий к нему, а просто потому, что нужно же избрать кого-нибудь и кончить тяжкий вопрос. В то время едва ли кто думал о продолжении борьбы с красными вне Крыма: нужно было отсидеться, привести себя в порядок и уходить за границу, если не удастся удержать Крым. Считали, что Врангель с этим справиться.

Пригласили его в наш кабинет (он только что приехал из Константинополя) и здесь председатель сделал ему нечто вроде экзамена: «как веруши?» Его ответы в резком, решительном тоне, сводившиеся в общем к тому, что он не мыслит о продолжении серьезной борьбы и будет считать своим долгом, если станет во главе Армии, «с честью вывести ее из тяжелого положения» — удовлетворили не всех в совещании.

Ген. Врангеля попросили временно удалиться, чем он, видимо, остался очень недоволен, и снова начали обсуждать его кандидатуру.

Наконец, решено было остановиться на нем.

Снова вызвали его, и ген. Драгомиров объявил ему о нашем решении.

Ген. Врангель принял это внешне спокойно, однако, у многих из нас, да, вероятно, и у него — все же были сомнения, утвердит ли ген. Деникин наш выбор? Мы не знали подробностей, но всем было известно, что между ними были дурные отношения, и вина в них падала не на ген. Деникина...

Согласившись на наш выбор, ген. Врангель удивил всех нас своим решительным требованием — дать ему подписку в том, что условием принятия им поста главнокомандующего не будет переход в наступление против большевиков, а только — вывод Армии с честью из создавшегося тяжелого положения.

На вопрос наш — зачем эта подписка, ген. Врангель ответил, что он хочет, чтобы все — и прежде всего его родной сын — не упрекнули его в будущем в том, что он не исполнил своего долга.

Все это было не совсем для нас понятно — такая предусмотрительность, но ввиду настойчивого требования ген. Врангеля — чуть ли не под угрозой отказа от выбора — подписка была дана ¹⁸.

После этого была послана телеграмма ген. Деникину.

Заседание «малого совета» закончилось.

«Наконец, было объявлено нам приглашение занять свои места в зале заседания. Когда все были на своих местах, двери комнаты старших начальников открылись и из нее вышли ген. Драгомиров, ген. Врангель и другие.

Ген. Драгомиров прочел текст телеграммы, посланной им накануне ген. Деникину. Многие из нас обратили внимание, что содержание телеграммы было не совсем такое, как читали нам накануне в окончательной форме. Затем ген. Драгомиров прочел ответный приказ на нее ген. Деникина с назначением своим заместителем ген. Врангеля. По прочтении этого приказа ген. Драгомиров провозгласил «ура» в честь главнокомандующего, генерала Врангеля» ¹⁹.

Вечер 22 марта.

Тягостное прощание с ближайшими моими сотрудниками в Ставке и офицерами конвой. Потом сошел вниз — в помещение охранной офицерской роты, состоявшей из старых Добровольцев, в большинстве израненных в боях; со многими из них меня связывала память о страдных днях первых походов. Они взволнованы, слышатся глухие рыдания... Глубокое волнение охватило и меня; тяжелый ком, подступивший к горлу, мешал говорить. Спрашивают:

— Почему?

— Теперь трудно говорить об этом. Когда-нибудь узнаете и поймете...

Поехали с ген. Романовским в английскую миссию, откуда вместе с Хольманом на пристань. Почетные караулы и представители иностранных миссий. Краткое прощание. Перешли на английский миноносец. Офицеры, сопровождавшие нас,

в том числе бывшие адъютанты ген. Романовского, пошли на другом миноносце — французском, который пришел в Константинополь на 6 часов позже нас.

Роковая случайность...

Когда мы вышли в море, была уже ночь. Только яркие огни, усеявшие густо тьму, обозначили еще берег покидаемой русской земли. Тускнеют и гаснут.

Россия, Родина моя...

В Константинополе на пристани нас встретили военный агент наш, ген. Агапеев и английский офицер. Англичанин что-то с тревожным видом докладывает Хольману. Последний говорит мне:

— Ваше превосходительство, поедем прямо на английский корабль...

Англичане подозревали. Знали ли наши?

Я обратился к Агапееву:

— Вас не стеснит наше пребывание в посольстве... в отношении помещения?

— Нисколько.

— А в... политическом отношении?

— Нет, помилуйте...

Простились с Хольманом и поехали в русский посольский дом, обращенный частично в беженское общежитие. Там моя семья.

Появился дипломатический представитель.

Выхожу к нему в коридор. Он извиняется, что по тесноте не может нам предоставить помещения. Я оборвал разговор: нам не нужно его гостеприимства...

Вернувшись в комнату, хотел переговорить с Иваном Павловичем о том, чтобы сейчас же оставить этот негостеприимный кров. Но ген. Романовского не было. Адъютанты не приехали еще, и он сам прошел через анфиладу посольских зал в вестибюль распорядиться относительно автомобиля.

Раскрылась дверь, и в ней появился бледный, как смерть, полковник Энгельгардт:

— Ваше превосходительство, генерал Романовский убит. Этот удар доконал меня. Сознание помутнело и силы оставили меня — первый раз в жизни.

Моральных убийц Романовского я знаю хорошо. Физический убийца, носивший форму русского офицера — скрылся. Не знаю — жив ли он, или правду говорит молва, будто для сокрытия следов преступления его утопили в Босфоре.

Ген. Хольман, потрясенный событием, не могший простить себе, что не оберег Романовского, не настояв на нашем переезде прямо на английский корабль, ввел в посольство английский отряд, чтобы охранить бывшего русского главнокомандующего.

Судьбе угодно было провести и через это испытание.

Тогда, впрочем, меня ничто уже не могло волновать. Душа омертвела.

Маленькая комната, почти каморка. В ней — гроб с дорогим прахом. Лицо скорбное и спокойное. «Вечная память!...»

В этот вечер я с семьей и детьми генерала Корнилова перешел на английское госпитальное судно, а на другой день на дредноуте «Мальборо» мы уходили от постылых берегов Босфора, унося в душе неизбывную скорбь.

Брюссель, 1926 год.

Примечания автора

1. При отступлении за Кубань корпус не прикрыл ее.
2. Путь преграждало около 4 тыс. дезертиров. См. гл. XXVI.
3. Позднее они приняли участие в спасении людей, шедших береговой дорогой, южнее Новороссийска.
4. Командование было объединено в руках командира куб. корпуса ген. Писарева, которому подчинялся и 4-й донской корпус.
5. По данным ставки ген. Врангеля из 27 тыс. перевезено было около 12 тысяч.
6. Войск около 7 тыс., беженцев — 3—5 тысяч.
7. Сводная клуб. бригада, свод. Алексеевск. бр., Корниловская юнкерская школа.
8. Телеграмма 18 марта от Сидорина ген. Богаевскому.
9. Из записки В. Ф. Зеелера.
10. 20 марта, № 145/М.

11. Из записки ген. Ползикова.
12. Примачение ген. Кутепова: «Полагал необходимым подготовиться к решению этого тяжелого вопроса, поэтому считал нужным предупредить старших начальников. Слухи и сплетни, к сожалению, и тогда создавали настроение начальников».
13. Примечание ген. Кутепова: «Я отлично сознавал, что ген. Деникина заменить никто не может, поэтому считал, что дело наше проиграно. Все это болезненно переносил; упрекал себя за посылку ген. Деникину телеграммы в Новороссийск, так как полагал, что она, может быть, имела значение при решении ген. Деникина».
14. Нач. штаба Черноморского флота Рябинин, впоследствии перешедший к большевикам.
15. Прим. ген. Кутепова: «Первым выступил я, а после ген. Витковский».
16. Текст телеграммы; «Собравшись для участия на Военном совете, дивизии Добровольческого корпуса единодушно решили просить Ваше Превосходительство остаться во главе Армии, при чем дивизии верили и всегда будут Вам верить и не мыслят другого главнокомандующего, кроме Вас. Оставление Вами своих верных войск грозит несомненной гибелью нашего общего дела и поведет к полному распаду армии».
17. Ген. Слащев решительно заявил, что он против всяких выборов и сейчас уже уезжает на фронт, где он нужен: здесь же ему делать нечего.
18. Текст этого акта: «На заседании старших начальников, выбранных из состава Военного совета, собранного по приказанию главнокомандующего в Севастополе 22 марта 1920 г. для избрания заместителя ген. Деникину, председателем Совета, ген.-от-кавалерии Драгомировым было оглашено ультимативное сообщение Британского правительства ген. Деникину с указанием на необходимость прекращения неравной безнадежной борьбы с тем, чтобы правительство Великобритании обратилось бы к советскому правительству об амнистии населению Крыма, в частности войскам Юга России, при чем, в случае отклонения ген. Деникиным этого предложения, Британское правительство категорически отказывается впредь от всякой поддержки и какой бы то ни было помощи.
При этих условиях Совещание выразило желание просить главнокомандующего о назначении его заместителем ген. Врангеля, с тем, чтобы он, приняв на себя главное командование, добился бы неприкосновенности всем лицам, боровшимся против большевиков, и создал бы наиболее благоприятные условия для личного состава Вооруженных сил Юга России, именно для тех, кто не найдет для себя возможным принять обеспечение безопасности от советского правительства». С содержанием этого акта я ознакомился только за границей.
19. Из записки ген. Ползикова.

Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.)

В. С. Дякин

Образование и последующее падение многонациональных империй — закономерный результат исторического процесса. Независимо от того, создаются ли они путем захвата заморских колоний или путем расширения сухопутных владений, суть их одна: насильственное подчинение территорий, населенных другими народами. Однако в империях, составлявших единое пространство (Россия, Австро-Венгрия, Османская Порта) разделение на метрополию и колонии может постепенно стираться (но не до конца), разнонациональное население сближается в правах, происходит его диффузия и метисизация. Это создает иллюзию превращения империи в единое государство. В то же время сохранение территорий, компактно населенных народами разного происхождения и вероисповеданий и находящимися на разных уровнях культурного и экономического развития, часто с собственными традициями государственности, рано или поздно приводит к возникновению движений за национальную автономию, а затем и за независимость. В конечном итоге история не знает ни одной сохранившейся многонациональной империи.

Российская империя образовалась в ходе постепенного расширения Московского государства на запад и восток. Движение на запад было относительно медленным и ограниченным, поскольку встречало сопротивление сильных соседей, которые до XVIII в. сами осуществляли экспансию на восток. Движение на восток стало стремительным после падения Казанского и Астраханского ханств и остановилось только на естественных рубежах: Тихий океан и Памир. Создание огромной евразийской империи в некоторых случаях действительно оказалось, несмотря на всю скомпрометированность термина, «меньшим злом» для вошедших в нее народов, которым в противном случае грозила еще более горькая участь (Грузия, Армения, может быть некоторые пограничные с Китаем народности). Но оно отрицательно повлияло на судьбу русского народа.

Если представить себе чисто умозрительную, в реальности не существовавшую, возможность сохранения и независимых государств волжских татар, и независимого Московского государства с относительно стабильной и мирной границей между ними, то последнее осталось бы более или менее мононациональным и свободным от этнических противоречий. Энергия русского народа была бы употреблена не на экстенсивную колонизацию огромных, резко отличающихся по своим условиям от Среднерусской равнины, пространств, а на интенсивное освоение собственных земель. В этом случае и экономическое, и, следовательно, социальное и политическое развитие Русского государства шло бы более быстрыми темпами, а вероятность избежать революций масштаба 1917 г. была бы большей.

Исторический процесс, однако, не знает сослагательного наклонения, а развивается по своим законам. На определенном этапе создание Российской империи было неизбежно так же, как на другом этапе стал неизбежен ее крах. Ниже речь пойдет о национальной политике правящих кругов России после того, как империя была уже создана, и особенно в последние десятилетия ее существования. Национальный вопрос и национальные движения будут освещаться так, как они преломлялись в видении и сознании власть имущих.

Включение в состав Российской империи территорий с иноязычным населением каждый раз ставило перед властью проблему включения его в общую правовую и административную систему. Как правило, этот процесс шел постепенно и к февралю 1917 г. был еще далек от завершения. Финляндии удалось сохранить свою территориальную автономию. В Польше, составившей после утраты автономии особое генерал-губернаторство, сохранялись основанные на кодексе Наполеона принципы уголовного и гражданского права. Некоторые нормы румынского права действовали в Измаилском уезде Бессарабии. Степной край (Казахстан) и Туркестан (Средняя Азия) составляли отдельные генерал-губернаторства, в которых гражданская администрация находилась в ведении Военного министерства, а в местном управлении и суде сохранялись элементы, оставшиеся от времен, предшествовавших российскому завоеванию. Кавказ управлялся как отдельное наместничество¹.

Формально российское законодательство почти не знало правовых ограничений по национальному признаку. Законами были ограничены в правах евреи (в некоторых правах — независимо от вероисповедания), а с 1864 г. поляки-католики. На уровне подзаконных актов существовали ограничения татар-мусульман. Правовые ограничения действовали в зависимости от конфессионального признака и степени владения государственным (русским) языком. Поскольку, однако, конфессиональные различия в основном совпадали с национальными, ограничения имели национальный характер. При этом «инородец» (в юридическом и в бытовом значении этого слова) мог, в ряде случаев и не переходя в православие, пользоваться всеми правами государственной службы и сословными привилегиями, если проявлял очевидную готовность служить русской государственной идее — великодержавности и самодержавности.

Но «русская идея» отказывала крупным народам России в праве не только на административную автономию, но и на развитие культуры, а малым — в праве на существование, подразумевая постепенную их ассимиляцию. Просвещенный и либерально настроенный епископ Андрей (князь Ухтомский) писал в 1908 г.: «Нет сомнения, что мелкие народности в силу исторического процесса должны слиться с народностями более крупными; такая же участь, несомненно, постигнет и приволжских инородцев. Вопрос только в том, усилят ли они собою народность русскую». Он выступал лишь против поспешного «обрусительства», которое, по его мнению, могло толкнуть волжских угро-финнов в сторону ислама и через него к «татаризации». При этом «русская идея» вовсе не означала защиту интересов русского народа как такового. В 1906 г. совещание по уточнению законодательства о Государственной думе, поддерживая ходатайства правых, выступавших от имени русского населения окраин, о создании для него особого представительства в Думе, подчеркивало, что делает это «в целях поддержания не столько интересов местного русского населения, сколько главным образом русской на окраинах государственной идеи», являющейся «стимулом объединения... обширного Российского государства»².

Официальных документов, формулировавших принципы национальной политики царизма в целом, не существовало. Эта политика формулировалась всегда применительно к конкретным конфессиям и народам на том или ином этапе. Можно, однако, проследить общие закономерности этой политики. Первоначальная тенденция к большей или меньшей степени насильственной ассимиляции в форме обращения в православие и грубого ограничения в правах мусульман, составлявших до второй половины XVIII в. основное национально-конфессиональное меньшинство населения России, при Екатерине II сменилась политикой веротерпимости в буквальном смысле слова: власть соглашалась терпеть в государстве неправославное население, регламентируя его права, но сохраняя за православной церковью значение первенствующей.

Поворот был связан с рядом восстаний башкир, в том числе с их участием в пугачевском восстании. Публичное обещание охранять мусульманскую веру

и храмы было дано в манифесте 1783 г. по случаю присоединения Крыма. Мусульманское население России становилось слишком значительным, чтобы власть могла позволить себе отталкивать его от себя открытыми гонениями. Крымско-татарская и волжско-татарская знать была уравнена в правах с российским дворянством. Для управления духовными делами мусульман были созданы Таврическое магометанское управление в Симферополе и Оренбургское духовное собрание в Уфе. С разделами Польши правительство Екатерины оказалось перед необходимостью урегулировать положение католической церкви. Петербург дал в 1798 г. Могилевскому архиепископу права митрополита всех католических епархий в России.

Еще при первом разделе Польши указом 1772 г. населению присоединенных тогда, в основном белорусских, территорий, включая проживавших там евреев, были дарованы «права, вольности и преимущества» населения великорусских губерний. Однако вскоре еврейское население было ограничено в праве свободного передвижения за пределы западных губерний, причем по позднему признанию директора Департамента общих дел МВД А. Д. Арбузова (в 1906 г.) ни в законодательстве Екатерины II, ни в более поздних актах «не содержится указаний», что это ограничение «основано на соображениях, с точки зрения общих интересов государства, торгового, промышленного, финансового или гражданско-политического характера»³.

Деятельность созданных при Екатерине II мусульманских духовных управлений обнимала собой контроль за духовенством и конфессиональной школой, регулирование семейно-брачных отношений, разрешение на принципах шариата наследственных споров и ведение метрических книг. Эти дела ни центральная, ни местная бюрократия даже физически не могла взять на себя. Но при этом деятельность управлений была поставлена в тесные рамки. Таврическое управление, занимавшееся делами мусульман Крыма и западных губерний, имело лишь «общие права присутственного места» и находилось под непосредственным ведением Таврического губернского управления. Хотя первоначально муфтий и кадий-эскер избирались узким кругом крымско-татарского духовенства и дворянства, к этому «магометанскому» управлению был приставлен назначаемый МВД секретарь, имевший право опротестовывать те решения, «которые он признает несогласными с общими узаконениями».

Оренбургскому духовному собранию подчинялось все мусульманское духовенство России в ее тогдашних границах, кроме Крыма и западных губерний. А с созданием первого Кавказского наместничества, включившего в себя Астраханскую губернию, вне подчинения собранию оказался Северный Кавказ. Соответственно оренбургскому муфтию было придано формально более высокое положение: он утверждался в должности высочайшей властью. По закону 1793 г. не только муфтий, но и все три члена собрания избирались из числа казанских мулл. В действительности же никаких выборов муфтия с самого начала не производилось, и он назначался царем по представлению МВД, а члены собрания — оренбургским генерал-губернатором.

Большая реальная автономия была предоставлена армяно-грегорианской церкви после присоединения к России Восточной Армении. Российские власти со времен Петра I старались использовать армян в своей ближневосточной политике. С переходом под власть России Эчмиадзинского монастыря — места пребывания патриарха-католикоса всех армян — к этому представились дополнительные возможности, на что и рассчитывал Николай I, признавший эчмиадзинского патриарха «католикосом народа Гайканского» и сохранивший по закону 1836 г. избрание католикоса «всем Гайканским народом» (на деле — депутатами от епархий армяно-грегорианской церкви, по одному от духовных лиц и мирян епархии). Опять же на практике в царствование Николая I в избрании двух кандидатов в католикосы, один из которых утверждался царем, участвовали только представители российских армян. Большая их часть, жившая в Турции, Персии и других странах, была лишена возможности влиять на выборы.

Ссылаясь на древние обычаи армянского народа, а в действительности копируя порядки православной церкви, закон 1836 г. создал при католикосе Синод (он появился впервые в 1808 г. по инициативе братьев Лазаревых в момент борьбы русского ставленника католикоса Даниила против кандидата большинства армян), а при Синоде — прокурора с правом опротестования решения Синода. Только

крайняя заинтересованность российской дипломатии в создании максимального внешнего авторитета католикоса помогла армянской церкви устоять под давлением светской власти и приобрести позже значительный вес внутри страны.

Насколько политика царизма игнорировала национальные чувства народов, оказавшихся в составе империи, исходя только из интересов последней, хорошо видно на примере Грузии. Пожалуй, только к Грузии можно без натяжек применить известную формулировку о добровольном присоединении к России, хотя и оно вытекало для грузин из невозможности устоять под натиском Персии и Турции с юга и набегов лезгин с севера. Тем не менее в первое же десятилетие после перехода Грузии под протекторат России члены грузинского царствующего дома были выселены с родины во внутренние губернии, а их грузинские имения взяты в казну. В 1810 г., в нарушение канонических правил, без созыва собора была ликвидирована автокефалия грузинской православной церкви, а в 1852 г. ее имения переданы в казенное управление.

Завоевание Финляндии, включение в состав империи польских земель (Царство Польское) и присоединение в начале XIX в. Грузии качественно изменили суть национального вопроса в России. В состав империи вошли территории с собственными длительными традициями государственного существования или самоуправления, населенные народами с развитой национальной культурой. Это сделало для власти особенно острой проблему выработки государственной идеологии и определения способов скрепления всех составных частей империи в единое целое. В качестве основного пути было избрано постепенное внедрение единственного государственного языка на всех уровнях административного управления и суда, а также в государственной школе (первоначально в высшей и средней). Тенденция к русификации и «православизации» малочисленных народов и к наступлению на самобытность более крупных, наметившаяся при Николае I, стала особенно отчетливой в царствование либерального Александра II. Причиной тому были польское восстание 1863—1864 гг., реакция в мусульманских районах внутренней России и в Закавказье на Крымскую войну и русская экспансия в Среднюю Азию.

Основной удар правоограничений поляков-католиков после 1864 г. пришелся на губернии Северо-Западного и Юго-Западного края, где поляки составляли основную часть помещиков, а крестьяне были преимущественно украинцами, белорусами и литовцами. В целях обрусения края полякам-католикам запрещалось впредь покупать и арендовать земли в девяти западных губерниях. Запрет, введенный первоначально по отношению к крупным землевладельцам, был в конце XIX в. распространен и на католиков-крестьян. В западных губерниях не было введено положение о земстве, избираемых предводителей дворянства заменили назначаемыми правительством. Поляки-католики не могли впредь назначаться на большую часть должностей на государственной службе. Польский и литовский языки были изгнаны из государственной школы, а создание частных преследовалось.

Католические монастыри, наступление на которые шло со времени насильственного обращения униатов в православие в 1839 г., были почти полностью ликвидированы. В Царстве Польском, согласно секретному распоряжению 1866 г., был взят курс на вытеснение с государственной службы поляков совершенно благонадежными чиновниками русского происхождения. Все делопроизводство в административных и судебных органах вплоть до низшего уровня (гмины-волости) должно было вестись на русском языке. В средней и начальной школе полагалось преподавать по-русски, причем в гимназиях это требование распространялось и на закон божий католического вероисповедания, а от его преподавания были отстранены католические священники. Предпринималась также попытка насадить русское помещичье землевладение на конфискованных землях участников восстания 1863—1864 годов⁴.

Крымская война привела к массовому переселению крымских татар в Турцию. Движение за такое переселение существовало и среди волжских татар, башкир и было связано с боязнью насильственного обращения в православие, а у башкир — еще и с опасением потерять вотчинные земли в результате ликвидации в 1863 г. «башкирского войска». Одновременно захват Средней Азии вновь увеличил численность мусульманского населения империи. Это побудило власти вернуться к вопросу о принципах отношения к мусульманству вообще и особенно татарам как наиболее развитому мусульманскому народу.

Смысл позиции властей выразил оренбургский генерал-губернатор, утверждавший, что «разнообразие верований имеет вредное влияние на нравственную и политическую жизнь народа», а потому нужно «уменьшать... корень зла, т. е. разнообразие веры». Уфимский губернатор также считал, что конечной целью правительственной политики должно быть «последовательное разложение мусульманского строя жизни» народов внутренней России, «по самой природе своей несовместимого с интересами государства и истинной цивилизации». Центральные ведомства, умеряя торопливый экстремизм местной администрации, имели в виду ту же цель ⁵.

По отношению к народам Волжско-Камского региона была избрана политика насаждения православия, во имя которого власти пошли на разрешение обучать крещеных инородцев в начальной школе на родном языке. В 1867 г. было создано Братство св. Гурия и усилена миссионерская деятельность. Братство открывало свои школы, основанные на системе известного педагога-миссионера Н. И. Ильминского. В 1870 г. было решено открывать казенные начальные училища в местностях со сплошным татаро-мусульманским населением, в которых обучение велось бы в основном по-русски («русско-татарские» школы), и «располагать» мусульманские общества к открытию классов русского языка в конфессиональных школах, не разрешая открывать новые без таких классов. В 1874 г. был принят закон о переводе конфессиональных мусульманских школ под контроль Министерства народного просвещения. Однако, опасаясь серьезного недовольства, правительство практически не ввело его в действие ⁶.

С 60-х годов XIX в. началось обсуждение планов реорганизации духовного управления мусульман: ограничение сферы компетенции (прежде всего изъятие из ведения духовенства метрических книг), увеличение роли русского языка в делопроизводстве, раздробление Таврического и Оренбургского муфтиатов с целью ослабления их влияния под флагом увеличения роли муфтиатов, приближенных к населению. Реальным результатом стало запрещение Оренбургскому духовному собранию вмешиваться в дела образованного в 1868 г. Степного края кроме дел проживавших там татар. Суть проблемы заключалась в том, что если во времена Екатерины II татары рассматривались как пионеры российского влияния в казахских степях, то теперь в них увидели проводников ислама среди казахов. Ильминский, имевший большое влияние на выработку мусульманской политики царизма, считал, что казахи — шаманисты и что в случае прекращения исламской агитации можно будет обратить их в православие. В результате «Степное положение» значительно ограничило число мусульманских духовных лиц в крае, не предоставив им каких-либо особых прав и отстранив их от исполнения административных функций, оставшихся на волостном уровне в руках родовых старшин.

Еще дальше пошел в своем отношении к мусульманству первый генерал-губернатор Туркестана К. П. фон Кауфман. Считая, что христианское государство не может рассчитывать на мир с мусульманством, а должно лишь изыскивать лучший способ борьбы с ним, Кауфман предлагал полностью игнорировать факт существования ислама в крае: терпеть, но не охранять мусульманскую веру, — не признавать никакой ее духовной иерархии. Он полагал, что в этом случае ислам развалится «от заявленного и выдержанного к нему презрения». Хотя в МВД сочли объяснительную записку к проекту управления краем в части, касающейся мусульманских дел, «набором слов», Кауфману удалось выдержать свою линию, а его преемники так и не пересмотрели сложившуюся традицию. В результате среднеазиатское исламское духовенство сохранило свои связи с Бухарским эмиратом и Турцией, оставшись вне какого-либо надзора русских властей ⁷.

Противоположную позицию заняла кавказская и центральная власть в Закавказье. Стремясь разорвать связи закавказских мусульман с Персией и Турцией, она создала в 1872 г., отдельно для суннитов и шиитов, «правильную мусульманскую иерархию» с назначаемыми по высочайшему повелению муфтием и шейх-уль-исламом и с губернскими казиями. Создание института губернских казиев и меджлисов при них, в чем категорически отказывалось мусульманам внутренней России, имело целью не допустить чрезмерной централизации дел в суннитском и шиитском духовных управлениях, как это, по мнению власти, случилось в Оренбургском муфтиате. Для усиления зависимости высшего и среднего мусульманского духовенства Закавказья от правительства ему было назначено казенное содержание (весьма, впрочем, небольшое).

Урегулировав правовое положение закавказского мусульманского духовенства, правительство затянуло с этим вопросом по отношению к бывшим высшим сословиям не только горских народов, где едва закончилась Кавказская война (на этом основании на Северном Кавказе не было создано и духовное управление), но и в Закавказье⁸. На решение этого вопроса повлияла возобладавшая в российских правящих кругах точка зрения, будто в мусульманских странах собственником земли является государство, а все остальные — лишь пользователями ее. Согласно этой концепции высшие сословия бывших закавказских ханств только управляли государственными землями, получая за это в свою пользу часть оброка. Хотя еще в 1843 г. Николай I объявил о признании за кавказскими мусульманами высших сословий прав, существовавших в России, а в 1846 г. земли этих сословий были признаны потомственной собственностью, зависимые от помещиков крестьяне считались все же государственными поселянами. Нечеткость земельных прав и сложность определения статуса различных категорий высших сословий привели к тому, что они, в отличие от грузинских тавад и азнауров, так и не были приравнены к российскому дворянству, права которого каждый отдельный мусульманин мог получить только на службе или по высочайшему соизволению.

Крымская война дала начало новому этапу и в армянской политике царизма. Стремясь воспрепятствовать разыгрыванию Россией «армянской карты» на Ближнем Востоке, турецкое правительство заигрывало с армянским духовенством, передав ему ряд функций гражданского управления и предоставив армянам свободу печатания книг и преподавания на родном языке, но добиваясь выхода турецких армян из-под духовной власти Эчмиадзинского католикоса. Чтобы предотвратить такое развитие событий, но предложению наместника на Кавказе князя А. И. Барятинского в 1858 г. турецким армянам впервые было разрешено принять участие в выборах католикоса. Поскольку число голосов зависело от числа существующих епархий, это обеспечивало турецко-армянское большинство, и католикосом был избран турецкий подданный Матеос. Турецкое правительство ответило статусом 1863 г., провозгласившим константинопольского армяно-грегорианского патриарха «главой армянской нации» и создавшим при патриархе общее национальное собрание армян. Фактически речь шла об определенной форме национально-культурной автономии.

Сложившаяся ситуация усилила позиции эчмиадзинских католикосов в их борьбе против Положения 1836 г. и за расширение своих прав. Кавказские власти отреагировали на это попыткой заставить Матеоса уйти на покой. В бюрократических кругах возникли разногласия, в ходе которых МИД и Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД отстаивали линию на удовлетворение пожеланий о пересмотре Положения 1836 г., поскольку иначе Эчмиадзин лишится влияния за пределами страны и престол католикоса «возникнет на мусульманской земле к торжеству противников России». Наместничество с самого начала выступало против такого расширения прав армянской церкви, видя в нем угрозу созданию «государства в государстве» и превращения Эчмиадзина в центр не для воздействия наших армян на заграничных, но для воздействия «сих последних на наших подданных». В 1865 г. министр внутренних дел П. А. Валуев дезавуировал своих подчиненных и тоже заговорил о неосторожности шагов, которые способствовали бы поддержанию «стремлений как заграничных, так отчасти и наших армян к восстановлению своей национальной автономии». На этом повороте сказалось влияние польского восстания 1863—1864 годов⁹.

В совершенно исключительном положении находились в России украинцы, самое существование которых как народа властями отрицалось. Воссоединение с Россией в 1654 г. произошло на началах широкой автономии Украины, постепенно ущемлявшейся российскими властями и окончательно добитой при Екатерине II. При этом она объявила «развратным то мнение, по коему малороссы поставляют себя народом от здешнего [великорусского — В. Д.] народа совсем отличным». Особенность же украинского национального движения в XIX в. заключалась в том, что оно имело демократический характер. В то время как казачья старшина, превратившаяся в российское дворянство, денационализовалась, лозунги украинской автономии выдвигала интеллигенция радикально-демократического направления. Это делало украинский национальный вопрос особенно болезненным для правящих кругов империи. Попытки украинских демократов развивать народную

культуру в 40—60-е годы XIX в. (Кирилло-Мефодиевское братство, Киевское отделение Географического общества) наткнулись на противодействие властей и репрессии. Перенос в связи с этим организационных центров украинского движения в австрийскую Галицию усилил обвинения в сепаратизме.

В 1863 г. было запрещено печатание на украинском языке книг духовно-нравственного содержания под тем предлогом, что перевод Евангелия на украинский язык «не оправдывается ни свойством языка, ни потребностями народа и имеет характер исключительно политический». В 1868 г. Валуев обвинил лидеров украинского движения в том, что они вместе с поляками преследуют цель расшатать русскую государственность. Валуеву же принадлежит заявление: «малороссийского языка нет, не было и не будет». По его инициативе были усилены стеснения книгопечатания на украинском языке. В 1875 г. было созвано совещание по борьбе с украинским сепаратизмом. Оно рекомендовало запретить ввоз из-за границы любых украинских книг, а в пределах империи разрешать печатание только исторических документов и произведений изящной словесности, т. е. полностью запретить украинскую периодическую печать. Кроме того, было рекомендовано запретить театральные спектакли и чтения на украинском языке. Решения совещания были утверждены Александром II 16 мая 1876 г., но остались секретным законом. В 80—90-е годы XIX в. они были дополнены рядом инструкций МВД¹⁰.

В отличие от общей тенденции национальной политики Александра II, имевшей ограничительное направление, в Финляндии царизму в силу внутри- и внешнеполитических причин пришлось проводить политику уступок. Уже при завоевании Финляндии Александр I пошел на признание за ней особого статуса, и там были сохранены основы шведского государственного права, исходившего из представления об ограничении власти монарха сословными учреждениями. Позиция царя определялась не столько «конституционными иллюзиями» первой половины его царствования, сколько тем, что иначе трудно будет удержать за Россией завоеванную Финляндию в условиях надвигавшейся войны с Наполеоном. В результате в Финляндии был создан в качестве высшего судебного и хозяйственного коллегиального органа Сенат, а верховную власть представляли генерал-губернатор и министр-статс-секретарь, докладывавший царю дела гражданского управления и сообщавший генерал-губернатору высочайшие повеления. До конца XIX в. на пост министра-статс-секретаря назначались финляндские уроженцы. В то же время ни Александр I, ни Николай I ни разу не созвали сословное представительство — сейм¹¹.

Поражение в Крымской войне и особенно Польское восстание 1863—1864 гг. вынудили Александра II сделать шаги навстречу требованиям финляндского дворянства и буржуазии, стремившихся расширить рамки существовавшей автономии. В 1860 г., в связи с крахом русского серебряного рубля, Финляндии было разрешено иметь собственную валюту — марку, переведенную в 1877 г. на золотую основу. В 1863 г., стараясь не допустить возникновения в Финляндии событий, аналогичных польским, российский власти пошли на созыв регулярно функционирующего сейма, разрабатывающего внутреннее законодательство. В 1878 г. во время русско-турецкой войны, опасаясь выступления Швеции против России, царизм в качестве временной меры согласился на формирование ограниченных финляндских территориальных воинских частей.

Законодательство о евреях также развивалось в 60—70-е годы XIX в. в сторону некоторого смягчения. Рядом законов 1859—1879 гг. право жить вне черты оседлости было дано купцам 1-й гильдии, окончившим высшие учебные заведения (причем имеющим ученую степень — с правом поступления на государственную службу), а затем и довольно широкому кругу евреев-ремесленников. Причина такого либерализма заключалась в осознании правящими кругами необходимости содействовать развитию российской промышленности как людскими ресурсами, так и капиталами. Характерно, что предложение разрешить проживание во внутренних губерниях евреям-купцам Министерство финансов аргументировало тем, что «дарование евреям-капиталистам некоторых больших прав» будет мерою, соответствующей «общим коммерческим видам и побуждениям».

Царствование Александра III ознаменовалось усилением националистических тенденций во внутренней политике. Они вытекали из общей идеологии царствования и психологического настроения самого императора, были связаны с ускорением

процесса капиталистического развития России, ее втягивания в мировую систему разделения труда и с реакцией на этот процесс российского помещичьего дворянства и старорусского купечества. Эти тенденции в некоторой степени были также ответом на пробуждавшееся национальное самосознание ряда народов России и на сопротивление населения окраин ассимиляторской политике. Отмечая «нерасположение к исчезновению» внутри «русской народности» со стороны армян, многолетний директор Главной канцелярии наместника на Кавказе барон А. П. Николаи, побывавший до того министром просвещения, писал в этой связи: «Не проявляясь ни в каких незаконных действиях и не представляя собою политической опасности, такое направление, однако, не может отвечать общим видам нашего правительства». Печать стремления подавить «нерасположение к исчезновению в русской народности», даже если оно проявлялось во вполне мирных и легальных формах, лежала и на политике по отношению к другим народам. Националистический курс получил дальнейшее развитие в царствование Николая II¹².

В 80-е годы XIX в. курс на вытеснение представителей местных национальностей с государственной службы был перенесен из Царства Польского в Закавказье. Мелкий скандал послужил Александру III поводом потребовать в 1883 г. принять меры против сепаратистских тенденций среди армянского населения. Хотя сам Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе (наместничество было упразднено в 1881 г.) князь А. М. Дондуков-Корсаков признал повод не заслуживающим внимания, он с готовностью предложил не назначать впредь лиц армянского происхождения в местности, населенные армянами, а уже служивших там постепенно перевести в другие места. Он предложил также применять эту меру «и к служащим из других национальностей края». Предложения Дондукова-Корсакова были реализованы специальными письмами министра внутренних дел в другие ведомства (т. е. без какого-либо нормативного оформления). Политика эта продолжалась и в дальнейшем. На отчете Тифлисского губернатора за 1899 г., писавшего, что он старается не допускать к занятию должностей по администрации армян и грузин, а замещать вакансии «преимущественно русским элементом», Николай II оставил пометку: «Так и следует».

Политика русификации школы как главного рычага ассимиляции окраин была в 80-е годы XIX в. распространена на Прибалтику. Там сложилась стройная система обучения, во главе которой стоял Дерптский университет с особым статусом. На средства дворянских сословных организаций и городов учреждались гимназии и городские училища с преподаванием на немецком языке. Начальное обучение имело конфессиональный характер и велось на немецком, латышском и эстонском языках. Особенностью этой системы было то, что она также содержалась на средства местных сословий и прихода, причем представители крестьян участвовали (по крайней мере де-юре) в школьном управлении. Преподавание русского языка как предмета началось здесь при Николае I в средней школе, а с введением всеобщей воинской повинности и в начальной.

Задавшись целью заменить немецкое влияние в Прибалтике русским, правительство в 1885 г. провело закон о переводе делопроизводства во всех присутственных местах на русский язык; в 1887 г. все начальные училища были переведены в ведение Министерства просвещения, что означало превращение русского языка в основной, если не в единственный, язык обучения; в 1887—1893 гг. было введено обязательное преподавание на русском языке в средней (государственной и частной) школе; в 1889—1895 гг. был практически ликвидирован особый статус Дерптского университета. Отлучение дворянских обществ от руководства начальной школой привело к сокращению выделяемых ими средств и значительному уменьшению числа школ, а наплыв инспекторов и учителей, мало знающих местные языки, — к понижению уровня образования.

В Грузии попечитель Кавказского учебного округа, рьяный обруситель К. Н. Яновский, не скрывавший презрения к грузинам и считавший, что преподавание грузинской словесности, появившейся «в самое последнее время», было бы «напрасной тратой времени», допускал обучение родному языку только в начальных классах гимназии и лишь «сравнительно с русским языком». Кавказские власти и Министерство просвещения считали нежелательным развитие в Грузии церковно-приходских школ, поскольку якобы под руководством «туземного» духовенства такие школы «обращаются в учреждения религиозно-национальные, развивающие в населении дух национальной обособленности».

На отношении к грузинской школе сказался все обострявшийся конфликт вокруг школы армянской. Национальное движение турецких армян не могло не воздействовать и на армян в России. В 1864 г. в Баку было создано Армянское человеколюбивое общество во имя св. Григория, занимавшееся и созданием школ. В конце 60-х годов XIX в. католикос Геворк положил начало открытию церковно-приходских школ на средства и в помещениях не только церкви, но и светских лиц. Программы этих школ стали постепенно расширяться за счет светских предметов. Армяно-грегорианские семинарии стали приближаться по характеру преподавания к гимназиям. При этом в семинариях, даже по признанию противников армянской школы, было хорошо поставлено изучение русского языка. Деятельность армяно-грегорианской церкви по просвещению своего народа вызывала резкое недовольство Министерства просвещения, тем более что после инструкции 29 октября 1871 г. только армяно-грегорианские школы остались вне хотя бы формального подчинения правительственному контролю.

С упразднением Кавказского наместничества «обрусение туземцев», как констатировали власти позднее, было признано первейшей задачей новой кавказской администрации, а школа — «лучшим к тому орудием». В 1884 г. Особое совещание под председательством министра внутренних дел Д. А. Толстого запретило существование армянских церковно-приходских школ вне церквей и монастырей и потребовало ввести в них преподавание русского языка, истории и географии России на русском языке (изъяв из программ историю и географию Армении). В связи с отказом армянского духовенства подчиниться все церковно-приходские школы были закрыты, а открыты вновь лишь по ходатайству католикоса Макария, русского подданного, утвержденного Александром III в 1885 г. вопреки мнению большинства выборщиков, но продолжавшего линию своих предшественников. Особое совещание по армянским делам в 1891 г. констатировало, что у правительства нет способа «обратить католикоса в послушное орудие наших политических целей», и рекомендовало предпринимать впредь репрессии против армянских духовных лиц, «уклоняющихся от исполнения требований правительства или вредных для государственного и общественного порядка»¹³.

В 1895 г. главноначальствующий на Кавказе С. А. Шереметев предложил изъять народное образование сельского населения из рук армянского духовенства, а если этого окажется недостаточным — отобрать у армянской церкви недвижимые имущества. Предложение Шереметева было одобрено Николаем II. В 1897—1898 гг. были приняты законы о передаче начальных церковно-приходских училищ под контроль Министерства просвещения. Но духовенство оказало сопротивление, доказывая, что школы являются церковным имуществом, и выиграло несколько судебных процессов по этому поводу. Тогда новый Главноначальствующий на Кавказе князь Г. С. Голицын предложил провести в жизнь идею передачи церковных имущества в казну. Несмотря на возражения большинства министров, в частности С. Ю. Витте, предсказывавшего «весьма нежелательные последствия» секуляризации собственности армяно-грегорианской церкви, Николай II 12 июня 1903 г. утвердил такой закон¹⁴.

Проведение закона в жизнь, сопровождавшееся применением вооруженной силы и кровопролитием, вызвало массовое сопротивление армянского народа. Возникшее в 70-е годы XIX в. движение за автономную Армению в Турции, в 90-е годы начало распространяться и в Восточной Армении, первоначально используя ее как тыл для действий в Турции, но по мере усиления антиармянской политики властей активизируясь и в России. В ходе сопротивления конфискации церковных имуществ, в Армении повсеместно стали создаваться комитеты самообороны, превратившиеся в опору влияния партии «Дашнакцутюн». В сопротивление включилось и духовенство, также оказавшееся связанным с дашнакским движением. По позднейшим признаниям охраны в 1903—1905 гг., практически все армяне сочувствовали дашнакам, а среди них постепенно набирало силу левое крыло, принявшее в конечном итоге эсеровскую платформу.

Большой степени остроты достигла политика царизма в отношении Финляндии. С одной стороны, в правящих кругах империи ослабевают опасения неизбежной русско-шведской войны, заставлявшие считаться с настроениями в Финляндии ради сохранения лояльности населения возможного театра военных действий. С другой стороны, в Финляндии действительно набирают силу течения, рассматривавшие ее

как особое государство, связанное с Россией только общим монархом. Это вступало в противоречие с общим курсом правительства Александра III на инкорпорацию окраин в состав империи. В качестве основного способа наступления на Финляндию было избрано «уточнение» порядка утверждения финляндских законов, затрагивавших общеимперские интересы.

Проблема разграничения общеимперского и финляндского законодательства реально существовала. Но правящие круги России стали на путь такого разграничения без учета мнения финляндской стороны. Высочайшим повелением 1 августа 1891 г. министру-статс-секретарю было предписано согласовывать все законопроекты сейма с российскими ведомствами, если они в какой-то мере касаются интересов империи. При нечеткости закона это означало, что любой проект сейма мог быть передан на усмотрение петербургских властей¹⁵. 3 февраля 1899 г. манифестом Николая II было провозглашено, что для издания общероссийских законов, касающихся Финляндии, впредь достаточно не решения, а лишь заключения финляндского Сената или сейма, которое могло быть и не принято во внимание.

Незадолго до манифеста генерал-губернатором Финляндии был назначен Н. И. Бобриков, явившийся туда с программой последовательной ее русификации. Его политику поддерживал и В. К. Плеве, ставший в 1899 г. министром-статс-секретарем, первым после завоевания Финляндии не финляндским уроженцем. В делопроизводство Сената был введен русский язык. В страну начали назначаться русские чиновники. Финские стрелковые батальоны были расформированы и на Финляндию распространены российский закон о воинской повинности. Русификаторская политика Бобрикова — Плеве была встречена массовой кампанией гражданского неповиновения, на которую Николай II в апреле 1902 г. ответил рескриптом с угрозой «коренного преобразования» государственного устройства Финляндии. Это вызвало еще бóльший взрыв сопротивления, принявшего форму террористических актов. 4 июня 1904 г. Бобриков был убит.

С началом царствования Александра III изменилась политика и в еврейском вопросе. Прошедшие в начале 80-х годов XIX в. еврейские погромы на юге России послужили предлогом для ужесточения ограничений евреев в выборе места жительства. Уже в 1882 г. им было запрещено вновь селиться вне городов и местечек даже в черте оседлости. В 1891—1897 гг. были введены запреты переселяться в Москву и Московскую губернию евреям-ремесленникам и некоторым другим категориям, вообще запрещено проживание евреев в Кубанской и Терской областях и в сельской местности 50-верстной пограничной полосы. В 1899 г. затруднено переселение в Москву евреев-купцов 1-й гильдии. Была введена процентная норма для поступления евреев в учебные заведения (1886 г.) и в адвокатуру (1889 г.), ограничено их участие в нефтяном промысле (1892 г.) и акционерных обществах (1900 г.).

Только на рубеже XX в. власти спохватились, что их политика, вызывая «крайнюю скученность еврейского населения в городах оседлости», создает «класс озлобленного... еврейского пролетариата», включавшегося в революционное движение. В целях предотвращения такого развития, в 1903 г. был несколько расширен список негородских поселений в черте оседлости, в которых евреям разрешалось жить. Вслед за тем в 1904 г. были отменены еще некоторые, введенные в предыдущие десятилетия, ограничения в праве жительства «привилегированным категориям евреев».

Ограничительная политика 80—90-х годов XIX в. коснулась и мусульман. В 1884 г. Комитет министров принял допускавшее самые широкие толкования постановление, запрещающее замещать должности по сельскому и волостному управлению «фанатиками-мусульманами». В 1889 г. процентные ограничения при допуске в адвокатуру коснулись и мусульман. Тогда же они были лишены права преподавать в казенных средних учебных заведениях, а домашними учителями могли впредь быть только у единоверцев. Городовое положение 1892 г. уменьшило число гласных-мусульман. В 1890—1891 гг. была отменена выборность Оренбургского (правда, никогда не существовавшая реально) и Таврического муфтиев (должность последнего была вакантна с 1883 года).

Министерство просвещения упорно пыталось распространить свой контроль на мусульманские конфессиональные школы, но в этом вопросе не встречало поддержки МВД, боявшегося усиления недовольства мусульман и нового переселения крымских татар в Турцию¹⁶. Действительно, когда само МВД в 1894 г. запретило

преподавать в мусульманских школах иностранным подданным (а такая практика была достаточно распространена из-за нехватки своих учителей и сознательной политики Турции), а также пользоваться при этом религиозными книгами заграничного издания, это было истолковано российскими мусульманами как признак желания принудительно крестить их и породило тягу к эмиграции. МВД же считало эмиграцию, особенно казахов, нежелательной, так как трудно было бы заменить «кочевников, занимавшихся скотоводством и воспитанием верблюдов, к чему русское население никакого расположения не имеет». Стремлением не допустить чрезмерного недовольства казахов была продиктована готовность пойти на увеличение числа мулл в Степном крае, но только местного происхождения, тогда как «пропитанные фанатизмом» муллы из татар и бухарцев считались крайне нежелательным элементом¹⁷.

Особенно остро стояла проблема взаимоотношений с местным населением в Туркестане. В Ферганской долине время от времени вспыхивали вооруженные восстания под руководством духовенства. Андижанское восстание 1898 г. вызвало большую тревогу властей, засомневавшихся, в частности, в правильности курса Кауфмана на «игнорирование» ислама. Генерал-губернатор Туркестана С. М. Духовской представил специальный всеподданнейший доклад «Ислам в Туркестане», в котором писал об изначальной враждебности ислама к христианской культуре и отмечал распространение панисламистских идей в России. Он предупреждал об опасности неприятия мер, предотвращающих возникновение в империи мусульманского вопроса, подобного польскому или финляндскому, и предлагал выработать общегосударственный план отношения к исламу, включавший в себя упразднение всех духовных мусульманских управлений с передачей их функций общей администрации.

Конкретно в Туркестане Духовской предлагал делать ставку на силу, которую единственно привыкли-де уважать местные жители и которой они только и удерживаются «от проявления своего фанатизма к неверным». Мусульманское духовенство Духовской предлагал подчинить уездным начальникам¹⁸. Главный штаб по итогам расследования Андижанского восстания также предлагал усилить обрусение края, отменить выборность туземной местной администрации и потребовать от местных судей и волостных управителей в короткий срок перейти в служебной переписке на русский язык. За контроль над действиями мусульманского духовенства высказался и военный министр А. Н. Куропаткин. Все эти предложения остались, однако, нереализованными, скорее всего из-за медлительности российской бюрократии, дотянувшей до русско-японской войны, когда до Туркестана руки уже не доходили. Кроме того, на позиции правящих кругов сказывались соображения внешней политики, о которых напоминал Витте, предупреждавший об опасности для России мер, способных «породить неприязненное к ней настроение во всем мусульманском мире».

Новым фактором в национальной политике в конце XIX в. стала русская крестьянская колонизация окраин. После Кавказской войны и массового исхода горских народов в Турцию, а затем нового переселения абхазов после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Черноморское побережье опустело. Стремясь заселить его людьми, способными вести хозяйство в существующих там условиях, правительство допустило туда армян и греков из Турции. Из Грузии началось стихийное переселение мингрелов в Абхазию. В 1896—1897 гг. было решено, что впредь следует сосредоточить усилия на создании на побережье «ядра русских людей», которые служили бы проводниками русского влияния на местное население. Эти усилия вылились в раздачу лучших земель петербургской высшей бюрократии в качестве «культурных участков». Создания крестьянских хозяйств практически не велось. В 1903 г. начальник Переселенческого управления А. В. Кривошеин писал, что на широкую колонизацию побережья рассчитывать не приходится, ибо русские крестьяне не скоро сумеют достичь того уровня, на котором вели хозяйство черкесы¹⁹.

Закавказье долгое время служило местом ссылки русских сектантов. Лишь с 1889 г. было разрешено добровольное переселение крестьян, затрудненное на практике существовавшими в то время ограничениями выхода крестьян из Европейской России и отсутствием в Закавказье действительно свободных казенных земель, годных для переселенцев. Поэтому в 1896—1897 гг. МВД перевело вопрос

в политическую плоскость, подчеркивая важность «с точки зрения общих интересов государства» увеличить в крае коренное русское население, для которого можно отдать «излишние земли», находившиеся в пользовании местных крестьян. Речь шла прежде всего о зимних пастбищах скотоводов-мусульман, рассматриваемых властями как кочевники. При этом главноначальствующий на Кавказе Голицын требовал от своих подчиненных выделять участки под переселение «независимо от соображений о поземельном устройстве туземных закавказских поселян» и не считаться с «вредными традициями кочевого населения»²⁰.

Хотя на практике до 1905 г. в Закавказье переселилось всего несколько тысяч русских крестьян, власти (по данным ревизии сенатора А. М. Кузминского) ради их устройства сгоняли местных жителей с давно занимаемых ими земель. Под лозунгом сохранения «в будущем места для прочного водворения русских людей» Голицын добился принятия указа 29 мая 1898 г., запрещавшего приобретение в Закавказье иностранцами земли вне городов, кроме как для устройства заводов и горнозаводских предприятий (эту оговорку с трудом вырвал Витте). В 1900 г. Голицын предложил размещать переселенцев на землях, конфискуемых у армянской церкви, считая желательным привлечение русских «в край с сплошным армянским и вообще инородческим населением». На Северном Кавказе Министерство государственных имуществ настаивало на праве казны на земли, издавна считавшиеся горцами их личной собственностью, и на этом основании обложило оброчной податью наследственные владения некоторых родов из высших сословий²¹.

Колонизация Туркестана была начата сразу после завоевания его в 60-е годы XIX в. созданием Семиреченского казачьего войска вдоль китайской границы. Тогда же появились первые русские переселенцы в казахских степях, тонкой полоской растекавшиеся вдоль почтовых и коммерческих трактов. В предвидении будущего расширения колонизации «Степное положение» 1886 г. предусматривало возможность принудительного изъятия у казахов их земель, считавшихся собственностью казны. Реально поток переселенцев стал увеличиваться после сооружения Сибирской железной дороги, и уже в 1896 г. было начато обследование казахского землепользования на предмет выявления «излишних» земель. Еще до начала массовой колонизации Степной генерал-губернатор поднял в 1903 г. вопрос о ликвидации института казахских волостных управителей и замене их органами русской власти, поскольку русские переселенцы чувствуют себя «беспомощными среди иноплеменного населения»²².

Колонизация Туркестана затруднялась густой заселенностью Ферганской долины и непригодностью значительной территории края для сельского хозяйства без предварительной ирригации. Тем не менее в 1887 г. была начата работа по определению границ частных владений, имевшая одной из целей выявление свободного земельного фонда. Одновременно лицам нехристианских исповеданий, кроме местного населения, было запрещено приобретение в крае земельной собственности. В 1903 г. было разрешено переселение в Сыр-Дарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую области на казенные земли лиц православного исповедания и коренного русского происхождения. Реально до начала столыпинской земельной реформы переселение шло в очень небольших размерах²³.

Грубые приемы властей по подавлению национальных движений в России способствовали лишь их радикализации, а также уменьшению влияния умеренных их лидеров. А эта радикализация в свою очередь послужила новым толчком для усиления репрессивных действий властей. В результате национальный вопрос стал одним из важнейших дестабилизирующих факторов в Российской империи конца XIX — начала XX века.

Примечания

Статья извлечена из личного архива покойного доктора исторических наук В. С. Дякина. В подготовке ее к печати участвовал кандидат исторических наук И. В. ЛУКОЯНОВ (Санкт-Петербург).

1. ТОКАРЕВ А. И. Изменения политической системы российской общества: 1861—1925 гг. М. 1993, с. 10сл.

2. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1276, оп. 4, д. 815, л. 1—4.
3. Записка о правах жительство и передвижения евреев (там же, оп. 2, д. 45, л. 134).
4. Там же, оп. 1, д. 105, л. 40; оп. 2, д. 486, л. 11—14; ф. 1284, оп. 190, д. 84-б, л. 3—4.
5. Там же, ф. 821, оп. 8, д. 594, л. 28; д. 610, л. 241.
6. Там же, д. 616, л. 35.
7. Там же, д. 612, л. 10.
8. Там же, д. 610, л. 149.
9. Там же, оп. 7, д. 1, л. 146, 164, 166; д. 96, л. 21.
10. Там же, ф. 1282, оп. 1, д. 352, л. 66—70.
11. Учреждения Совета и Комитета Министров. СПб. 1882, гл. II, § 15; гл. III, § 33; гл. IV, § 49; Учреждение Совета Министров и Комитета Министров. Т. I, ч. 2. СПб. 1886, разд. II, § 27, 61; см. также: ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М. 1978.
12. РГИА, ф. 821, оп. 7, д. 96, л. 39.
13. Там же, д. 306, л. 5—6.
14. ВИТТЕ С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М. 1960, с. 106—108, 207—209.
15. ЕРОШКИН Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М. 1983, с. 191, 247, 248.
16. РГИА, ф. 1276, оп. 2, д. 12, л. 116.
17. История СССР: XIX — начало XX в. М. 1987, с. 223, 261; см. также: КАНОДА Н. Н. Переселенческие поселки в Закаспийской области (конец XIX — начало XX в.). Канд. дисс. Ашхабад. 1978; CARRÈRE D'ENCAUSSE H. Islam and the Russian Empire. Lnd. 1988.
18. РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 612, л. 107—116.
19. Справка о колонизации Черноморской губернии (РГИА, ф. 1276, оп. 19, д. 555, л. 49).
20. Там же, ф. 391, оп. 2, д. 195, л. 2, 57—58, 161—162.
21. Там же, ф. 1284, оп. 185, 1897 г., д. 9, л. 91, 108—111.
22. Там же, ф. 821, оп. 8, д. 624, л. 146.
23. История СССР: 1861—1917. М. 1990, с. 145—146; см. также ДУБРОВСКИЙ С. М. Столыпинская земельная реформа. М. 1963.

Утверждались ли духовные грамоты Ивана Калиты в Орде?

А. Б. Мазуров

Духовные грамоты Ивана Даниловича Калиты — хорошо известный источник. Начиная с М. М. Щербатова, ни один крупный историк не обошел их вниманием. Однако в их источниковедческом изучении до сих пор существует дискуссионный вопрос о том, утверждались ли они в Орде.

Широко известна формула Н. М. Карамзина: «Москва своим величием обязана ханам»¹. И глубоко символичным оказывается то, что древнейшая из подлинных великокняжеских духовных прошла процедуру одобрения у хана Узбека (1313—1342 гг). Если все так и было, то это прекрасная иллюстрация к уничтожающей характеристике Ивана Даниловича, данной К. Марксом. Подобная точка зрения отчасти свойственна и советской историографии, где Калита характеризуется как жестокий, хитрый, лицемерный правитель. А. Н. Насонов считал даже Ивана Даниловича своего рода ханской марионеткой, баскаком с русской кровью, проведенным в Орде половину своего княжения на великом владимирском столе и запятнавшим себя сотрудничеством с ней².

Впервые гипотеза об утверждении завещания Калиты ханом была выдвинута Л. В. Черепниным³. Считая два сохранившихся «харатейных» текста двумя вариантами одной духовной, он датировал их 1339 годом. По его мнению, Иван Калита для поездки в Орду в 1339 г. заготовил не один вариант духовной. В одном из сохранившихся проектов состав поземельных владений более обширен (включает «примыслы» «опрочь московских»). Как и В. И. Сергеевич, Черепнин предполагал, что Калита заготовил еще третий, утерянный ныне, проект, где он перечислил свои купли, упомянутые в духовной грамоте Дмитрия Донского 1389 г. — Галич, Белоозеро и Углич⁴. Таким образом, получалось, что Калита хотел санкционировать в Орде, в зависимости от ситуации, наиболее выгодный документ.

Конец 30-х годов XIV в. ознаменовался столкновением Москвы и Твери за великокняжеский стол. В 1339 г. Иван Данилович одержал в Сарае победу над своим соперником Александром Михайловичем Тверским и добился его гибели. В этом же году дважды сыновья московского князя ездили в ханскую ставку⁵. Перед последней отправкой внук Александра Невского пытался истребовать в двойном размере «царев запрос» в Новгороде, что должно было бы способствовать благосклонности хана⁶. В то же время довольно ранний источник — Рогожский летописец 40-х годов XV в. — сообщает о том, что в 1339 г. Иван Данилович возвратился из Орды «в свою отчину пожалован богом и царем»⁷.

Учитывая перечисленные факты, Черепнин считал, что Калите удалось

Мазуров Алексей Борисович — зам. декана исторического факультета Коломенского пединститута; руководитель Археологической службы г. Коломны.

утвердить у Узбека второй («средний») проект духовной; вместе с восьмиугольной формы серебряной позолоченной печатью великого князя Ивана к нему была привешена небольшая свинцовая печать-пломба «с изображением, с одной стороны, тамги в форме плетения, с другой — шестиугольной звезды, сложенной из двух треугольников, с четырьмя шариками в центре»⁸. Сегодня обе печати — и позолоченный аргировул и свинцовая пломба второй духовной Калиты утрачены. Если буллы Ивана Даниловича хорошо известны, то атрибуция печати-пломбы остается загадкой.

Первое суждение об этой печати принадлежит «Колумбу российских древностей». По Карамзину, на одной из сторон ее имеются «буквы татарские». На этом основании был сделан вывод, что «она могла быть чиновника ханского или баскакова»⁹. А. В. Орешников полагал, что свинцовая печать привешена к завещанию князя татарским чиновником прямо на Ордынском дворе в московском кремле¹⁰. Черепнин считал, что печать золотоордынская¹¹ (указав ей аналогии в золотоордынских монетах XIX в.) и что привешена она была к документу непосредственно в Орде — в резиденции Узбека¹². Черепнин предположил, что начиная с Калиты московские князья составляли свои духовные в двух противных-копиях: один оставался в Орде, другой после утверждения ханом хранился в Москве. По мнению Черепнина, так поступали московские Даниловичи: все их духовные грамоты XIV в., включая и завещание 1389 г. Дмитрия Донского, Черепнин рассматривал как утвержденные в Сарае¹³. Таким образом, на основе частного и не совсем ясного факта было сделано весьма широкое обобщение.

Точка зрения о санкционировании духовных в Орде прочно утвердилась в отечественной историографии¹⁴. Дополнительные аргументы привлек С. М. Каштанов, обратив внимание на особенности формуляра духовных. Выражение «идя в Орду» в обоих завещаниях Ивана Даниловича (после введения) он понял как свидетельство его намерения утвердить духовную в Орде, а в словах завещателя «никим не нужон» усмотрел намек на возможность принуждения князя татарами к составлению духовной и поездке с ней в Орду. «Представляется, — строит дальнейшие предположения Каштанов, — что до Ивана Калиты власть на Московское княжение должна была закрепляться ханским ярлыком. Иван Калита сумел добиться отхода от этой практики и узаконил другой способ передачи власти на Московское княжение — запись княжеского распоряжения в духовной. Может быть, связь нового способа со старым нашла выражение в необходимости утверждения духовной в Орде»¹⁵.

Итак, рассматриваемая гипотеза основывается на следующих аргументах: 1) общие соображения о вероятности данного порядка, подкрепленные анализом благоприятной для Калиты политической конъюнктуры 1339 г.; 2) существование проектов духовной (двух; предполагается существование третьего); 3) особенности формуляра документов; 4) наличие при одном из завещаний «татарской», ныне утраченной, печати.

Прежде всего отметим, что пергаменные тексты Калиты являются двумя разными духовными. Одна из них датируется сегодня 1336, другая — 1339 годом¹⁶. Как показал В. А. Кучкин, различие почерков писцов, несхожесть орфографии, текстовые вариации, некоторая редакционная перестройка, использование разноцветных шнуров для привешивания печатей не позволяют рассматривать эти документы в качестве двух вариантов-проектов¹⁷. После этого гипотеза о «более» или «менее выгодных» проектах в значительной мере теряет свой вес.

Общепризнано, что права на княжение утверждались отдельным ханским ярлыком, который князья приобретали, «умздив» татарских вельмож, «за многое золото и серебро». Можно ли принять предположение Каштанова о том, что духовная грамота являлась одновременно и ярлыком?

Но ведь об утверждении духовных грамот в Орде, за исключением именно рассматриваемого здесь спорного случая, нет никаких данных. Древнейшей духовной Северо-Восточной Руси, о которой сохранились свидетельства письменных источников, является завещание Михаила Тверского. По приезде во Владимир, где находился тогда великий князь со своими сыновьями, ханского посла Ахмыла с приказом явиться в Орду, Михаил Ярославич отпустил сыновей в Тверь — «в свое отечество», «дав им ряд, написав им грамоту, раздели им отчизну свою»¹⁸. Таким образом, как и обе духовные Калиты, упомянутый «ряд» был заготовлен «идя в Орду», то есть до поездки, на случай непредвиденных обстоятельств. Завещание

и вступило в силу тотчас по получении известия о мученической кончине князя. В Орде данная «душевная» не утверждалась, что видно из «Повести о Михаиле Тверском»¹⁹.

Существующие источники и последовательность событий отрицают возможность замены ярлыка духовной грамотой. Во-первых, уже в 1325 г. Калита ездил в Орду²⁰. Это, конечно, поездка за ярлыком на Московское княжество: великим князем Иван Данилович тогда еще не был. За время княжения Калиты не происходило смены хана в Орде и потому в 1336 и 1339 гг., видимо, не возникало необходимости подтверждать или испрашивать в Орде право на власть. Симеон Гордый после смерти отца поехал к хану — снова за ярлыками²¹. Хотя историки обращают внимание прежде всего на борьбу Семена Ивановича с другими претендентами на великокняжеский владимирский стол, прежде всего полагалось решить вопрос о наследственных правах на Московское княжество. Все эти поездки окажутся непонятными, если принять точку зрения о переходе прав на княжение уже по завещанию 1339 года. Во-вторых, надо обратить внимание и на более поздние факты. Известно, что во время спора в Орде в 1432 г. о великом княжении между Василием II и Юрием Галицко-Звенигородским боярин Иван Дмитриевич Всеволожский резко противопоставил «царево жалованье» (ярлыки) и «мертвую грамоту» (духовную грамоту Дмитрия Донского)²². Показательно, что в сознании людей XV в. даже после слияния Владимирского великого княжения с Московским ярлыки и духовные грамоты совершенно недвусмысленно различались.

Противоречит трактовке Каштанова и конкретная ситуация 1339 года. Предметом завещания Калиты является, как известно, исключительно Московское княжество — «московская отчина и ее семейно-вотчинные распорядки», по определению А. Е. Преснякова²³. Но спор перед Узбеком шел о великом княжении, и, таким образом, составление духовной и поездка в Орду сопряжены только по времени, и нет оснований толковать сообщение летописи о «пожаловании царем» в 1339 г. Ивана Калиты как аргумент в пользу предположения Черепнина. В Рогожском летописце, восходящем к более древним летописным сводам, речь идет лишь о великом княжении. Отводится, в связи с этим, и версия о третьем (не утвержденном и якобы утерянном) варианте духовной с «куплями», который и не мог быть составлен. Под «куплями», как показал Кучкин, подразумевались полученные у хана «по мзде» ярлыки на мелкие княжества — Галицкое, Белозерское и Углицкое. Поэтому в принципе ни о каком включении их в завещание говорить невозможно: ярлык не наследовался, а покупался. Ордынский хан мог передать его любому другому русскому князю. Так, уже в 1339 г. (показательно совпадение дат) Белозеро вернул себе старый вотчич — князь Роман Михайлович²⁴.

Не являются достаточными аргументами в пользу гипотезы об утверждении духовных и особенности формуляра. Выражение «идя в Орду» указывает лишь на обстоятельства написания документа, а слова «ником не нужен» — на автономность воли завещателя. К тому же трудно допустить, чтобы Узбек, верховный сюзерен русских князей («царь», по выражению летописца), принудил Ивана Даниловича составить «душевную» с перечислением и мелкого движимого имущества («чепи, порты, блюда, чаши, золоченая коробочка» и т. д.). Грамоты проникнуты духом сугубо индивидуальной воли князя, в которой проявилось свойственное средневековой смещению публично- и частноправовых моментов. Исходным для понимания завещательных распоряжений московских князей является признание их внутрисемейного характера.

Документ, адресованный сыновьям и супруге князя и написанный перед духовниками, на случай смерти завещателя, вряд ли предназначался для ханского утверждения. Судя по всему, к подготовке «душевной» грамоты имел отношение весьма ограниченный круг лиц. Показательно в связи с этим, что при ее составлении не присутствовал ни один боярин, хотя начиная с Дмитрия Донского при этом акте присутствовали послухи — «синклит» знатнейших бояр. В некоторые, правда поздние, списки летописей включена «Повесть о жизни и последних часах Дмитрия Донского», рисующая сцену прощания князя с семьей и ближними боярами. Видимо, именно в эти дни 1389 г. и составлялось второе из дошедших до нас завещаний Дмитрия Ивановича. Как отметил С. Б. Веселовский, в «Повести» «много прикрас и гипербола, риторика и пространственных распространений, но нельзя не признать большой осведомленности автора и верности характеристик взаимных отношений

князя и бояр». Именно к боярам обращался великий князь с просьбой выступить гарантами выполнения его воли.

Совершенно идентичная ситуация обрисована в «Повести древней, списанной о житии великого князя Михаила Александровича Тверского, внука Михайлова», помещенной в Никоновской летописи под 1399 годом. Предчувствуя свою кончину, Михаил Ярославич увещевал бояр: «А вы, братие, воспоминайте моим детем, чтобы в любви были, якоже указах им и разделих им коемуждо часть отчины (далее следует перечень уделов сыновей. — А. М.)... якоже написах во грамоту душевную, почему им княжити и жити, не преступати моего слова и грамоты душевныя»²⁵. Очевидно, что привлечение виднейших бояр к оформлению духовных грамот — своего рода обнародование их перед высшими сановниками государства — для последних десятилетий XIV в. порядок вполне сложившийся.

Отсутствие в завещаниях Ивана Даниловича имен послухов-бояр выглядит на первый взгляд парадоксально. Веселовский на большом фактическом материале показал, что именно к эпохе Калиты относится большинство боярских выездов и начало сложения высшего слоя старомосковской служилой аристократии. Некоторое первоначальное удивление рассеивают духовные грамоты Симеона Гордого 1353 г. и Ивана Красного 1358 года. При составлении этих документов бояр в числе «сидельников» также не было. Видимо, требовалось время, чтобы бояре вполне осели и вошли в доверие князя, воспринимаясь именно как московские, а не нововыезжие представители родовитой знати. Впервые они появляются лишь при духовной Дмитрия Донского 1372 г.²⁶, что скорее всего можно поставить в связь с периодом боярского правления во главе с митрополитом Алексием во время малолетства Дмитрия Ивановича и, как следствие, резким возрастанием их влияния.

Напротив, духовные Калиты не предназначались для чужих глаз. Они овеяны особой сакральностью, и не только потому, что в качестве послухов выбраны исключительно духовные лица. Обе грамоты оканчиваются формулой-заклинанием, угрозой божьим судом: «А кто порушит сию грамоту — судит ему бог». Надо ли говорить, что процедура утверждения в Орде хотя бы теоретически предусматривала возможность «рушения» грамоты? Документ, являвшийся тайной и для ближайшего княжеского окружения, тем более не мог утверждаться в ханской ставке.

Разбирая вопрос о возможности утверждения духовных в Орде, отметим один фрагмент завещаний (редакция одинакова в обеих грамотах): «А по моим грехом, цы имуть искати татарове которых волостей, а отоимуться, сыном моим и княгини моеи поделити вы ся опять тыми волостьми на то место». Итак, татары могли в 1336—1339 гг. отнять какие-то волости, а наследникам полагалось поделиться после этого оставшимся. Среди исследователей возникли разногласия, что понимать в данном случае под волостями. Карамзин, Насонов, Черепнин, Алексеев толковали здесь термин «волость» в территориальном смысле²⁷. С этим не соглашается Каштанов: нельзя поделиться «тыми» — т. е. уже отнятыми — волостями-территориями²⁸. Контекст, по его мнению, говорит об употреблении термина «волость» для обозначения пошлин. В самом деле, в духовной Калиты данный термин применяется как для обозначения территорий, так и в финансовом смысле²⁹. Но и это не решает вопроса: сама по себе грамматическая конструкция цитированного фрагмента в источнике нелогична. Непонятно, как можно поделиться уже утраченным (безотносительно — территориями или пошлинами)?

Базовым для понимания термина «волость» (производное от «власть») все же является понятие территории. Сбор пошлины документы рассматривают лишь в качестве прав верховной собственности на те или иные волости-территории³⁰. Упомянутые «те волости» («тыми волостьми») — это все оставшиеся после предполагаемого ущерба волости-территории, поименованные в тексте документа выше и составлявшие удел наследников: трех сыновей — Симеона, Ивана, Андрея и княгини Ульяны «с меньшими детьми». Соответственно их и надо поделить. Пункт о разделе уделов в случае утраты каких-либо частей Московского княжества, как показал Алексеев, включался и в последующие духовные Ивана Красного и Дмитрия Донского³¹. Совпадает и смысл проанализированного фрагмента.

На что же могли претендовать татары? В. Л. Егоров предполагает, что во второй половине XIII — начале XIV в. в русских землях существовали анклавные («буферные») зоны ордынских владений, включавшие верховья Дона и среднее

течение р. Оки. Затем они были Ордой частично утрачены³². Егоров понимает ее претензии как попытку вернуть свои старые владения. В подтверждение своей мысли о существовании особых зон, управлявшихся ордынской администрацией, он сослался на dokonчания 1390 г. между великим князем Василием I Дмитриевичем и Владимиром Андреевичем Боровско-Серпуховским³³ и сделал вывод, что Коломна, входившая во время Калиты в состав Московского княжества, ранее находилась под непосредственной властью монголов.

«Это предположение, — пишет Егоров, — подтверждается упоминанием в грамоте 1390 г. особенного коломенского посла «коли еси был в своеи очине». Именованье Коломны «очиной» посла указывает на то, что город находился под монгольской юрисдикцией еще в XIII в. и, видимо, до времени правления Ивана Калиты являлся наследственным владением крупной феодальной золотоордынской семьи, наделенной баскаческими функциями»³⁴. Однако источник не содержит убедительных оснований для подобных заключений. Во-первых, коломенский посол пришел из Орды, надо полагать, после смерти Дмитрия Донского, наступившей 19 мая 1389 г.³⁵, и вскоре после этого уехал, так как грамота 1390 г. говорит о нем в прошедшем времени. Было бы не совсем корректно из этого частного факта делать обобщения относительно времени, на столетие удаленного от него. Во-вторых, грамота 1390 г. дана от имени Василия Дмитриевича Владимиру Андреевичу. Вот использованный Егоровым фрагмент полностью: «А что ординская тягость и коломенский посол, коли еси был в своее очине, а то нам по розочту. А володимерския послы, как ты выехал в своее очине, а тот ти протор не надобе»³⁶. Отсюда видно, что автор не совсем верно понял текст. Слова «коли еси был в своее очине» (когда ты был в своей отчине. — *А. М.*) обращены к Владимиру Андреевичу Храброму и никакого отношения к «коломенскому послу» не имеют (на это обстоятельство указал Черепнин³⁷). Если относительно принадлежности Тулы Орде сомнений нет, то для Коломны и прилегающих территорий по Оке предложенная гипотеза не имеет опоры в источниках.

Слова завещания Калиты о возможных притязаниях татар могут иметь иной смысл. Орда выступала высшей инстанцией в спорах о недавно присоединенных к Московскому княжеству землях. Показательно, что в первой духовной Ивана Калиты волости-территории поименованы лишь под Коломной: «Коломна со всеми коломенскими волостями». Предельно конкретно объем притязаний обозначен в духовной Ивана Красного, отделенной от завещания Ивана Калиты двумя десятилетиями: это та же Коломна (речь идет, конечно, не только о собственно городе Коломне, но и о всем том, «что к нему потягло», т. е. и о «коломенских волостях») и «Лопастенские места»³⁸.

В начале XIV в. (после похода на Переславль-Рязанский в 1300 г.³⁹ и убийства Юрием Даниловичем плененного в битве рязанского князя Константина в 1306 г.⁴⁰) город Коломну с округой московские князья «оттягали» у Рязани и присоединили к своим владениям. Однако до 80-х годов XIV в. Рязань не признавала этих захватов. Лишь договор 1381 г. впервые урегулировал территориальные разногласия⁴¹. Таким образом, в рассмотренной здесь статье завещаний 1336 и 1339 гг. имеются в виду, вероятно, притязания рязанских князей через посредство Орды на недавно присоединенные юго-восточные окраины Московского княжества.

В принципе духовные, предусматривавшие возможность ущемления владельческих прав московского князя (даже независимо от того, что имеется в виду — территории или пошлины), не могли предназначаться для утверждения в Орде⁴². Калита, очевидно, был первым московским князем, составившим свою духовную. Заложенная им традиция составления письменного «ряда» прочно вошла в политическую практику XIV—XVI веков. Завещания 1336 и 1339 гг. положили начало архиву великокняжеских документов, и рассматривать их надо как часть документального комплекса. Являясь исходным документом, на базе которого строились дальнейшие отношения между князьями, духовная была обязательна для наследников⁴³. Но содержание духовных Калиты шире — в них установлены фундаментальные основы политической системы Московского княжества⁴⁴, сохраненные в последующих завещаниях князей Московского дома. Упоминания духовных Калиты и отсылки к ним в более поздних документах московской великокняжеской канцелярии встречаются неоднократно. Самая ранняя из таких отсылок в dokonчании сыновей Калиты 1348 г.: «Како ны отец наш роздел дал»,

«а чим ны благословил отец наш»⁴⁵. Однако нигде нет и намека на возможность ордынского утверждения.

Позднее, составляя свои завещания, московские великие князья и цари обязательно обращались к документам своих предшественников. В 1533 г. сильно занемогший Василий III, после того как лечение не помогло, а здоровье его еще ухудшилось, подумал о духовной грамоте и тайно приказал дьяку Путятину Меньшому привезти в Волок, где находился великий князь, духовные прежних князей⁴⁶. И Иван Грозный с его дьяками, составляя духовные, использовали документы государственного архива. В описи царского архива 1572 г. отмечены дела, посланные к Ивану IV в 1562—1572 годах⁴⁷. В августе 1566 г. он потребовал к себе ящик с духовными грамотами Калиты, Дмитрия Донского, Василия Темного и др.⁴⁸. В случае если бы духовные Калиты утверждались в Орде, естественны были бы какие-либо пояснения или хотя бы упоминания о столь важных фактах в летописях или более поздних духовных. Однако этого не наблюдается. Нет таких указаний и в описях архива Посольского приказа 1614, 1626 и 1673 годов⁴⁹.

Главный аргумент сторонников версии Черепнина — наличие «татарской» печати. Она привешена лишь ко второй грамоте 1339 г., что, как будто, добавляет силы гипотезе об утверждении завещаний Калиты в Орде, ибо юридически действенной, вступившей в силу грамотой являлась именно «душевная» 1339 г. — ею в XV в. открывался комплекс завещаний в великокняжеском архиве. Само по себе утверждение документов в Орде должно было бы выразиться в некоторых признаках: либо в соответствующих пометах, либо в виде удостоверяющей печати.

Что касается помет, то грамоты Калиты сохранились в очень ветхом виде, еще в средневековые они были реставрированы — подклеены на бумажную основу. Архивисты XVII в., описывая документ, отметили, что оборотная сторона была пустой: «Назде рук не знать». Читалась лишь одна запись: «Духовная и списки с духовных и прощная грамота». Но существовали и другие, более ранние записи XV—XVI вв., заклеенные бумагой. После реставрации, проведенной в последнее время, выяснилось, что заклеенные прежде записи на обороте — все русские и отражают порядок хранения документов в архиве⁵⁰. На лицевой же стороне пометы просто негде было бы разместить.

Печати и другие удостоверятельные знаки Джучиева улуса изучались М. А. Усмановым⁵¹. Все они прикладные — квадратные тамги либо печати миндалевидной формы. «Татарская печать», привешенная к грамоте 1339 г., никак не вписывается в круг подлинных джучидских материалов XIV—XVI веков. В Орде вообще не бытовала вислая свинцовая булла (моливдовул), печать же не может приписываться ни Узбеку, ни какому-либо иному хану.

Отрицание утверждения духовной в Сарае не снимает проблему принадлежности печати. Может быть, надо принять предположение Карамзина и Орешникова о заверении духовной на Ордынском дворе в московском Кремле? Новгородская первая летопись младшего извода сообщает даже имя второго возможного обладателя печати. В родословии русских князей, предшествующем тексту летописи, сообщается о том, что в княжение Калиты «правил Албуга»⁵², которого Насонов считал особым чиновником, приставленным для надзора за великим князем⁵³. Но и это предположение отпадает. В иерархии XIV—XV вв. русские князья (а тем более великий князь Владимирский, каковым был Иван Калита во время составления грамот) приравнивались к бекам или султанам и «никакой татарский чиновник в Москве не мог иметь права утверждать великокняжеское завещание».

Усманов считает утерянный ныне свинцовый знак поздней пломбой, аналогичной русским сфрагистическим материалам XVI—XVII вв.⁵⁴, что означает признание данной печати фальсификатом. Такое предположение как будто подкрепляется следующим важным обстоятельством — в описях архива Посольского приказа 1614, 1626 и 1673 гг., где перечислялись буллы, привешенные к документам (упоминались в том числе и разрушенные восковые печати), «татарская печать» не фигурирует. Из этого можно сделать вывод, что она привешена к документу уже после 1673 г., а истолкование Усмановым свинцового знака признать наиболее правомерным. И все же предположить позднюю подделку буллотирия и сознательную фальсификацию печати при таком важном акте, как духовная Калиты, хранившемся в государственном архиве, едва ли возможно.

В литературе уже указывалось на невниманье архивистов XVII в. к печатям при

документах⁵⁵. Видимо, небольшая свинцовая анонимная печать не удостоилась упоминания при составлении архивных описей раннего времени. Но уже в 70-х годах XVIII в. М. Н. Соколовский, описывая духовную Калиты, отметил: «Привешена к ней печать серебряная позолоченная с изображением на одной стороне Спасителя, на другой Иоанна Крестителя образа и надпись в круге: «Печать великого князя Ивана, а к помянутой сей печати привешена другая свинцовая»⁵⁶. Так что сомнений в подлинности маленькой пломбы быть не может.

Печати прикреплялись к документам шнурами на особых прямоугольных выступях в средней части нижнего поля листа пергамена. У документа 1336 г. этот выступ имеет размеры 39,5x11—14 мм, красный шнур пропущен через четыре отверстия. Иначе обстоит дело с грамотой 1339 года. Прямоугольный выступ имеет размеры 58x6—14 мм и несет следы прикрепления двух шнуров. В левых четырех отверстиях остались обрывки шелкового синего шнура. Таким образом, на момент оформления грамота 1336 г. имела одну печать, а грамота 1339 г. — две. В последнем случае две печати (великокняжеская и «ордынская») висели на разных шнурах. Это существенное уточнение, так как ранее считалось, что они располагались на одном шнуре. Иначе говоря, сразу же после написания документ снабдили двумя печатями.

Итак, малая свинцовая печать-пломба относится к времени составления документа и привешена к нему вместе с великокняжеским позолоченным аргировулом. Какая-то часть известных древнерусских пломб являлась актовыми печатями⁵⁷. Круг лиц, причастных к оформлению великокняжеского завещания, с одним из которых можно связать данную печать-пломбу, предельно ограничен: князья-братья, митрополит (известны как печати, так и подписи митрополитов на духовных), другие представители высшего духовенства (иногда — даже собор епископов), «душевные отцы» — игумены и попы, бояре «вернейшие паче всех», выступавшие в качестве послухов, а также великокняжеский писец⁵⁸.

Живых братьев в момент подготовки завещаний у Калиты не было. Митрополит Феогност в документе не упомянут и, видимо, в это время находился во Владимире, при своем кафедральном Успенском соборе⁵⁹. О боярах речь шла выше. Выбор остается невелик: либо «душевные отцы», либо великокняжеский писец. Три послуха и в 1336 и в 1339 г. являлись исключительно духовными лицами — попы Ефрем, Феодосий, Давыд⁶⁰. Архимандриты, игумены и попы в Московской Руси имели право скреплять документы печатью. Известна, например, восковая печать духовника-попа Ивана у завещания волоцкого князя Бориса Васильевича 1477 года⁶¹. Но отождествление обладателя малой буллы с кем-либо из перечисленных лиц наталкивается на противоречие: послухов трое, а печать одна. Кроме того, неясно, соотносимы ли в данном случае традиции восковой (особенно широко распространенной в XV в.) и свинцовой печати. Сужая, таким образом, область поиска, приходим к фигуре великокняжеского дьяка-писца.

Роль этой должности при великокняжеском дворе XIV — первой четверти XV в. раскрыта В. Водовым⁶². Дьяк-писец, как свидетельствуют материалы XV в., имел собственную печать и право скреплять подписью государственные акты, выданные по велению сюзеренов. До нас дошли две грамоты: «данная» около 40-х и «разводная» 60—70-х годов XV в. за восковыми печатями и подписями соответственно дьяка великого князя Ивана Владимировича Кулудара Ирежского и дьяка великой княгини Марии Ярославны Никифора⁶³. Но оправданно ли переносить эти порядки на XIV век?

Обращает на себя внимание одна из находок последнего времени в Новгороде⁶⁴. В 1992 г. на Троицком раскопе в древнем Людином конце города в напластовках середины — третьей четверти XII в. найдена печать князя Святополка Изяславича, относящаяся к новгородскому периоду его княжения (1078—1088 гг.), а неподалеку — малая свинцовая печать-пломба с надписью на одной стороне по-гречески «Мефодий грамматик» (т. е. писец) и изображением святого — на другой. Обе печати немного подрезаны по краям и вышли из одних рук⁶⁵. Очевидно, обе печати скрепляли не дошедший до нас документ, что свидетельствует о существовании практики дополнительного привешивания печати писцами-печатниками (в данном случае «ученого» грека) вместе с печатями князей, которым они служили, с XI века.

В XIV в. завещания московских князей оформляли следующие писцы: Кострома (первая духовная Ивана Калиты 1336 г.), Нестерко (духовные Ивана Красного около

1358 г.), Нестор (видимо, тот же самый Нестерко 1358 г. — первая духовная Дмитрия Ивановича 1372 г.), Внук (вторая духовная грамота Дмитрия Ивановича 1389 года). При составлении духовной дьяк был обязан подобрать более ранние духовные, подготовить проект-черновик (который всегда должен быть «свершен», т. е. наготове), отредактировать его, переписать на бело, изготовить сопровождающие документы. Как свидетельствуют и более поздние «душевные» XV—XVI вв., упоминание имени писца («А писал сию грамоту...») являлось обязательной частью формуляра⁶⁶. Однако вторая духовная Ивана Даниловича стоит в этом отношении особняком — имени писца в ней нет.

Причина этого видна из сличения текстов первой и второй духовных Калиты. Более позднее завещание писец составлял, «воззрев» на документ 1336 года. Это был не Кострома, ибо почерки документов различны. Для написания второй «душевной» писец-аноним заготовил большой лист пергамена — 271x630x136x748 мм вместо 255x566x242x577 мм (указаны размеры после реставрации), так как в документе 1339 г. имелись добавления. Нанеся на пергамен более двух третей текста, писец, видимо, понял, что места не хватает, и начиная с 68-й строки грамоты его почерк стал более убористым⁶⁷. Будучи зависимым от текста первичной грамоты, дьяк должен был закончить свою в следующем порядке: 1) поименовать послухов; 2) назвать свое имя; 3) закончить закланием.

Дописывая последние строки и до последнего момента не рассчитывая, очевидно, уместить все это, писец оказался перед дилеммой: либо выбросить из текста какую-либо фразу, либо переписать духовную заново. Поскольку ни заклание (сакральное завершение), ни перечисление послухов сокращению не подлежали — без них завещание было бы недействительным — писцу пришлось выбросить свое собственное имя. В последние строки грамоты он внес заклание, а затем имена «отцов душевных», едва уместив их на пергамене. Последняя строка текста отстоит от края листа всего на 3—8 мм. Отсутствие обязательного в формуляре имени писца, скорее всего, и привело к необходимости привесить малую свинцовую печать, компенсирующую недосмотр переписчика. Следовательно, печать-пломбу надо идентифицировать как принадлежавшую неизвестному великокняжескому писцу 1339 года.

Итак, внутренняя и внешняя критика источников — духовных грамот Ивана Калиты не дает оснований предполагать возможность их утверждения в ханской ставке или ордынским чиновником в Москве. Такой формы зависимости от Орды, как утверждение ею великокняжеского завещания, не существовало. Как выясняется, единственная во всем великокняжеском архиве «татарская печать», вероятно, принадлежала писцу Калиты. Конечно, Иван Данилович являлся вассалом Узбека и вынужден был, как и любой другой князь (не говоря уже о великом князе, стоявшем в феодальной иерархии между ханом и остальными русскими князьями), выполнять его распоряжения. В связи с этим Насонов отмечал, что правление Узбека явилось временем максимального включения Московского княжества в структуру улуса Джучи⁶⁸. Но парадокс состоит в том, что именно в эпоху Калиты оказались заложены основы могущества Москвы. По словам Преснякова, он «на покорности власти хана построил свое значение главы великорусского политического мира»⁶⁹. Старшим рабом, циничным угодником, марионеткой, всецело преданной татарским интересам, как считал Маркс, Иван Данилович, конечно, не был. Преследуя прежде всего свои интересы, московский князь обладал определенной свободой действий. Заложенная им традиция письменного оформления княжеского завещания независимо от Орды — лучшее тому подтверждение.

Примечания

1. КАРАМЗИН Н. М. История государства Российского. Кн. 1. Т. 1—4. М. 1988. Т. 4, с. 151.
2. НАСОНОВ А. Н. Монголы и Русь. М.-Л. 1940, с. 109—111.
3. ЧЕРЕПНИН Л. В. Русские феодальные архивы. Ч. 1. М. 1948, с. 15—17.
4. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей (ДДГ). М.-Л. 1950, № 12, с. 34.
5. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 18. СПб. 1913, с. 92 (под 6847 годом).
6. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ). М.-Л. 1950, с. 350.
7. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 15. Вып. 1. Пг. 1922, стб. 53.

8. ДДГ, с. 567.
9. КАРАМЗИН Н. М. Ук. соч. Т. 4, с. 151 и примеч. 326 к т. 4 на с. 125.
10. ОРЕШНИКОВ А. В. Материалы к русской сфрагистике. В кн.: Труды Московского нумизматического общества. Т. 3. Вып. 1. М. 1903, с. 119—121.
11. ЧЕРЕПНИН Л. В. Ук. соч., с. 15. На мысль о восточном происхождении его натолкнул характер орнамента на печати. На одной из ее сторон изображен моголеновид («звезда Давида»). Действительно, в основе своей этот мотив восходит к восточному типу орнамента. Однако он был широко известен на Руси и использован, в частности, в таких разнородных памятниках, как керамические плитки пола Михайло-Архангельского собора в Нижнем Новгороде 1359 г., в сканных узорах шапки Мономаха, в окладе иконы Владимирской Богоматери. Следовательно, ссылки на характер оформления пломбы как аргумент в пользу ее ордынского происхождения неубедительны.
12. ДДГ, с. 567.
13. ЧЕРЕПНИН Л. В. Ук. соч., с. 91. На взгляды Черепнина об утверждении духовных в Орде наложил отпечаток факт посылки третьей духовной грамоты Василия Дмитриевича 1423 г. вместе с митрополитом Фотием к великому князю Литовскому Витовту (там же, с. 91).
14. ЗИМИН А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. В кн.: Проблемы источниковедения. Вып. 6. М. 1958, с. 279, примеч. 24; КАШТАНОВ С. М. К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV — начала XVI вв. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины (ВИД). Т. 11. Л. 1979, с. 241—242, с. 242—225; АВЕРЬЯНОВ К. А. Московское княжество Ивана Калиты. Вып. 2. М. 1993, с. 51. Лишь Ю. Г. Алексеев усомнился в отправке духовных грамот Калитой в Орду вместе со своими сыновьями (но не в самом факте существования татарской печати). См.: АЛЕКСЕЕВ Ю. Г. Духовные грамоты князей Московского дома как источник по истории удельной системы. В кн.: ВИД. Т. 18. Л. 1987, с. 97, примеч. 14.
15. КАШТАНОВ С. М. К изучению формуляра, с. 243.
16. КУЧКИН В. А. Сколько сохранилось грамот Калиты? В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1989 год. М. 1989, с. 222. В настоящее время Аверьянов пытается передатировать первое завещание Калиты 1331 годом.
17. Там же.
18. КУЧКИН В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XVI вв. М. 1984, с. 167.
19. КУЧКИН В. А. Повести о Михаиле Тверском. М. 1974, с. 233.
20. ПСРЛ. Т. 11—12. СПб. 1897, с. 180.
21. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. стб. 53; т. 18, с. 93.
22. ПСРЛ. Т. 25. М.-Л. 1949, с. 249.
23. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Образование великорусского государства. Пг. 1918, гл. 4.
24. КУЧКИН В. А. Формирование государственной территории, с. 255, 305.
25. ВЕСЕЛОВСКИЙ С. Б. Очерки по истории класса служилых землевладельцев. М. 1969, с. 473; ПСРЛ. Т. 11—12, с. 180.
26. ДДГ, № 8, с. 24—25. О дате см.: КУЧКИН В. А. Сергей Радонежский. — Вопросы истории, 1992, № 10, с. 91, примеч. 28.
27. КАРАМЗИН Н. М. Ук. соч., с. 150; НАСОНОВ А. Н. Ук. соч., с. 38; ЧЕРЕПНИН Л. В. Русские феодальные архивы, с. 19; АЛЕКСЕЕВ Ю. Г. Духовные грамоты, с. 96, примеч. 13.
28. КАШТАНОВ С. М. Финансовое устройство Московского княжества в середине XIV в. В кн.: Исследования по истории и историографии феодализма. М. 1982, с. 175.
29. Ср.: «Из городских волостей даю княгине своей осмничее» (ДДГ, № 1). Осмничее — один из видов торговой пошлины.
30. НОВОСЕЛЬЦЕВ А. П., ПАШУТО В. Т., ЧЕРЕПНИН Л. В. Пути развития феодализма. М. 1972, с. 200.
31. АЛЕКСЕЕВ Ю. Г. Духовные грамоты, с. 102, 106.
32. ЕГОРОВ В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М. 1985, с. 41—42.
33. ДДГ, № 13, с. 38.
34. ЕГОРОВ В. Л. Ук. соч., с. 42.
35. ПСРЛ. Т. 15, стб. 156.
36. ДДГ, № 13, с. 38.
37. ЧЕРЕПНИН Л. В. Русские феодальные архивы, с. 62—63.
38. ДДГ, № 4, с. 15, 18.
39. ПСРЛ. Т. 1. М. 1962, стб. 486. В литературе в связи с присоединением Коломны чаще фигурирует 1301 год. Осенью 6809 г. Даниил Александрович Московский разбил рязанцев

- и татар под Переславлем-Рязанским и «князя рязанского Константина некакою хитростию ял и привел на Москву» (там же). Однако в Лаврентьевской летописи 6809 г. ультрамартовский и соответствует 1300/1301 годам (БЕРЕЖКОВ Н. Г. Хронология русского летописания. М. 1963, с. 117—123). Осень 6809 ультрамартовского города приходилась на осень 1300 года. Кучкин вслед за Карамзиным относит вхождение Коломны в Московское княжество к 1306 году. См.: КУЧКИН В. А. Первый московский князь Даниил Александрович. — Отечественная история, 1995, № 1, с. 102.
40. ПСРЛ. Т. 18, с. 86—87.
  41. ДДГ, № 10. О дате dokonчания см.: ГРЕКОВ И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Одры (на рубеже XIV—XV вв.) М. 1975, с. 145, примеч. 46. Окончательно московско-рязанские отношения были урегулированы в 1385 г. после подписания «мира вечного» (см. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 151).
  42. На возможности утверждения в Орде последующих духовных грамот московских князей настаивал Черепнин. Однако духовная Симеона Гордого в принципе не предназначалась для такого утверждения. Как показал Кучкин (КУЧКИН В. А. К датировке завещания Симеона Гордого. В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. 1987 год. М. 1989), она составлялась за два-три дня до смерти завещателя. Предусмотреть ее утверждение при жизни князя не представлялось возможным. В двух духовных Ивана Красного, как и у Ивана Калиты, имеется отдельный пункт о возможности утери юго-восточных (бывших рязанских) земель Московского княжества после татарских интриг. Необоснованно утверждение Черепнина о санкционировании в Орде духовной 1389 г. Дмитрия Донского. Хан не мог санкционировать документ, предусматривавший отказ от выплаты дани и самую возможность падения ордунского ига («А переменил Бог Орду...»). Кроме того, передача по завещанию Василию I великого княжения говорит о том, что Тохтамыш (1380—1398 гг.) не видел этой духовной своего «улуника», ибо выдача ярлыка на великое княжение была исключительно ханской прерогативой. И именно поэтому Юрий Дмитриевич в 1432 г. во время спора в Орде о великом княжении, апеллируя к «духовной отца своего», не мог добиться победы. Для хана грамота являлась именно «мертвой» — не признанной в Сарае, всего-навсего волеизъявлением вассала Золотой Орды. Таким образом, во всех духовных грамотах московских князей XIV в. проордынских элементов не прослеживается. Наоборот, на первый план выходит воля князя, его роль как хозяина-вотчинника и строителя своей земли. Уже в этом проявлялась некоторая оппозиционность по отношению к Орде.
  43. Норма русской Правды: «Аже кто, умирая разделит дом своим детям, на том же стояти; паки ли без ряду умрет, то все детям, а на самого часть дати души» (Российское законодательство X—XX веков. Т. 1. М. 1981, с. 70).
  44. АЛЕКСЕЕВ Ю. Г. Духовные грамоты, с. 98.
  45. ДДГ. № 2, с. 11—13. О дате см.: КУЧКИН В. А. Договор Калитовичей. В кн.: Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М. 1984.
  46. ПСРЛ. Т. 13, вторая половина. Пг. 1914, с. 409.
  47. Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М. 1960.
  48. СКРЫННИКОВ Р. Г. Царство террора. СПб. 1992, с. 56.
  49. Описи царского архива, с. 56; Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М. 1977, с. 32; Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. В кн.: Памятники отечественной истории. Вып. 4. М. 1990, с. 39.
  50. КУЧКИН В. А. Итоги реставрации духовных грамот Ивана Калиты. — Отечественная история. 1992, № 6, с. 63—65.
  51. УСМАНОВ М. А. Жалованные грамоты Джучиева улуса XIV—XVI вв. Казань. 1979.
  52. НПЛ, с. 469. Известно, что основателем рода Мячковых, очерк истории которого составлен Веселовским (ВЕСЕЛОВСКИЙ С. Б. Ук. соч., с. 412—417), был посол Олбуга, или Албуга. Время его выезда отнесено частными родословцами к княжению Дмитрия Донского. Но у Албуги было два сына — Яков и Антон. Сын первого Иван Яковлевич Мячко жил, по Веселовскому, приблизительно в последней четверти XIV — первой четверти XV века. Принимая обычный в генеалогии счет три поколения в столетие, можно установить время выезда Албуги — оно падает на княжение Калиты. К сожалению, Веселовский по каким-то причинам не использовал указание Комиссионного списка НПЛ. Очевидно, не будет ошибкой считать Албугу этого источника родоначальником Мячковых.
  53. НАСОНОВ А. Н. Ук. соч., с. 110.
  54. УСМАНОВ М. А. Ук. соч., с. 179—180.
  55. ЯНИН В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. М. 1991, с. 77.
  56. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 180, оп. 13, д. 427, л. 2 об.

57. ЯНИН В. Л. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. — Материалы и исследования по археологии СССР, № 55. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. М. 1956, с. 157; ЕРШЕВСКИЙ Б. Д. Дрогичинские пломбы. В кн.: ВИД. 1958. Т. XVII.
58. Выборка произведена по: ДДГ, №№ 1а, 3, 4, 12, 17, 20—22, 28—29, 57, 61, 68, 71, 74, 80.
59. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 51.
60. О древнерусских духовниках подробнее см.: СМИРНОВ С. Древнерусский духовник. М. 1913.
61. ДДГ, № 71, с. 251; СОБОЛЕВА Н. А. Русские печати. М. 1991, с. 193, № 181 по общей пагинации.
62. ВОДОВ В. Зарождение канцелярии московских великих князей (середина XIV—1425 г.). — Исторические записки, 1979, т. 103.
63. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. 1. М. 1955, №№ 229 и 385.
64. Выражаю глубокую признательность руководителю Новгородской археологической экспедиции акад. В. Л. Янину за разрешение использовать еще не опубликованный материал и ценные советы, позволившие улучшить настоящее сообщение.
65. ЯНИН В. Л. и др. О работах Новгородской экспедиции в Людином конце. В кн.: Новгород и Новгородская земля. Вып. 7. Новгород. 1993, с. 10. Паспорт находки: Тр.-Х, пласт 11, глубина 215, ярусы 22—23, инв. № 219. Печать Святополка Изяславича оттиснута матрицами уже известного типа (см.: ЯНИН В. Л. Актовые печати Древней Руси. X—XV вв. М. 1970. Т. 1, с. 173, № 37). Печать «Мефодия грамматика» найдена впервые.
66. КАШТАНОВ С. М. К изучению формуляра, с. 241—242.
67. РГАДА, ф. 135, отд. 1, рубр. 1, № 2.
68. НАСОНОВ А. Н. Ук. соч., с. 110—111.
69. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Образование великорусского государства. Пг. 1918, с. 142.

Судьба Александра Улановского

Б. Вайль

Утром 5 февраля 1935 г. экономка фрекен Ольга Л. зашла в квартиру на третьем этаже дома № 14 по Эльбагаде в Копенгагене, чтобы забрать там белье в стирку. Квартиру снимал американец Джордж Минк, который в тот момент находился в ванной. Выйдя оттуда, Минк схватил Ольгу. Его намерения были недвусмысленны. Лишь плач Ольги на какое-то мгновение парализовал его поползновения. Она вырвалась из его рук и убежала. 18 февраля фрекен написала заявление в полицию. На следующий день Минк был задержан, а в его квартире произведен обыск. Правда, неясно, почему производился обыск у лица, подозреваемого в попытке изнасилования. Материалы, хранящиеся в датских архивах, не свидетельствуют о том, что за Минком велась слежка. Нет никаких доказательств и того, что поведение Минка было специально спровоцировано Ольгой.

Полиция обнаружила у него три американских паспорта, которые выглядели подозрительно, поскольку в них не имелось подписей их владельцев. Затем было установлено, что в Данию не въезжали люди с такими фамилиями. Кроме того, было найдено несколько карт датских проливов; машинописные записи относительно прохода судов; пометки о немецких вооружениях, в частности о строительстве в Германии военных судов и устройстве немецких аэродромов; сведения о людях, от которых можно получить подобного рода информацию, и пр. Все указывало на то, что Минк интересовался военной ситуацией в Германии и собирал о том сведения.

Во время обыска в квартиру Минка пришли два иностранца с интервалом в несколько минут. Обоих задержали. Один представился как Николас Шерман, родившийся в Югославии в 1892 г.; другой — как Ганс Грюнфельд, родившийся в Вене, оба — с американскими паспортами. При обыске у Шермана, проживавшего в одной из копенгагенских гостиниц, были найдены карты датских проливов и района вокруг о-ва Борнхольм. Оказалось, что Шерман дважды приезжал в Данию (в 1933 и 1934 гг.) с канадским паспортом на имя Абрама Гольдмана. Кроме того, у него обнаружили немецкий паспорт на имя Бретшнайдера, но с фотографией Шермана.

20 февраля у Минка, который уже сидел в тюрьме, сделали повторный обыск. В его чемодане нашли 10 листов бумаги с записями о немецких военных судах и ситуации на верфях Германии относительно возможности устроить там на работу коммунистов, чертеж мощного радиопередатчика, перечень позывных и коды. Во время второго обыска к Минку явился еще один американец, адвокат Леон Джозефсон, который находился в Дании проездом из США в СССР. Накануне он пришел в гостиницу к Шерману, не зная, что тот сидит в тюрьме. Джозефсона также арестовали.

Грюнфельда вскоре выпустили, а в мае 1935 г. освободили и Джозефсона. Последний был известным в США адвокатом, членом компартии, который защищал затем своих товарищей по партии на судебных процессах вплоть до начала 50-х годов. Другие задержанные тогда лица

тоже были как будто коммунистами, что датской полиции было известно, хотя деталей их биографий она не знала. Например, что американский матрос Минк работал по линии Коминтерна и Профинтерна еще с начала 20-х годов. Впрочем, Министерство внутренних дел Польши сообщило датским властям, что Минк — это лидер «международной коммунистической организации в Копенгагене», являющейся связующим звеном между Коминтерном и местной компартией.

Итак, по паспортам задержанные были американцами, а также числились коммунистами. Только Шерман значился по месту рождения югославом. На самом деле он не являлся Шерманом, а родился не в 1892 г. и не в Югославии, никогда не был коммунистом, американское же гражданство получил по чужому документу. Датская полиция верно обозначила его роль в качестве руководителя «шпионского центра» в Дании, то есть резидента.

По пометкам в записных книжках арестованных полиция быстро выяснила их датские связи, и восемь датчан задержали по этому делу, затем выпустили, но оставили под негласным наблюдением. Наиболее известным из датской группы, состоявшей из активных коммунистов, был Виллиам Юлиус Ларсен, живший одно время в США и там вступивший в компартию. Там же он познакомился с Минком. В 1932 г. они вместе принимали участие в международном съезде матросов в Гамбурге. Через Ларсена Минк, прибывший в Данию в мае 1934 г., установил контакт с другими датчанами, привлекавшимися по данному делу.

На допросах Ларсен дал откровенные показания, «раскололся». Полиции стало теперь известно, что датчане, вовлеченные в деятельность группы Шермана — Минка, играли роль «почтовых ящиков». На их адреса в Данию приходили письма из-за границы, по два-три письма еженедельно, начиная с июня 1934 года. Письма они передавали Минку или Шерману. Письма эти тоже изыали при обысках. Их тексты имели невинный характер: это были любовные письма. Но по ряду признаков полиция догадалась, что тексты — шифрованные. Тогда она обратилась к специалистам датского Генштаба, однако тщетно: письма не удалось дешифровать.

Ларсен по указанию Минка наладил курьерскую связь с заграницей через датских матросов. Те, прибыв в иностранный порт, встречались с определенными людьми в заранее обусловленных местах, отдавали и получали письма. Для опознавания «своих» использовалась булавка в галстук: у курьера и у встречавшего булавки должны были быть одинаковыми. Курьерская связь действовала по маршрутам Копенгаген — Нью-Йорк, Копенгаген — Штеттин, Эсбьерг — Антверпен. Были предприняты попытки установить такую же связь с портами Англии и Швеции. Ларсен получал от Минка ежемесячное вознаграждение в размере от 100 до 120 крон (сумму по тем временам немалую) и, помимо того, разъездные.

Минк и Шерман, как установило следствие, тоже много разъезжали. Шерман с июля 1934 г. до его ареста побывал в Англии, Нидерландах, Бельгии, Германии, Чехословакии и Швеции. У Минка при аресте обнаружили 2 тыс. долларов и американскую сберкнижку.

В отличие от Ларсена Минк и Шерман отвечали на вопросы следствия неохотно, причем по закону могли бы вообще отказаться от дачи показаний, разъяснения же их были неубедительны и порой противоречивы. Они выдавали себя за представителей американских фирм, но рассказать, в чем заключалась конкретно их деятельность и какие конкретно сделки были ими заключены, не могли. Равным образом, им не удалось удовлетворительно объяснить, откуда у них деньги. Наконец, они не предполагали, что их соратник Ларсен завалит их курьерскую связь.

Между тем Ларсен сообщил следователям не только о курьерской связи и «почтовых ящиках», но дал также показания о том, что осенью 1934 г. он связал Минка и Шермана с молодой датчанкой, которая по указанию Минка должна была учиться телеграфному делу. Та поступила на курсы телеграфистов при навигационной школе и проучилась там месяц за счет Минка, получая также от него еженедельное пособие. Эта девушка была дочерью фотографа; оба, отец и дочь, активно участвовали в издании и распространении датских коммунистических изданий для моряков и школьников-пионеров (в те годы датские коммунисты, следуя советскому образцу, создали пионерскую организацию). Ларсен показал также, что именно он покупал для Минка и Шермана морские карты.

Относительно происхождения паспортов, изъятых при обысках, Шерман дал довольно правдоподобное разъяснение: паспорта предназначались для беженцев из Германии. Минк сначала заявил на следствии, что не знает Шермана. Однако после очной ставки с Ларсеном и показаний других датчан, чьи адреса использовались как «почтовые ящики», подтвердил показания Ларсена и свое знакомство с Шерманом. На вопрос о целях курьерской и почтовой связи ответил, что не существовало никакой особой цели. Что касается обучения девушки телеграфному делу за его счет, пояснил, что в Америке у него есть друг, который хотел купить

корабль. На корабле же должен быть телеграфист. Конечно, такое объяснение не могло устроить следствие. Иначе, но тоже довольно правдоподобно, объяснял этот эпизод Шерман.

Он сначала заявил, что их финансировала некая организация, о которой подробно он говорить не хочет. Затем, поняв, что сболтнул лишнее, заявил, что вообще никакой организации не было, а за все платил он сам. Вопрос следователя, откуда все-таки взял он деньги, остался без правдоподобного ответа. Шерман более всего опасался, что его обвинят в том, в чем в конце концов его и обвинили: в военном шпионаже. Поскольку сведения военного характера, найденные у него и Минка, касались Германии, окончательная версия его показаний звучала так: их деятельность сводилась к проверке данных военного характера, которые появлялись во французской прессе. Далее Шерман намекал, что сведения, собранные им и его коллегами, могли быть полезны некоему парламентарии, который хотел бы высказаться относительно ситуации в Германии с фактами в руках. Этому политику нужны только проверенные данные, он не может базировать свое выступление лишь на сообщениях газет.

Итак, то, чем Шерман вместе с другими занимался, это, по его словам, ни в коем случае не военный шпионаж, а чистая политика. Однако датской полиции уже было ясно, что она имеет дело с военной разведкой иностранной державы. Поскольку арестованные имели связи с американскими и датскими коммунистами, то вычислить такую державу было нетрудно. К тому же у Минка нашли московские адреса, а на одном клочке бумаги русскими буквами значилось: МОПР. Когда Минка спросили, имеет ли он отношение к МОПР'у, тот ответил, что здесь не МОПР, а английское слово MAPS и что налицо его запись, касающаяся покупки морских карт. Следователь заметил, что Минку как американцу должно быть известно, что морские карты по-английски называются не maps, а charts. Минк не сумел ничего возразить.

Вскоре после арестов полиция, собрав журналистов копенгагенских газет, проинформировала их об этом деле и попросила до времени ничего о нем не публиковать. Журналисты терпели недолго, и когда одна газета напечатала туманное сообщение, из которого мало что можно было понять, другие копенгагенские газеты тут же опубликовали сенсационную информацию. Спустя несколько дней об аресте шпионской группы известили многие газеты Европы и Северной Америки. Не обошлось и без преувеличений: с легкой руки одной датской газеты в некоторых английских и французских органах печати утверждалось, что арестованные готовили покушение на Гитлера!

Как видно из архивных документов, прокуратура Копенгагена и полиция были сильно раздосадованы на прессу и даже подумывали о том, чтобы возбудить против газет уголовное преследование. Сначала после арестов на прежние адреса «почтовых ящиков» продолжали поступать письма из-за границы, включая СССР. Письма тут же пересылались непосредственно следователю. Однако после того, как газеты сообщили об арестах, отправители писем насторожились. Полиция полагала, что датские журналисты навредили следствию. Впрочем, письма так и не удалось дешифровать, но поступать они перестали.

Если у Минка паспорт оказался настоящим, то идентифицировать Шермана, который для полиции представлялся наиболее интересной фигурой, было непросто. Шерман остался единственным среди арестованных, кто отказался дать отпечатки пальцев, и полиции пришлось прибегнуть к силе. Он утверждал, что родился в бывшей Австро-Венгрии, а настоящее его имя и фамилия — Никола Журатович; что он родом из г. Журатов, где все жители — Журатовичи. В 1921 г. он натурализовался в США, о чем у него имеется сертификат. В 1933 г. сменил югославскую фамилию на Шерман, о чем у него также есть свидетельство.

Полиция послала запрос в Югославию. Оттуда сообщили, что там, действительно, есть г. Журатев (а не Журатов), но Николы Журатовича, 1892 г. рождения, никогда не существовало. Из Вашингтона, куда тоже послали запрос, в апреле 1935 г. получили телеграмму о том, что настоящий Журатович умер в США в 1925 году. Таким образом, лицо, арестованное в Копенгагене, совершило подлог, когда в 1933 г., выдавая себя за покойного Журатовича, незаконно получило паспорт на имя Шермана. Важное сообщение поступило в мае 1935 г. от британской разведки: Шерман — русский, генерал запаса Красной Армии. 27 мая 1935 г. канадская полиция сообщила датской, что подлинное имя Шермана — Александр Улановский, он же Сорокин.

30 июля 1935 г. Минка и Шермана приговорили к 18 месяцам тюремного заключения каждого с последующей высылкой из страны по ст. 105 (содействие иностранной военной разведке) Уголовного кодекса Дании. Минку добавили срок за инцидент с фрекен Ольгой (он признался, что вел себя с ней не очень хорошо, но за давностью не помнит деталей), а Шерману — за въезд в страну с фальшивым паспортом.

Настоящее имя Александра Петровича Улановского — Израиль Хайкевич. Он родился в Одессе в 1891 г., в бедной еврейской семье, в 1905 г. примкнул к анархистам, в 1910 г. был

осужден вместе с другими анархистами к ссылке на четыре года в Туруханский край. Ссылные получали тогда в России 12 руб. в месяц, продукты же питания стоили фантастически дешево. Вдова Улановского Надежда писала в своих воспоминаниях на основании рассказов мужа, что так сытно он не жил ни прежде, ни много лет позднее. В сибирской ссылке Улановский впервые в жизни попробовал какао. В конце 60-х годов он рассказал об этом А. И. Солженицыну, и тот включил данный эпизод в текст «Архипелага ГУЛАГ» (т. 3).

В тех же местах находился в ссылке Джугашвили (И. В. Сталин). Однажды, когда Улановского переводили из одного места ссылки в другое, он решил заглянуть к Сталину. Того дома не оказалось, а его сожительница пекла пироги и раскладывала их на листах из сочинений И. Канта. Улановский рассказывал, что был поражен столь варварским отношением к книгам. Со Сталиным он так и не встретился, но подружился в ссылке с Я. М. Свердловым и его женой. Как и многие другие анархисты, Улановский поддержал Октябрьскую революцию и активно участвовал в гражданской войне на стороне большевиков. В 1921 г. он поехал по заданию ВЧК, чего он сначала не знал, в Берлин. Когда же понял, что поездка организована ВЧК, то отказался продолжать свою миссию и, по словам его жены, сказал: «Не желаю работать для ЧК». К тому же времени относятся его последние контакты с анархистами: по просьбе американских анархистов Александра Беркмана и Эммы Гольдман он привез немецким анархистам антибольшевистскую литературу и фотографию Н. И. Махно.

Вернувшись в советскую Россию спустя какое-то время, связался с Профинтерном, куда его пригласил генеральный секретарь этой организации С. А. Лозовский, лично знавший Улановского. Профинтерн направил его в Роттердам и Гамбург, вести работу среди моряков (ведь еще до революции Улановский работал кочегаром на английском пароходе, а в 1922 г., после своей первой поездки в Германию, и на советском пароходе); затем — в Южную Америку и Китай. В Гамбург Улановский и его жена выехали с паспортами на имя Сорокиных.

Первая же поездка Улановского в Германию была связана с разведработой. Его жена писала: «Нашей целью было войти в круги русских эмигрантов». Последующие командировки за границу, хотя они организовывались Профинтерном, тоже имели разведывательный характер. И когда в конце 1928 г. Улановского перевели из Профинтерна в 4-е Управление РККА, то есть в военную разведку, этот переход уже не явился для него чем-то болезненным.

Летом 1929 г. Улановский, Р. Зорге и выпускник Московской радишколы радист, которого звали, согласно Н. Улановской (позднее она присоединилась к этой группе), Зеппель, а согласно показаниям Зорге, данным им в Японии вскоре после его ареста в конце 1941 г., — Себер Вейнгартен, прибыли в Китай для организации там советской резидентуры. Зорге писал об Алексее (один из псевдонимов Улановского): «Алекс прибыл в Китай вместе со мной по указанию Четвертого управления Красной Армии. Его задача состояла в обеспечении связи с этим управлением в техническом и организационном отношении и, кроме того, освещать военные проблемы. Однако примерно через полгода после приезда в Шанхай из-за пристального внимания полиции иностранного сэттлмента вместе с семьей он вынужден был вернуться в Европу. И хотя я был командирован в качестве его помощника по политическим вопросам, мы на взаимных началах работали самостоятельно. Поскольку он был старше меня по возрасту и имел прямую связь с Москвой, его нужно считать старшим и по службе»¹.

За провал Улановских, вызванный шантажом одного знакомого русского, получили по партийной линии выговор начальник Разведуправления Я. К. (П. И.) Берзин, парторг этой организации Давыдов и сам Улановский. Но последний был беспартийным, и выговор ему оказалось некуда занести. Берзин хотел в срочном порядке принять Улановского в партию, но тому удалось избежать этого, добившись срочной командировки в США, где он в течение нескольких лет был резидентом Разведуправления, сменив на этом посту В. Горева.

Об американском периоде их совместной работы Улановская пишет скупое; по возвращении в Москву она осталась тут, а Александр «поехал в Данию, где создал разведывательную организацию. Потом я получила письмо из Австрии. Побывал он и в нацистском Берлине. Кажется, он был резидентом по этим странам... В Разведупре у него было звание, соответствующее генеральскому». Когда Улановского арестовали в Копенгагене, его жена находилась в Москве, а о его аресте начальство ничего ей не сообщило, и она узнала об этом из канадской газеты. Тогда, придя к замначальника 4-го Управления Штайнбрюку, она сказала: «Я прочитала в канадской газете об аресте группы в Дании». Тот ей ответил: «Ну, раз вы об этом знаете, то вам наверное известно, что это не так страшно». Замначальника имел в виду, что условия в датских тюрьмах лучше, чем в других странах Европы. Пересказывая впечатления мужа, Надежда писала о датской тюрьме: «Кормили там даже слишком сытно». Улановского как «американского гражданина» навещал в тюрьме американский консул, как потом оказалось, сочувствовавший коммунистам. Впрочем, Улановский ему не признался, что он вовсе не американец.

Освободившись из тюрьмы в 1936 г., Улановский выехал в Швецию, где его ожидал тамошний резидент Болотин, с помощью которого Улановский вернулся в Москву. Более за границу его не направляли, и он стал читать спецкурс в одной из школ Разведуправления. В 1937 г. он как-то сказал на лекции, что безработный в Дании живет лучше, чем советский рабочий. За это высказывание он был уволен из данной школы и потом преподавал английский язык в обычных военных училищах.

Уцелев в 30-е годы, Улановский не избежал послевоенных репрессий: его взяли в 1949 г., после того как была арестована Надежда. Улановскому инкриминировали его анархистское прошлое. В лагерях он пробыл пять лет и очень не любил вспоминать о них. «В последние дни он постоянно думал о напрасно прожитой жизни», — писала Надежда ². Он умер в Москве в 1971 г.; некоторые члены его семьи, близкие к диссидентам, вскоре выехали за границу.

Сеть Улановского была, по нашим данным, первой резидентурой советской военной разведки в Дании. В Российском государственном военном архиве (РГВА) хранятся документы 1940—1941 гг., свидетельствующие о том, что из Дании в Разведупр (который стал тогда называться 5-м Управлением) информация продолжала поступать ³. Но эти документы уже не относятся к делу Улановского, которое нами освещалось, помимо прочего, на основании материалов датского Государственного архива ⁴.

Примечания

1. Тюремные записки Рихарда Зорге. — Новая и новейшая история, 1994, №№ 4—5, с. 165.
2. УЛАНОВСКИЕ Н. и М. История одной семьи. N. Y. 1982.
3. РГВА, ф. 33988, оп. 3, д. 35; оп. 4, д. 36.
4. Rigsarkivet, Justitsministeriets 3, eksp. kt. s. dokumenter fra 1935.

Как сражалась древнегреческая фаланга

В. В. Лаптенков

Фалангу как тесно сомкнутое построение тяжеловооруженных гоплитов, вероятно, впервые применили аргосцы, разгромив армию спартанцев около 669 г. до н. э. Гоплит — это воин, имевший комплект тяжелого вооружения: копье длиной от 2 до 3 м, короткий меч, большой круглый щит, шлем, панцирь и поножи для защиты передней части голени. Важнейшей и самой тяжелой частью снаряжения гоплита был щит, диаметром до половины роста воина, способностью выдержать многочисленные удары копья и меча. Нелегко было носить его в походе, при бегстве его бросали первым, но в бою щит создавал большую защиту воину, чем весь остальной комплект снаряжения. Гоплиты для боя строились в несколько (обычно не менее восьми) шеренг, причем воины разных шеренг стояли в затылок друг к другу, образуя ряд. По фронту между бойцами должно было быть такое расстояние, чтобы, кроме щита, можно было действовать копьем или мечом, то есть — сантиметров 90—100. Шеренги стояли близко одна к другой, чтобы поддержать копьем впередистоящих и восполнить потери, не нарушая строя ¹.

Зачем фаланге нужно было строиться в восемь шеренг, когда в бою участвуют от силы только две первые? Даже если учесть потери, которые редко превышали 10%, для удержания фронта хватало бы четырех шеренг. Немецкий военный историк Х.-Г. Дельбрюк видит преимущество глубокого построения фаланги в том, что хотя задние шеренги и не принимали непосредственного участия в битве, они оказывали физическое и моральное давление на передовых бойцов, благодаря чему те побеждали ². С этим я не могу согласиться. Кроме того, по отношению к гражданам было бы большой несправедливостью одних ставить сзади, а других — вперед, где вероятность погибнуть была гораздо больше. Здесь выявляется важное преимущество фаланги и ее отличие просто от плотной «толпы варваров». Это — соблюдение рядности, которое позволяло организовать смену воинов в передовой шеренге. Оружие и доспехи весили немало и, конечно, человек не смог бы долго активно действовать и щитом, и мечом. Поэтому воин первой шеренги через некоторое время после начала боя отступал назад и занимал последнее место в ряду, а на его месте оказывался солдат из второй шеренги. И так продолжалось во все время сражения. Воин сам определял, сколько времени ему сражаться, хотя, конечно, была примерная норма, скорее всего, — несколько минут. Контролем служило моральное воздействие товарищей — трусость осуждалась, а отвага повышала авторитет бойца. В случае ранения фалангист отступал досрочно, при этом его прикрывали напарник и соседи ³.

Именно в ротации бойцов, позволявшей поддерживать высокую интенсивность сражения, и заключается преимущество построения глубокой фаланги. Толпа, не соблюдавшая рядности, не могла организовать такой ротации. Ротация здесь могла происходить лишь стихийно, а по мере роста ожесточенности боя желающих попасть вперед становилось все меньше, в итоге

толпа была просто обязана обратиться в бегство. Более глубокое построение фаланги приводило к более коротким сменам (нахождение воина в первой шеренге) воинов и позволяло вести бой с еще большей интенсивностью. Это использовал, например, древнегреческий полководец Эпаминонд, будучи главнокомандующим армией, для прорыва фронта спартанцев в битве под Левктрами в 371 г. до н. э. В свете вышесказанного останутся понятными сообщения древних (Исократ и Полиэн), отброшенные Дельбрюком как недостоверные, о победах, одержанных одной и двумя шеренгами. Речь, конечно, идет не о том, что фаланга строилась на столь малую глубину, а о том, что противник побежал еще до того, как произошла первая или вторая ротация.

Ротация воинов по глубине строя делала необходимым их объединение в одно подразделение. Вся фаланга состояла из отрядов, занимавших определенный участок фронта. При столкновении коалиций это были ополчения полисов. Внутри своего участка граждане полиса строились по более мелким подразделениям: афиняне — по филам, спартанцы — по морам, моры состояли из лохов, лохи — из пентекостий и т. д. Существенно то, что даже самое маленькое подразделение имело глубины своего построения всю ширину фаланги ⁴. Из всего сказанного следует, что фаланга не была простым повторением шеренг, рассчитанных на замену передних по мере их уничтожения (при этом из активного боя было бы исключено большинство воинов). Нет — фаланга позволяла организовать ротацию, чтобы в сражении всегда были свежие силы. При этом соблюдалась и общественная справедливость: хотя воины первой шеренги и подвергались несколько большему риску, вероятность гибели распределялась по всей глубине начального построения.

Сильная на фронте, фаланга была очень слабой на флангах и с тыла. Для прикрытия с этих сторон в войске использовались бойцы, не имевшие тяжелого вооружения, которое стоило дорого. Даже ко времени Пелопонесской войны (434—404 г. до н. э.) такие области Эллады, как Этолия и Локрида, не имели гоплитов. Легковооруженными могли быть родственники гоплитов, их слуги или рабы. Они переносили тяжести, готовили пищу, разоряли территорию противника, угоняли скот и т. п. Обычно было по одному легковооруженному бойцу на гоплиту, но, например, в Лакадемоне каждого спартиата сопровождало несколько (до семи) илотов — крестьян, бывших в собственности государства. Конечно, они не могли тягаться с гоплитами, но прикрыть свою фалангу от малочисленной конницы или легковооруженного противника им было вполне по силам. Поэтому столкновения между полисами Эллады сводились к сражениям фаланг гоплитов.

Конница в Элладе долгое время не играла почти никакой роли. Всадником мог быть обычный гоплит, но без щита, так как нужно было управлять конем. Наряду с высокой стоимостью лошадей, отсутствием седла и стремян это делало конницу весьма слабой и уязвимой. Так, в Лакадемоне первый отряд конницы был создан только в 424 г. до н. э. ⁵

Поскольку легковооруженные бойцы обычно не участвовали в сражениях, их снаряжение могло быть каким угодно, зачастую они были вовсе без всякого оружия (в таком случае они могли кидать в противника камни). Но со времени Пелопонесской войны, когда войска стали находиться в походе месяцами, нередко во враждебной стране, возросла роль снабжения. К тому же случались военные столкновения на сильно пересеченной местности, где нельзя было применить фалангу. Эти задачи должны были решать легковооруженные воины. Для этого им потребовалось усилить свое вооружение. Образуется новый род пехоты — пелтасты. Защитное вооружение пелтастов состояло из шлема, холщового панциря, ножных лат и легкого кожаного щита — пелта, от которого пелтасты и получили свое название. Они имели длинные копье и меч и подготавливались для боя в рассыпном строю. Более маневренные, пелтасты уклонялись от боя с сомкнутым строем гоплитов, предпочитая атаковать их на расстоянии, бросая дротики либо атакуя своим длинным оружием отдельных солдат.

Под Коринфом в 390 г. до н. э. пелтасты сыграли главную роль в разгроме моры спартанцев (600 гоплитов). Имея численный перевес, они осыпали мору, идущую в походном порядке, градом дротиков, а поскольку щит гоплита не мог прикрыть все тело, лакедемоняне, неся потери, не смогли продолжать движение и остановились. А увидев подходящих на помощь пелтастам тяжелооруженных воинов, спартанцы обратились в бегство. Но в целом пелтасты оставались вспомогательным родом войск, а главную силу по-прежнему составляли гоплиты ⁶.

Дальнейшее развитие воинское искусство получило в Македонии. Реформы царя Македонии, полководца Филиппа II резко подняли роль конницы в армии. Всадника снабдили наряду со шлемом и панцирем более тяжелым копьем ⁷ и щитом, закрепленным на руке так, чтобы пальцы оставались свободными для поворотов. Такую кавалерию с учетом ее большей численности уже нельзя было остановить рассыпным строем легковооруженных воинов. В сражениях

конница стремилась прорвать фронт неприятеля (конечно, не там, где стояла его фаланга) и нанести удар в тыл или фланг. Именно таким способом выдающийся полководец Александр Македонский одержал победы над персами при Гранике, Иссе и Гавгамеле. В них решающую роль сыграла кавалерия, а фаланга лишь связывала противника по фронту боем, причем при Иссе для македонцев — неудачным.

Имея самую лучшую в то время кавалерию, Македония провела изменения и в пехоте. Надежно прикрытая конницей и многочисленными отрядами пелтастов и стрелков, фаланга македонцев могла сконцентрировать все силы на переднем крае. Чтобы подключить к активному участию в бою как можно больше фалангистов, копьа удлинени до четырех — шести и более метров⁸. Такие копьа назывались сарисами. Теперь воины не только второй, но и последующих шеренг (при Филиппе V — пяти первых) непосредственно участвовали своими сарисами в бою. Первые шеренги выставляли сарисы вперед — в сторону врага, а последующие держали их вертикально или наклонно над собой, чтобы они не мешали двигаться. Сражения такая фаланга стремилась вести своими длинными копьями, не допуская противника к сближению для рукопашного боя с мечами.

Щит у македонян был меньше, чем у эллинов, а значит, строиться они могли теснее, чтобы опять-таки задействовать в бою одновременно как можно больше людей. Чтобы провести ротацию в македонской фаланге, воин должен был поднять сарису вертикально и отступить в последнюю шеренгу. Конечно, из-за большей плотности построения протиснуться назад ему было трудней, чем в дорической (древнегреческой) фаланге, но защищенный лесом копий отход осуществлялся в большей безопасности. На место отступавшего выдвигались фалангисты его ряда. Бой с сарисами не требовал таких затрат энергии, как рукопашный, и ротация могла происходить гораздо реже, возможно, только для замены раненых.

Нормальной глубиной построения фаланги оставалось восемь шеренг. Когда Полибий пишет о 16-ти шеренгах в битве при Киноскефалах в 197 г. до н. э., он перед этим упоминает, что Филипп V приказал сводить ряды и сомкнуться вправо⁹, то есть фаланга получилась в два раза глубже нормы. Для большей подвижности фаланга могла не быть единой на весь фронт, а делиться интервалами на две или более частей. Для связки фронта в этих интервалах выстраивались пелтасты. Но все-таки такая фаланга оставалась слишком уязвимой на флангах и чувствительной к сохранению сомкнутого строя, сравнительно даже с дорической фалангой. Дело в том, что противник, проникнув в разрывы фронта, мог вступить в рукопашный бой, к которому фалангисты были мало приспособлены. Но превосходная конница и отряды пелтастов могли скрывать до поры до времени эту слабость македонской фаланги.

По другому пути пошло развитие военного дела в Риме. Здесь большое значение придавали именно рукопашному бою, в организации которого римляне достигли совершенства. Карфагенский полководец Ганнибал немедленно после победы в первом сражении снабдил свои войска римским оружием¹⁰. До IV в. до н. э. военное построение римского легиона мало отличалось от классической дорической фаланги. Правда, еще с царского периода у римлян было введено деление граждан по имущественному цензу. В зависимости от того, к какому классу они относились, граждане должны были иметь определенное вооружение. И, вероятно, при построении фаланги воины распределялись по шеренгам в зависимости от класса. В дальнейшем это разделение привело к очень существенным изменениям в организации боя. Гораздо требовательнее, чем эллины, римляне относились к легвооруженным. Здесь они непосредственно входили в состав легиона и имели стандартное вооружение.

С IV в. круглые щиты легионеры заменили прямоугольными, лучше прикрывавшими тело. Потрясение от нашествия галлов в 390 г. до н. э. стимулировало нововведения в военном деле. В 377 г. до н. э. Камилл перевооружил войско более мощными копьями, а обод щита был обложен медной пластинкой. Благодаря этому галлы были разгромлены, так как римские щиты выдерживали рубящие удары мечей, а гальские пробивались насквозь копьями. К 340 г. до н. э. сплошной фронт легиона был разбит небольшими интервалами на манипулы и разделен в глубину на три линии: гастатов, принципов и триариев. Гастатами назывались воины первой линии, набравшиеся из младших возрастов, за ними строились принципы и последними триарины — самые старшие.

При вступлении легиона в бой интервалы передовой линии смыкались, и сражение велось единой фалангой. Почему же фаланга легиона была разделена вдоль и поперек? Дельбрюк считает первопричиной такого разделения стремление перейти к коротким фронтам: передвигаться широким фронтом, не нарушая строя, очень трудно, то есть сначала раздробили фалангу легиона поперек фронта, а чтобы прикрыть интервалы, пришлось делиться и по глубине. Но у эллинов передвижение единой фалангой не порождало особых проблем, иногда даже специально искривляли линию фронта, чтобы быстрее напасть на более слабый фланг¹¹.

Причина такого разделения в другом. Римляне не хотели отвести воинов, не занятых в бою, от линии сражения. Действительно, если в Элладе гоплиты, стоявшие в задних шеренгах, были всего лишь в нескольких местах от сражавшихся и потому подвергались стрессу, в них можно было попасть метательным оружием, то римляне ставили принципов метров на 25 за гастатами, а триариев — еще дальше. Благодаря этому эшелон, не занятый в бою, мог спокойно дожидаться своего часа. Когда гастаты хотели отступить, воины из последних шеренг могли пройти в промежутки между манипулами (подразделениями римского легиона, насчитывавшими 60—120 человек) принципов, после чего те смыкались. Оставшиеся гастаты, обороняясь, отступали в промежутки между рядами принципов. Чтобы пропустить гастатов, ряды принципов могли кратковременно сдвинуться. Гастаты присоединялись к принципам и вслед за ними шли в бой. Если же неприятель продолжал напирать, в бой вступали триарии. Легковооруженные строились за линией триариев, но часть их (человек 200—400 от легиона) выбегала между манипулами вперед в начале сражения и бросала в противника дротики.

Поначалу интервалы между манипулами были небольшими, увеличение их до ширины фронта манипулы связано с использованием специального копья для метания — пилума. Он состоял из древка, входящего в железную трубку с наконечником. Причем длина железной части, которую нельзя было перерубить, составляла около метра. Острие пилума делалось мягким настолько, что, попав в щит из досок, оно сгибалось и застревало в нем. Обороняться таким щитом становилось неудобно. Легкое же защитное снаряжение пилум просто пробивал. Кроме того, острие пилума после первого броска почти всегда сгибалось, и бросать его обратно в римлян уже не имело смысла.

Беря с собой в бой один или два пилума, гастаты и принципы совсем отказались от копья. Ведя бой мечом, легионер стал более автономен, так как не зависел от поддержки копьём из второй шеренги. Это позволяло римлянам при нужде переходить от сомкнутого строя к рассыпному. Легион перед битвой выстраивался тремя линиями по десять манипул в шахматном порядке. Можно предполагать, что в начале сражения каждая вторая шеренга гастатов выбегала вправо до смыкания фронта с соседней манипулой. (Манипулы смыкались вправо, чтобы воин был прикрыт щитом, находившимся в левой руке). Таким образом строй разряжался и высвобождалось место для метания пилума. Затем гастаты бросались на врага, метая пилум и атакуя мечами. Их строй вновь смыкался уже на линии, где начинался рукопашный бой ¹².

У Полибия сохранились данные, по которым можно определить длину фронта, приходящуюся на легион. Триариев всегда набиралось 600 человек. На одного легионера приходилось 3 фута по фронту. Чтобы выдержать натиск врага, нужно было как минимум две шеренги. Учитывая любовь римлян к четным числам, так как распространенным маневром в фаланге были сдвояние и раздвояние рядов, три шеренги для них не подходят, а при четырех получилось бы слишком глубокое построение и короткий фронт. Итак, фаланга триариев, построенная в две шеренги по 300 человек, занимала по фронту 900 футов. Соответственно гастаты и принципы, которых было по 1200, строились в манипулах в восемь шеренг, а в сражении — в четыре. Полибий, живший во II в. до н. э., пишет о щитах в 2,5 фута шириной и 4 фута высотой. Но, судя по изображениям, правда, относящимся к I в. до н. э., щит имел около метра высоты и 60 см ширины. Возможно, щиты изменились, а может, Полибий преувеличивал. Действительно, присев на корточки, легионер полностью укрывался за щитом в один метр высотой. Слишком большой, а значит, и тяжелый, щит, даже снизил бы боеспособность воина. Если же щит имел 2, а не 2,5 фута ширины, то легионеры в сражении стояли теснее: на одного бойца могло приходиться 2,5 фута или чуть больше, то есть сантиметров 75—80 ¹³.

С именем Мария (конец II в. до н. э.) связывают переход от манипулярного легиона к построению по когортам. Мария исключил из состава легиона всех легковооруженных, они теперь вошли в союзнические отряды, придаваемые легионам. А легион стал состоять из одинаково вооруженных солдат и небольшого количества конницы. Основная ее часть служила в отрядах союзников. Когорта объединила в себе три манипулы, а весь легион состоял из десяти когорт. Его численность колебалась от 6 до 3 тыс. солдат. Изменился состав войска. Это уже не было ополчение граждан, а профессионалы, набравшиеся главным образом из низов общества, служившие за жалованье и в надежде на военную добычу.

Способ ведения боя остался в основном прежним. Когорты строились в две или три линии. Первая линия в начале боя рассыпалась для метания пилума и атаковала. Последующие линии сменяли и усиливали первую по ходу боя. Но, в отличие от манипулярного легиона, когорты могли использоваться самостоятельно и отдельно от легиона ¹⁴.

Значение ротации для легиона возросло, так как, кроме нее, внутри эшелона (гастатов,

принципов, когорт одной линии) происходила смена всего эшелона сражающихся. Благодаря этому вместо примерно получасовых сражений, как у эллинов (победившие на одном фланге не успевали прийти на помощь другому), римляне могли вести бои по многу часов. Не зная себе равных в рукопашном бою, они сталкивались с трудностями, когда противник вел бой обстрелом издалека и неожиданными наскоками конницы, как, например, парфяне. Эту проблему римляне стремились решить отрядами союзников, но не всегда их качество было достаточно высоко. В дальнейшем, в V в. н. э., совершенствование лука привело к тому, что защитное снаряжение легионера уже не могло выдерживать обстрела, и тяжеловооруженная фаланга исчезает с полей сражений¹⁵.

Примечания

1. История Древней Греции. М. 1986, с. 99; АРРИАН. Поход Александра. М. 1993, с. 47, 76.
2. ДЕЛЬБРЮК. История военного искусства. Т. I. М. 1936, с. 64.
3. ПЛУТАРХ. Жизнеописания. Пелопид, 23.
4. ДЕЛЬБРЮК. Ук. соч. Т. I, с. 64, прим. 3; ФУКИДИД. История. V 68, 3.
5. ФУКИДИД. История. III 94, 95; IV 55; ГЕРОДОТ. История. IX 10; КСЕНОФОНТ. Греческая история. IV 4, 10.
6. ФУКИДИД. История. IV 94; КОРНЕЛИЙ НЕПОТ. О знаменитых полководцах. Ификрат. I; КСЕНОФОНТ. Ук. соч. IV 5, 11—18.
7. АРРИАН. Ук. соч. I 15, 5.
8. ДЕЛЬБРЮК. Ук. соч., с. 327—330.
9. ПОЛИБИЙ. Всеобщая история. XVIII 24.
10. Там же, 28.
11. ПЛУТАРХ. Жизнеописания. Камил, 40—41; ТИТ ЛИВИЙ. История Рима от основания города. VIII 8; ДЕЛЬБРЮК. Ук. соч., с. 147—148; КСЕНОФОНТ. Ук. соч. VII 5, 23.
12. ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ. Записки. Гражданская война. III 93.
13. ПОЛИБИЙ. Ук. соч. VI 21, 9—10; XVIII 29; Вестник древней истории, 1940, № 1, прил. 7; ВЕГЕЦИЙ. Краткое изложение военного дела. III 14; Записки Юлия Цезаря. М. 1993, с. 220.
14. ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ. Записки. Галльская война. I 25; Гражданская война. III 93.
15. ФУКИДИД. История I 62. 5; V 71—73; ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ. Записки. Галльская война. III 5; История Византии. Т. I. М. 1967, с. 140.

The Cominform. Minutes of the Three Conferences 1947/1948/1949.
Feltrinelli Editore. Milano. 1994. XXXIII + 1054 p.

Коминформ. Протоколы трех конференций. 1947/1948/1949.

Приуроченный к 30-летию их существования том «Анналов», выпускаемых фондом Фелтринелли (Италия), содержит публикацию архивных документов, изданных этим фондом совместно с Российским центром хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). По многим своим характеристикам это неординарная работа.

Прежде всего о самом предмете исследования. И в развернутом «Предисловии» Дж. Прокаччи (с. XI), и в заключительном очерке Г. Адиебова «Кое-что об источниках» (с. 1029) подчеркивается, что до открытия в 1993 г. архива Информационного бюро коммунистических и рабочих партий ученые не располагали первоисточниками по истории Коминформа. Этим объясняется малочисленность исследований, посвященных деятельности этой международной коммунистической организации, пришедшей на смену Коминтерну. Обычно они базировались на отдельных неполных материалах, опубликованных в печатном органе Информбюро «За прочный мир, за народную демократию!», сборниках документов первого и третьего совещаний, вышедших в Москве в 1948 и 1949 гг., а также на мемуарах некоторых участников — итальянца Э. Реале, югославов Э. Карделя, М. Джиласа и др.

В отличие от архива Коминтерна¹, в который также имелся весьма ограниченный доступ, фонды Информбюро, переданные в 1969—1970 гг. из архива политбюро ЦК КПСС в Центральный партийный архив (ныне РЦХИДНИ), в течение 20 лет вообще «никак не использовались, будучи закрыты для исследователей и оставшиеся необработанными архивистами», — отмечается в еще одном заключительном очерке Г. Адиебова, Л. Гибианского и Р. Ермолаевой (с. 1036). Поэтому всплеск научного интереса к одной из важных сторон междуна-

родной деятельности ВКП(б) — КПСС в годы начала холодной войны был тесно связан с началом рассекречивания партийных архивов и, в первую очередь, фонда самого Коминформа².

Рассматриваемое издание содержит протоколы трех совещаний Информбюро, которые в подавляющей части ранее не публиковались и восстановлены в первоначальном виде. Оно будет содействовать изучению «истории международного коммунистического движения в послевоенный период, внешней политики сталинской России и, в более общем плане, происхождения холодной войны в Европе» (с. IX). Вместе с тем данное издание, в силу его аналитического характера, можно рассматривать и как солидный научный труд, плод сотрудничества российских историков и работников архива.

Перед читателем раскрыт процесс восстановления той части первоначального материала, которая подвергалась цензуре и редактированию работниками ЦК ВКП(б) и самими участниками совещаний Информбюро. Данное обстоятельство потребовало от авторского коллектива дополнительной работы в личном фонде А. А. Жданова, фондах Отдела внешней политики ЦК и его преемников — Отдела внешних сношений и Внешнеполитической комиссии (РЦХИДНИ), а также в Архиве Президента Российской Федерации (с. XII, 23, 24, 420, 421, 484, 485, 497, 452—455, 624, 625, 1010, 1030, 1031 и др.). Важную роль в документальной реконструкции деятельности Коминформа и истории создания сталинским руководством советского блока сыграло знакомство авторов вступительных статей и примечаний с недавно рассекреченными архивами стран Восточной Европы (см. Гибианский Л. «Начало советско-югославского конфликта и Коминформ», с. 465—481 рецензируемого издания).

В публикации представлены копии протоколов трех совещаний Информбюро, которые, как установлено составителями, были в свое время перепечатаны с текстов оригиналов (Архив Президента), с учетом изменений, внесенных участниками совещаний в свои выступления, и правки Сталина (с. 1032, 1046).

В примечаниях к публикации протоколов каждого совещания содержится подробный комментарий относительно внесенных в первоначальный вариант изменений, а в приложениях восстанавливаются изъятые страницы текста протоколов, в частности, доклада Жданова на совещании 1947 года. Таким образом, исследователь получает возможность познакомиться с первоначальным текстом документов и на основе сравнения, как отмечено А. Ди Бьяджио во вступительной статье к протоколам первого совещания Информбюро, «лучше понять и оценить и значимость изменений, навязанных Ждановым, и степень влияния Москвы на политическую ориентацию европейских коммунистических партий, собравшихся в Польше, а также на политическую эволюцию тех стран, в которых эти партии входили в правительство» (с. 29).

В соответствии с общей концепцией труда — «представить научному сообществу издание документов с их критическим анализом» (с. IX) — текстам протоколов каждого совещания предшествует по две (за исключением совещания 1949 г.) вступительные статьи — российского и итальянского историков. Примечательно, что несмотря на некоторые фактические повторы, неизбежные, поскольку авторы пользовались одними и теми же документами, каждая из статей имеет оригинальный характер и предлагает собственную версию целей создания Информбюро, сходства и различий нового «центра по координации» деятельности компартий по сравнению с Коминтерном, причин кризиса этой международной коммунистической организации с начала 50-х годов.

Вполне оправдано, что наибольшее внимание в книге уделено первому, учредительному совещанию Информбюро, состоявшемуся 22—28 сентября 1947 г. в польском городке Шклярска Пореба (с. 3—461). Вступительные очерки Г. Адиекова «Как готовилось первое Совещание Коминформа» и А. Ди Бьяджио «Созыв Коминформа» во многом перекликаются. Вместе с тем, при анализе информационной записки «О международных связях ВКП(б)» и вариантов доклада Жданова «О международном положении» Адиекова больше интересует процесс подготовки решения политбюро о создании нового международного коммунистического органа (с. 5) и выявление тех мест в докладе, где можно обнаружить «„руку Сталина,, водившую карандашом Жданова» (с. 7) Ди Бьяджио сосредотачивает свое внимание на оценках международной обстановки, которыми пользовались эксперты ЦК ВКП(б) при подготовке доклада Жданова, их интерпретации доктрины Трумэна и плана Маршалла.

Читателя должно заинтересовать стремление Ди Бьяджио показать на различиях в формулировках докладов А. Жданова (упомянутого выше) и Г. Маленкова «О деятельности ЦК ВКП(б)», что впервые провозглашенная на совещании концепция «двух лагерей» еще не укрепилась в менталитете советского руководства и даже встречала «некоторое сопротивление» (с. 25). Соглашаясь с автором, что концепция разделения мира на два лагеря находилась тогда еще в стадии своего становления, все же заметим, имея в виду тезис доклада Маленкова о линии на продолжение сотрудничества с Западом (с. 30), что никто иной как Маленков заявил еще на первой стадии совещания, «что вся острота классовая борьба для СССР передвинулась теперь на международную арену» (с. 90). Почему же эта формулировка, повторенная Карделем, сближала последнего с воинственной позицией Жданова (с. 31), а Маленкова не сближала?

Поднятый Ди Бьяджио в связи с противопоставлением внешнеполитических концепций Жданова и Маленкова вопрос о наличии в окружении Сталина сторонников «твердой» и «мягкой» линий, который давно дискутируется в зарубежной историографии, волнует также и итальянских историков Дж. Прокаччи и С. Понса. Как и Ди Бьяджио (с. 34), Понс вынужден констатировать, что имеющиеся документы не дают основания для утверждений о наличии антагонизма между Ждановым и Маленковым и упадке влияния первого в 1948 г. (с. 495). Скорее следует вести речь о гибкости соратников Сталина, умения их приспосабливаться к меняющейся обстановке, в частности, о некотором отходе Жданова от концепции «двух лагерей» после совещания в Польше (там же).

Прокаччи, развивая точку зрения Ди Бьяджио о противоречиях в формулировках и аргументации, содержащихся в докладах Жданова и Маленкова, приходит к выводу, что до тех пор, пока новая советская внешнеполитическая концепция не сформировалась окончательно, коммунистические партии сохраняли свободу маневра (с. XV). Этот недолгий период длился до второго совещания Информбюро (19—23 июня 1948 г.), которое было целиком посвящено критике Югославской компартии. По мнению Прокаччи, не случайно вопросы политики на Балканах, стоявшие в центре советско-югославского конфликта, и решение СССР начать блокаду Берлина сразу же по окончании совещания старательно замалчивались советской делегацией. Главной целью совещания в Бухаресте было окончательное подчинение компартий — членов Информбюро руководству из Москвы (с. XVIII).

В целом этот вывод о значении второго совещания Информбюро в недолгой истории нового «центра по координации» находит подтверждение в статьях Гибианского «Начало советско-югославского конфликта» и Понса «Сумерки Коминформа». Удачно дополняя друг друга, эти авторы освещают две стороны обсуждения «югославского вопроса»: его

предысторию (Гибианский) и подготовку (в том числе доклад Жданова в ЦК ВКП(б). — Понс). Более подробно развивая тему советского табу на обсуждение вопросов внешней политики на втором совещании Информбюро (с. 488, 491, 500), Понс приходит к заключению, что акцент на идеологическом аспекте советско-югославского конфликта был сделан для того, «чтобы направить атаку в первую очередь против коммунистических партий Восточной Европы» (с. 491).

В фокусе исследования Гибианского «Последнее Совещание Информбюро» (оно состоялось 16—19 ноября 1949 г. в Будапеште), находится все тот же вопрос борьбы с «кликой Тито». Отдавая должное тщательному документальному анализу начавшейся кампании «чисток» и репрессий в компартиях стран Восточной Европы на завершающем этапе консолидации советского блока (с. 655—666), нельзя не отметить недооценку автором значения первого вопроса повестки дня этого совещания — «Защита мира и борьба с поджигателями войны». Рутинный, с точки зрения использования прошлых пропагандистских клише, доклад М. Суслова под тем же названием, рассмотренный в контексте изменившейся международной обстановки (создание НАТО и др.) и активизации советским руководством движения сторонников мира, отражал постановку новых задач перед Коминформом. В начавшейся политике «мирного наступления» Сталина ему отводилась роль центра и распространения влияния Москвы на компартии, не входившие в Информбюро. Это подтверждается и неудавшейся попыткой Сталина в конце 1950 г. превратить Коминформ в подобие Коминтерна.

В отличие от Гибианского, который заключает, что на совещании 1949 г. по сравнению с совещаниями в Польше и Бухаресте «не было ничего существенно нового» (с. 658), Прокачки, напротив, подчеркивает намерение советских лидеров в условиях «глобализации холодной войны» обновить Комин-

форм (с. XVII—XIX). Но из этого ничего не получилось (с. XXI).

Как видим, вступительные статьи достаточно полно отражают состояние на сегодняшний день историографии Коминформа. Они также лишены раз доказывают, что без доступа ученых к новым архивным материалам, прежде всего Архиву Президента, в истории Информбюро компартий останется еще много тайн и гипотез.

Следует признать высокую профессиональность редколлегии и издателей при подготовке к публикации текстов протоколов и комментариев. Каждый русский оригинал сопровождается параллельным переводом на английский язык, являющийся основным в книге. Документы на французском языке не переведены и даются в оригинале. После текста протоколов каждого совещания приводится их оглавление на русском и английском языках. Том завершается именным указателем.

Н. И. ЕГОРОВА

Примечания

1. В рамках другого научного проекта РЦХИДНИ (совместно с Институтом всеобщей истории РАН) вышел в свет т. 1 документов Коминтерна (см. Коминтерн и вторая мировая война. Ч. 1. До 22 июня 1941 г. — Памятники исторической мысли. М. 1994).
2. АДИБЕКОВ Г. Коминформ и послевоенная Европа. 1947—1956 гг. М. 1994; ГИБИАНСКИЙ Л. Я. Как возник Коминформ. — Новая и новейшая история, 1993, № 4. 23—24 сентября 1994 г. в г. Кортоне (Италия) состоялся 9-й международный colloquium «Советский Союз и Европа в холодной войне (1943—1953)», где теме «Коминформ и советский блок» было посвящено специальное заседание.

Земство. Архив провинциальной истории России. Ежеквартальный гуманитарный журнал.

Известный русский историк прошлого века А. П. Щапов (1830—1876) в своей первой лекции в Казанском университете подчеркнул: «Русская история в самой основе своей есть по преимуществу история областных масс народа, история постоянного территориального устройства, разнообразной этнографической организации...» Мощным подъемом интереса к местной истории отмечены наши дни. С падением железного столичного централизма в науке и культуре вначале робко, затем все более широко на места приходит осознание того, что история России — это не жесткая схема

политической истории, заданная корифеями историографии, но более сложное многоуровневое и многообразное явление, изучать которое невозможно без знания провинциальной истории, учета сложившихся на местах культурных комплексов, научных традиций, оригинальных и даже уникальных источников. Сейчас уже отчетливо видно, что на местах появились достаточно квалифицированные научные кадры. Возрождается собственно краеведческое движение (разгромленное к началу 1930-х годов).

Наглядным доказательством всему этому явля-

ется ежеквартальный гуманитарный журнал «Земство», издающийся в Пензе с 1994 года.

Журнал задуман как общероссийский, не случайно на титульном листе его стоят кроме Пензы и имена других городов России. В первую очередь публикуются материалы из городов Поволжья.

В своем программном обращении к читателям главный редактор (он же и издатель) В. Мануйлов декларирует, что его журнал — «это попытка удовлетворить интересы общественности к местной истории, быту, стилю жизни, умонастроениям русского провинциального общества в прошлом и настоящем». Поднять мощный культурный пласт российской провинции прошлых веков, невостребованный еще нынешним поколением историков, — дело очень важное и полезное.

В программных целях журнала значится осмысление истории российской провинции и выражение интересов современного провинциального общества, обобщение накопленного им реформаторского опыта. Журнал, как видим, стремится быть актуальным, а не оторванным от реальностей жизни сухим академическим изданием. В перспективе имеется в виду опубликование материалов по истории предпринимательства, крестьянского хозяйства, провинциального земства и политической субкультуры, местной бюрократии и психологии разных слоев общества.

Первый и ключевой раздел «История современности» — удачен. В нем анализируется опыт сов-

ременного политического развития регионов, в частности Поволжья.

Раздел «Сюжеты и факты прошлого» занимают исторические очерки о пензенском купечестве, выборах в Учредительное собрание, биографические материалы о В. О. Ключевском и членах первых трех Государственных Дум.

Сказывается однако несколько излишняя, на наш взгляд, политизация и социологизация тематики. Историко-культурный аспект жизни российской провинции уходит на второй план. Следует признать, что разделы «Наследие» (посвященный, в основном, истории дореволюционного земства), «Архив», «Источник», содержащие воспоминания и дневники провинциальных деятелей прошлого: губернаторов и священников, солдат, крестьян и земских деятелей раскрывают интереснейшие картины реального провинциального быта прошлого. Немало материалов повествует о терроре времен гражданской войны и 1920-х — 1930-х годов.

В целом же, судя по вышедшим четырем номерам, журнал «Земство» состоялся. Это оригинальное и интересное издание, насыщенное многообразным конкретным фактическим и статистическим материалом.

Хотелось бы пожелать большей строгости и последовательности при планировании и отборе материала, большего внимания к новым методикам исторических исследований, новым историческим источникам.

В. А. БЕРДИНСКИХ

И. М. ГАРСКОВА. *Базы и банки данных в исторических исследованиях.* Геттинген. 1994. 215 с.

Монография И. М. Гарсковой, изданная в рамках серии «Новые учебные пособия по историческим дисциплинам», поддержанной Министерством образования и науки ФРГ, посвящена теме, крайне мало изученной в отечественной науке, но приобретающей все большую актуальность. Речь идет о создании и использовании в историческом исследовании машинночитаемых данных. Лишь в последнее время развитие новых компьютерных технологий привело к решительному сдвигу в методике исторических исследований. Гарсковой удачно обобщен опыт, накопленный в этой области и выявлены некоторые новые тенденции в развитии исторической информатики. Автор подчеркивает значение создания информационной основы для исторических исследований с помощью компьютерной обработки данных.

Автор аргументированно и доступно для широкого круга образованных читателей знакомит с проблемами информационного обеспечения исторических исследований на основе новейших тех-

нологий, развитие которых привело к созданию крупных коллекций — банков машинночитаемых данных и нарастающему процессу их взаимодействия. Наряду с обстоятельным обзором международного опыта в этой области автор описывает широкий спектр отечественных исследований и центров создания банков и баз данных, в том числе по истории России — в рамках лаборатории по исторической информатике на Историческом факультете МГУ (ведущим сотрудником которой автор является), в Екатеринбурге и др. Основное внимание уделяется теоретическим и практическим вопросам сбора и обработки данных, содержащихся в исторических источниках разного типа, их наиболее рациональной организации и способам создания производных, или «вторичных», машинночитаемых источников.

Монография уникальна по широкому охвату этой проблематики. Каждый из ее разделов представляет самостоятельную — теоретическую и практическую — ценность. В приложениях приведены

описания ряда конкретных баз данных по материалам исторических источников, стандарты документирования машиночитаемых данных, а также важные для учебной практики программы общего и специального курсов, посвященных базам данных. Книга снабжена обширным предметно ориентированным списком литературы и сама является ценным библиографическим справочником по проблемам компьютеризации, в том числе и прежде всего исторической науки.

Основной ракурс книги — анализ специфики информационных ресурсов в виде банков и баз данных. Эта широкая проблема рассматривается с точки зрения особенностей получения и использования информации в исторических исследованиях и возникающих при этом теоретических и практических вопросов. Разделяя представления об информационной неисчерпаемости исторических источников и задачах повышения их информативной отдачи в исторической науке, Гарскова сосредоточилась на проблеме создания и использования в историческом исследовании машиночитаемых данных источников. Создание производных машиночитаемых источников рассчитано на многократное использование с самыми разными целями и автором, и другими «потребителями». Эти массивы информации различных объемов в зависимости от своей величины именуются базами или банками (архивами) данных, причем в последние годы появляются и специализированные архивы машиночитаемых исторических данных.

Будучи убежденным поборником уже проглядывающей в наши дни перспективы, когда утвердятся стандарты завершенных исследований, побуждающие историка предоставлять своим коллегам не только окончательные результаты работы, но и созданные им массивы машиночитаемых источников, Гарскова уделяет большое внимание конкретному разбору проектирования баз данных, специфике их реляционных разновидностей, в том числе на материале исторических источников, разработкам специальных программ создания таких баз данных для историков и шире — для гуманитариев, занимающихся исторической проблематикой. В этой связи очень ценным представляется очерк разных видов информационно-поисковых систем.

Гарскова предлагает свое теоретическое осмысление новейших, наиболее перспективных процессов компьютеризации исторических исследований и связанных с ними процедур и методик. Теоретические проблемы в ее книге непосредственно связаны с задачами практического стимулирования отечественной компьютеризации исторической науки. Нельзя не отметить высокий научный уровень приведенных в приложении 1 описаний баз данных, созданных на Историческом факультете МГУ в рамках лаборатории по исторической информатике, к которым относятся «Реляционная база данных по аграрной

истории России первой половины XVII в.»; «Старопечатная книга»; «Аграрное развитие губерний Европейской России на рубеже XIX—XX веков»; «Бельгийские компании в России конца XIX — начала XX вв.»; «Просопографическая база данных по депутатам I Государственной думы»; «Просопографическая база данных по высшему командному составу советских вооруженных сил периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (от должности командарма и выше)».

Представляет большой интерес широкая панорама современных банков данных разных стран (см. с. 17). Книга включает обзор крупнейших из них. Из материалов, собранных и систематизированных Гарсковой (см. с. 23), становится очевидным, что социально-экономическую историю, которая, казалось бы, лучше других поддается компьютеризации, начинает догонять блок дисциплин, связанных с историей культуры, политической историей, демографией. В создании банков и архивов машиночитаемых данных успехи нашей страны значительно скромнее — процесс этот начал набирать темпы лишь с конца 80-х годов, что было в немалой мере связано, как справедливо отмечает автор, с обращением историков к персональным компьютерам.

Расширение потока информации в машиночитаемой форме порождает новые проблемы в архивировании «вторичных источников» и, что нам представляется не менее важным, в выработке критериев их верификации. Все это побуждает автора ставить вопрос о необходимости «пересмотреть традиционную роль архивов» (с. 29), об их новых задачах и возможностях как информационных центров. Гарскова подчеркивает при этом роль новейших технологий и принципов создания и развития архивов машиночитаемых данных. Это касается, в частности, создания архивов реляционных баз данных со сложными связями (такого рода материалы могут включать и изображения).

Книга убедительно раскрывает преимущества компьютерной обработки исторических источников, делающей доступными тематические базы данных для многократного использования не одним поколением исследователей. Как подчеркивает автор, особое значение в этой связи приобретает разработка стандартов документирования машиночитаемых данных. Весьма ценным представляется описание стандартов, принятых в зарубежных архивах.

В монографии получили развитие важные проблемы: связь современных информационных технологий с исторической информатикой, специфика архивов машиночитаемых данных, проектирование баз данных с выделением и достаточно подробным описанием реляционных баз данных. Автор в полной мере учитывает сложность и специфику создания коллекций машиночитаемых исторических данных. Важным нам представляется и убедительно проведенный в книге анализ принципов и методики

создания специального программного обеспечения для обслуживания историков. Гарсковой удалось решить трудную задачу — выявить особенности некоторых типов источников, переводимых в машиночитаемую форму, и показать, в каких случаях и как можно использовать универсальные базы данных, к примеру, просопографические, а в каких надо отдать предпочтение базам, ориентированным на более узкие исследовательские задачи.

В главе «Особенности создания баз данных на материале исторических источников», занимающей центральное место в монографии, Гарскова обосновывает корректность формализации материала источников с учетом его специфики. Она подчеркивает, в частности, преимущества и популярность реляционной модели, рассматривает два подхода к проектированию баз данных в исторических исследованиях: «от источника» и «от модели», имеющих свои достоинства и недостатки (с. 89). Автор намечает и рамки применения реляционной модели, четко обозначает возможности выбора конкретных ее образов из множества вариантов в соответствии с задачами историка.

Пафос книги — в доказательстве преимуществ компьютеризации работы историка. Соглашаясь с автором, нельзя не указать, однако, и на то, что широкое распространение персональных компьютеров, оснащение вузов и академических институтов новейшими информационными системами ставят перед историками ряд новых проблем, связанных прежде всего с использованием машиночитаемых данных исторических источников. Одним из важных вопросов, имеющим принципиальное значение, является следующий: насколько надежны базы данных, созданные на основе компьютерной обработки первичного исторического материала — архивных документов? Ведь при формализации первоисточников, сколь бы корректно методологически и технически она не проводилась, содержащаяся в них информация частично утрачивается. Даже если формализация проведена по возможно большому числу параметров и «вторичные исторические данные» достаточно полно отражают то общее, что содержится в архивном массиве (речь не идет о статистических источниках как таковых), то все же могут не быть учтены пусть не главные, но представляющие интерес для исследователя специфические, индивидуальные черты документов. Можно ли довериться в таком случае лишь машиночитаемым данным, «вторичным источникам» (автор называет их также «производными», или «метаисточниками» — хорошо бы обоснованно остановиться на каком-либо одном термине). Разумеется, многое зависит от задачи, стоящей перед историком. Если речь идет о статистическом исследовании, извлечении из массовых источников количественных данных, то можно довериться машиночитаемым источникам, которые резко повысят эффективность работы историка. Ценность «вторичных источников» и в том,

что к ним, как уже отмечалось, могут обращаться многие исследователи, причем каждый со своими вопросами.

Ясно, что чем полнее «вторичные источники» отражают информацию, содержащуюся в исходном материале, чем выше уровень надежности его формализации, тем полезнее окажется для исследователей машиночитаемая база данных. Это автор сумел убедительно показать. Иное дело, если историка интересуют не только статистические курсы архивного массива. Тогда необходимо обращение к первоисточникам. В этой связи особенно перспективными представляются такие компьютерные системы, которые рассчитаны и на включение наряду с интерпретацией полного текста документов.

Другой аспект проблемы создания баз и банков данных связан с устранением параллелизма, неизбежного в работе историков, создающих на персональных компьютерах свои архивы. Гарскова справедливо отмечает важность информационных контактов между исследователями и договоренности о принципах и методах обработки первоисточников. Объединение индивидуальных архивов машиночитаемых данных — еще один путь к повышению эффективности труда историка. Тем ответственнее в этой связи оказывается выработка критериев и унификации обработки первоисточников, ибо верификация «вторичных источников» становится важнейшей задачей. Ее решение должно опираться на уже накопленный исторической наукой опыт обработки первоисточников.

В то же время остается без ответа один из главных вопросов: какое качество «вторичных источников» и в каком объеме эти промежуточные результаты одиночных или коллективных исследований должны оседать в архивах банков данных? Ведь и в традиционных архивах существует проблема отбора материала. Эту проблему автор как бы предоставляет решать самим историкам.

Представляют особый интерес затронутые в книге вопросы о базах данных на основе свободного текста и об интегрировании изображений в исторические базы данных. Автор отмечает наличие разных подходов к извлечению информации из текстовых (нарративных) источников и обращает внимание на трудности, с этим связанные. Нам представляется более эффективным принцип хранения в компьютере двух версий источника — полного текста с индексацией его слов и словосочетаний и проинтерпретированного тем или иным образом текста, причем интерпретация может меняться, помогая проверять исследовательские гипотезы (с. 107). Что же касается проблемы связи текстовых и визуальных данных, то, как подчеркивает Гарскова, весьма перспективными в этой связи представляются подробно описанные в книге программные разработки М. Таллера (Институт исторических исследований им. Макса Планка, Геттинген, ФРГ), автора конкретной историко-

ориентированной системы управления базами данных KLEIO. Эта система предполагает введение в компьютер полного текста источника. По мнению Гарсковой, «источнико-ориентированная обработка данных представляет собой попытку смоделировать на компьютере все множество содержащейся в источнике информации» (с. 114). Круг решаемых задач таким образом резко расширяется. В книге приводятся описания и других систем: CensSys норвежского профессора Я. Олдерволла, позволяющей свести разные варианты одного понятия к нескольким более крупным версиям, SOCRATES, разработанной Л. Брере (Утрехтский университет, Голландия) и предназначенной для «превращения свободного текста в записи реляционной базы данных» (с. 123).

Говоря о перспективах создания общесторических информационных ресурсов, Гарскова осо-

бое значение придает необходимости прийти к соглашению о формах представления данных исторических источников и стандартах обмена машиночитаемой информацией, а также о создании библиотек (например, исторических имен, географических названий и т. д.), которые будут доступны любому пользователю. Автор отмечает важную роль в этом плане проекта «рабочей станции историка» предложенного Таллером. Нельзя не отметить в этой связи перспективность и важность задач компьютерного источниковедения, которое должно стать самостоятельным разделом исторического знания.

Рецензируемая монография является своеобразным историческим исследованием процесса компьютеризации в отечественной науке, а также и зеркалом, в котором отражено реальное состояние дел в этой области.

Л. М. БРАГИНА

Данди — Внуково: полвека назад

Сейчас уже немало написано о воздушной трассе, связывавшей в годы Великой Отечественной войны Аляску и Сибирь. Появились работы о перегонке самолетов по южному маршруту — через Ирак, Иран и Азербайджан. Но по-прежнему очень мало известно о еще одной линии, соединявшей в то время городок Данди в Шотландии и подмосковное Внуково.

В 1942 г., когда советские ВВС страдали от недостатка техники, посол СССР в Лондоне И. М. Майский подписал соглашение о поставке 200 самолетов типа Армстронг-Уитворт «Албемарл». Он проектировался сначала как средний бомбардировщик, но в ходе испытаний не удовлетворил требований королевских ВВС. Поскольку на внедрение новой машины в производство уже были затрачены значительные средства, то ее решили все-таки строить, но в гораздо меньших количествах и использовать не как бомбардировщик, а как военно-транспортный самолет. Вот тогда-то «Албемарл» и предложили Советскому Союзу.

Самолеты собирались перегонять по воздуху, причем выбрали довольно рискованную трассу — через Северное море, Данию, Балтийское море с пересечением береговой черты над занятой тогда немцами Прибалтикой и далее прямо на восток. Садиться они должны были на подмосковном аэродроме Внуково, запасным местом посадки определили Калязин.

Для обеспечения перегонки «Албемарлей» и переподготовки советских экипажей 1 января 1943 г. британская сторона сформировала специальную 305-ю учебную авиагруппу на базе Эррол близ Данди. В свою очередь, в СССР собрали группу из опытных летчиков, штурманов, механиков и радистов во главе с полковником Коротковым. Большинство членов этой группы прибыло из состава 1-й дивизии транспортной авиации, размеща-

вшейся тогда на Внуковском аэродроме. В нее входило немало опытных специалистов гражданской авиации, имевших большой налет и знакомых со многими типами самолетов. Среди них были будущие Герои Советского Союза А. С. Шорников, Г. А. Таран, С. А. Фроловский, пилоты — «миллионеры» (то есть имевшие более 1 млн. часов налета), такие, как Ф. Ф. Ильченко. Штурманов и радистов перевели в эту группу из ВВС. Это были люди с опытом, уже успевшие повоевать, некоторые из них заслужили боевые награды еще до начала Великой Отечественной войны. Штурман Жердев был отмечен орденом за Испанию. Все члены экипажей имели офицерские звания — от лейтенанта до подполковника, включая радистов и бортмехаников. Перед отправкой за границу летчики прошли короткий курс ознакомления с иностранной авиатехникой. Особое внимание уделялось технике взлета и посадки на самолете с носовым колесом (у «Албемарля» было именно такое, а на советских самолетах того времени эта схема шасси не применялась).

Члены группы Короткова прибывали в Шотландию разными путями. Наиболее удачливые перелетели в Лондон прямо из подмосковного Кратова в брюхе английского «Либерейтора». Те, кому повезло меньше, ехали на север поездом, а с оз. Красного их захватывали периодически садившиеся там патрульные «Каталины», «челночно» прочесывавшие в поиске немецких подводных лодок пути передвижения арктических конвоев. От базы «Каталин» в Сюлло-Ву до Данди было совсем близко. Ну и, наконец, кое-кто следовал в Англию морем — на борту транспортов или кораблей охраны в тех же самых конвоях.

11 января 1943 г. в Данди прибыли три советских пилота и три механика, а 13 января на базу перегнали для их обучения первые два «Ал-

бемарля». С 21-го уже начались учебные полеты, а 28-го из СССР приехала вторая группа обучаемых. С 1 февраля в Престуике начали готовить радистов.

По дороге домой предстоял долгий путь на большой высоте — чтобы избежать перехвата немецкими истребителями. С этой целью «Албемарли» в Англии специально дорабатывались. В основном это касалось мотоустановки и ее маслорадиаторов — нужно было обеспечить длительный подъем перегруженного горючим самолета на высоту. Эти работы выполнила 27-я часть технического обслуживания в Шоубюри. Возможность продолжительного набора высоты с полными баками экспериментально проверили английские испытатели. Для борьбы с обледенением собирались использовать специальную пасту, по виду напоминающую вазелин; ею смазывались плоскости. Однако на практике она себя не оправдала.

Программа переподготовки советских летчиков в Шотландии была краткой. Теоретическое знакомство с новой машиной, по два полета с инструктором днем, еще два — ночью плюс четыре самостоятельных, и все! «Языковой барьер» обходили как умели, в основном заучивая типовые фразы и основные термины, достаточные для общения с инструкторами и диспетчерами на контрольной вышке. Командир экипажа М. И. Григорьев вспоминал, что одним из инструкторов был чех, немного владевший русским языком и даже побывавший до войны в Москве в составе пилотажной пятерки чехословацких ВВС.

3 марта 1943 г. из Эррола взял курс на Москву первый экипаж: пилот капитан А. С. Шорников, штурман лейтенант П. Н. Якимов, радист лейтенант Вердеревский и бортмеханик лейтенант Г. И. Галактионов. Они вели «Албемарл» модификации ST. I (специальный вариант для выброски парашютистов) с бортовым номером P1567. Погода была плохой, самолет обледеневал в облачности, английская паста на передней кромке крыла перемешалась со льдом. Над советской территорией «Албемарл» пошел по приводным радиомаякам. Утром следующего дня самолет сел на Внуковском аэродроме.

За этой первой машиной в течение марта-апреля последовали еще 13 «Албемарлей» (четыре модификации ST. I, семь ST. II, отличавшихся только расположением прыжкового люка, и два буксировщика грузовых планеров типа GT. 1). Все они везли груз — инструмент, запчасти, специальное оборудование.

Путь был долгим и опасным. Он пролегал над территорией, занятой врагом, и в любую минуту можно было ожидать атаки его истребителей. А вооружение на «Албемарлях» для СССР не устанавливали. Пистолеты у членов экипажа являлись единственным оружием на борту. Чтобы обезопасить себя от перехвата, пилоты стремились подниматься как можно выше, летели, не снимая кислородных масок. Летчикам пришлось тяжелее всех.

На «Албемарле» не имелось автопилота, но стояло второе управление, колонка которого обычно откидывалась вбок, чтобы не мешать проходу в носовую кабину. У англичан пилота при необходимости дублировал штурман-бомбардир, проходивший специальную подготовку. В советские же экипажи входило только по одному летчику, которому предстояло беспрерывно провести за штурвалом 8—10 часов.

Да и погода иногда преподносила неприятные сюрпризы. С одной стороны, густая облачность неплохо скрывала самолет от врага, а с другой, — она же доставляла массу неприятностей. Самолет капитана И. З. Качанова обледенел настолько, что сорвался в неуправляемое падение. На машине оборвались все антенны — нарушилась связь, вышел из строя радиополукомпас. Пилоту удалось вывести самолет в горизонтальный полет лишь у земли. Это произошло у самой линии фронта. Машина вынырнула прямо над немецкими позициями и была обстреляна из всех видов оружия. Качанов поспешно вновь набрал высоту и ушел в облака.

Потерявший ориентировку самолет двинулся по магнитному компасу строго на восток. Облака плотно закрывали землю, и летчики никак не могли определить, где же они находятся. Лишь через несколько часов в просветах облаков штурман увидел знакомые очертания реки. Это оказалась Волга! Самолет далеко проскочил назначенные ему аэродромы, горячее подходило к концу, и экипаж решил садиться на первой же подходящей площадке. Но неприятности на этом не кончились: при заходе на посадку в Казани бдительные зенитчики обстреляли незнакомую машину с чужим зелено-коричнево-черным камуфляжем. На счастье, дело обошлось лишь несколькими дырками в фюзеляже. Но после посадки экипаж тут же был взят под стражу: уж очень подозрительно выглядел и самолет с иностранным обозначением, и американское обмундирование на летчиках, даже пистолеты в карманах комбинезонов оказались английскими.

Капитан И. Е. Мосалев стартовал из Эррола дважды. Первый раз пришлось вернуться из-за перегрева масла, да и на второй раз садиться ему пришлось в Калязине. Два экипажа, капитана А. И. Куликова (11 марта) и старшего лейтенанта Ф. Ф. Ильченко (27 апреля), пропали без вести. Их искали английские корабли и самолеты, запрашивали шведскую береговую охрану, но никаких следов летчиков с этих двух «Албемарлей» обнаружено не было. Некоторые документы утверждают, что самолет Ильченко взорвался в воздухе над Северным морем, и считают возможной диверсию немцев. Еще один советский экипаж, капитана К. А. Груздина, вместе с английскими инструкторами разбился при учебном полете в горах Шотландии.

Предполагалось, что после перегонки очередной машины летчики вернутся в Шотландию за

новой. Но фактически два рейса совершил только капитан Фроловский — 27 марта на ST. II и 27 апреля на ST. I.

Тщательное изучение прибывших из Англии самолетов в НИИ ВВС и ЛИИ выявило у них много недостатков. Хотя «Албемарл» превосходил отечественный PC-84 (Ли-2) по скорости и дальности полета, он был значительно менее надежен, а его узкий фюзеляж бомбардировщика, к тому же загроможденный внутри фермами каркаса, оказался очень неудобен для размещения людей и грузов. Поступление из США транспортных самолетов C-47 «Скайтрейн» (военного варианта знаменитого DC-3, но куда более совершенного, чем Ли-2) практически полностью погасил интерес к «Албемарлям».

С мая 1943 г. перегонку самолетов из Шотландии приостановили. В сентябре советское правительство официально отказалось от 100 машин и потребовало модифицировать оставшиеся 86. Перегонщики продолжали тренироваться в Данди, параллельно изучая бомбардировщик «Москито», который советские ВВС хотели получить из Великобритании. Однако «Москито» англичане передали только в одном экземпляре — для озна-

комления, на массовую поставку наложило вето Министерство авиации, ссылавшееся на нехватку машин этого типа для королевских ВВС. Этот единственный бомбардировщик перегнал во Внуково экипаж пилота старшего лейтенанта И. Д. Полосухина и штурмана лейтенанта Кекишева 20 апреля 1944 года.

К этому времени советское посольство в Лондоне сообщило англичанам об отказе от последних 86 машин. 18 апреля тренировку советских летчиков на базе Эррол закончили, а 30 апреля 305-ю учебную часть расформировали. Советские экипажи вернулись домой морем. Двенадцать доставленных в СССР «Албемарлей» служили в 1-ой (впоследствии 10-ой гвардейской) авиационной транспортной дивизии и 65-ом полку морской авиации примерно в течение полутора лет, а затем использовались как учебные. Последние машины этого типа списали в училище морской авиации в Николаеве в конце 1945 года.

*В. Р. Котельников,
старший преподаватель МАИ,
кандидат исторических наук*

Георгий Трапезундский

Занимаясь в течение ряда лет изучением трудов античного ученого Клавдия Птолемея, я не раз сталкивался с упоминанием одного из первых переводчиков его сочинений — Георгия Трапезундского. Я полагал сначала, что известный в ту же эпоху Георгий Амирутци и Георгий Трапезундский — одно и то же лицо. Тем более, что Амирутци занимался (наряду с географией, медициной и математикой) также и астрономией, а султан Мехмед II «поручал Амирутци составление карты мира по Птолемею и переводы произведений этого античного географа»¹. Но после консультаций с профессором С. П. Карповым выяснилось, что эти Георгии — разные лица, хотя они жили и работали в одно время, оба были родом из Трапезунда, обоих звали Георгий и оба занимались переводами Птолемея.

Что касается именно Георгия Трапезундского, то из Трапезунда происходил его отец, грек по национальности, сам же Георгий родился в г. Кандии (о. Крит) в 1396 г., а умер в 1484 г. в Риме. В те времена о. Крит принадлежал Венеции. В 1420 г. Георгий, по приглашению патриция Франческо Барбаро, приехал в Венецию, где начал читать лекции по философии и риторике². Одновременно он совершенствовал свои знания в Падуе и Виченце, а в 1430 г. переехал в Рим, где продолжил чтение лекций по тем же предметам. Папа Евгений IV (1431—1447) определил его на должность секретаря, его преемник Николай V (1447—1455) оставил его в этой должности.

Николай V, широко образованный человек, принял решение перевести на латинский язык ряд произведений античных ученых, в том числе Птолемея — «Математического сочинения», более известного под названием «Альмагест», папа поручил Георгию Трапезундскому. С марта по декабрь 1451 г. он не только перевел 13 книг «Альмагеста», но и добавил к ним комментарий, «чтобы он служил для разъяснения многих важных вопросов, не вполне приемлемым образом изложенных»³. Современники невысоко оценили этот перевод. Архиепископ Никколо Перотто назвал его «не латинским, а скорее варварским и во многих местах содержащим ошибки». Что касается комментария, то вскоре выяснилось, что Георгий как плагиатор использовал комментарий Теона Александрийского (IV в.), ни разу не сославшись на него. Это разоблачение стоило Георгию его должности⁴, и он был вынужден, покинув Рим, уехать в Неаполь, под покровительство Альфонса V Великодушного, короля Арагона, Сицилии и Неаполя, находившегося во враждебных отношениях с папой. Альфонс не только приютил Георгия, но и назначил ему небольшую пожизненную пенсию, на которую тот и жил.

После смерти своего покровителя Георгий написал новому папе Пию II (то был известный гуманист Эней Сильвий Пикколомини) извинительное письмо, был прощен и вернулся в Рим. Впро-

чем, существовала и другая версия причин бегства Георгия в Неаполь: якобы он будучи приверженцем учения Аристотеля не смог ужиться с поклонниками платонизма и поэтому потерял расположение Николая V. Весьма вероятно, что эта версия, более выгодная Георгию, была пущена в обращение им самим.

В 1461 г. мы застаем Георгия в Риме, в должности преподавателя греческого языка у немецкого астронома Иоганна Мюллера, более известного под латинизированным именем Региомонтан⁵. Продолжая работу, начатую его учителем Георгом Пурбахом, Региомонтан, изучив под руководством Георгия греческий язык, осуществил подробное изложение «Альмагеста» и перевел также комментарий Теона.

Приезд Региомонтана в Рим не был случайным. В 1460 г. в Вену прибыл папский легат кардинал Иоанн Виссарийон, человек весьма образованный. Три рукописи «Альмагеста» из Ватиканской библиотеки содержат пометки, сделанные его рукой. Прекрасно зная древнегреческий, он сам хотел заняться переводом «Альмагеста», но загруженность делами, связанными с кардинальской должностью, помешала этому. Убедившись в низком качестве перевода, сделанного Георгием, он-то и пригласил в Рим Пурбаха и Региомонтана. Смерть помешала Пурбаху приехать в Рим, Региомонтан же прибыл и сделал все, что предполагалось. Перевод Георгия он назвал «тяжелым и неприятным, так что, если бы Птолемей вдруг ожил, он не узнал бы самого себя». Региомонтан написал специальное сочинение «Защита Теона против Трапезундского»⁶, заслужив глубокую ненависть и самого Георгия, и его сыновей. В 1476 г. 40-летний Региомонтан вновь приехал в Рим, где внезапно скончался. Причина его смерти осталась неизвестной, но профессор Виттенбергского университета Эразм Рейнгольд, тоже занимавшийся изданием «Альмагеста», считал, что Региомонтан был отравлен сыновьями Георгия в отместку за критику их отца. По официальной же версии Региомонтан умер от чумы⁷.

Перевод первых шести книг «Альмагеста», начатый Пурбахом и завершенный Региомонтаном, был издан в 1496 г. в Венеции. Так осуществилось первопечатное издание «Альмагеста», с которым ознакомился прибывший в те годы в Италию молодой Коперник. Еще в 1484 г. старший сын Георгия Андреас представил «Альмагест» в отцовском переводе и со своим предисловием и посвящением папе Сиксту IV. Однако Сикст IV умер вскоре, и вследствие длительных французско-итальянских войн издание задержалось на 45 лет. Лишь в 1528 г.

его осуществил в Венеции Лука Гаурик, профессор математики из Неаполя, занимавшийся также астрономией. Издание затем повторили в 1541 г. в Базеле Иероним Гемузеус и в 1551 г. там же Освальд Шреккенфукс⁸. В это издание, кроме «Альмагеста», вошли и некоторые другие произведения Птолемея с комментариями Шреккенфукса. В 1537 г. был напечатан «Звездный каталог» Птолемея (две из 13 книг «Альмагеста») в переводе Георгия с предисловием Иоганна Новиомагуса. Наконец, в приложении к «Трактату по математике и астрономии» итальянского математика Гвидо Бонати (1550 г.) был помещен «Центилоквиум» Птолемея — своеобразный сборник вопросов и ответов по различным вопросам астрономии и природоведения, тоже с комментариями Георгия.

Все эти издания вышли в свет спустя десятки лет после смерти Георгия, а прежде распространялись в виде списков. В частности, оригинал статьи Региомонтана «Защита Теона против Трапезундского» хранится в Санкт-Петербургском отделении Архива Российской Академии наук⁹. Георгий Трапезундский перевел не только Птолемея. Известны еще его переводы на латинский сочинений Платона, Аристотеля, римского историка христианской церкви и автора религиозных сочинений Евсевия Кесарийского и теоретика архитектуры III—II вв. до н. э. Гермогена.

В. А. Бронштэн,

кандидат физико-математических наук

Примечания

1. КАРПОВ С. П. Трапезундский ученый Георгий Амирутци. — Вопросы истории, 1991, № 6, с. 197.
2. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 8(15). СПб. 1892, с. 429.
3. Francisci Barbari et aliorum Epistolae ad ipsum, nunc primum editae. Brixiae. 1743, ep. 198.
4. MANITIUS K. Einleitung. In: Ptolemäus. Handbuch der Astronomie. Bd. I. Leipzig. 1963, S. IV—XXV.
5. БЕЛЫЙ Ю. А. Иоганн Мюллер (Региомонтан). М. 1985, с. 54.
6. Theonis Alexandrini defensio contra Trapezuntium. Notitia trium codicum autographorum loh. Regiomontani. Nürnberg. 1801, p. 11—19.
7. БЕЛЫЙ Ю. А. Ук. соч.
8. Claudii Ptolemaei Pheludiensis Alexandrini Almagestum seu Magnae Constructionis mathematicae opus plane divinum latina donatum lingua ab Georgio Trapezuntio. Venetiae. 1528.
9. Архив Российской Академии наук, Санкт-Петербургское отделение, ф. IV, оп. 1, д. 935.

Зарубежные книги и журналы, поступившие в редакцию

- American Studies Newsletter (USIA). May 1995, N 36
- Basic Readings in US Democracy. Washington. 1994. 430 p.
- Foreign Policy (Washington). N 99. Summer. 1995.
- M. Kallinen. Change and Stability. Natural Philosophy at the Academy of Turku (1640—1713). SHS. Helsinki. 1995. 439 s.
- P. Kettunen. Suejulu, suoritus, subjekti. Työnojelu teollistuvan Suomen yhteiskunnallisissa ajattelu- ja toimintatavoissa. SHS. Helsinki. 1994. 475 s.
- Kultura (Paryz), 1995, ozerwies/juin.
- I. Liikanen. Fennomania ja kansa. Joukkojärjestäytymisen läpimurto ja Suomalaisen puolueen synty. SHS. Helsinki. 1995. 364 s.
- J. Mäntylä. Suomalaisen juoppouden kasvu. Kustavilaisen kanden alkoholipolitika. SHS. Helsinki. 1995. 253 s.
- J. Miskwitz. Folkbildning, företag, propaganda. Den finska icke-fiktiva filmen på det fält där nationellt symbolgods skapades under mellankrigstiden. SHS. Helsinki. 1995. 301 s.
- D. C. Rawson. Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge University Press. Cambridge. 1995. 286 p.
- Sborník prací Filosofické fakulty Brněnské university. Rada historicka. C. 41. 1994.
- St. Velychenko. National History as Cultural Process. A Survey of the Interpretations of Ukrainé's Past in Polish, Russian, and Ukrainian Historical Writing from the Earliest Times to 1914. Canadian Institute of Ukrainian Studies Press. University of Alberta. 1992. 283 p.
- Ventesimo secolo. Rivista di storia contemporanea (Genova). 1994, N 11—12.
- Zeitschift für Geschichtswissenschaft (Berlin). 1995, N 2, 3, 4, 5, 6.
- Zwischen Adria und Jenissei. Reisen in der Vergangenheit. Verlag Hans Rohr. Zurich. 1995. 360 S.

Contents

Articles: **N. A. Proskurjakova**. The Ipotheca in Russia at the End of the XIXth-Beginning of the XXth Centuries. **A. B. Letnev**. Africans in the Struggle for Liberation of the Southern Europe (1943—1945). The World Civilizations: **K. V. Khvostova**. The Byzantine Civilization. Historical Profiles: **V. A. Subbotin**. Vasko da Gama. Reminiscences: **V. K. Ikov**. The Fall of the Leaves. Historians on Time and Themselves: The Diary of Nikolaj Mikhajlovich Druzhinin. (Introduction by **E. I. Druzhinina**). History and Fates: **A. I. Denikin**. The Essays of the Troubled Time in Russia. From the Historian's Archives: **V. S. Djakin**. The National Question in the Internal Policy of Tsarism (in the XIXth Century). Communications: **A. B. Mazurov**. Were Ivan Kalita's Spiritual Charters Confirmed in Orda? People. Facts. Events. **B. Vajl**. The Fate of Aleksandr Ulanovskij. **V. V. Laptentkov**. How the Ancient Greek Phalanx Fought. Historiography: **Reviews on Books**: The Cominform. Minutes of the Three Conferences 1947/1948/1949. (Milano); Zemstvo. The Archives of Russian Provincial History; **I. M. Garskova**. Data Bases and Data Banks in Historical Researches. Letters to the Editor.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук**

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

Вопросы истории» № 9, 1995

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва К-6, М. Путинковский пер. 1/2. Телефон: 209—96—21

Технический редактор **Е. П. Лебедева**

Сдано в набор 18.09.95. Подписано в печать 05.10.95. Формат 70x108/16. Бумага газетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. 18,15. Тираж 11000. Заказ № 1015. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**